

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1–2(122)

Выходит 4 раз в год. Год издания 20-й

Январь–июнь 2016

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
К 25-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РФ	
Виктор ШЕЙНИС. Конституционный суд в политико-правовой системе Российского государства	15
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ	
Сергей НИКОЛЮК. Система социального контракта как угроза коллективной идентичности	33
Анна КАЧКАЕВА. «Национальное достояние» «нации телезрителей»: трансформация российского телевидения (2014–2016 гг.)	41
Елена СОЛОВЕЙКИНА. Городские проблемы в общественном мнении омичей	52
Ирина Козина. Организационная солидарность как механизм представительства и защиты интересов в малом бизнесе	57
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	
Наталья ТИХОНОВА. Влияние экономического кризиса на занятость и человеческий капитал россиян	63
Кира ЛУЦИШИНА. Анализ динамики желаемых и фактических доходов населения	75
Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Российский потребитель – меняется ли он?	86
Лев ГУДКОВ. Парадоксы социальной структуры в России	95
НАЦИОНАЛИЗМ, КСЕНОФОБИЯ, АНТИСЕМИТИЗМ	
Эмиль ПАИН. Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания	126
Лев ГУДКОВ, Наталия ЗОРКАЯ, Екатерина КОЧЕРГИНА, Евгения ЛЁЗИНА. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации	140
Алексей ЛЕВИНСОН. «Еврейский вопрос» в современной России	198
Екатерина КОЧЕРГИНА. Международное исследование антисемитизма, 2014–2015 гг.	211
Авторы номера	218
ИНФОРМАЦИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ	219
SUMMARY	234

Ответственный редактор
выпуска *Н.А. Зоркая*

Редактор

Е.Л. Коган

Корректор

О.Н. Крендысова

Компьютерная верстка

Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1–2(122)

Quarterly

January–June 2016

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

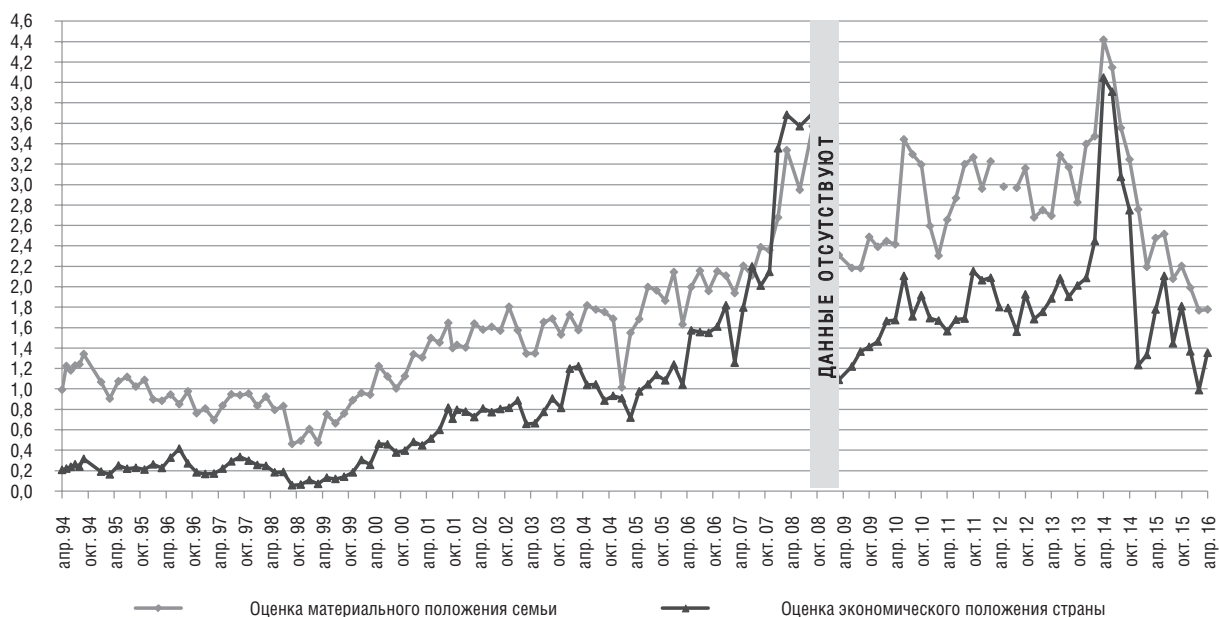
CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
25TH ANNIVERSARY OF CONSTITUTION OF RUSSIAN FEDERATION	
Constitutional Court in Russia's Political and Legal System (by Viktor Sheinis)	15
SOCIAL PROBLEMS OF POST SOVIET SOCIETIES	
Changing social contract as a threat to collective identity (by Sergey Nikolyuk)	33
«National heritage» of "nation of tele-viewers: the transformation of Russian Television", 2014-2016 (by Anna Kachkaeva)	41
How the local residents view Omsk city's issues (by Elena Soloveykina)	52
Organizational Solidarity as Way Representation and Protection in Small Companies (by Irina Kozina).	57
SOCIAL STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY	
Economic recession's effect on the employment rate and Russia's human capital (by Natalya Tikhonova)	63
An analysis of dynamics of the desired and actual income of Russian population: results overview (by Kira Luzishina)	75
Is Russian consumer changing? (by Marina Krasilnikova)	86
Paradoxes of Russia's social structure (by Lev Gudkov)	95
NATIONALISM, XENOPHOBIA, ANTISEMITISM	
Modern Russian Nationalism: the evolution of its political influence and the content (by Emil Pain).	126
Anti-Semitism in the structure of Russia's popular xenophobia: the Negative Identity and Mobilizing Potential (by Lev Gudkov, Nataliya Zorkaya, Ekaterina Kochengina, Evgenia Lezina).	140
The "Jewish issue" in today's Russia (by Alexey Levinson).	198
Description of ADL Global 100: a survey of attitudes toward Jews in over 100 countries around the world, 2014-2015 (by E. Kochergina)	211
Authors of the issue	218
INFORMATION: SURVEYS' FINDINGS	219
SUMMARY	234

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ

«Как бы вы оценили в настоящее время материальное положение вашей семьи?»
«Как бы вы оценили экономическое положение России?» (отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

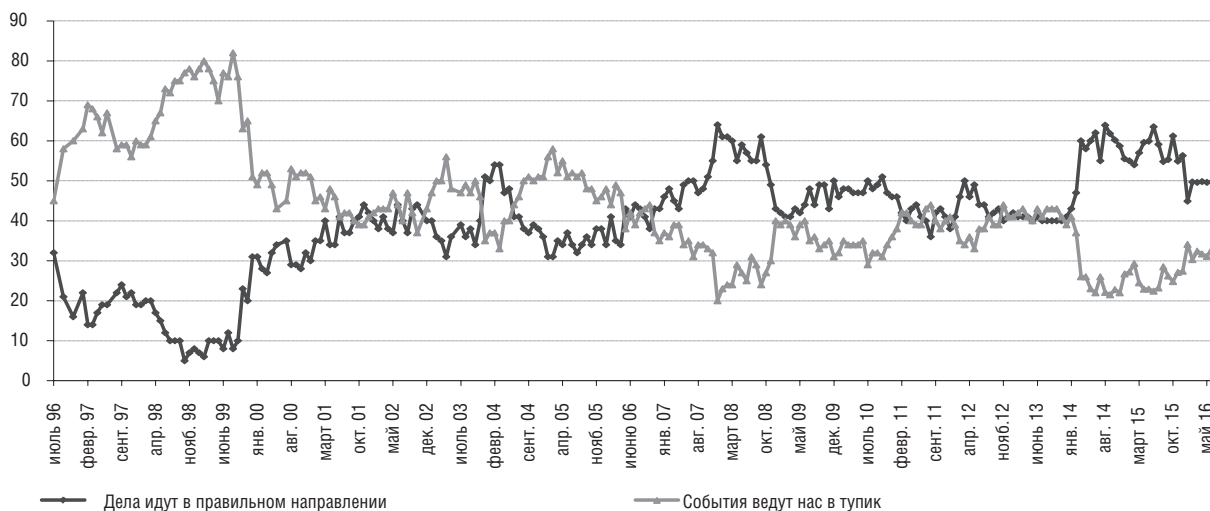

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600

После присоединения Крыма к России в марте 2014 года показатели резко поднялись, достигнув к июню максимума за весь период наблюдений (с 1994 по 2014 г.), но уже в августе начали снижаться, переходя в стремительное падение в ноябре и декабре. В первом квартале 2015 г. настроения начали улучшаться, но затем снижение продолжилось.

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

«Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении, или вам кажется, что страна движется по неверному пути?» (в % от числа опрошенных)

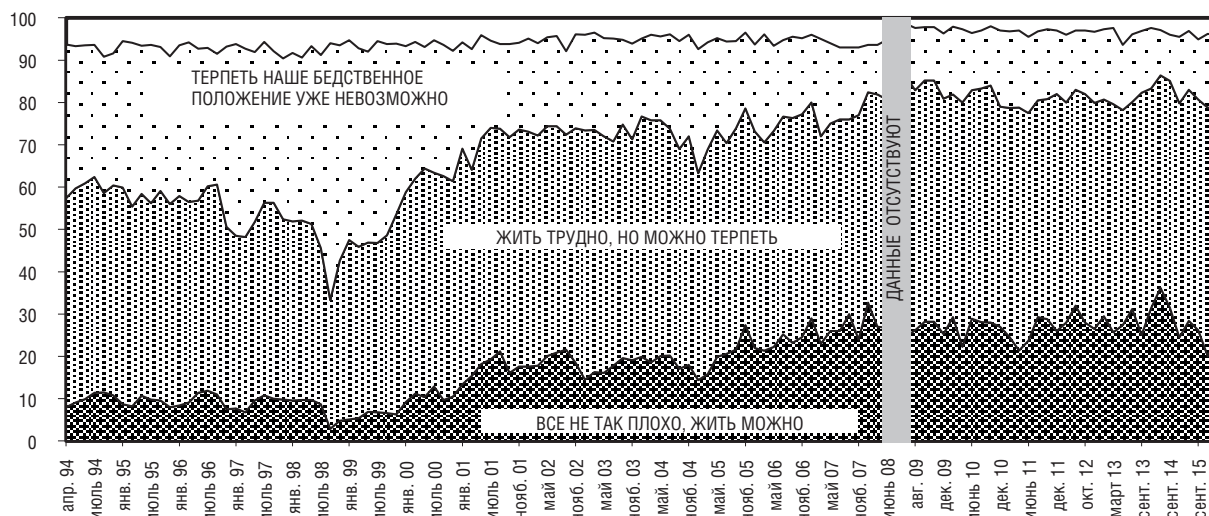

N=1600.

После возвращения В.Путина на пост президента и стерилизации политического пространства общественное мнение в России утратило определенность представлений о характере развития страны. С началом событий на Украине, присоединения Крыма к России и развертывания пропагандистской антиукраинской и антизападной кампании в СМИ, доля одобряющих «дела в стране» быстро возросла до уровня предкризисного лета 2008 года (момента, когда экономическое благосостояние и перспективы казались радужными, а война с Грузией обеспечила патриотическую мобилизацию и поддержку политики В.Путина). Критические настроения резко ослабли. Весь 2015 год общие позитивные оценки («правильный курс развития страны») держались с некоторыми колебаниями на отметке 60%.

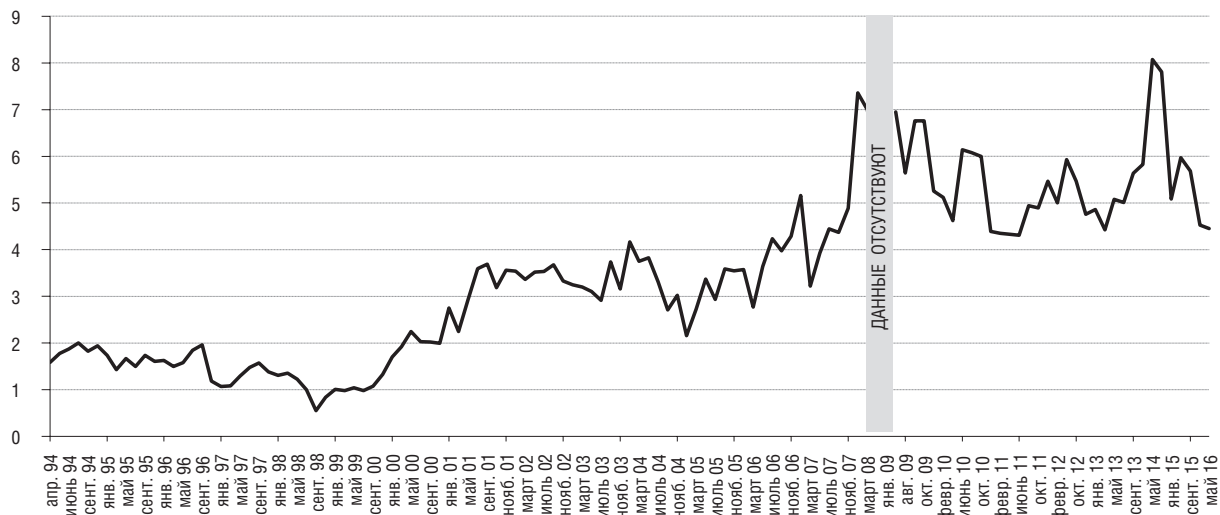
3. «ЗАПАС ПРОЧНОСТИ» НАСЕЛЕНИЯ

А. «Какое из следующих высказываний более всего соответствует вашей жизненной ситуации?»

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Б. Отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть наше бедственное положение уже невозможно»

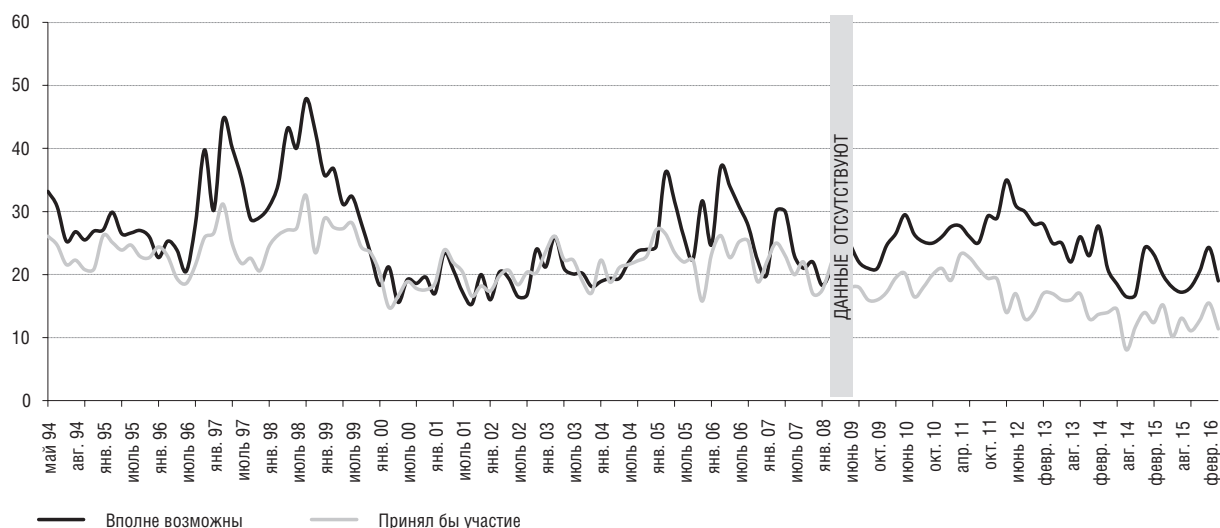

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600

Запас терпения резко сократился в 2015 г., опустившись на уровень первой половины 2000-х гг.

4. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

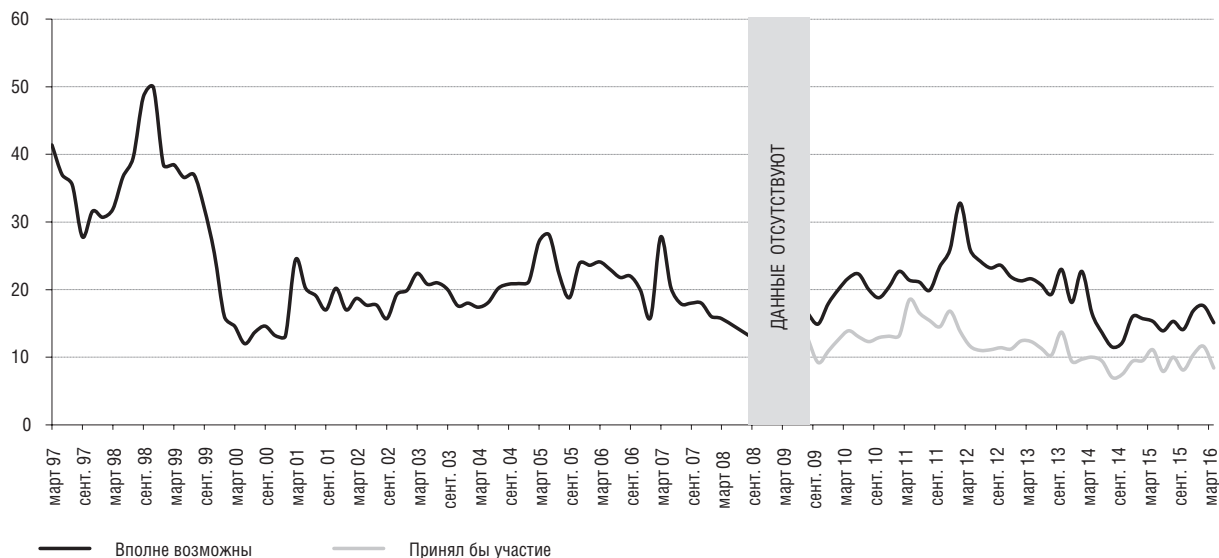
А. «Насколько возможны сейчас в вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»*; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»

Б. «Возможны ли, на ваш взгляд, в вашем городе/сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?»*; «Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, вы лично примете в них участие или нет?» (в % от числа опрошенных)

В 1997–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

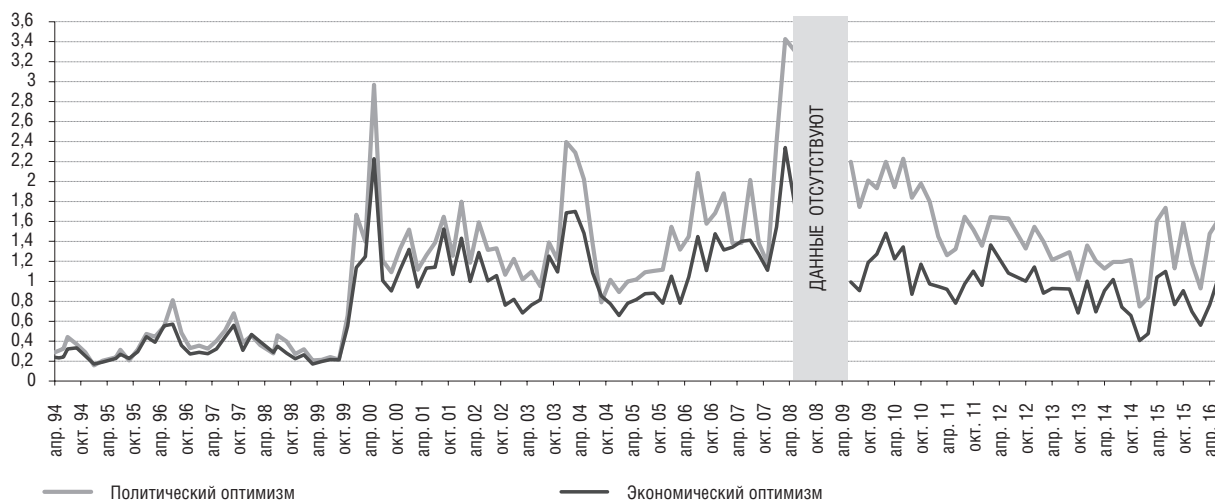
Оценки вероятности социальных протестов и показатели готовности участия в них, которые достигли своего пика в феврале 2012 г., после президентских выборов пошли на спад. Наступление экономического кризиса оказывает сдерживающее воздействие на протестные настроения и выражения массового недовольства, как это бывает в первой фазе кризиса. Но добавка «терпения», полученная на волне массового энтузиазма и патриотической гордости после присоединения Крыма, близка к исчерпанию. Снижение показателей экономического оптимизма сопровождается – с некоторым запозданием – снижением «запаса прочности». Население после длительного периода «потребительского бума» и паники в ноябре-декабре 2014 года возвращается к прежним моделям «пассивной адаптации», к установке на необходимость «терпения». Хроническое массовое недовольство происходящим в экономике и общественной жизни сопровождается отказом от действий, направленных на изменения социально-политической системы (рис. 5).

5. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?»

«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?»

Отношение положительных оценок — «значительное улучшение ситуации» и «некоторое улучшение ситуации» к отрицательным — «некоторое ухудшение ситуации» и «значительное ухудшение ситуации»; затруднившиеся с ответом не учитывались

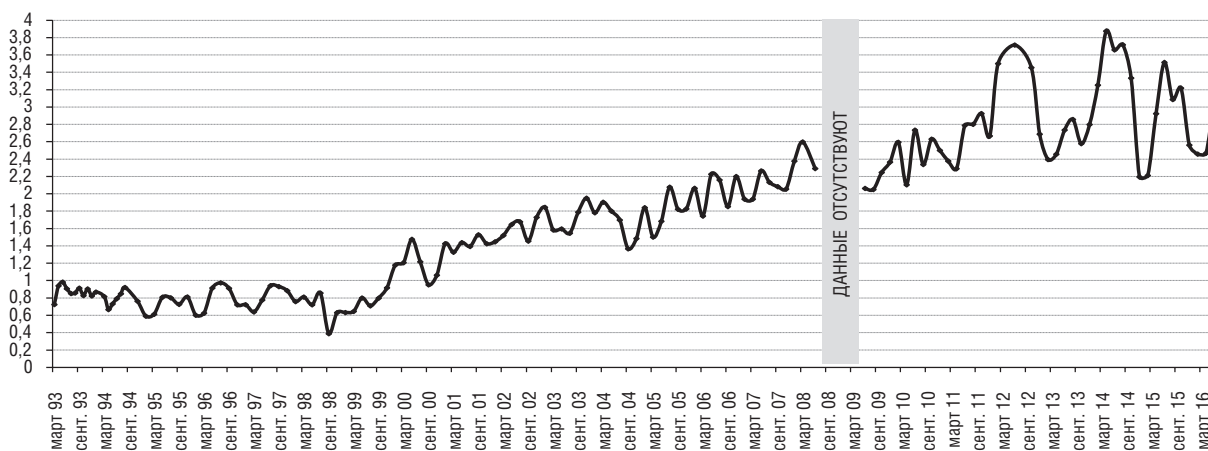

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

6. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

«Что вы можете сказать о своем настроении в последние дни?»

Отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»

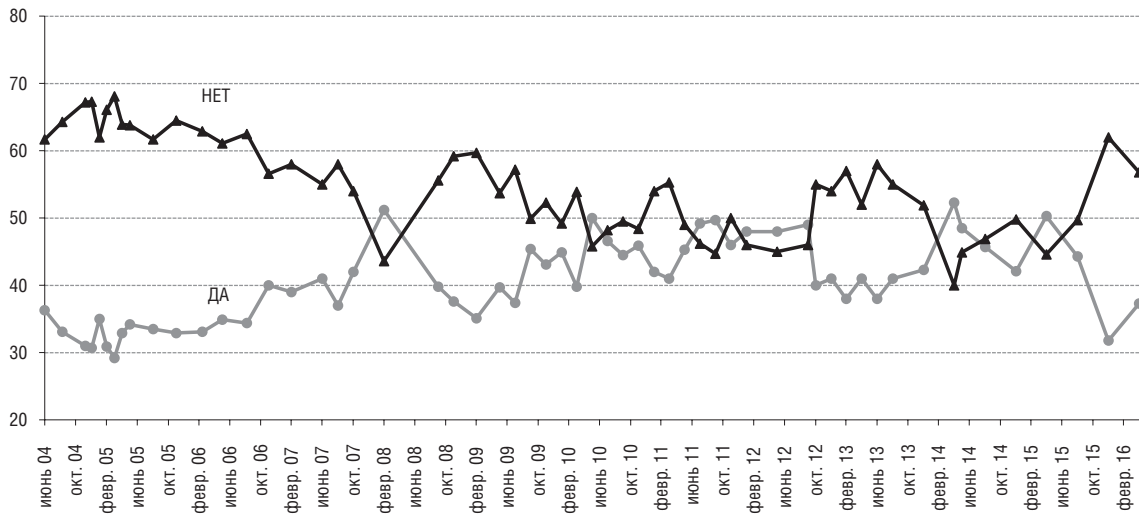

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600

Массовые протесты, реакция руководства России на украинские события, действие агрессивной пропаганды, санкции, инфляция, обвал рубля и ожидание экономического кризиса в условиях мобилизации и возбужденного состояния общества сопровождалось ростом неопределенности будущего, общей неуверенностью и тревогой, резкой сменой настроений и быстрым переходом от переживания коллективной гордости и силы к страху перед большой войной. Сама по себе эта неопределенность положения вещей ведет к переносу ответственности за себя на национального «лидера» и доверия президенту. (см. табл. 9)

7. ЯСНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВ

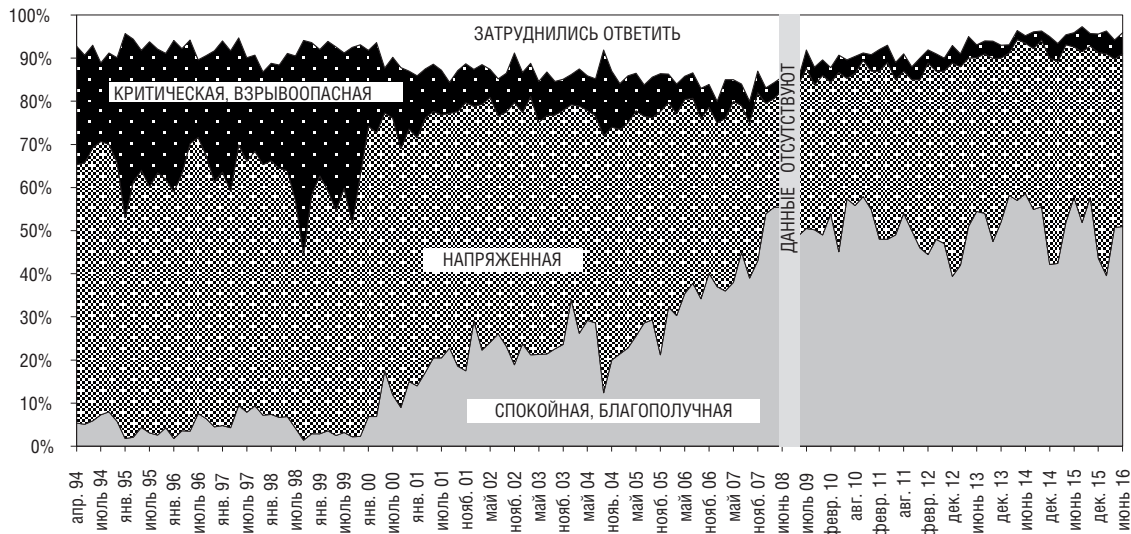
Чувствуете ли вы уверенность в завтрашнем дне?

N=1600.

8. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Как вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

9. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

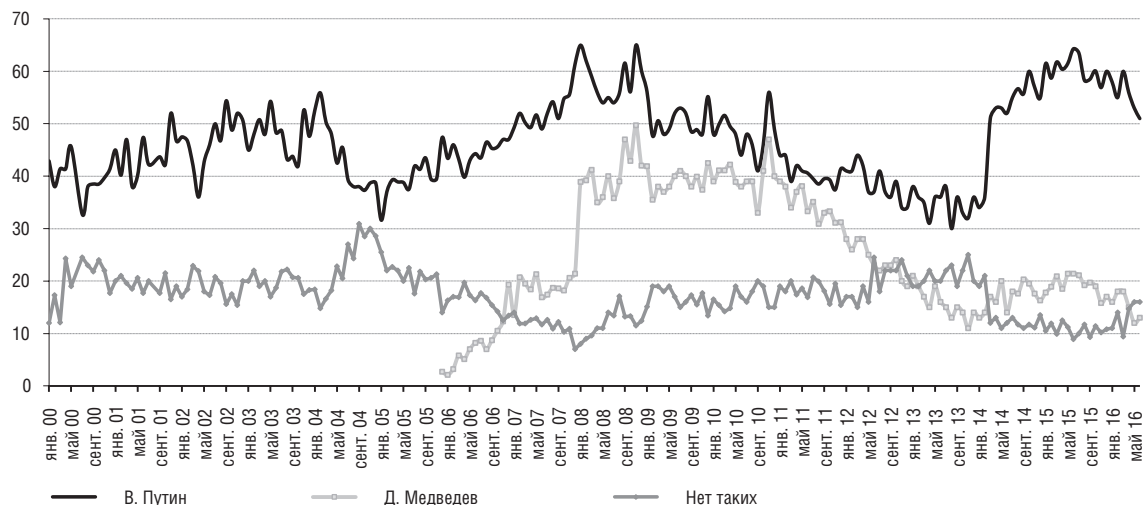
А. Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым вы более всего доверяете

(в % от числа опрошенных. Приводятся данные о доверии политикам, собравших хотя бы в одном замеры не менее 3%, по данным «открытого» вопроса)

Вариант ответа	2009		2010		2010		2012		2013		2014		2015		2016		
	I	VII	I	VII	I	VII	I	VII	I	VII	I	VII	I	VII	I	V	VI
Володин Вячеслав	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1	1
Воробьев Андрей	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1	1
Голикова Татьяна	2	2	2	2	3	4	2	<1	1	<1	1	1	1	1	1	1	1
Горбачев Михаил	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1
Грызлов Борис	4	3	4	4	4	3	3	1	2	1	1	1	1	–	1	1	1
Дмитриева Оксана	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2	2
Железняк Сергей	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2	2
Жириновский Владимир	10	11	9	10	10	14	12	10	10	9	8	11	10	14	11	12	13
Захарова Мария	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	2
Захарченко Александр	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–
Зюганов Геннадий	9	9	8	9	9	11	12	11	11	10	9	10	11	11	10	11	11
Иванов Сергей	7	6	3	6	5	3	3	2	3	1	2	2	4	4	4	2	3
Кадыров Рамзан	–	–	–	–	–	2	1	–	–	–	–	–	5	3	3	4	3
Кудрин Алексей	1	3	2	3	3	2	5	3	2	3	2	2	4	2	3	1	2
Лавров Сергей	6	6	4	6	6	8	5	4	4	4	6	16	12	16	20	20	17
Лукашенко Александр	3	4	2	2	2	2	1	1	2	2	3	4	3	4	3	4	2
Матвиенко Валентина	4	6	3	3	3	8	5	3	4	4	2	5	5	6	5	3	4
Медведев Дмитрий	42	41	39	39	39	35	28	22	21	15	13	18	18	21	16	12	13
Миронов Сергей	3	3	4	3	3	5	8	4	4	3	3	3	4	3	3	5	4
Навальный Алексей	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1
Нарышкин Сергей	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1	1	2
Онищенко Геннадий	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1	–
Парфенов Леонид	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1	–
Патриарх Кирилл	–	–	–	–	8	7	7	3	5	5	5	4	8	4	7	5	3
Песков Дмитрий	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2	2
Прохоров Михаил	–	–	–	–	–	1	8	5	6	5	5	2	2	1	1	1	1
Путин Владимир	56	53	48	48	44	40	41	41	38	38	34	55	62	64	58	53	51
Рогозин Дмитрий	1	2	2	2	2	1	1	1	2	2	2	2	3	3	3	2	1
Рыжков Владимир	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–
Собянин Сергей	–	–	–	–	–	4	4	3	5	4	3	4	4	5	4	3	4
Тулеев Аман	3	4	3	4	4	5	3	2	3	4	3	2	3	2	3	3	2
Хакамада Ирина	2	2	1	1	1	4	2	1	2	2	2	1	1	1	0	1	1
Ходорковский Михаил	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1	–
Шойгу Сергей	13	16	13	15	15	21	11	11	18	18	19	22	27	1	1	26	24
Явлинский Григорий	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1
Нет таких	15	15	17	16	19	21	17	18	19	18	19	13	11	13	26	16	16
Не интересуюсь политиками, политикой	14	13	14	17	15	15	17	16	18	22	23	14	13	10	11	11	14
Затрудняюсь ответить	6	6	6	6	7	5	5	7	5	4	5	6	6	4	2	5	5

N=1600.

Б. Доверие к Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву (в % от числа опрошенных, по данным «открытого» вопроса)

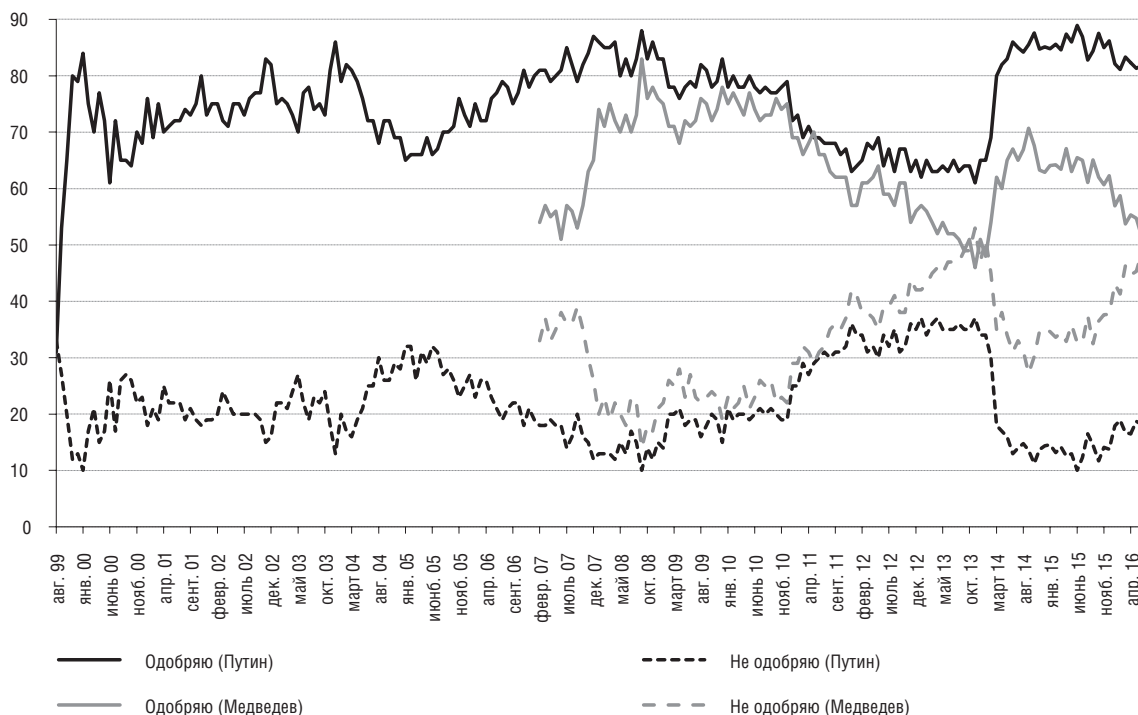

N=1600.

10. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ

Одобряете ли вы деятельность Владимира Путина?

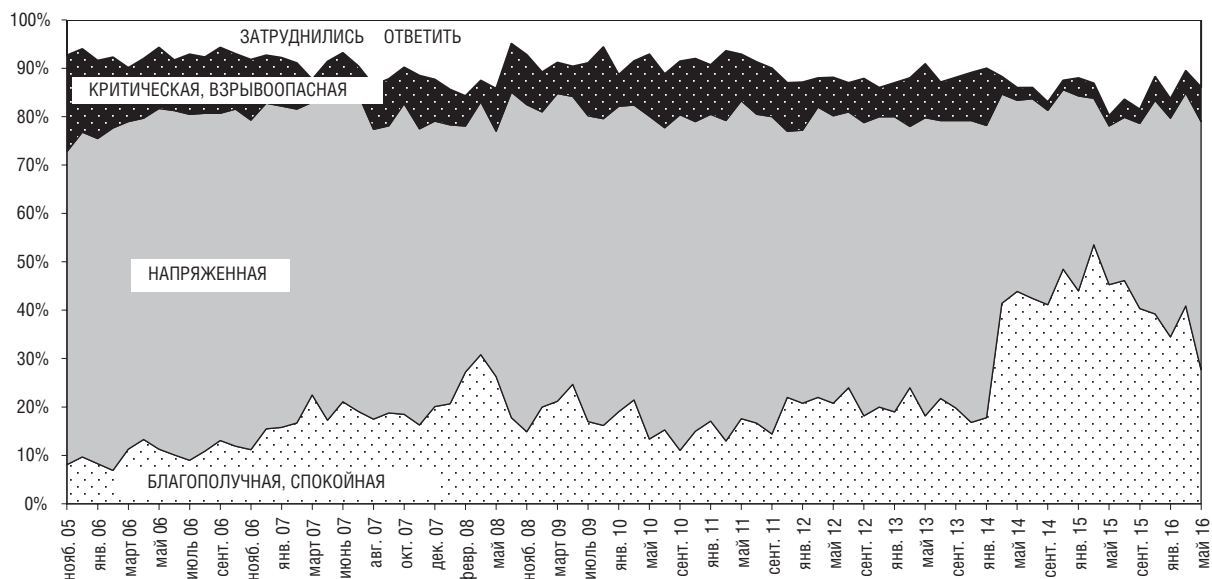
Одобряете ли вы деятельность Дмитрия Медведева?

N=1600.

11. ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Как вы оценили бы сейчас обстановку на Северном Кавказе?

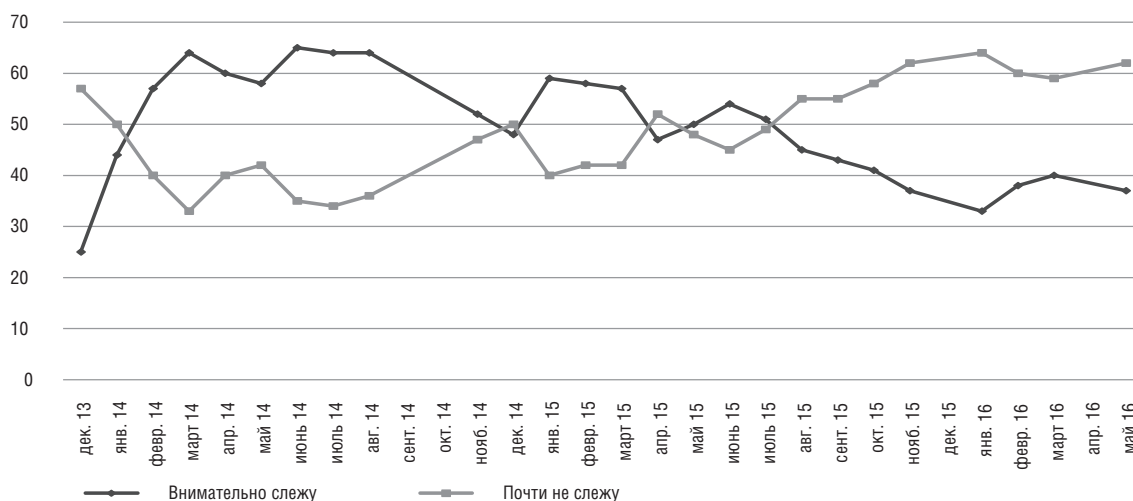

N=1600.

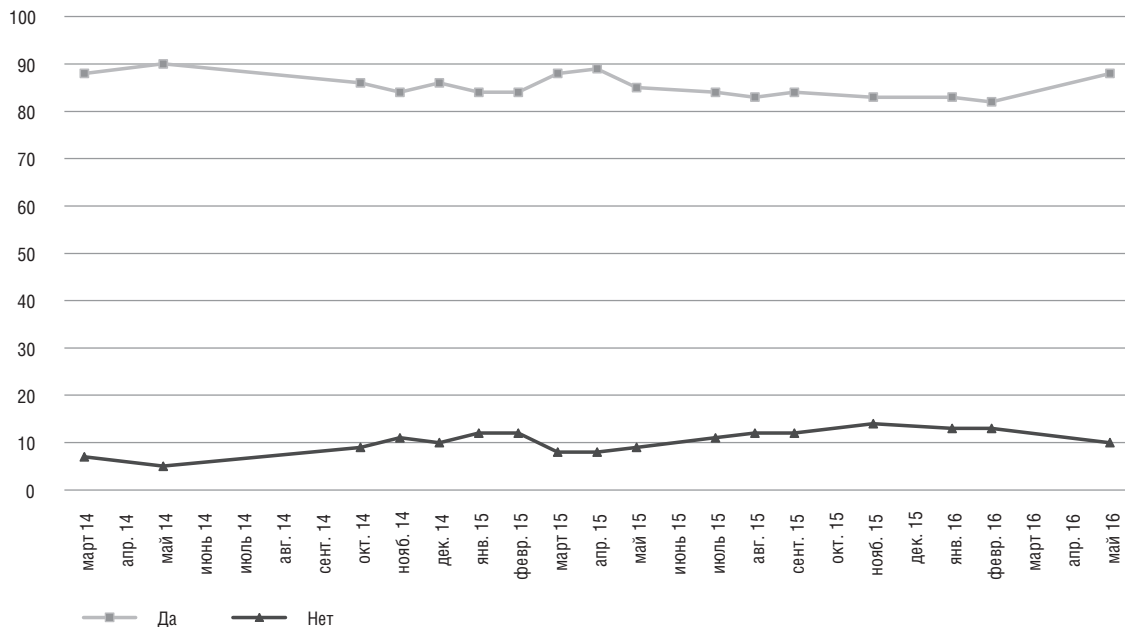
Общий рост поддержки власти и «социального оптимизма» сказался и на оценках положения дел на Северном Кавказе — от замера к замеру растет доля людей, считающих что на Северном Кавказе царит благополучие. В январе 2014 г. таких было чуть больше 10%, в весенние месяцы их число приблизилось к половине. Не менее важным фактором, определяющим массовое восприятие положения дел на Северном Кавказе, является беспокойство из-за войны в Донбассе, переключаящим внимание общество на другие проблемы и регионы.

12. РОССИЯ И УКРАИНА

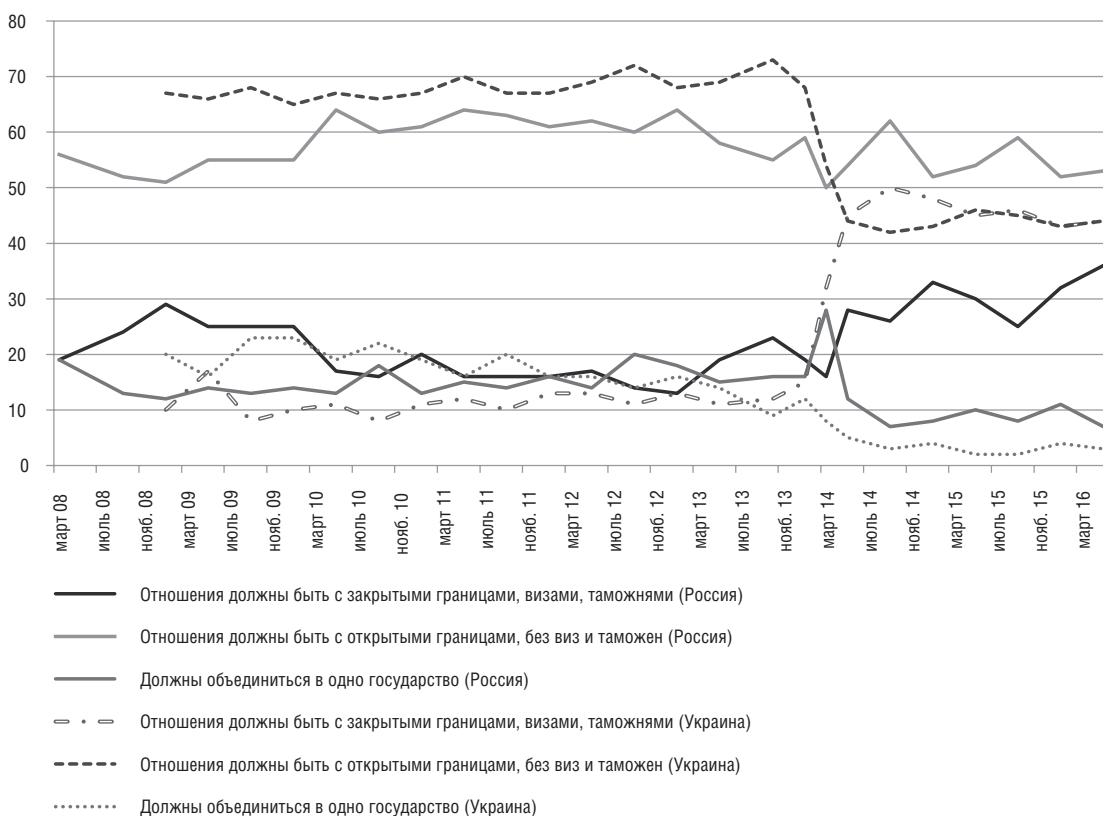
«Следите ли вы за последними событиями в Украине?» (мнение россиян — данные Левада-Центра)

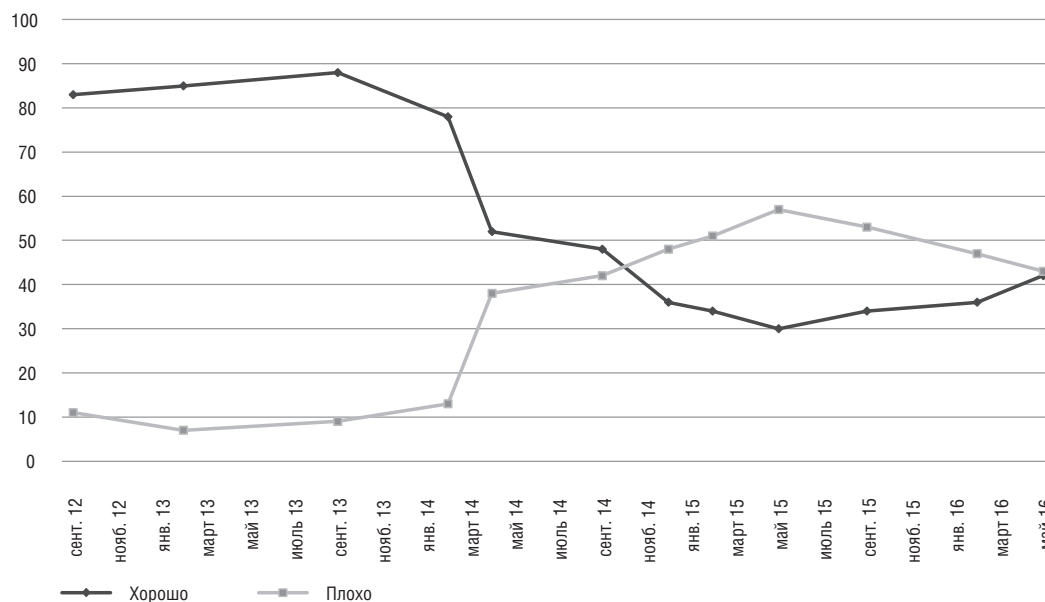
«Поддерживаете ли вы присоединение Крыма к России?» (мнение россиян – данные Левада-Центра)

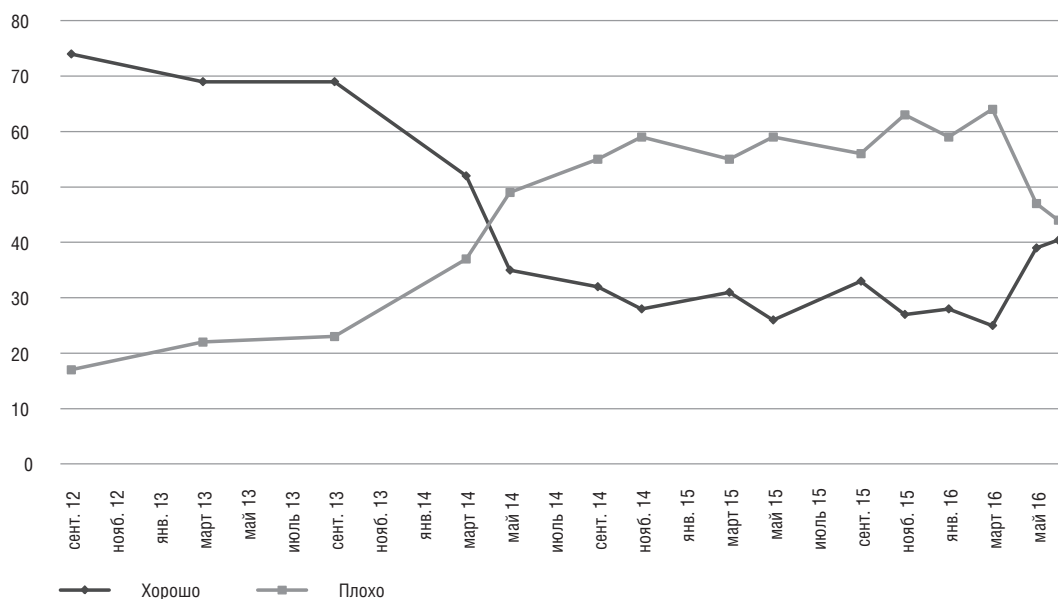
«С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной вы бы скорее согласились?»

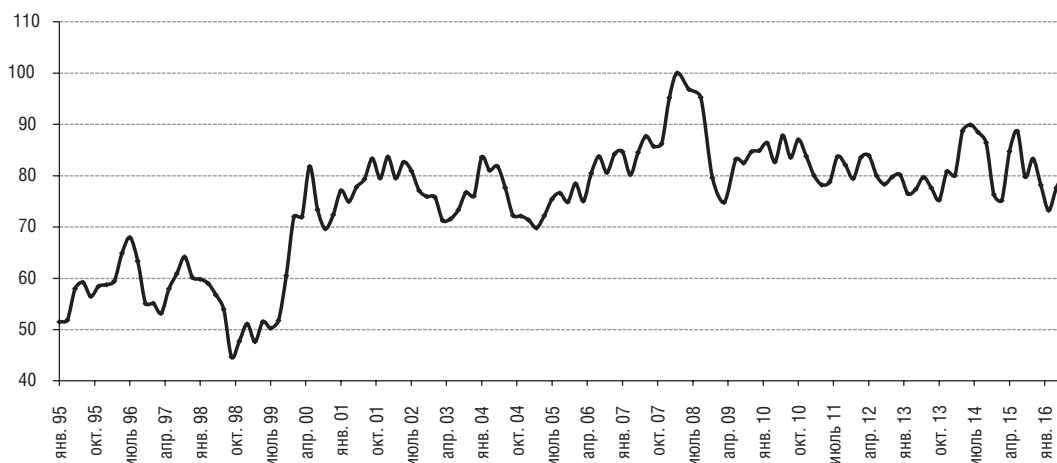
«Как вы в целом относитесь сейчас к России?» (мнение жителей Украины – данные КМИС)

«Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» (мнение россиян – данные Левада-Центра)

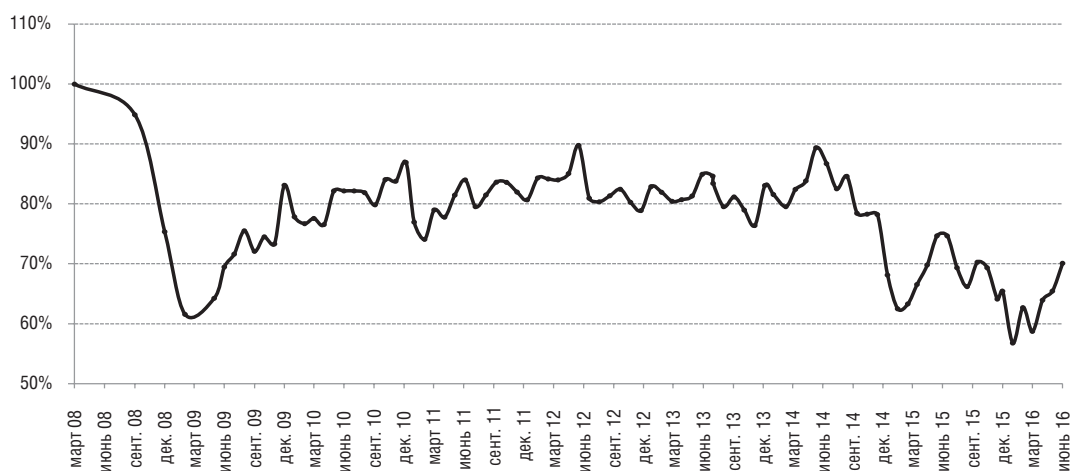

13. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

В феврале нынешнего года значение ИСН Левада Центра снизилось практически до уровня дна кризиса 2008г., а значение компоненты ИСН, связанной с перспективными ожиданиями (частный индекс — Индекс ожиданий), оказалось даже ниже, чем в предыдущий кризис. В апреле, наконец, обозначился рост показателей. ИСН в целом вырос на 11%, и произошло это в первую очередь за счет частного индекса ожиданий на будущее, который по сравнению с февралем прибавил 18%(!). Улучшились также оценки текущей ситуации в частной жизни людей (плюс 7%) и представления о положении в стране в целом (плюс 9%). Общественные настроения подвержены сезонным колебаниям — весной уровень оптимизма всегда немного повышается. Структура роста ИСН в апреле, мае и июне, который произошел в основном за счет надежд и ожиданий, прямо указывает на сезонную составляющую в формировании общественного оптимизма.

14. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

В отличие от индекса социальных настроений, в котором даже на уровне частной жизни респондента измеряются субъективные оценки качества жизни и психологического настроя, индекс потребительских настроения нацелен на измерение более приземленных проблем материального достатка семьи и оценки возможностей для потребительских расходов. По сравнению с февралем в апреле ИПН также вырос на 10%. И также это произошло в основном за счет надежд: значение перспективной составляющей ИПН увеличилось на 14%, а вот текущие оценки — только на 3%. При этом весь скромный рост текущих оценок пришелся на февраль-март, а затем на май-июнь.

К 25-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РФ

Виктор ШЕЙНИС

Конституционный суд в политико-правовой системе Российского государства¹

Исследователи, изучавшие переход многих стран от традиционных обществ к современным и от авторитарных (и тоталитарных) режимов к плюралистической демократии, пришли к заключению, что достижения, откаты и провалы на этом пути во многом (если не в решающей степени) зависят от становления и укоренения в их социальном и политическом строе институтов современного типа. Но возникновение и упрочение таких институтов — не саморазвивающийся процесс. Сами институты в высокой степени зависят, во-первых, от состояния культурно-исторической, общественной среды, в которой они возникают, и, во-вторых, от их личностного состава.

Это относится и к институтам судебной власти. Конституционалисты, пришедшие в политику в годы перестройки и постперестройки, одной из главных своих задач ставили возрождение судебной системы как самостоятельной ветви власти. Ее флагманом должен был стать Конституционный суд. Ничего подобного ему никогда не существовало в России.

О том, что из этого получилось, когда передовая концепция судебной реформы и модель Конституционного суда прошли через законодательный процесс и схватки политической борьбы, пойдет речь в этой статье.

Нетвердый шаг к конституционной юстиции: Комитет конституционного надзора

Новейшую историю России принято отсчитывать с 1991 года. Но сдвиги, произошедшие

в государстве и обществе во второй половине 1980-х и во многом определившие последующее развитие, вернее считать прологом наступавшего периода, чем эпилогом предшествовавшего. В 1988–1991 годы была сначала заявлена, а затем введена пятая по счету советская Конституция. По форме она была совокупностью поправок и дополнений к «брежневской» Конституции — союзной 1977 года и российской 1978-го. Но структура государственной власти была перестроена радикально. Началось осторожное продвижение от модели «партия-государство» к разделению властей.

Важнейшей составляющей конституционной реформы было учреждение в 1988 году Комитета конституционного надзора (ККН), в эмбриональном виде — Конституционного суда (КС)². Комитету надлежало представлять заключения о соответствии Конституции СССР проектов законов, подлежащих рассмотрению на Съезде народных депутатов (СНД) СССР и (в уточненной редакции 1990 года), уже принятых им законов, иных актов и Конституций союзных республик. К ведению ККН была отнесена проверка соответствия — не только Конституции, но и (или) союзным законам — указов президента, актов Верховного Совета (ВС) СССР и его палат, законов союзных республик, постановлений и распоряжений Совета Министров (СМ) СССР, нормативных правовых актов других государственных органов, общесоюзных органов общественных организаций

¹ Расширенный вариант статьи, впервые опубликованной в журнале «Политические исследования» (Полис). 2016. № 3. С. 73–91.

² Статья 125 Конституции СССР в редакции 01.12.1988 г. (Закон СССР от 01.12.1988, № 9853-ХI) и статья 124 Конституции СССР в редакции 14.03.1990 г. (Закон СССР от 14.03.1990; Известия, 16.03.1990).

и Академии наук, а также — внимание! — международных договорных обязательств СССР и союзных республик. Был очерчен большой круг субъектов права, по поручениям или предложениям которых ККН должен был проводить проверки и давать заключения. В ряде случаев он мог возбуждать проверки по собственной инициативе. Компетенция ККН по ряду позиций была определена шире, чем у позднее появившегося КС РФ.

И все же статус ККН не дотягивал до уровня КС — самостоятельного органа судебной власти. Установив, что подлежащий проверке акт или его отдельные положения противоречат Конституции или законам СССР, ККН мог приостанавливать действие соответствующего акта и входить на СНД, ВС или СМ с предложением о его отмене (и лишь при нарушении прав человека объявлять его не подлежащим исполнению). За гражданами не предусматривалось право обращаться в ККН с жалобами на нарушение их прав. На IV СНД СССР в декабре 1990 года была предпринята попытка сделать следующий шаг — превратить ККН в полноценный Конституционный суд, поставив его на уровень Верховного и Высшего арбитражных судов. Но в Конституции, подвергшейся очередной правке, эта попытка реализована не была¹.

Горбачев, его команда, актив общества привели в движение силы, совладать с которыми они не смогли. Возлагавшуюся на ККН стабилизирующую роль он выполнить не сумел. V СНД в сентябре 1991 года унаследовал страну после ГКЧП. На нем в скоростном порядке союзный парламент был фактически ликвидирован. Верховная власть была вручена президентам республик. Такая конструкция изначально была крайне ненадежна и вскоре обрушилась. Не располагавший ни авторитетом силы, ни силой авторитета, ККН остался вне игры. Он, правда, дал правовую оценку формуле, которой гордились ее изобретатели («Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование»), заявив, что это — «политическая оценка ситуации, не имеющая юридической силы». ККН отметил также ряд очевидных дефектов в Беловежских соглашениях. Было подчеркнуто, что у республик, учредивших СССР, отсутствуют какие-либо дополнительные права по отношению к республикам, вступившим в него позднее. Что на месте норм союзного законодательства, объявленного недействующим (в том числе регули-

¹ Известия, 22.12.1990.

ровавших права и свободы граждан, регламентировавших функционирование вооруженных сил и др.), образовался юридический вакуум². Но никаких политических последствий этот документ не повлек. ККН оказался столь же беспомощным, как и СНД СССР. Вместе они вскоре сошли со сцены.

Следующий шаг был за российским парламентом.

Конституционный суд в проектах Конституции

В июне 1990 года на I СНД РСФСР была создана Конституционная комиссия (КК). Сформированная в ее составе рабочая группа уже в октябре представила первый проект российской Конституции, а в ноябре добилась его публикации. К июлю 1993-го она, убирая длинноты первых вариантов, корректируя юридически несовершенные формулировки, а главное, приводя проект к такому виду, в каком, как мы надеялись, он может быть утвержден съездом, представила двенадцатый вариант (не считая промежуточных). Попытки совместить несовместимое — удовлетворить разнонаправленные притязания фракций, на которые был глубоко расколот СНД, — успехом не увенчались. По прошествии времени стало очевидно, что *никакой* из обращавшихся на съезде проектов не мог собрать требуемых двух третей голосов депутатов. И *ни один* из вариантов, разработанных КК и не раз прогнанных сквозь строй шпицрутенов в ВС, не имел ни малейших шансов стать целостной Конституцией РФ. Это повлекло крайне негативные последствия. Тем не менее проекты КК оказали серьезное влияние на развитие конституционного процесса. В частности, на вошедшие в Конституцию 1993 года положения о Конституционном суде.

Главные противоречия, сорвавшие продвижение Конституции на съезде, касались института президентства, федеративного устройства, права частной собственности на землю и др. Статьи, закладывавшие основы судебной системы, ни в КК, ни в ВС непреодолимых разногласий не вызывали. Разработчики Конституции исходили из того, что в российской политико-правовой системе Конституционному суду должно быть отведено место, которое в СССР не смог занять ККН. Их внимание было сосредоточено не только на том, чем должен заниматься КС, но и на том, как должны были реализовываться его решения.

² Заявление Комитета конституционного надзора СССР от 11 декабря 1991 г. // Распад СССР: документы и факты (1986–1992). М., 2009. С. 1033–1035.

Основные положения, описывающие способ формирования КС, статус его членов, предмет его ведения и порядок реализации его решений, были определены уже в первых проектах Конституции¹. Компетенция КС по сравнению с ККН была существенно расширена. К ней были отнесены дела о конституционности законов и других актов федеральных и региональных государственных органов; конституционно-правовые споры между государственными органами РФ, между РФ и ее субъектами, а также между республиками РФ; толкование Конституции и предложения об изменении Конституции и законов; рассмотрение дел по обвинению президента и иных высших должностных лиц государства в нарушении Конституции и законов и решение вопроса о дееспособности президента. Законы и иные нормативные акты, признанные КС неконституционными, должны были терять силу со дня опубликования решений КС, которые не подлежали обжалованию.

Во многом роль КС в государственной системе зависит от порядка его формирования. Конституциями различных стран он определен по-разному. В США судей Верховного суда (выполняющего также функции конституционного) назначает президент «с совета и согласия сената»². Во Франции треть членов Конституционного совета назначает президент, 2/3 — председатели палат парламента (в его состав входят также бывшие президенты республики). В Германии члены Федерального конституционного суда избираются бундстагом и бундесратом поровну. В Португалии 10 из 13 конституционных судей назначаются парламентом, остальные кооптируются решением этих десяти³. Российские конституционалисты избрали инверсию американского варианта: предлагает президент, назначает парламент. Для эффективного функционирования этой модели требуется сильный и независимый парламент. В том или ином виде — то расширенном, то сжатом — положения о КС переходили из проекта в проект и в несколько модифицированном виде вошли в Конституцию 1993 года⁴.

¹ Проект Конституции РФ для пленарного заседания КК РСФСР 12 октября 1990 г.; Проект Конституции РФ, принятый КК за рабочую основу 12 ноября 1990 г. // Из истории создания Конституции РФ. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.). М., 2007. Т. 1. С. 645–646; 2009. Т. 5. С. 245–246.

² Декларация независимости. Конституция Соединенных Штатов Америки. New York, 1979. С. 31.

³ Конституции государств Европейского Союза. М., 1997. С. 214, 580, 676.

⁴ Конституция Российской Федерации. 1993. Статья 125; Проект

В условиях острого политического кризиса, когда неспособность СНД утвердить какой бы то ни было проект Конституции стала очевидной, Борис Ельцин 29 апреля 1993 года объявил о внесении еще одного проекта⁵. Президентский проект в чем-то был совершеннее проекта КК, но страдал рядом серьезных дефектов. Это относится и к его статьям, посвященным КС. В известной мере перекосы были исправлены на Конституционном совещании — созданном по указу президента летом 1993 года законосовещательном органе, Конституцией не предусмотренном, но по численности и представительности сопоставимом с СНД⁶. Работая одновременно с двумя проектами, Конституционное совещание выполнило полезную работу по их совмещению. В итоге президентский проект по КС был сдвинут (хотя и не до конца) в сторону проекта КК.

В президентском проекте над тремя высшими судами — Конституционным, Верховным и Высшим арбитражным — было воздвигнуто монструозное сооружение — Высшее судебное присутствие, за которым закреплялись важнейшие функции КС: толкование Конституции и участие в процессе импичмента президента, ряд ключевых кадровых назначений, дела о конституционности судебной практики и «другие дела» по представлению президента, парламента и трех высших судов. Под стать компетенции был спланирован порядок формирования этого органа, в который должны были входить председатели высших судов, их заместители и три федеральных судьи, назначаемые Советом Федерации (СФ) по представлению президента. «Вертикализация» судебной системы под дланью президента прочитывалась в этом отвергнутом на Конституционном совещании проекте совершенно отчетливо.

Однако некоторые важные прерогативы КС из проектов КК были либо отторгнуты у него, либо урезаны. Поскольку роль гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина была закреплена за президентом, в про-

Конституции РФ от 5 мая 1993 г.; Проект Конституции РФ от 16 июля 1993 г. // Из истории создания Конституции РФ. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.). М., 2008. Т. 4, кн. 2. С. 112–114; 2009. Т. 4, кн. 3. С. 222–223.

⁵ Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы (29 апреля – 10 ноября 1993 г.). М., 1995. Т. 1. С. 7, 11–66. Авторами этого проекта были объявлены С. Алексеев, А. Собчак, С. Шахрай.

⁶ В составе Конституционного совещания работали 5 групп, представлявших федеральные и региональные органы государственной власти (в том числе 137 депутатов и почти весь состав КС), органы МСУ, политические партии и иные общественные объединения, организации предпринимателей, — всего 692 человека. Там же. С. 76–129.

ект не вошло положение: «КС — высший орган судебной власти по защите конституционного строя». При возвращении КС функций, закрепленных за ликвидированным Высшим судебным присутствием, потерялась «проверка конституционности судебной практики», существовавшая еще в промежуточном проекте, одобренном Конституционным совещанием 12 июля¹. В проекте КК от 5 мая 1993 года право обращения в КС «с жалобами и протестами на неконституционность правоприменительной практики» было предоставлено «физическим и юридическим лицам по исчерпанию иных юридических средств защиты права», а также Уполномоченному по правам человека и ряду других субъектов права. Вместо всего этого в окончательный текст Конституции 1993 года была введена ограничительная формула: КС «по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле». Изъята из функций КС (и спущена на иной уровень) была и «проверка конституционности партий и общественных организаций».

Два закона о Конституционном суде

Сопоставление двух законов о КС, один из которых был принят *до*, а другой *после* утверждения Конституции 1993 года, показывает, как изменились условия, в которых протекал законодательный процесс, и представления о роли КС в политико-правовой системе, которые водили пером законодателя.

Закон, принятый 21 июля 1991 года — через месяц после избрания Бориса Ельцина президентом РФ и за месяц до путча, — был документом своего времени и своих создателей во главе с Борисом Золотухиным². Впервые в России был утвержден орган, наделенный правом и обязанностью выносить правовую оценку актам главы государства, высших органов исполнительной и законодательной власти, решать, существуют или отсутствуют юридические основания для отстранения от должности высших

должностных лиц государства³. «Один из самых поучительных уроков истории в области подлинного народовластия состоит в том, — говорил Б. Золотухин, представляя закон о КС на съезде, — что наиболее мощным заслоном против нарушений Конституции является наделенный властными полномочиями, независимый и компетентный Конституционный суд»⁴.

В мае 1991 года, на пике наступления российского парламента на советскую систему власти, IV СНД России поручил Верховному Совету рассмотреть вопрос о КС и вынести его на V Съезд. Демократические юристы подготовили проект закона, и ВС утвердил его почти «с колес». «Конституционный контроль, — как было записано в преамбуле закона, — передается в ведение судебной власти как наиболее беспристрастной и независимой». Закон устанавливал, что решения КС, принятые в пределах его компетенции, обязательны на всей территории России. Конституционному суду вменялось в обязанность ежегодно направлять в ВС послания о состоянии конституционной законности в РФ. В случаях нарушения Конституции и законов КС *по собственной инициативе* мог обращать на то внимание компетентных органов и должностных лиц. Представления, любые решения и требования КС подлежали немедленному рассмотрению, после чего должны были приниматься неукоснительные меры. Международные договоры могли становиться предметом рассмотрения КС лишь в том случае, если они не были ратифицированы и не вступили в силу. Так утверждался примат международного права по отношению к национальному. Было особо оговорено, что КС не рассматривает политические вопросы — трудно исполнимая (и вскоре нарушенная) норма, ибо далеко не всегда можно провести грань между правом и политикой.

Судей КС должен был избирать СНД по представлению президента простым большинством голосов от общего числа депутатов. Их независимость гарантировали несменяемость, неограниченный срок полномочий, категорический запрет какого бы то ни было вмешательства в деятельность КС и постороннего воздействия на свободу волеизъявления судей, достойные размеры жалования и социального обеспечения. Важная демократическая норма обеспечивала избрание председателя, его за-

¹ Из истории создания Конституции... 2008. Т. 4, кн. 3. С. 171.

² Борис Андреевич Золотухин — один из четырех советских адвокатов, отстаивавших невиновность обвиняемых на политических процессах. Он поплатился за это изгнанием из адвокатуры и исключением из КПСС (1968 г.). Член Московской Хельсинкской группы (с 1988 г.), народный депутат РСФСР-РФ в 1990–1993 гг., заместитель председателя Комитета СНД по законодательству, впоследствии депутат и заместитель председателя Комитета Государственной Думы первого созыва. К работе над Концепцией судебной реформы (документ утвержден ВС 24.10.1991 г.) и Закона о КС Золотухин привлек выдающихся специалистов в области права.

³ Закон РФ «О Конституционном суде РСФСР». Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет. М., 1992. Т. 1. С. 558–618.

⁴ Там же. С. 180.

местителя и секретаря КС самими членами суда.

Закон был представлен съезду Верховным Советом в двух вариантах: с включением гл. 3, предусматривавшей проверку конституционности правоприменительной практики на основе индивидуальной жалобы, и без нее. Возражения, которые выдвигались против включения этой главы в закон в ходе дискуссии на съезде, сводились к тому, что КС захлебнется в потоке жалоб, и главное — эта норма поставит КС над съездом: принцип разделения властей трудно вживлялся в сознание законодателей. И все-таки закон о включении гл.3 (которая в ВС не собрала достаточного количества голосов) был принят на съезде конституционным большинством голосов¹. Граждане СССР и РСФСР, иностранцы, лица без гражданства, а также юридические лица обрели право обращаться в КС с жалобами на нарушение их прав (если они могли представить известные им доказательства, что оспариваемые ими решения являются *обыкновением* правоприменительной практики). Это было серьезным достижением. Закон оберегал КС от переполнения делами, подлежащими рассмотрению в судах общей юрисдикции, и в то же время должен был защитить граждан от неправовых решений в самой трудно реформируемой системе общих судов.

Однако судьба первого российского закона о КС оказалась незавидной. В известном указе № 1400, распустившем СНД и ВС, Конституционному суду предлагалось не созывать заседания до начала работы нового парламента. После того как КС усмотрел в этом указе основания для импичмента президента, Б. Ельцин намеревался пойти дальше и распустить состав КС, избранный съездом. Не без труда окружению президента удалось уговорить его ограничиться тем, что закон в редакции 1991 года был объявлен недействующим².

Правовая неразбериха, возникшая после осенних событий 1993 года, полоса наступившего «указного права» требовали скорейшего возобновления деятельности КС. Новая редакция была подготовлена в рекордные сроки. Уже в январе 1994-го проект был внесен в ГД самим КС: принятая Конституция позволяла ему воспользоваться правом законодательной инициативы. Президент и его представители

ревниво контролировали процесс. Их главный интерес заключался в том, чтобы возможности КС в противостоянии президентской власти и, следовательно, его самостоятельность были по возможности ограничены. Обсуждения проекта начались в феврале. Но сразу же проявились специфические интересы депутатского корпуса. С одной стороны, депутаты попытались нагрузить закон тем, что было отнято у него новой Конституцией, с другой — требовали решения привходящих вопросов: дать Думе наряду с СФ право номинировать кандидатов на вакантные места в КС, представить персональный список кандидатов и т.п. Между тем Конституция придала закону статус конституционного, и для его одобрения требовалось конституционное большинство. В результате споры вокруг закона, который принять в первом чтении с ходу не удалось, затянулись до лета³. Он был утвержден 21 июля 1994 года. Это был первый федеральный конституционный закон, принятый Государственной Думой (ГД) первого созыва⁴.

По условиям места и времени новый закон должен был стать — и действительно стал — хуже предшествующего⁵. Целями издания нового закона были заявлены приведение его в соответствие с принятой, наконец, Конституцией и исключение впредь «использования КС как инструмента политической конфронтации». Реальная же проблема заключалась в том, в какой мере депутатам Думы, в своем первом созыве оказавшейся не вполне управляемой, удастся смягчить тенденцию к умалению роли КС в новом балансе государственных институтов. КС перестал быть высшим органом конституционного контроля. «Мы пытались в проекте закона ограничить власть, — сказала депутат Л. Завадская, представлявшая его от имени Комитета по законодательству. — Но... учитывая возможности, которые предоставила нам Конституция»⁶.

Из числа функций КС была изъята проверка правоприменительной практики и ограничены в полном соответствии с формулой новой Конституции возможности граждан (не говоря уж об иностранцах и лицах без гражданства) доби-

¹ Там же. С. 180.

² Указ президента РФ от 24.12.1993. См. также: С. Филатов. Совершенно не секретно. М., 2000. С. 320–323; Эпоха Ельцина. М., 2001. С. 388–390; В. Шейнис. Взлет и падение парламента. М., 2005. Т. 2. С. 637.

³ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия. М., 1995. Т. 4. С. 36–70, 73–94, 135–141, 198–200; Т. 5. С. 15–21; Т. 6. С. 634–659.

⁴ ФКЗ «О Конституционном суде РФ» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ.

⁵ В. Туманов, впоследствии назначенный председателем КС, говорил в ходе обсуждения: «Давайте видеть вещи такими, какие они есть. С точки зрения защиты прав гражданина новый закон дает меньше, чем предыдущий закон о Конституционном суде». — ГД. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия. М., 1995. Т. 4. С. 78.

⁶ Там же. С. 94.

ваться защиты своих прав в КС. КС было предписано воздерживаться от установления фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или органов. Был ограничен также перечень институтов, чьи нормативные акты могут быть проверены КС на соответствие Конституции. Из их числа были удалены, в частности, федеральные министерства и ведомства. В обозначении процедуры, посредством которой кандидаты в КС становятся его членами, «избрание» было заменено на «назначение». Исключено было также рассмотрение Конституционным судом дел по собственной инициативе на основании того, что это наделяет его слишком сильной властью.

В составе КС были учреждены две параллельно работающие палаты, и количество конституционных судей было увеличено с 15 до 19 человек в целях, как было сказано, «повышения его эффективности и оперативности». Одновременно было введено положение, согласно которому работа КС может возобновиться, когда будут заполнены все вакансии и избраны новые руководители. Это затянуло восстановление КС до февраля 1995 года. Выборы руководства самими судьями «как одна из важнейших гарантий самостоятельности, независимости КС» были пока сохранены. Как оказалось, на время.

Коррекция законодательства о Конституционном суде

За годы, прошедшие после издания закона о КС, его текст был буквально наводнен многочисленными изменениями¹. Большинство изменений шло в русле разворачивавшейся *контрреформы законодательства*. В первые годы в реформативное законодательство вклад вносили президентские указы. В сентябре 1995 года двумя указами Ельцин распространил на судей КС, а также на работников его аппарата разнообразные блага (дополнительные к зарплате выплаты, улучшение жилищных условий, обеспечение служебным транспортом и связью, медицинское, курортное, бытовое обслуживание и т.д.) — все это было поднято над уровнем других судей и приравнено к обеспечению членом правительства.

С указа об обеспечении деятельности и социальных гарантиях конституционным судьям (уже в феврале 2000 года) начал и новый пре-

зидент. В частности, материальное обеспечение председателя КС было приравнено к уровню председателя правительства. Обращение к указанному праву закрепляло сомнительную с точки зрения Конституции и законов роль президента в качестве распорядителя благ. Эта линия была продолжена в указах 2004, 2005 и 2007 годов и определенно шла вразрез с позабытой к тому времени концепцией судебной реформы, одобренной ВС в 1991-м. В декабре 2004-го, в преддверии издания закона об отмене прямых выборов губернаторов населением, потребовавшего подтверждения КС, в денежном поощрении конституционных судей был совершен скачок: оно было установлено в размере, в 5,5 раза превышавшем их должностной оклад (председателю КС — в 6,5 раза). Чуть больше чем через месяц оклады были повышены на 20% всем судьям. А в декабре 2007-го новый поток разнообразных благ пролился на конституционных судей и обслуживающий персонал в связи с перемещением КС в Санкт-Петербург — мерой дорогостоящей, целесообразность которой представляется сомнительной. Но как раз в эти годы в бюджет стали поступать феноменально возросшие нефтяные доходы, толика которых пролилась и на судей. Внесудебная власть ковала золотые цепи и ожидала со стороны КС ответных шагов.

Подрыв независимости судей и самоуправления судейского сообщества осуществлялся и по другим линиям. Еще в 1995 году в законе о статусе судей были дополнены условия, позволяющие досрочно прекращать их полномочия. К норме «совершение поступка, позорящего честь и достоинство судьи» было добавлено «или умаляющего авторитет судебной власти». Эта растяжимая формулировка использовалась для удаления «не в ногу шагающих» судей общих судов (получившее широкую огласку дело судьи Кудешкиной в 2005–2009 годы). А в 2009-м угроза применения этой нормы нависла над двумя судьями КС: одного заставили подать в отставку из Совета судей, а другого из КС. Периодические изменения срока полномочий и предельного возраста, вносившиеся в закон о КС, также становились для внесудебной власти дополнительными инструментами воздействия на поведение конституционных судей.

В пирамидально-иерархической системе власти роль руководителя любого ее подразделения особенно велика как в работе возглавляемой им структуры, так и в трансляции в нее пожеланий, приходящих извне. Поэтому

¹ См.: ФКЗ «О Конституционном суде РФ» № 1-ФКЗ в редакции на декабрь 2015 г.; А. Гарбуз, М. Краснов, Е. Мишина, Г. Сатаров. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. М., 2010. С. 52–60, 76–77, 84–193, 202–210.

демократический порядок выборов председателя КС, а также его заместителей коллективом судей в 2009 году был заменен их назначением Советом Федерации по представлению президента. Пост секретаря КС был упразднен.

Вслед за периодом, когда КС занимал (или пытался занять) самостоятельную по отношению к другим ветвям власти позицию по острым вопросам (как бы ни оценивать ее политически)¹, наступало время, когда, шаг за шагом встраивание в вертикаль власти во главе с президентом стало происходить не без собственного встречного движения КС. Вполне отчетливо это проявилось в связи с коллизией, возникшей между РФ и международными судами.

Конституционный суд между правом и политическими реалиями

Общий баланс деятельности КС за почти четверть века не может быть оценен однозначно. Многие постановления, которые он принимал по жалобам граждан и организаций, реже — судов, и совсем мало — по запросам депутатов ГД и региональных парламентов, способствовали решению спорных вопросов на правовой основе. КС пересматривал некоторые судебные решения в пользу заявителей, подвигал к введению новых правовых норм и процедур, отмене спорных законоположений и побуждал федерального законодателя вносить полезные изменения в законодательство в предписанный срок. Таких решений было немало, но они, как правило, не касались — во всяком случае, с середины 1990-х — спорных ситуаций, в которых заинтересованной стороной выступало государство в лице своих высших органов. Иными словами, когда споры переходили в политическую плоскость.

Провести грань между правом и политической вообще непросто. Тем более в современной России, где почти все проявления общественной жизни предельно политизированы и в истории которой никогда не существовало правового государства. Первые к нему нетвердые шаги, предпринятые в годы перестройки и постперестройки, были грубо пресечены и политико-правовому процессу был дан обратный ход. Поэтому и наиболее заметные события в истории КС имели политическую подоплеку. Но политические склонения КС были одними, когда исход основных противостояний

¹ Выступая в ГД при обсуждении закона о КС 1994 г., Б. Золотухин напомнил воодушевление, с которым страна принимала его первые решения, оспаривавшие неконституционность ряда действий исполнительной власти. — ГД. Стенограмма заседаний... Т. 4. С. 74.

в российском обществе еще не определился, и сменились другими, когда тенденция к ужесточению режима стала набирать силу. О ряде знаковых правовых (или не вполне правовых) позиций КС, имевших политические последствия, и пойдет далее речь.

Процесс по делу КПСС. 1992 г.

Итоги процесса по делу КПСС в КС, несколько месяцев находившегося в центре общественного внимания в России и за рубежом, не удовлетворили никого. Исходным пунктом слушаний в КС были ходатайства, заявленные коммунистами и их противниками. Проверке подлежало соответствие Конституции РФ указов президента, на основе которых деятельность КПСС и КП РСФСР была приостановлена, их имущество объявлено находящимся в государственной собственности и природа КПСС и КП РСФСР как политической партии оспорена. Рассмотрев позиции представителей президента и сторон, заявивших ходатайства, выслушав десятки свидетелей и экспертов и ознакомившись с сотнями представленных документов, КС принял постановление, основное содержание которого сводилось к следующему²:

— по указам президента: правомерен роспуск руководящих структур КПСС и КП РСФСР и не соответствует Конституции роспуск первичных организаций партии, образованных по территориальному признаку, так как они «сохраняли свой общественный характер и не подменяли государственные структуры»;

— по сопутствующему вопросу о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР, с ходатайством о рассмотрении которого выступили более 70 народных депутатов: производство прекратить в связи с тем, что в августе-сентябре 1991 года КПСС фактически распалась.

Аргументированные возражения по решению большинством КС постановлению были изложены в особом мнении судьи А. Конова. Первичные организации, писал он, являлись фундаментом, основным структурным звеном КПСС; существование ее руководящих структур без них немыслимо и невозможно. С прекращением производства о конституционности КПСС и КП РСФСР также нельзя согласиться, так как абсолютное беззаконие

² Постановление Конституционного суда РФ от 30.11.1992 № 9-П по делу о проверке конституционности указов президента РФ от 23.08.1991 «О приостановке деятельности КП РСФСР», от 25.08.1991 «Об имуществе КПСС и КП РСФСР» и от 06.11.1991 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР.

и произвол, творимые КПСС многие десятилетия, немисливо тяжкие последствия ее деятельности, особая опасность нарушения всех конституционных запретов позволяет квалифицировать эту организацию как преступную и, следовательно, антиконституционную. Деяния КПСС с точки зрения норм международного права подпадают под нормы о геноциде, военных преступлениях и преступлениях против мира и человечности. Как известно, ответственность по таким преступлениям не имеет срока давности.

С особыми мнениями противоположной направленности выступили судьи Б. Эбзеев и В. Лучин¹. Таким образом, о природе и роли КПСС были заявлены три разные точки зрения, правовые обоснования которых располагались в различных, не сопрягаемых друг с другом плоскостях. Едва ли не самой слабой из них была промежуточная позиция, поддержанная большинством конституционных судей как межумочная попытка найти облеченный в правовые одежды компромисс между двумя противоположными политическими подходами.

В научных публикациях и публицистике не раз КПСС сопоставлялась с НСДАП, а разбирательство в Конституционном суде по делу КПСС – с Нюрнбергским процессом. Обе организации запятнали себя чудовищными преступлениями против собственного и других народов. Но Нюрнбергский процесс в отличие от московского имел под собой прочные правовые и военно-политические основания. Нюрнбергский процесс был выведен из германской политико-правовой системы (если о существовании таковой вообще можно было говорить применительно к 1945–1946 годам). Это был суд победителей, опиравшийся на международное право (акт о капитуляции и устав трибунала, согласованный державами-победительницами). Нацистский режим был позорным, но относительно кратковременным эпизодом в истории Германии. Он оставил шрамы в сознании народа, но ностальгия по гитлеризму была преодолена (хотя и не сразу) большинством. В России большевизм и сталинизм, господствовавшие три четверти века, в общественной памяти оставили значительно более глубокие, поныне незажившие рубцы. Нацистская партия и государство были обрушены тотальным военным поражением. Советское же государство было демонтировано при активном уча-

стии значительной части руководства и актива КПСС. Выходцами из нее было и большинство членов КС.

Решение по делу КПСС КС принимал самостоятельно и свободно, не подвергаясь существенному воздействию извне. Но люди, принявшие это решение, не были свободны от политических воззрений и предубеждений, сталкивавшихся в расколотом обществе. Победа над путчистами не стала исторически переломным событием. Вольно или невольно под собственное понимание всех обстоятельств большинство судей подстроило правовое обоснование своего вердикта. Искусственность этого обоснования по многим позициям была слишком очевидна. Чего стоил, например, отказ оценить преступную природу КПСС на том основании, что к моменту вынесения постановления она прекратила свое существование. Ведь судьям в Нюрнберге, вероятно, и в голову не пришло вывести из обвинения нацистскую партию, поскольку она прекратила свое существование. КС снял обвинение в неконституционности только с первичных партийных организаций по месту жительства и прошел мимо того обстоятельства, что подавляющее большинство членов партии было раскреплено в организациях по месту работы или учебы, и не объявил преступной деятельность руководящих органов КПСС. Это облегчило восстановление партии.

О правовом значении процесса по делу КПСС говорить не приходится. Политически же принятые на нем решения всего лишь отразили с трудом найденную равнодействующую существенно различных, если не противоположных воззрений на самые трагические страницы нашей истории, с которыми судьи пришли в зал суда. Он не стал «русским Нюрнбергом» также и потому, что общество было слишком поглощено своими заботами и горестями текущего момента и оказалось не способно связать их с тем, о чем шел спор в КС. Все это крайне негативно сказалось на последующем развитии страны. Суд над большевизмом=сталинизмом не состоялся. Как всякая тяжелая болезнь, не захваченная вовремя, она сопровождается рецидивами в социальном организме. Хотя бы в виде приступов поклонения кровавому диктатору, в том числе у вступающих в жизнь поколений. Иммунитет к тоталитарным соблазнам так и не выработался. Ответственность КПСС за это, будь то с правовых или политических позиций, очевидна.

¹ Особые мнения о постановлении КС по делу КПСС конституционных судей А. Кононова, Б. Эбзеева, В. Лучина.

Конституционный суд в событиях осени 1993 г.

21 сентября 1993 года в 20:00 были оглашены указы президента «О поэтапной конституционной реформе в РФ» и его Обращение к гражданам России. В 22:10 открылось экстренное *совещание* судей КС. В их распоряжении была распечатка объявленных документов. После непродолжительного обсуждения было проведено голосование по наскоро составленному председателем КС заключению. В нем было сказано, что опубликованные документы не соответствуют ряду статей Конституции РФ и служат основанием для отрешения президента от должности «или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121¹⁰ или 121⁶ Конституции РФ». За заключение проголосовали 9 членов КС, против — 4, причем из 9 судей, его поддержавших, 4 высказали сомнения в правомерности сформулированного в нем вывода¹.

Решение КС производило довольно странное впечатление. Официальными документами президента к моменту вынесения заключения он не располагал. Статус не оговоренного в законе о КС *совещания* (а не заседания) не давал права принимать обязывающее решение. Судьи не пришли к единому мнению, по какой из статей Конституции следует направлять процедуру отрешения президента от должности: из двух теоретически допустимых вариантов они сослались на оба, причем в статье 121⁶ (на которую предпочитают опереться в своих постановлениях ВС и съезд²) не предусмотрено участие КС, а «иные специальные механизмы» отрешения президента не были раскрыты ни в самой Конституции, ни в законах. Наконец, принимая решение, большинство судей не услышало соображений коллег, говоривших, что ситуация возникла из-за противоречий, заложенных в самой Конституции, и из-за того, что обе стороны конфликта (а не одна из них) вышли за пределы конституционного поля.

Конфликт между президентом и съездом зашел так далеко, что разрешить его теперь можно было только политическими средствами. Для поиска и оперирования ими КС не был пригоден по своей природе. Поэтому не КС (который сразу же вышел из игры), а его председатель переместился из правовой в политическую сферу и попытался подвинуть стороны конфликта к соглашению, как уже раз проделывал это в декабре 1992 года, на VII СНД. На следующий же

день после того, как КС санкционировал процедуру импичмента, его председатель заявил: «Я в основном разделяю оценки положения в стране и высших эшелонах государственной власти, данные в преамбуле указа, и цели, которые ставит перед собой президент». А затем, явившись на съезд и польстив депутатам («Я понимаю, что вы правы, вы обижены, над нами совершено поругание и насилие...»), он сформулировал четыре политических условия компромиссного урегулирования конфликта, *не включавшие продолжение процедуры импичмента*, и предложил в качестве одного из гарантов их соблюдения КС³.

Эти условия могли бы стать предметом переговоров, будь они выдвинуты до того, как политическая ситуация предельно обострилась. Но теперь обе стороны не помышляли ни о чем, кроме решительной победы: противостояние было разогрето также и поспешным квазиправовым решением КС. Сам же председатель КС после всего происшедшего становился совершенно неприемлемым для Ельцина в какой бы то ни было роли. Через несколько дней его инициатива была отвергнута и Хасбулатовым⁴.

Так завершилось для КС «хождение в политику». Уже после силового решения конфликта, 5 октября, КС осудил и агрессию со стороны Белого дома. Но это уже мало что могло изменить в его судьбе. Платой за интервенцию КС в политику стало его длительное отстранение от дел — пока шло продвижение нового закона и тянулась мучительная многоактная процедура замещения вакантных мест.

Дрейф навстречу президенту

Другие постановления КС, которые будут далее рассмотрены, демонстрируют нарастающую ассоциацию КС с политической линией — сначала Ельцина, а затем Путина. Постановления, которые во всех этих случаях выносил КС, были мотивированы (хотя это никогда не признавалось) соображениями политической целесообразности. Все они санкционировали позиции президента. КС теперь ни разу не приходилось поправлять верховную власть или тем более становиться в оппозицию к ней. Но, если в первом случае проблема заключалась в том, чтобы найти правовую форму для разрешения острой общественной ситуации, выход из которой был неочевиден и при любом выборе был связан с серьезными общественными потерями, то в двух других спорное правовое

¹ Москва. Осень 93. Хроника противостояния. М., 1994. С. 10–17.

² Десятый (чрезвычайный) СНД РФ. Стенографический отчет. М., 2010. Т. 1. С. 40, 385.

³ Там же. С. 250–253.

⁴ Там же. С. 163–165.

оформление получали решения, общественная необходимость которых вызывает серьезные возражения.

В июле 1995 года КС должен был прийти к заключению о конституционности изданных в 1993–1994 годах указов президента и постановлений правительства, санкционировавших участие вооруженных сил государства в «восстановлении конституционного порядка» в Чечне. Депутаты и члены СФ, направившие запросы в КС, оспаривали использование армейских соединений для погашения конфликта в Чечне и подчеркивали, что проводившаяся операция привела к грубым и массовым нарушениям прав человека, к разрушению государственных систем обеспечения этих прав. В ответ на это представители президента указывали, что экстраординарная ситуация привела к применению экстраординарных способов действий, и утверждали, что иных средств в руках государства не было.

Российское общество (в том числе демократы) оказалось глубоко расколотым по отношению к войсковой операции в Чечне. С одной стороны, было очевидно, что существующее законодательство не позволяет применять вооруженные силы государства на собственной территории. Чеченский конфликт решениями верховной власти был выведен за рамки правовой квалификации, что позволило военнослужащим действовать практически бесконтрольно. С другой — было не менее очевидно, что в Чечне утвердилась своего рода пиратская республика, предводители которой столь же бесконтрольно чинили суд и расправу над подвластным им населением. Само существование бандитского анклава, откуда направлялась экспансия на соседние территории, стало вызовом конституционному порядку, поддержание которого было обязанностью власти.

КС постановил, что в сложившейся ситуации президент имел право действовать именно так, как он поступил. Насколько напряженной была дискуссия и неоднозначна проблема, в подходе к которой никто не обладал бесспорной истиной, видно из того, что к постановлению 7 из 19 судей сочли уместным приложить особые мнения. «Способ разрешения “чеченской проблемы” был и остается чрезвычайно запутанным клубком из морально-этических, правовых и политических вопросов... От Конституционного суда требовалось однозначно высказаться ни больше ни меньше как по поводу “конституционности войны”, по поводу “конституционности смертей и разруше-

ний”», — писали демократические помощники президента, поставленные перед мучительным нравственным выбором. И задавались вопросом: не проложило ли решение КС 1995-го путь ко второй чеченской войне 1999-го!¹

Теперь уже очевидно, что силовая попытка восстановить «конституционный порядок» в Чечне открыла череду событий, которые не исчерпывались возобновлением военной кампании со всеми присущими ей ужасами. КС санкционировал проведение в Чечне курса, который был безответственным и провальным. Сменявшие друг друга политики, проводившие такой курс, то вели войну на уничтожение, то капитулировали перед бандитами, с которыми не могли совладать, то опустошали чеченские города и селения, то бросали непомерные материальные и финансовые ресурсы на их восстановление. Оказавшись перед выбором, поддержать признанный Россией режим Масхадова и помочь ему совладать с колебавшимися его власть бандформированиями или воспользоваться неустойчивой ситуацией в Чечне для нанесения удара, они опять выбрали силовой вариант и в итоге получили в «стабилизированной» республике средневековый султанат, сделав ставку на своего вассала в Грозном и передав ему власть и ресурсы, которые и не снились его амбициозным предшественникам. За свои опереточные клятвы верности патрону он получил право без оглядки на Конституцию «володеть» Чечней и отправлять своих нукеров бесчинствовать в Москве и других регионах России.

Но решение КС имело и более далеко идущие последствия. Реабилитирован был сам принцип незаконного насилия. Чеченская война, в ходе которой были попораны все запреты, стала одним из главных факторов, предопределивших поворот в политической жизни и состоянии права в России, проложила путь к милитаризации, к возвышению клана силовиков у власти.

После трагических событий в Беслане (2004 год) КС санкционировал изменения в организации государственной власти, хотя обосновать их необходимость борьбой с терроризмом было непросто. По инициативе президента был принят закон, по которому выборы губернаторов населением заменялись причудливой процедурой: законодательному органу субъекта Федерации надлежало предложить президенту ряд кандидатур, а затем утвердить лицо, на котором остановил свой выбор президент. Было очевидно, что переход от всеобщих выборов

¹ Эпоха Ельцина. С. 702.

высших должностных лиц субъектов Федерации, в руках которых к этому времени сосредоточилась почти вся власть в регионах, к их фактическому назначению — мера отчетливо антифедералистская и антидемократическая. Губернаторы становились практически несменяемыми иначе как по инициативе сверху. Ибо они во многом определяют состав региональных законодательных органов, а заодно контролируют и избрание депутатов ГД от региона, не говоря уже о назначении своего представителя в СФ. Президент обретал право не только назначать и отстранять от должности глав субъектов Федерации, но и в крайне маловероятном случае, если бы региональным законодателям вздумалось не согласиться с его выбором, распустить избранное населением законодательное собрание. Те, кто добивались включения не только органов исполнительной, но и законодательной власти в президентскую «вертикаль», могли справлять праздник.

Но вслед за этим 14 региональных отделений СПС и гражданин Тюмени оспорили закон в КС. Рассматривая поступившую жалобу, КС мог лишь подтвердить собственное решение 1996 года, когда отказ от прямых выборов высших должностных лиц субъектов Федерации был признан не соответствующим Конституции. Однако КС не без изящества обошел кажущееся затруднение. Каждое из двух противоречащих друг другу постановлений было признано правомерным. Б. Страшун, один из разработчиков Конституции РФ, а впоследствии советник и начальник научно-экспертного управления КС, пришел к заключению: «Аргументация Конституционного суда, если это можно назвать так, полностью меняет общественные представления о верховенстве Конституции, ее соотношении с законодательством, пределах ее толкования и собственных правовых позициях КС, которые свободно могут меняться “в духе времени”. С этой точки зрения можно оправдать все, что угодно, но это будет за пределами права»¹. Правда, через несколько лет в порядке замещения губернаторских постов была возвращена процедура прямых выборов (в искаженном виде — претендент на губернаторский пост должен заручиться поддержкой муниципальных депутатов, получить которую неофициальному кандидату затруднительно), но в нужный момент роль, которую отвело ему государство, КС выполнил исправно.

¹ Постановление КС от 21 декабря 2005 г. № 13-П; Б.А.Страшун. Проблемы реализации Конституции // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). С. 57–61.

В июне 2015 года, за полтора года до дня, когда должны были состояться очередные выборы в ГД, КС рассмотрел запрос двух членов СФ о конституционности переноса выборов с декабря на сентябрь. Вопрос, на который должны были ответить конституционные судьи, сводился к тому, не нарушает ли назначение выборов на 2,5 месяца раньше срока, на который была избрана Дума в 2011 году, 96-й и 95-й статьи Конституции. Нет, не нарушает, ответил КС. Во-первых, потому что сдвиг по времени незначителен; во-вторых, потому что полномочия депутатов прежнего созыва можно продлить уже при новой Думе до окончания пятилетнего срока, на который они были избраны; в-третьих, потому что перенос выборов на единый день голосования, зафиксированный в ранее принятом законе, осуществляется «в конституционно значимых целях» и позволяет сэкономить затраты сил и средств. Оппоненты этого решения показали, что никакой экономии оно не дает, потому что в Законе «Об основных гарантиях избирательных прав...» уже предусмотрена обратная рокировка, чтобы совместить федеральные и местные выборы — продлевать в год выборов Думы полномочия региональных парламентов и органов МСУ до декабря, а «сосуществование» двух составов ГД потребует, наоборот, дополнительных расходов, которые были оценены в 700 млн рублей². Смысл переноса выборов в Думу, однако, не сводим к приведенным сомнительным обоснованиям. Он — в различном понимании «конституционно значимых целей». Дело не в том, что избирателям будто бы удобнее голосовать в предположительно более комфортном сентябре, чем в морозном или слякотном декабре, а в том, что перенос выборов обеспечивает преимущество партиям, пользующимся поддержкой администрации, и ущемляет возможности конкурирующих с ними сил развернуть полноценную предвыборную кампанию, потому что она придется на сезон отпусков. Навстречу этим соображениям и пошел КС со своим постановлением.

КС и защита гражданских прав

В обеих редакциях ФКЗ «О Конституционном суде РФ» среди его главных целей была названа защита прав и свобод человека и гражданина, «более полная реализация независимости Конституционного суда и его судей». Впервые представляя закон о КС, Б. Золотухин говорил, что Конституционный суд — «единственный и

² Новая газета, 03.07.2015.

уникальный орган судебной власти, который в своей повседневной деятельности непосредственно и непрерывно обязан высказываться относительно деятельности других высших властей — законодательной и исполнительной», а в случае необходимости — произносить «решительные и властные слова запрета». Если суд «будет послушно и угодливо соглашаться со всем, что ни совершит президент и что ни решит парламент... сама идея конституционного контроля над исполнительной и законодательной властью будет безвозвратно погублена, а Конституционный суд превратится в бесполезное архитектурное излишество на шатком здании российской государственности»¹. Конституционный суд, однако, оказался далек от идеальной модели, которая была задумана конституционалистами 1990-х, а реальность, в которой ему приходилось действовать, — юридическая, социальная и политическая, — значительно более жесткой, чем тогда виделась. Попытаемся определить влияние каждого из этих трех ее компонентов.

Законодательный контекст, в котором действует КС, оставляет желать лучшего. Как уже отмечалось, он не наделен правом инициировать рассмотрение дел по собственному усмотрению и лишен возможности, отталкиваясь от индивидуальной жалобы, осуществлять проверку правоприменительной практики (как это было предусмотрено в варианте закона 1994 года). Что не менее существенно, нет закона о порядке реализации его решений. Государственные органы могли безнаказанно уклоняться от их исполнения (как это, например, делает прокуратура, подвергая избранные НКО бесконечным и бессрочным проверкам вопреки позиции КС).

Не лучше обстоит дело с восприятием правосудия в социальных средах. Решения КС не обладают достаточным авторитетом не только для исполнительной власти, но и в самой судебной системе и в глазах общества. Это не случайно. Оригинальное исследование правосознания трех групп — судей, населения и предпринимателей — позволило российским ученым показать сходство и различия в правовых представлениях акторов и клиентов правового поля. Среди важных выводов отметим следующие. Структуры правосознания во всех трех группах находятся в переходном состоянии. От стереотипов позитивизма в советском исполнении (законы, продиктованные государством, составляют

суть права, а права человека должны быть подчинены интересам государства) к концепции естественного права (права, которые сопровождают человека от рождения, выше изданных законов, назначение же государства в том, чтобы их гарантировать и защищать) путь не пройден. К идеалу правосознания, из которого исходят авторы, ближе всего располагаются судьи, за ними предприниматели, далее всех — население. Но еще дальше отстоят представления судей о том, как наиболее важные цели правосудия видит население. По качеству правосознания (то есть по приближению к идеальному) судьи во многом превосходят и граждан, и предпринимателей, но в профессиональной деятельности как бы отвлекаются от своего понимания права. Отношение судей к независимости судебной власти определяется главным образом не конституционно-правовыми соображениями, а корпоративной солидарностью. Общество не освоило принципы права. Среди предпринимателей и населения преобладает мнение, что дефекты правосудия могут быть компенсированы контролем, исходящим от других властных институтов. Правовое просвещение граждан, которое взяло на себя государство и которое формируют в основном фарсы, разыгрываемые на ТВ, находится на очень низком уровне, хотя «для государственного бюджета сознательно законопослушные граждане гораздо выгоднее затрат на их постоянное усмирение. Другое дело, что в гражданах с современным правосознанием заинтересована не всякая власть»².

Было бы грубым упрощением распространить характеристики, полученные авторами на основе опроса более или менее представительной выборки судей (лица, собранные на факультете повышения квалификации в Российской академии правосудия), на элитную группу конституционных судей. Но содержащиеся в исследовании данные могут дать достаточно адекватное представление о профессиональной и социальной среде, в которой работает КС и которая, конечно, накладывает отпечаток на результаты его деятельности.

Однако, по-видимому, *главным фактором*, определяющим действия КС на всех этапах его существования, была и остается *политическая компонента*. Менялись политические условия в стране, относительная значимость ветвей власти в государственной системе. Изменял-

¹ Пятый (внеочередной) Съезд... Т. 1. С. 181–182; Государственная Дума ... Т. 4. С. 37.

² Г. Сатаров, Ю. Благовещенский, В. Римский. Социологический анализ правосознания судей, населения и предпринимателей. М., 2016. С. 8, 13, 21–25, 129–131, 134–148. Работа была презентована на круглом столе Фонда «Либеральная миссия» 17 мая 2016 г.

ся и политический курс политического руководства, принимающего ключевые решения и определяющего поведение «государственных людей». При относительно постоянном персональном составе и сам КС показал высокую степень приспособляемости к этим изменениям. Примерно на рубеже 2011–2012 годов в политическом курсе российской власти произошел существенный сдвиг, к чему дело шло в предшествующие годы. Он стал заметно более репрессивным, «запретительным» внутри страны и более конфронтационным вовне. Произошла смена геополитической ориентации с Европы на Евразию. Соответственно зафиксированный в Конституции принцип – права и свободы человека первичны по отношению к интересам государства – в реальной жизни был развернут в противоположном направлении. Конституционный суд давно уже не ставит под сомнение ни одну из запретительных инициатив власти. Он оказался встроенным в ее вертикаль и стал одним из механизмов «суверенной демократии». Но справедливости ради надо сказать, что роль эту КС исполняет более осторожно и искусно, чем, например, парламент и «басманные» подразделения судебной системы.

В ряде случаев КС склонялся к приоритету гражданских прав. Так, он счел не соответствующей Конституции одну из инициатив «низовых» запретителей. Речь идет об отказе кандидату в регистрации на выборах под тем предлогом, что тот был под домашним арестом и не мог лично представить документы в избирательную комиссию. В поле зрения КС попала и остро дискуссионная проблема суда присяжных: следует ли возратить ему хотя бы часть отобранных у него компетенций, вернуть присяжных на уровень районных судов и определить их численность при рассмотрении судебных дел. Роль присяжных под давлением стороны обвинения сведена сейчас к минимуму: с их участием рассматривается примерно 0,05% уголовных дел в год. Это на порядок меньше, чем практикуется в демократических государствах, и меньше, чем в России после судебной реформы Александра II. Между тем расширение зоны действия суда присяжных способствовало бы искоренению или хотя бы смягчению известного бедствия – обвинительного уклона в российских судах¹. Некоторые

¹ Суд обычный и суд присяжных судят по-разному, утверждает Ю. Пилипенко, президент Федеральной палаты адвокатов РФ. Число оправданий от рассмотренных уголовных дел, по его данным, в первых составляет 0,8%, во вторых – от 10 до 20%. – Независимая газета, 17.02.2016.

шаги в этом направлении предусматривают законопроект, внесенные президентом в марте 2016 года. Свой вклад внес и КС: в феврале 2016-го он восстановил право женщин, обвиняемых по тяжким статьям, на рассмотрение их дел с участием присяжных. (Правда, специально было оговорено, что под это постановление не подпадает сугубо политическое дело Надежды Савченко)².

Более типичны, однако, позиции, которые КС занимал в остроконфликтных вопросах. В 2012 году в авральном порядке был проведен закон, обязавший НКО, занимающиеся политической деятельностью и получающие иностранное финансирование, регистрироваться в Минюсте в качестве иностранных агентов. Закон, по оценке общества «Мемориал» и других правозащитных организаций, «изначально неправовой и антиконституционный», преследующий «сугубо политические и конъюнктурные цели». Рассмотрев жалобы Уполномоченного по правам человека в РФ и ряда граждан, КС в 2014 году издал постановление, в котором подтвердил официальную точку зрения на закон: он «не препятствует НКО получать иностранное финансирование и использовать полученные средства в политической деятельности». Получение иностранного финансирования российскими НКО, утверждает КС, само по себе не ставит под сомнение их лояльность по отношению к государству. На них лишь возложена обязанность регистрироваться и исполнять повышенные требования к отчетам о деятельности. Попытки же «обнаружить в словосочетании «иностраный агент» отрицательный контекст, опираясь на стереотипы советской эпохи, лишены конституционно-правовых оснований». Вердикт конституционных судей поразителен. Трудно допустить, что люди их уровня могли не понимать, что в российском обществе понятие «иностраный агент» несет вовсе не нейтральную идеологическую коннотацию и что за присвоением общественной организации столь сомнительного лейбла последуют дискриминационные ограничения со стороны правоприменителей. Что и произошло. С 2014 года Минюст получил право по собственному усмотрению включать НКО в штрафной реестр. И ограничительные меры не заставили себя ждать, например при реформировании Общественных наблюдательных комиссий³.

² Независимая газета, 26.02.2016.

³ 30 октября 2013 № 117; Независимая газета, 23.11.2015; <http://www.consultant.ru/law/hotdocks/32917.html>.

Правозащитники попытались оспорить драконовское законодательство с другой стороны — поставив перед президентом вопрос о том, что в законе политическая деятельность трактуется расширительно. На заседании Совета по правам человека в октябре 2015 года президент, как показалось, сделал шаг им навстречу, заявив: «Понятие “политическая деятельность” не должно быть размытым... резиновым... Под эту сурдинку... нельзя ни в коем случае подгонять все, что нравится представителям власти». Получив руководящее указание, Минюст принялся за работу и уже в январе 2016 года представил проект поправок. Новый вариант оказался не лучше прежнего. Перечислив в законопроекте разнообразные виды общественной деятельности, которые не следует относить к политической, от науки, культуры, искусства до пропаганды здорового образа жизни, от профилактики и охраны здоровья до защиты растительного и животного мира и т.д., разработчики включили в проект обширный перечень видов политической деятельности. В ее состав вошли, в частности, «участие в деятельности, направленной на получение определенного результата на выборах, в наблюдении за проведением выборов», публичные обращения к государственным и муниципальным органам и чиновникам, «оказывающие влияние на их деятельность», распространение «оценок принимаемых государственными органами решений и проводимой ими политики», деятельность, направленная «на формирование общественно-политических взглядов и убеждений, в том числе путем проведения и обнародования опросов общественного мнения», и т.д. В мае 2016-го ГД приняла этот закон¹. По сути, всем структурам гражданского общества в России предъявлен ультиматум: держитесь в стороне от любой публичной деятельности, которую власти сочтут политической, или принимайте статус, который позволит рассматривать вас как изгоев. Надо полагать, что запрос по этому закону раньше или позже поступит в КС, и конституционные судьи должны будут сделать непростой для них выбор.

Заслуживает внимания еще один продукт законотворчества ГД, прошедший в мае 2016 года первое чтение. Согласно законопроекту, изготовленному депутатом Яровой и сенатором Озеровым, запрет на выезд из России мо-

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в пункт 6 статьи 2 Федерального закона “О некоммерческих организациях” в части уточнения понятия политической деятельности»; Независимая газета, 25.01.2016 и 23.05.2016.

жет быть наложен на граждан, по отношению к которым правоохранительные органы располагают сведениями об их «намерении совершить преступление», хотя какими-либо признаками о подготовке или покушении на преступление эти органы не владеют, поэтому не имеют оснований для привлечения означенных граждан к уголовной ответственности и ограничиваются «официальным предостережением». Иными словами, конституционное право граждан, заинтересовавших спецслужбы, может быть ограничено внесудебными органами на основе бог весть откуда полученной информации. Объектом предостережения может стать практически любой неугодный властям человек. При этом уголовная ответственность начиная с 14 лет вводится за «несообщение» о подготовке террористических преступлений. За преступления «террористической и экстремистской направленности» закон вводит санкцию, находящуюся в прямом противоречии с Конституцией, — лишение гражданства тех, кому раньше оно было предоставлено, хотя конституционная норма не выделяет граждан, так сказать, «второго сорта». При том понимании экстремизма, которое утвердилось в практике наших судов, легко представить, какие возможности это открывает. Ведь понятие «экстремизм» не только на страницах низкопробной журналистики, формирующей общественное мнение, но и в ориентации российских судов, размыто и открыто для интерпретации, а в качестве авторитетного интерпретатора выступают органы прокуратуры, следствия и привлеченные ими эксперты.

Пакет законопроектов Яровой — Озерова содержит и иные положения, столь же высоко полезные для искоренения несогласия с властями. Если Дума при дальнейшем прохождении этих проектов не примет во внимание заключение с резкой их критикой, направленное ей Советом по правам человека, заниматься ими также, вероятно, придется Конституционному суду².

Конституционный суд и международная юстиция

Среди объектов разбирательства в КС в последнее время едва ли не наибольшее внимание привлекла международная Конвенция о защите прав человека. Конвенция обязывает

² Законопроект № 1039101-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»; Независимая газета, 16.05.2016; http://echo.msk.ru/blog/boris_vis/1765088-echo.

присоединившиеся к ней государства исполнять решения межгосударственных судебных органов, и в частности решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге. Граждане, полагающие, что их права нарушены национальными судами или органами исполнительной власти, обращаются в ЕСПЧ как в последнюю инстанцию. Россия ратифицировала конвенцию в 1998 году, когда была ориентирована на вхождение в сообщество европейских демократических государств, а «басманное» правосудие при рассмотрении политических дел еще не было запущено. Но время шло, вал нарушений гражданских прав был поставлен на поток, число жалоб росло. Надвигались решения ЕСПЧ по искам на сомнительный в правовом отношении захват имущества ЮКОСа. Очевидной для международного правосудия становилась несправедливость приговоров российских судов по «болотному делу». Исполнение приговоров Страсбургского суда грозило российскому государству непомерными расходами и политическим ущербом.

До некоторых пор российская власть могла полагаться на то, что поток жалоб в Страсбург существенно превышает возможности ЕСПЧ своевременно их рассматривать, а российская судебная система изобретательно тормозит и блокирует исполнение его постановлений. Но в условиях резкого обострения отношений с Западом начался поиск более действенных средств противостояния. Официальные лица отметились заявлениями, что ЕСПЧ «абсолютизирует значение международного права при рассмотрении конкретных дел» (А. Бастрыкин), «страдает недостатком демократической легитимности» и повинен в «судейском активизме» (В. Зорькин)¹. Стараниями политических шоуменов на ТВ и подбираемых ими гостей (среди которых особенно отличались депутаты ГД и ораторы ЛДПР) ЕСПЧ был представлен прильнувшей к телевизорам публике как одно из подразделений скоординированного коварным Западом похода против российского суверенитета. В такой атмосфере нетрудно было выйти из-под юрисдикции международных судов, порвать с Советом Европы и отменить ненавистную норму Конституции, на чем давно уже настаивала «патриотическая общественность». Решено было, однако, разыграть более сложную партию, в которой заглавная роль была отдана КС.

¹ Российская газета, 24.07.2015; Независимая газета, 28.10.2015. Бастрыкин пошел дальше и предложил исключить из Конституции норму о приоритете международного права и ряд других «устаревших» положений.

Он занял более осторожную позицию. Рассмотрев в июле 2015 года соответствующий запрос группы депутатов ГД, КС постановил, что поставленные под вопрос положения законов не противоречат Конституции РФ и ЕСПЧ вполне обоснованно выступает в качестве субсидиарного межгосударственного судебного органа в конкретных случаях, когда исчерпаны все внутригосударственные средства судебной защиты. Вместе с тем КС определил, что в исключительных случаях «Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ». В подтверждение этой позиции были приведены случаи, когда сходным образом поступали другие государства.

Далее КС предложил алгоритм действий в спорных случаях: российские суды и иные государственные органы, на которые возложена обязанность исполнения международных договоров, усмотрев противоречия с Конституцией РФ, вправе обратиться в КС с просьбой отрегулировать возникшие коллизии. Законодателю же было рекомендовано разработать «специальный правовой механизм для разрешения им (Конституционным судом) возможности или невозможности с точки зрения верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ...»². Что и было исполнено в феноменально сжатые сроки: 1–14 декабря 2015 года изменения в закон о КС были приняты ГД в трех чтениях, одобрены СФ и подписаны президентом. Означенный порядок был распространен на решения всех межгосударственных органов по защите прав и свобод человека³.

Федеральный законодатель, по сути, предписал КС выход за пределы предоставленных ему Конституцией полномочий. Он будет призван высказываться о конституционности решений, принимаемых международными судами по конкретным делам на основе вступивших в силу международных договоров. Правом направлять в КС запросы о возможности исполнения решений международных органов по правам человека наделены лишь федеральные органы *исполнительной власти* (но не суды, которые тоже были упомянуты в постановлении

² Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П.

³ Изменения были внесены в ст. 3 и 104 ФКЗ «О Конституционном суде РФ» № 1-ФКЗ в редакции на декабрь 2015 г.

КС), а с обращениями о толковании положений Конституции в связи с возникающими коллизиями — президент и правительство.

Совершенно неприемлемым сочла принятый закон Венецианская комиссия Совета Европы. Опираясь на ее заключение, Совет заявил: «Предоставление КС РФ права объявлять недействительными международные решения, включая решения ЕСПЧ, несовместимо с международно-правовыми обязательствами России». Неспособность КС устранить противоречия между Конституцией и международными решениями, настаивают эксперты Совета Европы, не освобождает Российское государство от обязанности обеспечить их соблюдение. Закон «вполне безумен», говорит и известный юрист, член Общественной палаты Генри Резник. Он противоречит статьям 15 и 17 Конституции. Ведь договор, на основании которого выносит решения международный суд, заключен по обоюдному согласию. Не хочешь его выполнять — воспользуйся предусмотренной процедурой выхода. «А мы из договора выходить не будем, но и выполнять его не хотим — это же сюр...»¹

Итак, и вторжение в текст Конституции, и выход из международных договоров были отложены. Спешка же, в которой была оформлена возможность отказа от исполнения обязательств по решениям международных судов, по-видимому, была обусловлена приближением сроков исполнения крупных финансовых исков по известному делу ЮКОСа. В этой части, однако, результативность предпринятой операции вызывает сомнение. Отклонение требований, которые потребуют значительных затрат, на том основании, что они противоречат Конституции РФ, конечно, будет исполнено российскими государственными органами и одобрено здесь общественным мнением, но едва ли зарубежные суды, в которые эти иски поступят, согласятся с тем, что решения межгосударственных органов по защите свобод и прав человека мотивированы политически, а не обоснованы юридически.

Многоопытные судьи, подчеркнув безусловную приверженность соблюдению международного права («противоречие между защитой, предусмотренной Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и конституционной защитой основных прав должно разрешаться в направлении расширения гарантий»), добавили выразительную оговорку: «И при условии обеспечения надлежащего соотношения с иными

интересами, защищаемыми Конституцией, т.е. с другими конституционными нормами, гарантирующими основные права, на которые могло бы повлиять расширение отдельно взятой гарантии» (курсив мой. — В.Ш.). Нетрудно представить аргументацию, которая может быть мобилизована для реализации этого положения. Скажем, права российских граждан будут ущемлены выплатой значительных сумм акционерам компании, торопливо перехваченной ее нынешними владельцами без соблюдения юридически выверенной процедуры. Или, насколько оскорбительной для традиционно мыслящей части нашего общества может оказаться защита прав вызывающих раздражение меньшинств. И т.п.

В недалеком будущем, вероятно, мы увидим, как, по каким поводам и в каком объеме станет применяться новый закон. А пока что в одной из основополагающих статей Конституции (154) пробита брешь. Решение конкретных споров поставлено в зависимость от того, какие интересы российские государственные органы сочтут приоритетными и какие из «гарантий» КС признает предпочтительными.

Председатель

История КС РФ неразрывно переплетена с интеллектуальной и политической биографией Валерия Зорькина. Он возглавляет КС с 1991 года по сегодняшний день (с перерывом в десять лет — с 1993-го по 2003-й) и все эти годы был бесспорным не только формальным, но и неформальным лидером этого института. Председателем он избирался пять раз.

За прошедшие годы изменилось очень многое. В стране дважды резко менялась политическая ситуация: в 1990-е и нулевые годы. Мы увидели два разных КС, каждый из которых был (и остается) — во всяком случае, при решении политических вопросов, — более или менее адекватным своему времени, которое в разных ситуациях предписывало ему исполнение разных ролей, подчас диаметрально противоположных, и две разные фигуры в ранге председателя КС, каждая из которых отвечала условиям места и времени. Председатель КС во многом определял поведение КС и оставлял на его решениях отпечаток собственных (а не заемных, продиктованных извне) убеждений, взглядов, верований, а также своего интеллекта, знаний, опыта и человеческого обаяния. Поразительно, но оба функционера носили одно и то же имя — Валерий Дмитриевич Зорькин. (Время, когда в КС председательствовали другие люди, можно опустить).

¹ Независимая газета, 14.03.2016; Новая газета, 04.12.2015.

В политику молодой профессор, за плечами которого была достойная научно-педагогическая карьера, пришел в перестроечное время, когда началось переосмысление доминировавших в СССР представлений о государстве и праве — именно в этой области Зорькин был специалистом. Став в 1990 году руководителем группы экспертов Конституционной комиссии, он сыграл выдающуюся роль в разработке первых вариантов Конституции.

Мне пришлось вести с ним тогда спор о том, как в проекте Конституции должны быть представлены роль и полномочия президента. Убежденный сторонник президентской республики, Зорькин настаивал на том, что только она может обеспечить в России необходимую политическую стабильность и вместе с нею баланс властей. Он и его сторонники решительно отклоняли не только парламентскую, но и полупрезидентскую республику по французскому образцу: «Она разделяет судьбу всех полумер и полувариантов»¹. В обоснованности собственного подхода Зорькин смог тогда убедить большинство разработчиков Конституции, и альтернативный вариант — правительство, ответственное перед парламентом, — был отвергнут. Правда, различие между двумя концепциями (выбор между которыми впоследствии сыграл решающую роль) на первый план выйдет позднее, а в начале вопрос стоял иной: быть или не быть новой Конституции. И в остром споре о судьбе конституционного строя новой России — с человеком, его правами и свободами как высшей ценностью и т.д., — Зорькин занимал демократическую позицию. Покоряли его убежденность и аргументация. В состав КС он был избран голосами подавляющего большинства депутатов СНД, от демократов до реформистской фракции коммунистов.

Момент истины для Зорькина наступил в разгар политического кризиса 1993 года. Он усмотрел нарушение Конституции только одной стороной конфликта и поспешно провел в КС решение, на деле серьезно осложнявшее преодоление смертельно опасной ситуации. Правда, вслед за тем он попытался найти из нее компромиссный выход, но было уже поздно. Он идентифицировал себя с теми силами, вероятная победа которых грозила еще большими бедами. Выйдя из правового в политическое поле, он не сумел проложить путь к умиротворению. Победители, прибегнув к угрозам, потребовали от него отставки с поста председателя КС. Он подчинился, пережил шок, надолго ушел в по-

литическое небытие и дождался момента, когда был опять востребован на том же посту другим президентом, в других обстоятельствах и для выполнения других задач.

У него было время для переосмысления своей гражданской позиции, своей новой роли, а главное, для переоценки ценностей и задач, которые в соответствии с его сменившимися взглядами предстоит решать России. Он остался одним из немногих, если не единственным, в высшем эшелоне власти из призванных в него в начале 1990-х. Он, в прошлом демократ и реформатор, не страшившийся идти против течения, стал органичен для КС, обслуживающего реставрационный и охранительный политический курс. Но он стремится быть в ладу с новой ролью и пытается убедить себя и нас в обоснованности перехода на консервативные позиции.

Ему действительно важно предстать перед собой, городом и миром человеком убежденным, каким он всегда был, а не приспособившимся к обстоятельствам. И в этой роли он виртуозно совмещает утверждение, что «правовой барьер Россией еще не взят, а это значит, что переход к праву и демократии отнюдь не завершен», с «некоторой сдержанностью в защите прав человека Конституционным судом», поэтому необходима «очень осторожная интерпретация Конституции с учетом сложившейся социальной культуры». Неправовое сознание в обществе он иллюстрирует излюбленным примером ревнителей «традиционных ценностей» о неприемлемости гей-парадов, но уводит от главного, фронтального наступления государства на политические свободы ссылкой на то, что жалобы на нарушение этих прав составляют незначительную долю обращений в КС.

Он — противник прямого пересмотра Конституции и выхода России из международных соглашений. Но зато он уговаривает европейских политиков и правоведов учесть «особенности нашей страны и те трудности, с которыми она сталкивается в процессе своего вхождения в европейское правовое пространство». И сузить рамки этого пространства, поскольку «законодательные новеллы в сфере общественной морали... оказываются для массового сознания очень многих стран мира [а не одной лишь России] социально-психологическим шоком». Председатель КС призывает с учетом всех этих обстоятельств переформатировать «правовые стандарты Совета Европы», как бы забыв, что главное в стандартах Европейского Союза — гражданские свободы, разделение властей, не-

¹ Конституционный вестник. 1990. № 2. С. 50–51.

зависимый суд, права человека (включая права меньшинств) и т.д.

Его аргументация так искусна, а примирительные интонации так привлекательны, что прибывший на Международную конференцию «Современная конституционная юстиция: вызовы и перспективы» в Санкт-Петербург Джанни Буккиккио, председатель Венецианской комиссии, незадолго до того давшей отрицательное заключение по закону, который предоставил КС право санкционировать неисполнение международных договоров, выразил «осторожный оптимизм» относительно применения закона, фильтрующего постановления ЕСПЧ. А Зорькин, словно забывшись, в публичной лекции (а не, скажем, в застольной беседе с друзьями) тут же находит уместным уподобить поведение на международной арене сегодняшних США предвоенной Германии, а Обаму – Гитлеру¹.

Периодически выступая в печати с позиций, как он утверждает, философских и экзистенциальных, Зорькин стремится обосновать ценности, к которым теперь пришел, и защитить «скрепы», способные «удержать внутреннее единство нации». В поисках таких «скреп» он, «при всех исторических издержках», готов даже признать в качестве одной из них крепостничество. Среди ныне же востребованных «скреп» главную роль он отводит правовой системе.

Здесь-то и возникают вопросы. Он как бы забывает то, чему учил свою аудиторию времени перестройки, – различию между правом и законодательством (не говоря уже о реальном правоприменении), хотя и то, и другое от права могут отклоняться очень далеко. Не знаю, видит ли он, что его рассуждения нередко подводят к беззащитной апологии установившегося режима и его политики. Он прав, конечно, в предпочтении эволюции революционным переломам. Но ведь революции совершаются тогда, когда правящие силы чрезмерно озабочены устойчивостью обще-

ства (в изложении Зорькина это – самооценность) и тормозят назревшие реформы. История дает немало примеров, когда революции взламывали вполне *законные*, но утратившие *право* на существование системы и тем продвигали общественный прогресс. И совсем уж огорчительно, что, рассуждая о высоких материях и с большим или меньшим основанием сводя счеты с критиками его политической позиции 1993 года, Зорькин обрушивает гнев на так называемый «просвещенный слой», подвергающийся ныне и неправовым, и незаконным репрессиям. Мимо этого не пристало бы проходить лидеру судебной *власти*, хоть и номинальной в сегодняшних условиях². Важно подчеркнуть: Зорькин и тогда, и сейчас не просто приспосабливается (как многие), а верит в свою правоту.

Остается только развести руками и произнести вслед за Чацким: «Бывают на земле такие превращения правлений, климатов и нравов, и умов...»

* * *

Конституционный суд в России за четвертьвековое существование прошел противоречивый путь. Конституционалисты возлагали на него серьезные надежды. Для будущего страны важно, что такой институт существует и набирает опыт, положительный и отрицательный. Сейчас, однако, его роль в делах, затрагивающих права и свободы граждан, в лучшем случае скромна. Он не исполняет свое предназначение в системе сдержек и противовесов перед лицом силовых ведомств государства, которое становится все более репрессивным. Он слишком зависит от других ветвей власти и нередко подыгрывает им.

Необходимо вернуть КС роль и место в системе государственных органов, которые отвечают духу и букве Конституции. Зависит это, однако, не только (и даже не столько) от самого Конституционного суда.

¹ Независимая газета, 18 и 20.05.2016; Ведомости, 18.05.2016.

² См. статьи В. Зорькина в Российской газете: Конституция живет в законах, 18.12.2004; Право и только право, 24.03.2015; Россия и Страсбург, 21.10.2015.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ

Сергей НИКОЛЮК

Смена социального контракта как угроза коллективной идентичности

В том, что белорусы, русские и украинцы представляют три ветви одного народа, в марте 2016 г. было убеждено 66% взрослого населения Беларуси¹. За последние 10 лет эта уверенность оставалась стабильной, несмотря на многочисленные торговые «войны» между учредителями Союзного государства. Не поколебал ее и «Крымнаш».

Единство народов предполагает наличие параллельных процессов в постсоветской истории трех славянских государств. Однако на практике все оказывается сложнее. Ограничусь одним примером. Согласно директору Левада-Центра Льву Гудкову, массовые настроения россиян обусловлены резонансом двух неравных по своим масштабам циклов. Первый — это приближение к концу состояния коллективной мобилизации, вызванной антиукраинской пропагандой, присоединением Крыма и конфронтацией с Западом. Второй связан с завершением идеи транзита от тоталитарной советской системы к демократическому обществу, которым страна жила последние двадцать пять лет².

Завершение первого цикла четко просматривается и в Беларуси (об этом ниже). Что касается второго, то жирная черта под ним была подведена еще летом 1994 г. в ходе первых президентских выборов. Ни один из кандидатов от национально-демократических сил не смог тогда пробиться во второй тур. Реальная борьба развернулась между председателем Совета ми-

нистров, «крепким хозяйственником» Вячеславом Кебичем и депутатом Верховного Совета, неумолимым борцом с коррупцией Александром Лукашенко.

Оба кандидата выступали за тесный союз с Россией и реставрацию советской экономической модели. Но руководитель правительства воспринимался массовым сознанием в качестве главного виновника катастрофического падения уровня жизни населения и уже в силу этого был обречен. Его соперник во главу угла избирательной кампании поставил критику коррумпированной власти. Для политика-популиста в условиях хаоса это была беспроблемная избирательная стратегия.

На первых президентских выборах в Беларуси победитель получил мандат народного доверия, не предполагавший демократического транзита. Поэтому первые президентские выборы оказались фактически и последними. Сам факт наличия «всенародно избранного президента» исключил возможность формирования «левой» оппозиции (аналога КПРФ и ЛДПР). По той же причине в белорусском правительстве никогда не было своих Гайдаров и Чубайсов. В этом, как становится сегодня понятно, имеется и свой плюс: у среднестатистического белоруса нет такой агрессивной реакции на слово «либерал», по крайней мере, в такой степени, как у его российского собрата.

Навстречу деиндустриализации

Последний «докрымнашевский» опрос НИСЭПИ провел в декабре 2013 г. Он зафиксировал снижение относительно сентября трех

¹ Здесь и далее данные опросов Независимого института социально-экономических и политических проблем (iiseps.org).

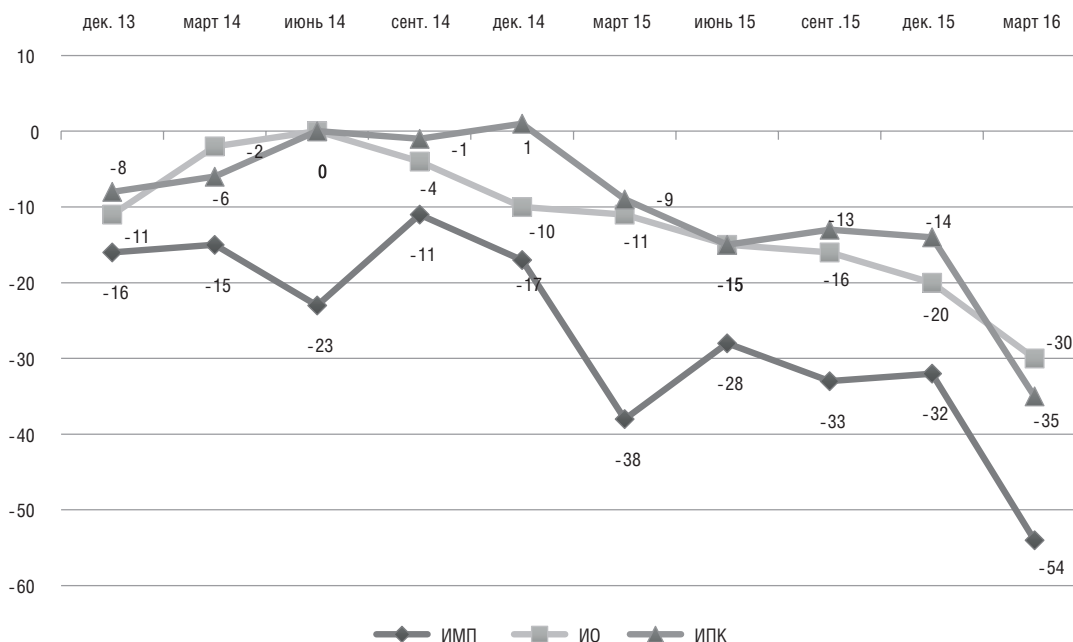
² Лев Гудков. Мечты о прошлом. Почему кризисы приводят к реанимации советских представлений. — URL: <https://slon.ru/posts/66665>.

социальных индексов, измеряемых ежеквартально¹. Такая динамика была вполне ожидаемой на фоне многолетней зависимости значений социальных индексов от темпов изменения реальных доходов населения.

В 2012 г. реальные доходы белорусов увеличились на 21,5%, в 2013-м – на 15,4%. Изменение на первый взгляд незначительное. Но основной вклад в двузначный рост главного социального показателя был обеспечен в первом квартале, после чего началось его плавное снижение. Реакцию общественного мнения на формирование негативного тренда и зафиксировал декабрьский опрос.

По итогам первого квартала 2014 г. реальные доходы населения увеличились на 6,6%, но опрос, проведенный в конце марта (на пике известных событий), зафиксировал рост двух из трех социальных индексов (рис. 1). Так был дан старт Аномалии-2014, которая плавно перетекла в Аномалию-2015. Причины аномалий были проанализированы автором в статьях «Белорусский ответ на украинский вызов» и «Белорусский Майдан» (Вестник общественного мнения за 2014 г. № 1–2).

Рисунок 1
ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ²

¹ Социальные индексы – разность позитивных и негативных ответов на вопросы: «Как изменилось ваше личное материальное положение за последние три месяца?» (Индекс материального положения – ИМП); «Как изменится социально-экономическая ситуация в Беларуси в ближайшие годы?» (Индекс ожиданий – ИО); «На ваш взгляд, в целом положение вещей в нашей стране развивается в правильном направлении или в неправильном?» (Индекс правильности курса – ИПК).

Наиболее устойчивым к российской пропаганде оказался Индекс материального положения. В отличие от «коллег» – Индекса правильности курса и Индекса ожиданий, он обладает определенным иммунитетом к «телевизору», предпочитая подчиняться ритму заполнения/опустошения «холодильника».

Эффект коллективной мобилизации в Беларуси продержался почти два года. На его волне Лукашенко без особых проблем пролонгировал свой пятый президентский срок, несмотря на одностороннюю денонсацию социального контракта «Лояльность в обмен на рост доходов». Пятые президентские выборы, впервые после 1994 г., прошли в условиях снижения реальных доходов населения (–5,9% по итогам 2015 г.). Все социальные обязательства, принятые на четвертом Всебелорусском народном собрании в декабре 2010 г., оказались невыполненными.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Война на востоке Украины в интерпретации российских федеральных телеканалов позволила Лукашенко предложить белорусам обменивать лояльность на выживание. Возражений не

последовало. Очередную «элегантную победу» теперь уже пентачемпиона ЦИК оформил рекордным количеством голосов – 83,49% (52% по данным НИСЭПИ).

² ИМП – Индекс материального положения; ИО – Индекс ожиданий; ИПК – Индекс правильности курса.

Наличие параллельных процессов на постсоветском пространстве полностью не отменило их национальной специфики. В частности, в связи со скудностью собственных источников получения природной ренты руководство республики-партизанки не может активно педальировать образ врага. Запад — это второй по значению рынок сбыта для «белорусских» товаров. Кавычки в данном случае уместны, так как основу белорусского экспорта на западном направлении составляют нефтепродукты, изготовленные из российской нефти. Запад — это и дешевые кредитные ресурсы (кредиты МВФ), поэтому мощь пропаганды во время смены социального контракта государство направило главным образом на разъяснения ценности мирной жизни («Когда нет мира — не надо ничего: тогда ни продукты питания, ни одежда, ни цены на них не значат ничего. Спросите у этих беженцев»¹).

На формирование образа врага в Беларуси работают СМИ России. В июне 2014 г. на начальной стадии вооруженный конфликт на востоке Украины 32,6% белорусов регулярно и 53,8% иногда смотрели российские новостные телепрограммы. При этом изложение событий оценивали совершенно объективно/по большей части объективно 52%, по большей части необъективно/совершенно необъективно — 31%.

Тем не менее при отсутствии собственного мобилизационного источника уровень аномального восприятия реальности продержался

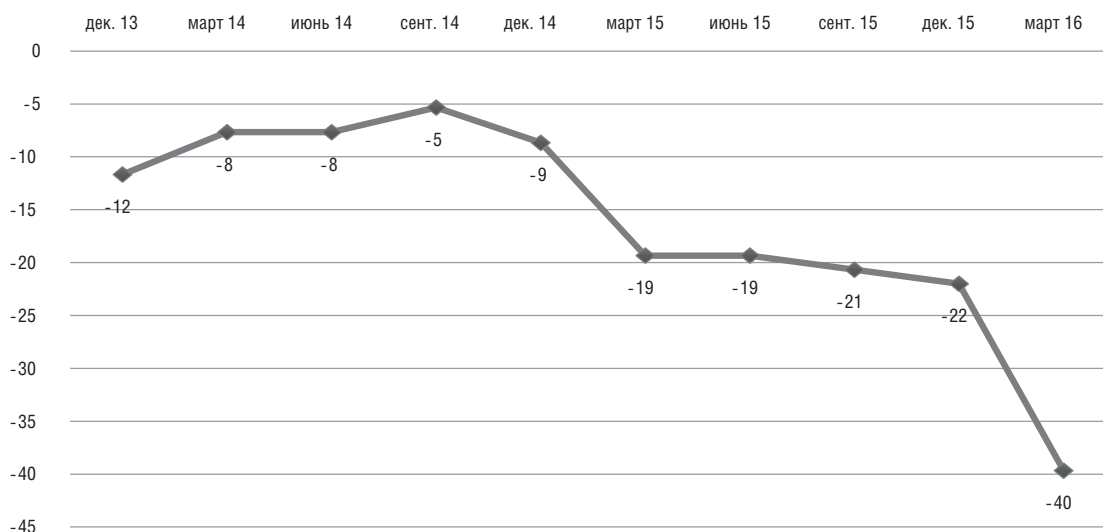
два года. Но в марте 2015 г. социальные индексы рухнули, что наглядно передает рис. 2. Белорусский «холодильник» окончательно победил «телевизор» Союзного государства.

Раздвинем временную рамку и с помощью нехитрых арифметических вычислений определим среднегодовые значения среднего из трех индексов (рис. 3). 2006 г. — это пик белорусской модели, мандат на строительство которой Лукашенко получил на первых президентских выборах. За 11 лет усредненный индекс снизился на 63 единицы: с +23 до -40! Локальный пик 2010 г. — результат повышения средней заработной платы до 500 долларов («святая цифра» в терминологии Лукашенко) в год четвертых президентских выборов. Расплата за возникшие при этом дисбалансы в экономике не заставила себя долго ждать. 2011 г. надолго запомнится белорусам трехкратной девальвацией рубля и трехзначной инфляцией, а социологам НИСЭПИ — снижением усредненного индекса социальных настроений на 44 единицы.

Локальный пик 2014 г. порожден реакцией белорусов на «Крымнаш». Относительно года с несчастливым номером (2013 г.), последнего года двузначного роста реальных доходов населения усредненный индекс увеличился лишь на 6 единиц. Столь незначительным оказался мобилизационный эффект, спровоцированный российской телепропагандой.

В 2015 г., помня о негативных последствиях необоснованного повышения средней заработ-

Рисунок 2
ДИНАМИКА СРЕДНИХ ЗНАЧЕНИЙ ИЗ ТРЕХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ

¹ А. Лукашенко. Выступление на торжественном мероприятии «Молитва за Беларусь». — URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/torzhestvennoe-meroprijatie-molitva-za-belarus-12248/.

ной платы в год четвертых президентских выборов, Лукашенко был вынужден согласиться на смену социального контракта, чем дал старт свободному падению усредненного индекса.

Несмотря на спровоцированные локальными событиями «ужимки и прыжки» линии на рис. 3, координаты ее крайних точек выглядят вполне закономерно. Белорусская модель уверенно движется к своему финалу. Успехи ее экономической составляющей остались в прошлом. В нулевые экономический рост был обусловлен низкой стоимостью рабочей силы, обильными российскими дотациями и отсутствием серьезной конкуренции традиционным белорусским товарам на российском рынке со стороны ТНК.

В четвертой пятилетке все три фактора свой ресурс исчерпали, что и зафиксировала официальная статистика (табл. 1). Но это еще полбеда. Неожиданно обнаружилась невосприимчивость белорусской модели к инвестициям. В настоящее время список убыточных государственных предприятий возглавляют вчерашние лидеры модернизации. Итогом «новой нормальности» стал отказ чиновников от освоения кредитных ресурсов, так как никто не хочет брать на себя ответственность. Поэтому китайский кредит в 15 млрд

долларов (огромные для Беларуси деньги) оказался невостребованным.

Если в 2011 г. инвестиции в основной капитал увеличились на 17,9%, то по итогам 2015 г. они сократились на 13,2%. В 2016-м падение инвестиций продолжилось. Такая динамика, однако, не лишила Лукашенко и правительство оптимизма по поводу возобновления экономического роста.

Рост экономики в нулевые сопровождался деиндустриализацией. В этом его принципиальное отличие не только от роста в годы советских пятилеток, но и от современного роста в большинстве развивающихся стран. В настоящее время так называемым «флагманом белорусской промышленности» удается удерживаться на плаву благодаря государственным дотациям. То, что еще недавно изготавливалось сотнями в месяц (зерноуборочные комбайны), сегодня стало штучной продукцией, а то, что изготавливалось тысячами (грузовые автомобили), сжалось до двух-трех сотен.

Эти трудности надолго

«Никакого кризиса нет, кризис у нас в голове! Изменились условия, по отдельным направлениям изменились существенно. Ну и что? Это что, впервые в нашей истории?!» — заявил

Рисунок 3

ДИНАМИКА СРЕДНЕГОДОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ СРЕДНЕГО ИЗ ТРЕХ ИНДЕКСОВ

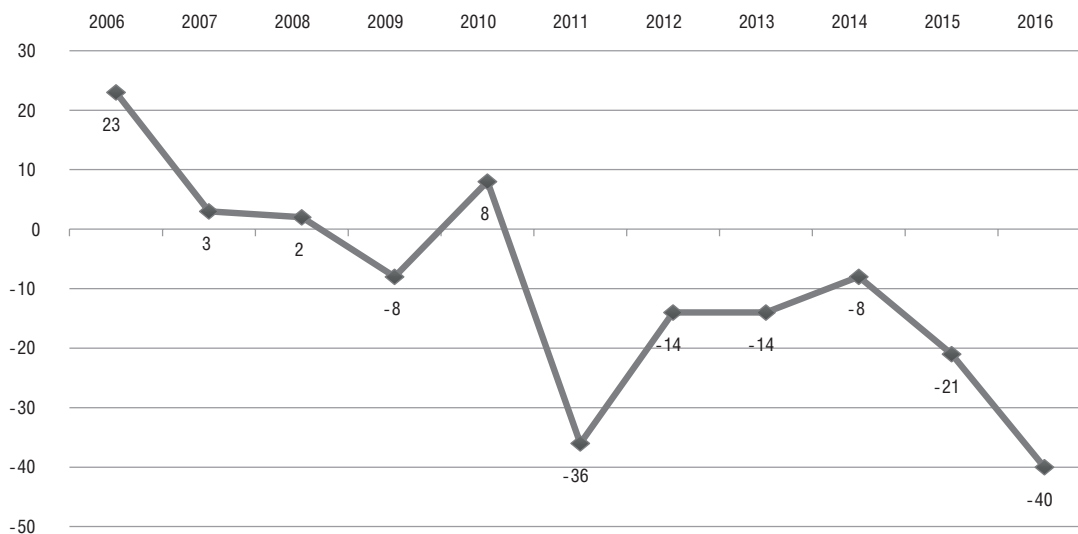

Таблица 1

СРЕДНЕГОДОВЫЕ ИНДЕКСЫ ПРИРОСТА ВВП И ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ

	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
ВВП	6,3	7,5	7,3	1,2
Инвестиции	7,0	12,4	18,1	0,7

Лукашенко 16 февраля 2016 г.¹ Мартовский опрос НИСЭПИ наличие кризиса в головах белорусов подтвердил (табл. 2).

В декабре 2013 г. 67% белорусов согласилось с констатацией: «экономика в кризисе». Аннексия Крыма переключила общественное внимание на геополитику, смикшировав остроту восприятия нарастающих в экономике проблем. Но через год острота восприятия восстановилась, чтобы еще через год доля пессимистов поднялась до рекордного уровня, зафиксированного в сентябре 2011 г.

На рейтинги Лукашенко колебания в восприятии кризиса, впрочем, как и оценки ре-

спондентами изменения своего материального положения, повлияли не столь существенно (рис. 4). Рейтинг доверия и после исчерпания мобилизационного эффекта все еще превышает свое «докрымнашевское» значение (42% в марте 2016 г. vs 38% в декабре 2013 г.). Электоральный же рейтинг, потеряв после завершения президентской избирательной кампании 19 процентных пунктов, относительно декабря 2013 г. снизился на скромные 8 процентных пунктов.

Тем не менее значения электорального рейтинга главы государства ниже 30% за два десятилетия фиксируется только в шестой раз. До

Таблица 2

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО БЕЛОРУССКАЯ ЭКОНОМИКА НАХОДИТСЯ В КРИЗИСЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Сентябрь 2011	Декабрь 2013	Март 2014	Март 2015	Март 2016
Да	88	67	55	68	88
Нет	8	22	35	20	4
Затрудняюсь ответить/нет ответа	4	11	10	12	8

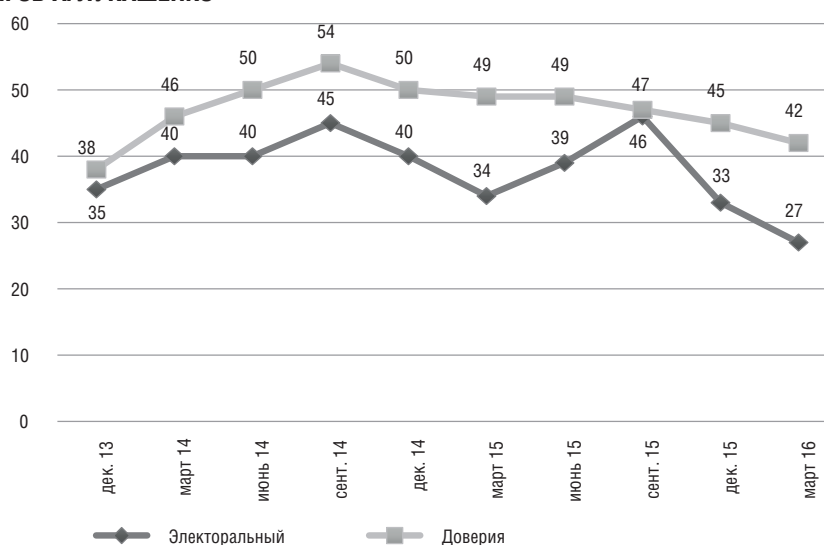
Таблица 3

Если вы согласны с тем, что белорусская экономика находится в кризисе, то каковы ее основные причины?, сентябрь 2016 г. (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Все опрошенные	Отношение к Лукашенко	
		Доверяют	Не доверяют
Причины кризиса внешние	31	48	15
Причины кризиса внутренние	52	29	75
Затрудняюсь ответить/нет ответа	17	23	10

Рисунок 4

ДИНАМИКА РЕЙТИНГОВ А. ЛУКАШЕНКО

¹ А. Лукашенко. Выступление на Совещании о мерах по повышению эффективности социально-экономического комплекса. – URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschaniye-o-merax-po-povysheniju-effektivnosti-sotsialno-ekonomicheskogo-kompleksa-13107/.

абсолютного минимума сентября 2011 г. осталось всего 6 процентных пунктов. Учитывая неспособность белорусской экономики «нащупать дно», сомневаться в установлении нового антирекорда не приходится.

У А. Лукашенко, в отличие от В. Путина, отсутствует великодержавная составляющая легитимности. Поэтому классический принцип «хороший царь, плохие бояре» реализуется в Беларуси не столь убедительно, как в России. В частности, в сентябре 2011 г. при ответе на вопрос: «Кто виноват в нынешнем кризисе в Беларуси?» вина главы государства оказалась на 20 процентных пунктов выше вины правительства (61% vs 41%). В сентябре 2016 г. выявить главного виновного не удалось: 47% vs 48%.

Отсутствие великодержавной составляющей легитимности не позволяет Лукашенко эффективно перекладывать ответственность за провалы во внутренней политике на «внешние неблагоприятные условия». Поэтому рейтинг вины США на протяжении пяти лет остается стабильным и в разы уступает рейтингам вины главы государства и правительства (16% в сентябре 2016 г.), а официальный взгляд на внешние причины кризиса разделяет только каждый третий белорус, в то время как на внутренние — каждый второй (табл. 3). Даже среди сторонников Лукашенко доля согласных с внешней причиной кризиса оказалась меньше половины.

В том, что трудности, с которыми сегодня сталкивается Беларусь, надолго, согласно большинство, но это большинство не абсолютное (табл. 4). В крах же белорусской модели верит только около четверти респондентов.

Таблица 4

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС СТОЯТ ПЕРЕД БЕЛАРУСЬЮ?, СЕНТЯБРЬ 2016 г. (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Все опрошенные	Отношение к Лукашенко	
		Доверяют	Не доверяют
Это временные трудности, и не такое переживали	29	52	9
Эти трудности надолго, придется затянуть пояса	40	32	46
Это крах белорусской экономической модели	24	5	43
Затрудняюсь ответить/нет ответа	7	11	2

Таблица 5

ЧТО БЫ ВЫ ВЫБРАЛИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Март 2014	Март 2016
Высокий заработок, но с высоким риском потерять работу	47	40
Невысокую зарплату на гарантированной работе	52	51
Затрудняюсь ответить/нет ответа	1	9

Понятно, что ответы максимально политизированы. Поэтому по третьему варианту разница ответов сторонников и противников Лукашенко почти десятикратная. Следует обратить внимание и на значительную долю затруднившихся с ответом среди сторонников главы государства.

Оборотная сторона медали

Экономические кризисы повышают спрос на перемены, что, по мнению белорусской оппозиции, должно вести к росту протестных настроений. Однако опросы подобной зависимости не фиксируют. Рост числа так называемых сторонников перемен — это индикатор уровня удовлетворенности текущим положением дел атомизированного населения, неспособного на коллективные действия.

В декабре 2011 г. за изменение положение дел в стране высказывалось 70%, в марте 2016-го — 67%, тогда как в августе 2015 г. в условиях «посткрымнашевской» мобилизации только 53%. При этом доля респондентов, декларирующих готовность рисковать ради высоких заработков, сократилась за два последних года на 7 процентных пунктов (табл. 5).

Жить в условиях неопределенности готов далеко не каждый, тем более пожелать такую жизнь своим детям. Поэтому с июля 2013-го по март 2016-го доля утвердительных ответов на вопрос: «Вы бы пожелали своим детям заняться частным бизнесом, связать свою жизнь с предпринимательством?» сократилась с 48 до 41%.

Кризис на данном его этапе ведет к реанимации советских представлений, а не к росту

спроса на перемены. Данный вывод подтверждается снижением оценок эффективности частной собственности относительно собственности государственной. Если в марте 2014 г. преимущество первой над второй определялось соотношением 51% vs 38%, то за два года оно стало минимальным: 46% vs 41%.

«Главные особенности постсоветской социальной антропологии: пассивная адаптация населения к репрессивному государству, хроническое осознание отдельным индивидом своей социальной неполноценности, компенсируемое символической идентификацией с «великой державой»¹, — отмечает Гудков.

Искусством пассивно адаптироваться к репрессивному государству («сильному государству», в терминологии Лукашенко) большинство белорусов владеет не хуже россиян, но, как отмечалось выше, они лишены возможности в полной мере компенсировать свою неполноценность символической идентификацией с «великой державой». В силу этой же причины государственная пропаганда лишена возможности эксплуатировать образ Беларуси, «встающей с колен». Отсюда относительная слабость мобилизационного эффекта, порожденного «Крымнаш», что и зафиксировали опросы НИСЭПИ.

Поэтому не исключено, что проблема идентификации (идентичности) уже в среднесрочной перспективе выйдет для представителей белорусского «большинства» в разряд наиболее острых.

Проблема коллективной идентичности — это одновременно и проблема социальной стабильности. В ее актуальности в современной Беларуси сомневаться не приходится. Без рассуждений на тему поддержки стабильности как первоочередной задачи власти не обходится ни одного крупного выступления Лукашенко на протяжении уже двух десятилетий.

По мнению авторов монографии «Цивилизационная идентичность в переходную эпоху», после распада великой державы, коммунистической партии и комсомола «Человек остался один на один с нелегкой жизнью и не знает, кто он такой, на какие ценности ему ориентироваться. Как никогда, ему требуется защита и поддержка, так как распад СССР и советской системы повлек за собой массовый «культурный шок» и потерю устойчивой коллективной идентичности»².

В качестве спасательного круга в начале 1990-х на территории бывших советских республик в массовом порядке была опробована этническая идентичность. Однако ее мобилизационный эффект в республике, охарактеризованной классиком белорусской литературы Алесем Адамовичем «Вандеей перестройки», оказался незначительным, что подтверждается быстрым угасанием интереса к белорусскому языку (табл. 6).

В 1994 г. 17% респондентов в повседневном общении пользовались белорусским языком, а через семь лет их доля сократилась в 8,5 раза! Заметно сократилась и доля говорящих в быту на русском языке, зато возросла доля двуязычных граждан, а также говорящих на «трасянке» (белорусский вариант украинского «суржика»).

Первые и последние демократические выборы 1994 г. в Беларуси можно рассматривать как попытку «большинства» вернуть себе привычную среду обитания — среду, в которой только и возможно воспроизводство советской коллективной идентичности. Разумеется, дважды войти в одну и ту же реку белорусам не удалось. Коммунистическая идеология умерла, что позволило в условиях идеологического вакуума усилить роль государства в качестве источника коллективной идентичности.

Но у медали «За государственную идентичность» оказалась оборотная сторона. В июне 2013 г. лишь каждый третий белорус считал го-

Таблица 6

КАКИМ ЯЗЫКОМ В ОСНОВНОМ ВЫ ПОЛЬЗУЕТЕСЬ В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ? (в % от числа опрошенных)

Язык общения	1994	2001
Белорусский	17	2
Русский	67	46
Русский и белорусский	7	21
Смешанный	6	30
Другой	2	1

¹ Лев Гудков. Мечты о прошлом. Почему кризисы приводят к реанимации советских представлений. — URL: <https://slon.ru/posts/66665/>.

² Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходный период. Прогресс — Традиция. Москва, 2011. С. 289.

Таблица 7

С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ УТВЕРЖДЕНИЙ О БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ, ПОСТРОЕННОМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ А. ЛУКАШЕНКО, ВЫ СОГЛАСНЫ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Июль 2013	Июль 2014	Июль 2015
Это мое государство, оно защищает мои интересы	33	39	41
Это лишь отчасти мое государство, оно недостаточно защищает интересы таких, как я	45	43	44
Это не мое государство, оно не защищает мои интересы, и я не доверяю ему	16	12	10
Затрудняюсь ответить/нет ответа	6	6	5

сударство, выстроенное при Лукашенко, своим (табл. 7). Государственный патернализм не отменяет авторитарного принципа организации власти, при которой «победитель получает все», что, естественно, не способствует усилению консолидации в обществе, а, напротив, углубляет первоначальный раскол.

В условиях Аномалии-2014–2015 доля белорусов, считающих государство своим, возросла. Но это временное явление. Государство, аннулировавшее прежний социальный контракт, не может восприниматься в качестве своего теми, кто не в состоянии выжить в современных полурыночных условиях.

Смена социального контракта помогла Лукашенко пролонгировать очередной президентский срок. Но цирк с урнами для голо-

сования и выездной торговлей продуктами по заниженным ценам уехал, а белорусская модель осталась. Главный архитектор не планирует ее менять даже на уровне деклараций.

Распад сложившейся идентичности, как и формирование новой, не следует рассматривать в качестве события, это процесс. Белорусское государство по-прежнему пытается быть его активным участником, поочередно педалируя темы патриотизма, национального суверенитета и «мирного неба над головой».

Трем источникам, трем составным частям белорусской стабильности противостоит деградирующая экономика. Под знаком этого противостояния и предстоит выживать белорусам в среднесрочной перспективе.

Анна КАЧКАЕВА

«Национальное достояние» “нации телезрителей”:

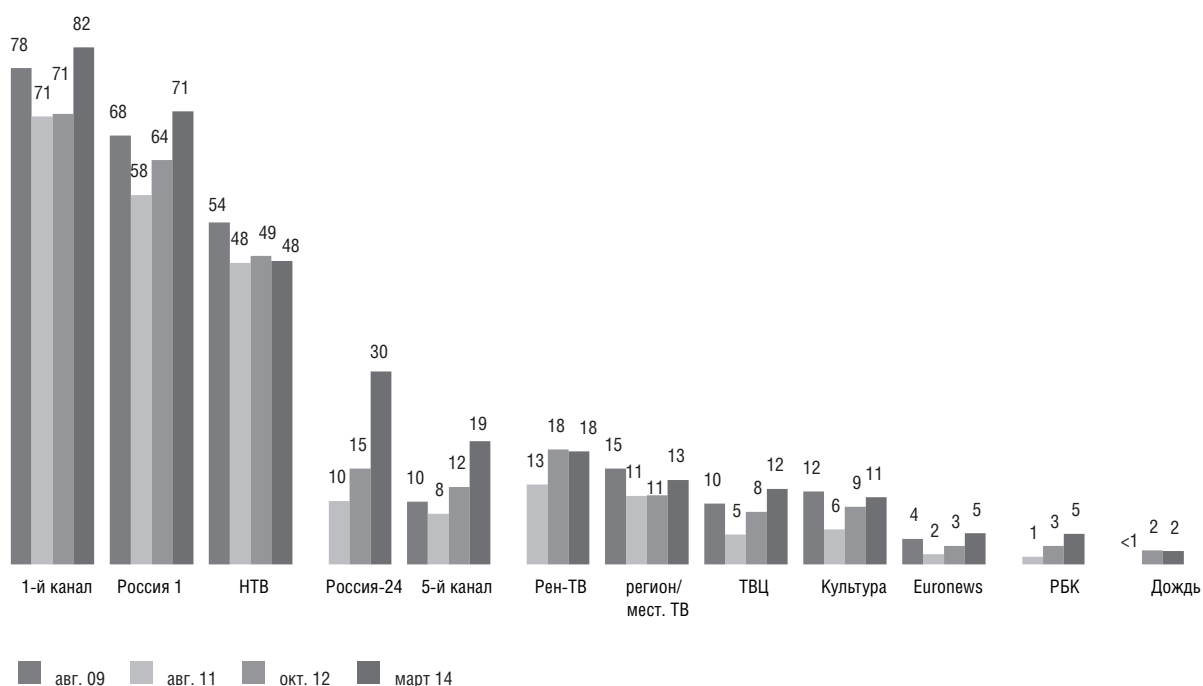
трансформация российского телевидения (2014–2016 гг.)

Рекламный ролик «Газпром». Национальное достояние» крутился на телеэкранах с 2003 года. В 2015 году ФАС запретила «Газпрому» этот слоган, и теперь данное понятие вроде бы не ассоциируется с газовым монополистом, а распространяется на национальное достояние из видеоряда — на тайгу, реки, горы, дух, волю, красоту, семью, движение, традиции, свет, Сибирь, а упоминание компании в финале ролика расценивается как подпись. И если для корпорации слоган был некоторым преувеличением, то для национального телевидения, уже почти два десятилетия подпитываемого силой финансовых потоков «Газпрома», эта метафора вполне подходит. Когда в конце 1990-х «Газпром-медиа» только входил в бизнес «Медиа-Моста», корпоративные «газпромские

медиа», созданные в буквальном смысле вдоль газовых трасс (Югорск, Ханты-Мансийск и др.), я назвала «телевидением трубы». Спустя 15 лет «труба» действительно стала метафорой потока, идеи, силы, российского пути, даже образа жизни (фильм «Труба» В. Манского) и оказалась крепко связанной с национальным телевидением и с точки зрения владения основными телевизионными активами, и с точки зрения воплощенной «скрепы», пронизывающей и соединяющей территорию и людей. ТВ объединяет страну¹, выполняя роль социального института, транслирующего представления о должном. Статистика свидетельствует, что именно в последние годы три главных канала остаются основным источником новостей для россиян.

Рисунок

СМОТРИТЕ ЛИ ВЫ НОВОСТИ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ, И ЕСЛИ ДА, НОВОСТИ КАКИХ КАНАЛОВ ВЫ СМОТРИТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО?

¹ 141 млн человек из 143 млн российских граждан сегодня имеют доступ хотя бы к одному телеканалу эфирного телевидения. Подробнее: Телевидение России // Медиасистема России. М., 2015. С. 97.

1. Телевидение «трубы»

Сегодня в России двадцать два федеральных канала, двадцать из них уже вошли в два первых мультиплекса¹. Эти же каналы входят и в состав трех крупнейших холдингов², принадлежащих, в свою очередь, ограниченному кругу владельцев.

По сути, на национальном уровне установлена олигополия: рынок поделен между тремя группами. «Газпром-медиа» (ГПМ) и Национальная Медиа Группа (НМГ) полностью или частично контролируют одиннадцать из двадцати двух федеральных телеканалов. К «цифровым» активам «Газпром-медиа» относится один из крупнейших операторов платного телевидения НТВ+, в холдинг НМГ входит «Первый Digital» («Цифровое семейство Первого»). ФГУП «Всероссийская государственная телерадиокомпания» (ВГТРК) – формально единственное, помимо инновационного RT, полностью государственное телепредприятие (строка в госбюжете), зарабатывающее на рынке. ВГТРК владеет совокупно еще двадцатью одним каналом: эфирные – пятью, «неэфирные» – АО «Цифровое телевидение» (дочернее предприятие ВГТРК) – четырнадцатью. Эти три группы и являются доминирующими игроками, поделившими национальный российский телевизионный рынок.

Национальные медиахолдинги России – это стержень экосистемы медиа страны, важнейший фактор поддержания единства информа-

¹ Состав первого мультиплекса был определен указом президента РФ. В пакет входят Первый канал, «Россия 1», «Россия 2», «Пятый канал», НТВ, «Россия-Культура», «Россия-24», «Карусель», «Общественное телевидение России», «ТВ-Центр». Второй мультиплекс был сформирован по итогам конкурса, проведенного Роскомнадзором. В него входят РЕН-ТВ, «Спас», СТС, «Домашний», ТВ-3, «Спорт плюс» («НТВ-Плюс»), «Звезда», «Мир», ТНТ, «Муз-ТВ».

² Телевизионные и радиоактивы в составе холдингов:

ВГТРК: федеральные - Р1, РКультура, Р24, Карусель
Цифровое ТВ – Моя планета, Наука, История, Сарафан, Д (детектив), Б (русский бестселлер), Р(русский роман), Россия HD, Планета HD, РТР Планета, Мульти, «Мама», «24 Техно», «Настоящее Страшное Телевидение», Комедия. 24Док, Живая планета, Страна
Радио: Радио России, Вести ФМ, Р-Культура, Маяк, Ю-FM.

ГПМ холдинг: федеральные - НТВ, ТНТ, Пятница, ТВ3, 2x2, МатчТВ на частоте Р2
Цифровое – НТВ+.

Радио: Эхо, Сити, Комеди, Детское радио, после 2013-го – Авторадио, Юмор ФМ, Энерджи, Романтика.

НМГ: федеральные - Первый, Рен, Пятый, СТС-медиа (СТС, Домашний, Перец).

Неэфирное – Первый дигитл (Музыка, Дом кино, Телекафе, Время, Первый Всемирная сеть). Группа кабельных каналов Viasat
Радио – РСН, Наше радио.

USM: Ю, Дисней, Муз ТВ. Радио: Коммерсант ФМ, интернет активы (Мейл.ру, соцсети Одноклассники, ВКонтакте)

ционного пространства государства, ключевой элемент индустрии развлечений, основной рекламоноситель и основной компонент медиапотребления россиян.

Обострение международных отношений и курс на изоляцию в 2014 году внесли определенные коррективы в структуру владения медиаактивами. На волне антизападной истерии был принят законопроект об ограничении иностранного капитала в СМИ до 20% (до этого – 50%). В результате 39% акций холдинга «СТС-медиа», находившегося в управлении шведской MTG, в 2015-м были проданы холдингу ЮТВ Алишера Усманова (с 2000-го по 2015-й Усманов возглавлял учрежденный «Газпромом» «Газпроминвестхолдинг», созданный в середине 1990-х для реализации инвестиционных проектов газового монополиста).

По сути, весь телевизионный рынок общедоступных каналов сегодня находится под единым финансовым и контролирующим «зонтиком» «Газпрома», выступающим и как «духовная скрепа», и как квинтэссенция современной сырьевой экономики России.

2. Стратегия медиахолдингов в новой коммуникационной среде

«Мутирующее» (по Кастельсу³) в цифровой среде в борьбе за новую аудиторию

телевидение подтверждает свое доминирующее место в общенациональной медиасистеме и активно использует достижения и завоевания цифровизации медиа. Режиссура и технологическая мощь трансляций Олимпиады из Сочи в 2014 году продемонстрировали, что российская телевизионная индустрия с точки зрения освоения технологий и владения языком массовых зрелищ вписана в глобальную картину мировых медиа.

Крупнейшие (прежде всего вещательные, связанные с производством контента) холдинги с их ресурсами – финансовыми, административными, кадровыми – активно пытаются «столбить» те зоны трансформирующейся коммуникационной экосистемы, которые будут или уже связаны с сегментированием и перетеканием аудитории из традиционных сред в цифровые, с особенностями нелинейного просмотра, с запросами нового – мобильного – потребителя.

Уже обозначились и некоторые закономерности в этих попытках подготовиться к будущему. Все заметные сделки 2013–2015 гг., ко-

³ Кастельс М. Власть коммуникаций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 78.

торые осуществили три группы – НМГ, ГПМ, ВГТРК, – так или иначе касались либо перспективных сред вещания¹, либо производителей контента. Все группы двигались к интеграции, выстраивая в холдингах полный цикл управления кино- и телеконтентом, от производства до распространения, покупая производящие компании^{2, 3} и каналы⁴; запуская дополнительные тематические каналы и включая их в пакеты кабельных сетей крупнейших холдингов-операторов: «Ростелеком», «Эр-Телеком», МТС и «Мегафон»⁵, скупая радиостанции и каналы меньших медиагрупп, не связанных с узкой группой владельцев НМГ и ГПМ (например, «ПрофМедиа»⁶), присовокупляя к своим «цифровым семействам» цифровые кабельные каналы⁷, покупая блокирующий пакет акций спутниковых операторов⁸, объединяя свои видеосервисы (например, Rutube «Газпром-медиа») с крупнейшей сетью дистрибуции ле-

¹ По итогам первой половины 2014 года среди всех технологий наибольшие темпы прироста показал сегмент кабельного цифрового телевидения: 43% к 2013 году. Наименьшие темпы прироста наблюдаются в сегменте спутникового ТВ: 10%. Дальнейший рост абонентской базы цифрового ТВ будет обусловлен последовательной реализацией стратегии медиаконвергенции крупнейшими игроками в сегменте кабельного телевидения. В борьбе за удержание абонентов операторы продолжают предлагать все больше дополнительных сервисов, таких как видео по запросу. Источник: <http://mediasat.info/article/issledovanie-abonentskoj-bazy-cifrovogo-televidenija-v-rossii-po-itogam-1-polugodija-2014-goda>.

² Группа компаний «Арт Пикчерс» объединяет кинокомпанию «Арт Пикчерс Студия» («Art Pictures Studio»); компанию «Арт Пикчерс Медиа» («Art Pictures Media», специализирующуюся на кинотеатральной, телевизионной и DVD-дистрибуции фильмов как собственного производства, так и картин независимых западных компаний); телевизионную компанию «Арт Пикчерс Вижн» («Art Pictures Vision»), специализирующуюся на создании телефильмов и сериалов. Среди продюсерских проектов «Арт Пикчерс» – кинофильмы «9 рота», «ЖАРА», «Обитаемый остров», «Сталинград». Наиболее успешными телевизионными проектами в 2013 году стали сериалы «Молодежка» и «Выжить после», снятые по заказу телеканала СТС. Художественный руководитель и соучредитель «Арт Пикчерс» – Федор Бондарчук, соучредитель и продюсер – Дмитрий Рудковский.

³ «Газпром-медиа» приобрела для своего телеканала производителя «Реальных пацанов». Источник: <http://rbcdaily.ru/media/562949991387989>.

⁴ «НТВ-плюс» закрыл сделку по покупке «Ред Медиа». Источник: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/27558351/ntv-plyus-zakryl-sdelku-po-pokupke-red-media>.

⁵ Источник: <http://www.ctcmedia.ru/rus/press-center/news/index.php?id=2671>.

⁶ Источник: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/23104731/gazprom-media-zakryla-sdelku-po-pokupke-profmedia>.

⁷ Компании «Цифровое телевидение» и «НКС Медиа» объединяют активы. Источник: <http://www.cableman.ru/content/kompanii-tsifrovoe-televidenie-i-nks-media-obedinyayut-svoi-aktivy>.

⁸ ВГТРК купила блокпакет платформы спутникового телевидения STV. Источник: http://www.broadcasting.ru/newstext.php?news_id=99020.

гального контента в рунете (Pladform), через которую размещается видео на российских онлайн-площадках, включая социальную сеть «ВКонтакте»⁹.

Эти завершённые сделки позволяют сделать вывод о том, что группы выбирают стратегию максимального охвата рынка контента в нишевых зонах, собираются наращивать пакеты каналов и для этого в буквальном смысле двинутся к «одному окну»: одна точка «входа» (желательно, еще и на одном транспондере), чтобы пакеты каналов открывались с одной карты и их менеджмент был максимально простым («Цифровое ТВ» ВГТРК); консолидация производящих ресурсов в целях эффективного управления контентом на пороге скачка в «новые среды» и закрепления прав на него в холдингах («Газпром-медиа»).

К 2015 году основные российские холдинги сформировались как конвергентные (мультиплатформенные), многоканальные (и с точки зрения технологии – все большая ориентация на домашнюю доступность в разных средах и перспективную многоэкранность, и с точки зрения тематического набора каналов – все большая ориентация на фрагментацию аудитории: цифровые семейства, каналы HD, проекты трансмедиа и «второго экрана»); с элементами интерактивного выбора (от «отложенного просмотра» до «активного участия» зрителя в создании или комментировании контента).

3. Борьба за старую и новую аудиторию

В 2013–2014 гг. тематическое ТВ захватывало все больше зрителей (средняя совокупная доля тематических каналов в 2013 году составила 10,5%).

Именно тематические каналы холдингов, связанные с активной и молодой аудиторией, и неэфирные каналы («Цифровое телевидение» ВГТРК, 2x2, ТНТ, СТС, «Пятница», «Лайф-ньюс») раньше всех стали экспериментировать с онлайн-кинотеатрами, библиотеками контента (ivi), запуская собственные прокатные сервисы (videomore, zombi), со стриминговым вещанием в сети, с созданием отдельных сайтов программ с их сторителлинговой начинкой дополненного содержания (идея «освобождения авторства» и отделения бренда канала от бренда передач).

Летом 2014 года было объявлено о преобразовании ЗАО «Всемирная телесеть» (цифровые

⁹ Платформа для роста // Коммерсант, 4.02.2016. Подробнее: <http://kommersant.ru/doc/2907394>.

каналы Первого канала) в компанию «Первый канал. Digital», проекты которой будут включать мобильные приложения, приложения «второго экрана», онлайн-дистрибуцию контента, онлайн-каналы¹, в то же время об интенсивном развитии своих «цифровых проектов» заявили и в ВГТРК.

Сайты и мобильные/облачные сервисы основных российских каналов — это уже сейчас громадные и доступные библиотеки контента всех каналов холдингов (с гиперссылками, кросс-промо) и одновременно площадки онлайн-вещания. «Большое телевидение», даже пытаясь удерживать аудиторию в рамках традиционного линейного просмотра (у канала «трубы»), все равно вынужденно приближает телевидение будущего как единой мультимедийной коммуникационной среды².

Эти содержательные и технологические эксперименты по синергии вещания для разных сред основных холдингов происходят параллельно с увеличением числа телеканалов, доступных россиянам благодаря развитию и доступности услуг платного ТВ, что ведет к фрагментации аудитории и ужесточению конкуренции между телеканалами.

Подтверждением тенденции «распыления» традиционной телеаудитории стали и последние данные о все более меняющихся предпочтениях молодых зрителей: в 2015 году впервые за новейшую историю аудитория сразу всех пяти крупнейших каналов — Первый, «Россия 1», НТВ, СТС, ТНТ — уменьшилась³. Зрители расходятся по каналам меньшей величины и отказываются от привычки линейного просмотра, переходя на так называемое отложенное смотрение (онлайн/скачивание из интернета)⁴.

Холдинги, уже работая со стратегиями будущего, вырабатывая формы и способы взаимодействия с сетевой аудиторией («вторые экраны», приложения, OTT сервисы и пр.), в силу не только политических, но и экономических причин будут всеми способами удерживать массовую аудиторию в режиме традиционного линейного телепотребления и традиционного меню (новости, шоу, сериалы).

¹ Подробнее: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/32027761/uvpervogo-kanala-poyavilas-dochernaya-kompaniya-po-rabote-s>.

² Источник: <http://www.rg.ru/2014/04/03/detektiv.html>.

³ *Болецкая К.* Крупнейшие российские каналы теряют зрителей. Но на доходы телекомпаний это пока не влияет // *Ведомости*, 22.01.2016. Источник: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/01/22/625025-kрупneishie-kanali-teryayut>.

⁴ Телевидение в России: состояние, тенденции, перспективы развития. Отраслевой доклад. М., 2013. Источник: <file:///Users/annakachkaeva/Downloads/file.pdf>.

Если еще пять лет назад можно было говорить о «драматическом разрыве повестки дня на ТВ и в Сети» (Л. Парфенов, 2010 г.), сегодня этот разрыв преодолен и технологически, и содержательно. ТВ не стало плюралистичнее, просто «большое телевидение» научилось работать с «сетевой повесткой дня»⁵. Не замалчивать ее, а интерпретировать «информационный шум», когда самым важным становится последовательность верстки, длительность внимания к новости, тип комментария, угол подачи и интерпретации. Когда же общественно значимая новость все-таки не попадает в федеральные выпуски (например, если она касается межнациональных отношений), это не означает, что по телевизору не прокомментируют ее «непоявление» со ссылкой на необходимость не разжигать ненависть и вражду, соблюдать этику. Тему протестов дальноточников, к примеру, могут развернуть в сторону показа их трудовых будней, а драку в очереди на Серова показать в завершении выпуска новостей как сюжет про «культуру», встраивая активно обсуждаемое в сетевом пространстве в политический и развлекательный контекст, не столько игнорируя, сколько манипулируя «интересом» и привычкой потребителя к стержневым программам — новостям и шоу — с их частотностью, интенсивностью, эмоциональностью.

4. Влияние общемировых тенденций и вызовов на экосистему медиа в России

Не останавливаясь подробно на глобальных коммуникационных вызовах, перечислим общие тенденции, которые вытекают из «сложности неопределенности»⁶, нелинейности, текучести и многомерности современности.

Это и **скорость изменений**, когда ценности архаики как стремление социальных систем и людей к равновесию и избеганию неопределенности, противостоят глобальной цивилизованности как освоению сложности и неопределен-

⁵ Активных авторов в Сети, формирующих и влияющих на повестку дня, уже невозможно игнорировать. В декабре 2015 года в России было около 37 млн «говорящих» (ежемесячная аудитория сетей чуть больше 65 млн человек), открыто высказывающих позицию, создающих публичный контент, делающих социальные сети актуальным индикатором общественных настроений, позволяя уловить живые общественные проблемы в самом начале формирования значимых трендов. Подробнее: <http://adindex.ru/publication/analytics/100380/2016/01/14/131310.phtml>.

⁶ *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // *Психологические исследования*. 2015. Т. 86. Источник: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html>.

ности современности [Лиотар, 1994]. Результат, деление на людей, готовых воспринимать сложное, и людей, склонных к упрощению реальности. Поэтому массовая публика еще долго будет оставаться «нацией телезрителей».

Это **интерактивная цифровая среда**, живая, подвижная, которая поддерживает, усиливает, соединяет, мультиплицирует медиаэффекты, создает как дополнительный эмоциональный фон сотрудничества, так и противостояние людей, сообществ, стран.

Наконец, это **глобальная трансформация ценностей**. Исследователи ценностей (например, Инглхарт и Венцель) фиксируют и изменение отношения граждан (опросы проводились почти в 70 странах) к «войне и миру»¹. Появилось устойчивое на протяжении десятилетий снижение готовности людей физически воевать. Это характерно и для современной России (43% не готовы поддержать открытое противостояние с Украиной – опрос Левада-Центра, август 2014-го; 68% против участия их сыновей в войне на юго-востоке Украины на стороне ополченцев – опрос Левада-Центра, ноябрь 2014-го; в 2016-м в фокус-группах, проведенных для исследования «Хотят ли русские войны»², также зафиксировано нежелание воевать).

Гуманистическая трансформация морали привела к неприятию потери собственной жизни («стало интереснее проживать жизнь, чем жертвовать ею»). В современных «гибридных» войнах ставка делается в том числе на то, что противостояние переходит в медиасферу: миллионы не гибнут, военные потери незначительны и особенно не афишируются, зато с воинскими почестями хоронят журналистов. При этом надо иметь в виду, что война, особенно Великая Отечественная, для российского массового сознания – часть самоидентификации, национальный миф, вызывающий сильнейшие эмоциональные реакции, объединяющий нацию и исторически, и перед лицом современных угроз. Из-за неосознанного, но зафиксированного исследователями неприятия потери собственной жизни и жизни близких, нежелания «большой» войны люди, которым начинают «продавать угрозы», сплачиваются и яростно «воюют» в виртуальной сфере.

¹ Война выходит из моды // ОПЕК.ру, 16.04.2013. Источник: <http://www.opes.ru/1526755.html>.

² Хотят ли русские войны. Война и террор в восприятии россиян // Исследование Московского центра Карнеги, 21.03.2016. См. подробнее: <http://carnegie.ru/2016/03/21/ru-63077/ivnz>.

5. ТВ как оружие медиапростростояния

На все эти разновекторные вызовы усложнения реальности и медиареальности («текущая современность», «вызовы неопределенности», «медиатизация жизни», «гибридные войны» и пр.) возникают реакции, прежде всего эмоциональные. В постмодернистской медиареальности на смену устаревшей концепции гуманитарной культуры уже давно пришла концепция культуры мозаичной (А. Моль), люди постепенно приспособились к «бомбардировке блицев» (Э. Тоффлер) – новости, ролики, клипы, бесконечное комбинирование осколков знаний, сведений, оценок, фактов и вымысла. Такой мозаичный поток рассчитан на производство и воспроизводство эмоций, а «прямоэфирные войны» поддерживают состояние общественной тревожности.

При более детальном анализе подробно описанных исследований медиаконтекста кампании американцев в Ираке после 11 сентября возникают параллели с реакциями на нашу гибридную войну, «Крымнаш» и войну на востоке Украины. В США метафора войны с террором активировала фрейм страха (а значит, гнева и тревоги), а «патриотизм» воздействовал на чувства «энтузиазма», вызывая чувство сплочения вокруг лидера и государства³. Похожи и нарративы, с которыми работают в нынешних виртуальных войнах: в иракской кампании, как и в сирийской для России, тоже звучала тема «справедливого возмездия» и «превентивного удара».

За 25 лет «прямоэфирных» войн (начиная с «Бури в пустыне»), когда взятие городов «сервируют к просмотру новостей», способность ужасаться «горячей» войне, в отличие от «войны по телевидению», у аудитории притупилась. Вспышки «ярости», «ужаса», «гнева» одномоментны. Как только «тема» отходит на периферию «повестки дня» в верстке выпусков новостей, накал реакций снижается. И эту «реактивность», судя по стремительному «переключению» украинской темы на турецкую или сирийскую как в медиополе, так и в умонастроениях, не очень трудно «перезапустить».

Современная война уже в принципе ведется за ценности и, в меньшей степени, за территории. В России «милитаризация» сознания имеет очень сильную национальную специфику, сформированную «памятью о нашей Великой войне и Победе». Не случайно все военные кампании (Крым, восток Украины, Сирия)

³ См. подробнее: *Кастельс М.* Власть коммуникаций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 197–200.

преподносятся национальными телеканалами не только как «битва за русский мир» или «участие в мировой коалиции против мирового терроризма», но и прежде всего как справедливые действия наследников Великой Отечественной («ополченцы», «добровольцы», «сирийские соколы»), победителей, против мирового зла, «хунты» и «фашистов».

Медиапротивостояние стало перманентным (война как сериал). Только непрекращающееся многомесячное поддержание самого «процесса войны» в медиаполе способно сегодня оказать существенное влияние на общественное мнение.

К традиционным способам ведения информационной войны — замалчивание самого факта и числа гибели воюющих, максимальный эмоциональный акцент на гибели и страданиях мирных граждан (главным образом стариков, женщин, детей) — добавляется массивный характер фэйковой (поддельной, но притворяющейся реальностью), подтасованной, искаженной информации, многократно усиленной стремительным и неverifiedированным распространением в сетях (часто режиссируемым специальными информационными средствами и силами «ботов» и «троллей»).

На таком фоне главным оружием медиапротивостояния остается телевидение (федеральные каналы ежедневно смотрят десятки миллионов человек, три первых — Первый, «Россия 1», НТВ — являются главным источником новостей для более чем 85% россиян), которое не только уплощает и упрощает картину мира, но и занимается производством и тиражированием эмоций, в том числе с помощью реконструкций, постановок и информационных фэйков. В случае с войной на востоке Украины трансляция большинством медиа (прежде всего телевидением) нарративов об «угрозе русским со стороны укрофашистов», «сопротивлении ополченцев киевской хунте» вызвали массовую поддержку российских зрителей, а ведение информационной войны большинством не признавалось¹.

ТВ, производящее эмоции, не боится «гибридности» смыслов. Созданная во многом телевидением последнего десятилетия «атмосфера

ненависти» (неприятие любого «другого», от мигрантов до Запада; маркировка и противопоставление «наших» ценностей, праздников, организаций, институтов «чужим» ценностям; поиск врагов, предателей, агентов) не боится противоречий:

- Запад — одновременно и враг, и партнер;
- украинского государства нет, но оно занимается репрессиями;

- украинской нации нет, но украинцы — националисты;

- разделение властей, свобода слова, права человека — это важные ценности, но они цинично используются Западом как манипуляция, «мягкая сила», способ достижения политических целей («Запад пропагандирует права человека не потому, что верит в них, а для того, чтобы закрепить и поддерживать контроль над территориями, народами и сферами человеческой жизни»).

Повышение градуса «эмоций» и «медиа-тревожности» на экране с помощью информационного и политического вещания стало особенно заметным в период острой фазы российско-украинского противостояния (весна — осень 2014 г.).

Эти эффекты достигались с **помощью программирования**. В 2014 году новое дневное шоу на Первом «Время покажет» заменило привычные дневные форматы на канале (детективные, судебные, семейные шоу, сериалы). Вещание двух национальных каналов заполнилось обсуждением общественно-политической тематики (в тот момент доминантная тема — война на Украине). Массовая аудитория Первого и «России 1», практически ежедневно и почти непрерывно в течение суток была погружена в повестку украинского кризиса. Начинали новостные блоки в утренних шоу (до 9 утра), продолжали ежедневные выпуски новостей, большая часть времени которых (до 10–12 минут в утренних и дневных) была посвящена военному противостоянию на востоке Украины (на Первом и на «России» по четыре выпуска с 9:00 до 18:00). На Первом тревожная рубрика «Новость часа» с 2014 года (тогда в основном новости с фронта) прерывала все программы и фильмы вещательной сетки, от «Модного приговора» до «Давай поженимся».

Три канала и по России, и по Москве (см. Приложение. Таблицы 1–3) — Первый, «Россия 1», НТВ — имеют самую высокую среднесуточную долю аудитории (10–15% в зависимости от канала) и на неделе появления «вежливых людей в Крыму» (февраль-март 2014 г.), и на

¹ На вопрос: «Согласны ли вы с тем, что российские СМИ ведут информационную войну с Украиной, и если да, то, как вы к этому относитесь?» — респонденты, участвовавшие в опросе Левада-Центра, ответили: 17% — согласен и считаю, что это правильно; 12% — согласен и считаю, что это опасно; 54% — не согласен, российские СМИ объективны; 18% — затрудняюсь ответить. Источник: Левада-Центр, опрос, ноябрь 2014 г., РБК 2015-05-19 в 11.31.19.

неделе после некоторого ослабления противостояния на востоке Украины (июнь-июль 2014 г.). Программы Первого канала (все информационные: «Время», воскресное «Время», «Новости. Спецвыпуск») выходят в топ-100 самых популярных программ в аудитории 4+ по Москве на неделе после закрытия Олимпиады (23 февраля) и появления «вежливых людей» (27 февраля, теперь — День сил специального назначения) и в незначительных комбинациях по цифрам по стране (с выросшими рейтингами) составляют главное зрелище россиян на протяжении следующих месяцев¹, оставляя в рейтинговом хвосте даже сериалы.

Важнейший способ создания фона и контекста — **работа с хронометражом программ/сюжетов**. Выпуски новостей увеличены в среднем от 10 до 30 минут. «Вести» в некоторые дни выходят до и после «Спокойной ночи, малыши» — 60 минут до и 60 минут после (в конце концов соседство детской сказки на ночь и «войны», видимо, посчитали диссонирующим и «Спокойной ночи, малыши» отправили на «Культуру»). В вечернем прайме каналов на протяжении почти всего 2014 года выходили увеличенные до 1–1,5 часа выпуски «Времени» (21:00), а часовые «Вести» на «России 1» (20:00), удлинившись вдвое, ломали сетку и после 22:00 часто переходили в политические шоу (в основном шоу с Владимиром Соловьевым).

«Весь сезон самой популярной программой российского эфира была программа «Время» с рекордными показателями, которые получал редкий отечественный сериал. В среднем более четверти всех зрителей Москвы и остальных городов страны включали на Первом канале программу «Время» каждый день!»². На Первом («Политика» с Толстым и Гордоном) и на НТВ (Норкин, ежедневный и еженедельный) вечерние шоу тоже были посвящены украинским событиям. Все итоговые программы также периодически увеличивали хронометраж. Украина и темы вокруг нее занимали большую часть времени ежедневных выпусков новостей³ (в сред-

нем они увеличились на 30–40 минут в течение всего сезона — с апреля до осени 2014 года) и выпусков воскресного «Времени», «Вестей с Киселевым» и «Воскресного вечера с Соловьевым» в выходные.

Еще один прием поддержания актуальной (в данном случае «военной») повестки дня — **кросс-промо и специальное информационное программирование**. Политические ток-шоу с помощью анонсов связаны с постоянными и специальными выпусками новостей: в новостях могут проанонсировать тему вслед за информационным сюжетом, показанным в выпуске; политическое ток-шоу может быть прервано специальным выпуском или специальным включением репортеров информационной службы.

Прайминг (фиксирование установки) — важнейший инструмент закрепления мнений, когда любое акцентирование, дискуссия делают обсуждаемые вопросы более заметными для сознания (установление). В результате с помощью экспертов медиа формируют суждения, которые люди принимают во внимание, вынося суждение. Например, представители так называемой «несистемной оппозиции» Касьянов, Немцов, Навальный в 2014–2015 гг. ни разу не были приглашены в студии Первого и «России 1», куда приглашали либо менее харизматичных, либо не включенных в оппозиционные организации лояльных «либералов» (Гозман, Хакамада).

Нагляднее судить о том, как людей включают/выключают из общественно-политического эфирного поля, можно не столько по либеральным политикам (потому что самых ярких из них все равно нет в эфире с 2012 года), а по персонажам патриотических, националистических и шовинистических взглядов — публичным авторам проекта «русской весны» (Кургинян, Проханов, Дугин). До лета 2014 года эти комментаторы не сходили с экранов, но как только проект «Новороссия» был реформативирован (Гиркин-Стрелков вернулся домой, а на востоке Украины нашлись командующие «из своих»), идеологи защиты «русского мира», «нового евразийства» и «пансоветского проекта» почти одновременно перестали мелькать в эфире. Проханов и Кургинян, уже без привязки к проекту «Новороссия» (но не Дугин), вновь начинают постепенно, а потом и регулярно появляться в эфире государственного канала «Россия 1» лишь осенью — зимой 2014–2015 гг.

С точки зрения продуцирования эмоций используют схему популярных шоу на социаль-

¹ Бородина А. Телевизор Олимпиады и Украины: рекорды пропаганды / Форбс, 03.07.2014. Источник: <http://www.forbes.ru/mneniya-opinion/konkurentsya/261539-televizor-olimpiady-i-ukrainy-rekordy-propagandy>

² Там же.

³ «В среднем в течение трех месяцев в «Вестях» в 20:00 и в программе «Время» было по 10 сюжетов продолжительностью от 7 до 10 минут каждый, посвященный только одной теме и одной мысли: на Украине окопалась «киевская хунта», которая ведет «карательную операцию». См. подробнее: Бородина А. Телевизор Олимпиады и Украины: рекорды пропаганды / Форбс, 03.07.2014. Источник: <http://www.forbes.ru/mneniya-opinion/konkurentsya/261539-televizor-olimpiady-i-ukrainy-rekordy-propagandy>.

ные и скандальные темы. Но шумные реакции, обвинения, травля неугодных людей и точек зрения, манипулятивные техники ведущих, впадение в истерику и закрикивание оппонента, сознательный отказ от спокойного и аргументированного обсуждения, наличие в студии, а значит и в драматургии шоу, «врагов», которые всегда в меньшинстве, делали политические шоу сезона 2014–2015 гг. иногда даже жестче и скандальнее, чем неполитические.

Выводы

Российская коммуникационная индустрия сконцентрирована в руках немногочисленных групп и владельцев, позволяя по необходимости становиться информационным оружием в современных «гибридных» войнах. Символическая власть массмедиа продолжает оставаться и орудием для продвижения образа жизни, культурных матриц, идеологием, подтверждая и укрепляя статус-кво тех, кто владеет медиа. Концентрация ключевых телевизионных активов, связанных с производством главных телевизионных новостей и аналитики, в трех медиахолдингах сохраняет телевидение в ка-

честве надежного ресурса государства. Лучше всего ТВ удастся эксплуатировать и усиливать имеющиеся настроения – постимперский синдром, раздражение по поводу Запада, тревожность по поводу внешних врагов.

В развитии телевизионной индустрии отражается фундаментальное противоречие минувшего сложного десятилетия: так и не решенный вопрос о разделении собственности и власти. Его производные в области телевидения – политическая концентрация и монополизация национального эфира в интересах правящих групп, не транспарентность телекоммуникационного бизнеса, корпоративистская модель управления медиаактивами, снижение общественной роли журналистики.

Нация телезрителей пока остается ею, хотя разрыв между интернетом и телевидением становится все более размытым: обе повестки уже не так радикально отличаются друг от друга, как раньше. Формирование общественного настроения аудитории, которая становится все заметнее фрагментированной, – более сложная задача, но пока ТВ вполне справляется и с ней.

Приложение

Таблица 1

TNS РОССИЯ. ИССЛЕДОВАНИЕ «ТВ ИНДЕКС». СРЕДНЕСУТОЧНАЯ ДОЛЯ КАНАЛОВ¹ – НЕДЕЛЯ С 24.02.2014 ПО 02.03.2014. АУДИТОРИЯ – МОСКВИЧИ В ВОЗРАСТЕ СТАРШЕ 4 ЛЕТ

№	Канал	Доля, %
1	ПЕРВЫЙ КАНАЛ	14,2
2	НТВ	12,7
3	РОССИЯ 1	12,5
4	СТС	6,3
5	ТНТ	5,7
6	РЕН-ТВ	4,9
7	ПЯТЫЙ КАНАЛ	4,5
8	ТВ-ЦЕНТР	4,4
9	РОССИЯ-24	3,1
10	ЗВЕЗДА	2,6

Отчет сформирован – http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/audience/?arrFilter_pf%5BCITY%5D=2192&arrFilter_pf%5BPERIOD%5D=24%2F02%2F2014+-+02%2F03%2F2014&arrFilter_pf%5BTYPE%5D=45&set_filter=%D0%A1%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y.

TNS РОССИЯ. ИССЛЕДОВАНИЕ «ТВ ИНДЕКС». СРЕДНЕСУТОЧНАЯ ДОЛЯ КАНАЛОВ – НЕДЕЛЯ С 24.02.2014 ПО 02.03.2014. АУДИТОРИЯ – РОССИЯНЕ В ВОЗРАСТЕ СТАРШЕ 4 ЛЕТ

№	Канал	Доля, %
1	ПЕРВЫЙ КАНАЛ	15,3
2	НТВ	13,5
3	РОССИЯ 1	12,5
4	СТС	6,4
5	ТНТ	6
6	РЕН-ТВ	5,4
7	ПЯТЫЙ КАНАЛ	4,5
8	ТВ-ЦЕНТР	3,4
9	РОССИЯ-24	2,8
10	ЗВЕЗДА	2,4

Отчет сформирован – http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/audience/?arrFilter_pf%5BCITY%5D=5096&arrFilter_pf%5BPERIOD%5D=24%2F02%2F2014+-+02%2F03%2F2014&arrFilter_pf%5BTYPE%5D=45&set_filter=%D0%A1%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y.

¹ **Среднесуточная доля телеканала** – среднее количество человек, смотревших телеканал на протяжении суток, выраженное в процентах от общего количества телезрителей (тех, кто смотрел любой телеканал в течение суток, включая оцениваемый телеканал).

Рейтинг телепрограммы – среднее количество человек, смотревших телепрограмму, выраженное в процентах от общей численности исследуемой аудитории.

Доля телепрограммы – среднее количество человек, смотревших телепрограмму, выраженное в процентах от общего количества телезрителей (тех, кто смотрел любую программу, включая оцениваемую) в данный момент времени.

Таблица 2

TNS РОССИЯ. ИССЛЕДОВАНИЕ «ТВ ИНДЕКС». СРЕДНЕСУТОЧНАЯ ДОЛЯ КАНАЛОВ – НЕДЕЛЯ С 30.06.2014 ПО 07.07.2014. АУДИТОРИЯ – РОССИЯНЕ В ВОЗРАСТЕ СТАРШЕ 4 ЛЕТ

№	Канал	Доля, %
1	РОССИЯ 1	13
2	ПЕРВЫЙ КАНАЛ	12,8
3	НТВ	11,2
4	ТНТ	7,4
5	ПЯТЫЙ КАНАЛ	6
6	СТС	5,4
7	РЕН-ТВ	3,8
8	РОССИЯ-24	3,2
9	ТВ-ЦЕНТР	2,9
10	ДОМАШНИЙ	2,6

Отчет сформирован – http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/audience/?arrFilter_pf%5BCITY%5D=5096&arrFilter_pf%5BPERIOD%5D=30%2F06%2F2014+-+06%2F07%2F2014&arrFilter_pf%5BTYPE%5D=45&set_filter=Сформировать&set_filter=Y.

TNS РОССИЯ. ИССЛЕДОВАНИЕ «ТВ ИНДЕКС». СРЕДНЕСУТОЧНАЯ ДОЛЯ КАНАЛОВ – НЕДЕЛЯ С 30.06.2014 ПО 07.07.2014. АУДИТОРИЯ – МОСКВИЧИ В ВОЗРАСТЕ СТАРШЕ 4 ЛЕТ

№	Канал	Доля, %
1	РОССИЯ 1	12,3
2	ПЕРВЫЙ КАНАЛ	12,2
3	НТВ	10,7
4	ТНТ	8
5	СТС	5,2
6	ПЯТЫЙ КАНАЛ	4,8
7	ТВ-ЦЕНТР	4,6
8	РЕН-ТВ	4,2
9	ДОМАШНИЙ	3,2
10	ЗВЕЗДА	3,1

Отчет сформирован – http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/audience/?arrFilter_pf%5BCITY%5D=2192&arrFilter_pf%5BPERIOD%5D=30%2F06%2F2014+-+06%2F07%2F2014&arrFilter_pf%5BTYPE%5D=45&set_filter=Сформировать&set_filter=Y.

Таблица 3

TNS РОССИЯ. ИССЛЕДОВАНИЕ «ТВ ИНДЕКС». НЕДЕЛЯ С 24.02.2014 ПО 02.03.2014. 100 НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫХ ПРОГРАММ СРЕДИ РОССИЯН**Топ-10 – самые популярные среди российской аудитории**

№	Дата	Название	День недели	Начало	Конец	Канал	Рейтинг, %	Доля, %
1	24.02.2014	Время	Понедельник	21:00:04	21:37:04	1-й канал	9,3	23,9
2	02.03.2014	Воскресное «Время». Информационно-аналитическая программа	Воскресенье	21:00:04	22:32:02	1-й канал	9,2	23,9
3	02.03.2014	Точь-в-точь	Воскресенье	17:59:29	20:59:51	1-й канал	8,8	24,2
4	28.02.2014	Голос. Дети	Пятница	21:37:11	23:51:17	1-й канал	8,6	24,8
5	24.02.2014	Черные кошки	Пятница	21:37:04	23:16:45	1-й канал	8,5	24,0
6	02.03.2014	Вести недели	Воскресенье	19:59:55	22:18:37	Россия 1	7,5	18,9
7	26.02.2014	Пусть говорят	Среда	19:54:23	20:59:56	1-й канал	7,0	19,0
8	25.02.2014	Морские дьяволы. Смерч-2	Вторник	20:30:02	20:45:50	НТВ	6,4	16,7
9	02.03.2014	Новости. Специальный выпуск	Воскресенье	17:44:39	17:59:29	1-й канал	6,1	20,0
10	28.02.2014	Морские дьяволы. Смерч. Судьбы	Пятница	19:35:53	21:35:54	НТВ	5,6	16,5

Отчет сформирован – http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/audience/?arrFilter_pf%5BCITY%5D=5096&arrFilter_pf%5BPERIOD%5D=24%2F02%2F2014+-+02%2F03%2F2014&arrFilter_pf%5BTYPE%5D=66&set_filter=%D0%A1%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y.

Таблица 4

TNS РОССИЯ. ИССЛЕДОВАНИЕ «ТВ ИНДЕКС». НЕДЕЛЯ С 30.06.2014 ПО 06.07.2014. 100 НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫХ ПРОГРАММ СРЕДИ РОССИЯН**Топ-10 – самые популярные среди российской аудитории**

№	Дата	Название	День недели	Начало	Конец	Канал	Рейтинг, %	Доля, %
1	30.06.2014	Время	Понедельник	21:00:03	21:35:34	1-й канал	6,8	21,7
2	30.06.2014	Пусть говорят	Понедельник	19:54:22	20:59:56	1-й канал	5,5	18,8
3	04.07.2014	Футбол. Чемпионат мира-2014	Пятница	19:48:19	21:56:41	1-й канал	5,4	20,3
4	06.07.2014	Воскресное «Время». Информационно-аналитическая программа	Воскресенье	21:00:05	23:00:39	1-й канал	5,3	17,9
5	06.07.2014	Вести недели	Воскресенье	20:00:07	22:00:22	Россия 1	5,0	17,6
6	01.07.2014	Футбол. Чемпионат мира-2014	Вторник	19:42:05	22:38:07	Россия 1	4,5	15,2
7	03.07.2014	Специальный корреспондент	Четверг	20:58:49	22:10:57	Россия 1	4,4	15,1
8	03.07.2014	Шеф 2	Четверг	20:52:12	21:48:30	НТВ	4,4	15,1
9	03.07.2014	Вести (20:00)	Четверг	20:00:07	20:58:49	Россия 1	4,2	15,3
10	06.07.2014	Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым	Воскресенье	22:00:22	23:43:56	Россия 1	4,2	15,1

Отчет сформирован – http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/audience/?arrFilter_pf%5BCITY%5D=5096&arrFilter_pf%5BPERIOD%5D=30%2F06%2F2014+-+06%2F07%2F2014&arrFilter_pf%5BTYPE%5D=66&set_filter=%D0%A1%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y.

Городские проблемы в общественном мнении омичей

Современный этап развития общества характеризуется резким возрастанием роли информации. От ее достоверности и своевременности зависит объективность оценки и прогноза развития социально-экономических процессов, эффективность регулирующих воздействий на них. Это требует от органов власти целенаправленного информационного взаимодействия с «управляемым» сообществом, предполагающего учет общественного мнения в практике управления.

Необходимость мониторинга общественных настроений с целью своевременного выявления проблем для определения приоритетов и действенных способов их устранения особенно велика в периоды кризиса. Общее ухудшение социально-экономической ситуации в 2014–2015 годы в России в связи с обострением международной обстановки, санкционным давлением и трудностями перехода к импортозамещению оказывает дестабилизирующее воздействие на инфраструктуру обеспечения жизнедеятельности страны, снижает качество жизни россиян, провоцирует социальную напряженность.

С учетом сказанного несомненна актуальность и практическая значимость социологического исследования на тему «Городские проблемы, волнующие омичей», проведенного Центром гуманитарных, социально-экономических и политических исследований-2 (ГЭПИЦентром-2) в соответствии с муниципальным контрактом № 32–к от 13 июля 2015 года по заказу Управления делами администрации г. Омска в июле-августе 2015 года. Численность выборочной совокупности респондентов была задана заказчиком и составила 1000 единиц (0,1% от численности генеральной совокупности – электорального населения Омска). Для сбора первичной информации использовался метод прямого формализованного интервью по месту жительства респондента.

Судя по полученным данным, трудности и противоречия текущих социально-экономических процессов в Омске основательно отражены в общественном мнении омичей. Об этом, в частности, свидетельствует то, что только 0,7% респондентов затруднились с ответом на вопрос, какие проблемы волнуют их

больше всего, и всего 0,6% заявили, что таких проблем не существует.

Проведенный опрос общественного мнения выявил, что население Омска в наибольшей степени волнуют две проблемы – низкий уровень зарплаты и пенсий и рост цен на продукты питания, одежду и услуги. Доли респондентов, назвавших данные проблемы «самыми острыми на сегодняшний день», оказались практически равными – соответственно 54,9 и 54,4% от выборочной совокупности в целом.

Кроме того, в десятку городских проблем, которые, с точки зрения опрошенных омичей, являются наиболее злободневными, вошли (рис. 1): состояние дорожного хозяйства (37,4%), распространение наркомании (36,5%) и алкоголизма (32,6%), ситуация в жилищно-коммунальном хозяйстве (29,9%), недостатки в сфере здравоохранения (28,6%), недоступность и дороговизна жилья (27,7%), коррупция, взяточничество (26,1%), кризис морали, культуры, нравственности (23,0%), проблемы в работе транспорта (22,9%).

Детализация суждений респондентов о ситуации в отдельных сферах жизнедеятельности Омска позволила определить ряд конкретных «болевых точек», наиболее болезненно воспринимаемых населением:

- рост тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства;
- мусор на омских улицах;
- плохое состояние городских дорог;
- дорожные пробки;
- безработица;
- отсутствие реальной поддержки молодым семьям в приобретении жилья;
- сбор денег на нужды образовательных учреждений;
- недостаточное количество мест в детских садах;
- снос деревьев на местах застройки;
- строительство на месте зеленых зон;
- недостаточное количество спортивных площадок по месту жительства;
- высокая стоимость услуг в сфере культуры;
- низкие темпы предоставления жилья льготным категориям граждан;
- низкие темпы переселения из ветхого и аварийного жилья.

Рисунок 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СУЖДЕНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ О ТОМ, КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЛНУЮТ ИХ БОЛЬШЕ ВСЕГО И ОЦЕНИВАЮТСЯ ИМИ КАК САМЫЕ ОСТРЫЕ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ, в % к общему числу опрошенных (допускалось более одного варианта ответа, поэтому итог не равен 100%)

Две трети опрошенных (69,8%) возложили первоочередную ответственность за решение городских проблем на администрацию города и лично на мэра. При этом более половины участников исследования (52,7%) оценили деятельность мэрии Омска «скорее отрицательно», и только 26,7% — «скорее положительно».

Анализ оценок, данных респондентами работе омской мэрии в отдельных сферах городской жизни, свидетельствует о том, что наиболее эффективно городская администрация управляет сферами культуры, озеленения и благоустройства, физической культуры и спорта. Больше всего претензий опрошенные предъявляли в отношении деятельности мэрии в сферах дорожного хозяйства, жилищной политики, организации работы муниципального общественного транспорта, ЖКХ

Необходимо подчеркнуть, что, во-первых, негативных оценок респондентов удостоились те направления деятельности мэрии, которые связаны с проблемами, наиболее актуальными для опрошенных омичей. Во-вторых, как вы-

явил корреляционный анализ, респонденты особенно недовольны результатами работы городских властей именно по тем направлениям, которые в наибольшей степени определяют оценку населением деятельности администрации города в целом.

Таким образом, позитивная коррекция имиджа администрации Омска и повышение ее авторитета среди омичей в первую очередь зависят от того, насколько успешно будут решаться проблемы в сферах дорожного хозяйства, жилищной политики, организации работы муниципального общественного транспорта, жилищно-коммунального хозяйства.

Кроме того, сопоставление ответов респондентов на соответствующие вопросы установило следующую закономерность: из числа респондентов, обратившихся за помощью или информацией в муниципальные структуры, «в целом положительно» деятельность мэрии Омска оценили преимущественно те, кто добился от этого обращения желаемого результата. И наоборот, те, кто не получил от мун-

ципальных структур необходимой помощи или информации, чаще оценивали деятельность мэрии города как «в целом отрицательно». В этой связи следует отметить, что согласно результатам проведенного опроса общественного мнения за истекший год за помощью или информацией в городскую администрацию, в администрацию своего округа либо в другие муниципальные службы обращались 12,2% опрошенных представителей населения Омска. Результативность этих обращений необходимо признать удовлетворительной: две трети (63,9% из числа респондентов), продекларировавших наличие у них соответствующего опыта, указали, что им удалось получить в муниципальных структурах требуемую информацию или помощь.

Качество оказания муниципальных услуг, как показывает анализ суждений респондентов, в целом находится на достаточно высоком уровне. В частности, с грубостью со стороны муниципальных служащих и с фактами вымогательства взятки за последний год сталкивались только по 10,7% участников опроса, имеющих опыт соответствующих обращений, с некомпетентностью – 17,2%.

Вместе с тем социологическое исследование выявило в сфере предоставления населению муниципальных услуг ряд существенных проблем. 41,8% респондентов, обращавшихся в течение последнего года за помощью или информацией в муниципальные структуры, пожаловались на волокиту, 52,5% – на равнодушие.

Деятельность мэра Омска В. Двораковского «отрицательно» или «скорее отрицательно, чем положительно», оценили 63,1% респондентов, «положительно» или «скорее положительно, чем отрицательно» – 20,1%.

Благодаря корреляционному анализу выявлена значимая взаимосвязь между оценкой респондентами деятельности омского мэра в целом и их оценками деятельности городской администрации в сферах работы общественного транспорта (коэффициент корреляции 0,69), ЖКХ (0,62), дорожного хозяйства (0,68). Это еще раз подтверждает необходимость рассматривать указанные сферы как приоритетные направления работы мэрии Омска.

Обращает на себя внимание тот факт, что доля негативных оценок деятельности мэра Омска (63,1%) оказалась больше доли негативных оценок деятельности городской администрации (52,7%). Судя по всему, это следует интерпретировать, главным образом, как присущую российскому менталитету персонифи-

кацию власти. Показательно, что при ответе на вопрос, кто в первую очередь должен решать проблемы жителей города Омска, преобладающая доля респондентов (40,4%) указала на мэра и в полтора раза меньше (29,4%) – на городскую администрацию. В то же время более половины опрошенных (57,3%) выразили уверенность, что мэр Омска В. Двораковский «влияет определяющим образом» на решение городских проблем или, по крайней мере, «в чем-то влияет, в чем-то нет». Иными словами, с точки зрения респондентов, именно мэр преимущественно определяет положение дел в своем городе. По этой логике объективные проблемы социально-экономического развития мегаполиса проецируются на личность конкретного градоначальника.

Анализ полученных данных свидетельствует о широко распространенных среди омичей патерналистских настроениях. Так, всего 4,2% участников исследования связывают возможные перемены в жизни Омска с ростом общественной активности его населения. Намного более значимыми факторами респонденты сочли динамику политико-экономической ситуации в Российской Федерации в целом (37,8%) и непосредственно в Омском регионе (28,5%).

Примечательно, что всего 2,2% участников опроса связали возможные перемены в жизни Омска с назначением сити-менеджера. С одной стороны, это означает, что для большинства омичей нет особой разницы между институтами мэра и сити-менеджера и, соответственно, большинство омичей равнодушны к тому, как организована власть. С другой стороны, большинство омичей проявляют полное безразличие по поводу того, что с отменой прямых выборов городского руководителя они потеряют важный инструмент влияния на местное самоуправление и тем самым уменьшат возможности своего участия в решении городских проблем.

И еще несколько важных показателей степени вовлеченности населения Омска в решение насущных для города проблем были получены в результате исследования. С точки зрения преобладающей части опрошенных (38,5%) каких-либо стимулов их личного участия в общественной жизни Омска не существует. Почти половина участников исследования (45,6%) заявила о нежелании участвовать в каких бы то ни было видах общественной работы.

Приходится констатировать, что значимая часть омичей предпочитает передать полномочия на решение городских проблем исключи-

тельно органам власти (по сути, переложить на них всю ответственность за качество жизни в городе). Иначе говоря, значимая часть горожан предпочитает позицию самоустранения от личного участия в решении проблем, актуальных для Омска.

Вместе с тем определенный оптимизм вызывает то обстоятельство, что доля респондентов, готовых участвовать в общественной жизни, оказалась пусть и незначительной, но больше числа тех, кто такое желание не испытывает: 48,1 и 45,6% соответственно. При этом основными стимулами к общественной деятельности, как показал опрос, являются нравственные установки (рис. 2) – уверенность в том, что результат такой деятельности принесет пользу родному городу (21,5%), возможность сделать что-то полезное конкретным людям (17,5%).

Особо следует отметить, что, несмотря на многочисленные проблемы, озвученные респондентами в ходе опроса, уровень социальной напряженности в Омске, судя по результатам исследования, остается относительно

низким. Доля участников опроса, выразивших готовность принять участие в возможных акциях протеста, составила 16,8%, тогда как 78,9% такую перспективу для себя исключают.

Об определенной маргинальности потенциальных участников протестных выступлений свидетельствует следующее наблюдение. Сопоставление суждений опрошенных омичей о том, какие из проблем тревожат их больше всего, и ответов на вопрос, приняли бы вы участие в каких-либо акциях протеста (митингах, голодовках, забастовках и т.д.) по волнующей вас теме, обнаружило, что доля потенциальных участников протеста имеет наиболее высокие показатели среди тех респондентов, кто охарактеризовал как наиболее острые следующие городские проблемы:

- недостаточная поддержка малого предпринимательства;
- коррупция, взяточничество;
- неустроенность детского и молодежного досуга;
- преступность, криминогенная обстановка.

Рисунок 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СУЖДЕНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ О ТОМ, ЧТО БУДЕТ СТИМУЛОМ ИХ ЛИЧНОГО УЧАСТИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ОМСКА, в % к общему числу опрошенных (допускалось более одного варианта ответа, поэтому итог не равен 100%)

Между тем рейтинг «самых острых на сегодняшний день» городских проблем, составленный по результатам данного исследования, возглавляют совершенно другие проблемы: низкий уровень зарплаты и пенсий, рост цен на продукты питания, одежду и услуги, состояние дорожного хозяйства, распространение наркомании и алкоголизма.

С другой стороны, отмеченное противоречие можно интерпретировать как свидетельство того, что, помимо проблем, основательно артикулированных в общественном мнении омичей и закрепившихся в стереотипах общественно-го сознания, в Омске существуют и латентные проблемы. К ним в первую очередь следует отнести недостаточную поддержку малого бизнеса, а также коррупцию и взяточничество. Эти проблемы не только оказались основными мотивами, провоцирующими в Омске потенциальные акции протеста; сопоставление оценок, данных респондентами деятельности омской мэрии в целом и суждений участников опроса о том, какие из проблем тревожат их больше всего, обнаружило, что негативно оценили работу городской администрации те, кто включил в лидирующую тройку наиболее острых проблем именно недостаточную поддержку малого предпринимательства, коррупцию, взяточничество.

Выявленный в результате социологического исследования уровень протестного потенциала в Омске существенно превысил средне-

российский показатель. Напомним, что для Омска он составил 16,8%. Между тем согласно всероссийскому опросу, проведенному в июне 2015 года Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр, Москва), в массовых выступлениях населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав готовы участвовать 10% россиян, в протестных акциях с политическими требованиями – 8%¹.

Несмотря на это, для омичей в целом характерен социальный оптимизм. 69,7% опрошенных представителей городского населения своей жизнью «полностью удовлетворены» или «скорее удовлетворены». Преобладающая часть респондентов (45,7%) убеждена в стабильности уровня жизни своей семьи в течение ближайшего года. Перемен к лучшему ожидают 30,1% участников опроса, тогда как возможность ухудшения уровня жизни своей семьи в течение ближайшего года не исключили 12,5%. Жизнь в Омске, по мнению большинства опрошенных (50,3%), также не изменится, еще 22,3% ожидают улучшения ситуации в городе, а ухудшения жизни в Омске в ближайший год ожидают 17,1% респондентов.

Решение городских проблем, выявленных в результате данного социологического исследования, станет важным фактором снижения уровня социальной напряженности, укрепления социально-экономической и общественно-политической стабильности в Омске.

¹ Протестный потенциал и восприятие власти // <http://www.levada.ru/07-07-2015/protestnyi-potentsial-i-vospriyatie-vlasti>. Опрос проведен 19–22 июня 2015 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных. Статистическая погрешность данных исследования не превышает 3,4%.

Ирина КОЗИНА

Организационная солидарность как механизм представительства и защиты интересов в малом бизнесе

При рассмотрении вопросов, связанных с малым бизнесом, исследователи, как правило, концентрируются на проблемах низких темпов роста сектора малого предпринимательства и поиска путей преодоления барьеров его развития. Относительно меньше внимания уделяется вопросам социально-трудовых отношений, сложившихся в этом секторе экономики, и соблюдению трудовых прав занятых в нем работников. Комплекс исследовательских вопросов, связанных с этой темой, отсылает нас к актуальной проблематике защищенности населения в сфере труда, разработанной МОТ и развитой до инструментального уровня в рамках концепции «достойной работы»¹. В данной концепции стандартом защищенного (достойного) рабочего места является модель традиционной занятости, которая характеризуется стабильностью трудовых отношений, наличием системы социальных гарантий и действенных институтов выражения и защиты интересов работников.

Согласно выделенным критериям «достойной работы» занятость в малом бизнесе связана с высокими рисками «плохой» работы и часто трактуется как вынужденная альтернатива, средство выживания в условиях дефицита возможностей более продуктивной занятости. Как показывают исследования, качество рабочих мест на российских предприятиях малого предпринимательства далеко от одобряемого стандарта, а трудовые отношения в значительной степени находятся вне действия правового регулирования, которое не предусматривает для этого сектора особых правил регламентации труда². В общей «конфигурации пространства социально-трудовых отношений» положение работников малого бизнеса характеризуется как самое низкое (в сравнении с бюджетным

сектором и сектором крупных предприятий)³. Это связано с распространенностью неформальных способов внутрифирменных взаимодействий при довольно жестких условиях труда, с которыми работники вынуждены мириться⁴. В рамках универсалистского подхода, с точки зрения социальных прав любые отклонения от установленного «эталона» трудовых отношений интерпретируются как показатель их неразвитости и отсталости. Культурологический подход к объяснению трудовых отношений в малом бизнесе отсылает не к нарушениям социальных прав, а к специфической российской трудовой культуре, основанной на коммуналистских ценностях, где не востребованы формализованные правила⁵. Другие авторы ищут объяснение в пространстве сотрудничества-конфликта между акторами трудовых отношений, обращая внимание на «специфическую форму патернализма», которая сложилась в сфере малого предпринимательства и фиксируется в поведенческих установках на «доверительное сотрудничество»⁶. Ряд западных исследователей, отмечая незначительное влияние правовых норм на реальные отношения, которые складываются и воспроизводятся в условиях небольших фирм, допускают компенсаторный характер переговорных механизмов, основанных на переплетении формальных и неформальных правил⁷.

³ Бизюков П.В., Бизюкова В.А., Бурнышев К.В., Донов И.В. Место профсоюзов в системе регулирования трудовых отношений. М.: ИСИ-ТО, 2004.

⁴ Чепуренко А.Ю. Малое предпринимательство в России // Мир России: Социология, этнология. 2001. Т. 10. № 4. С. 130–161.

⁵ Шершнева Е.Л., Фельдхоффер Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования промышленных предприятий России. СПб.: Петрополис, 1999.

⁶ Куракин А., Соловьев А. Социально-трудовые отношения в малом бизнесе: социальное партнерство или патернализм? //Кадровик. 2012. № 10. С. 59–66.

⁷ Ram M., Edwards P., Jones T. Staying Underground: Informal Work, Small Firms, and Employment Regulation in the United Kingdom // Work and Occupations. 2007. Vol. 34 (3). P. 318–344.

¹ Decent work indicators: concepts and definitions: ILO manual / First edition. Geneva: ILO, 2012.

² Социально-экономическая защищенность населения столицы, занятых в малом бизнесе / отв. ред.: И.В. Соболева. М.: ООО «ИЗДАТ-Черноземье», 2015. С. 208–230.

Развивая тему трудовых взаимодействий на предприятиях малого бизнеса, мы обращаемся к таким аспектам социальной защищенности, как возможности осуществления представительства интересов (representation security) в сфере труда. В документах МОТ это выступает в качестве одной из ключевых форм защищенности, формирующих понятие «достойная работа». В статье обсуждается роль формальных институтов и неформальных практик регулирования взаимодействия работников и работодателей на предприятиях малого бизнеса. Мы рассматриваем отношение населения, занятого в малом бизнесе, к институтам представительства и защиты прав, их установки на взаимодействие работников и предпринимателей (владельцев предприятий) и связь этих установок с особенностями организационной культуры в небольших коллективах.

Эмпирическую базу анализа составили данные анкетного опроса населения, занятого на предприятиях малого бизнеса Москвы⁸. Данные опроса дополняются цитатами из интервью с работниками и предпринимателями, проведенными в рамках этого же исследования.

Рисунок 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КТО СПОСОБЕН ПРЕДСТАВЛЯТЬ, ЗАЩИЩАТЬ ВАШИ ИНТЕРЕСЫ, СВЯЗАННЫЕ С РАБОТОЙ (ВЕДЕНИЕМ БИЗНЕСА) В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?» (% от числа ответивших)

⁸ Исследовательский проект «Социально-экономическая защищенность населения столицы, занятого в малом бизнесе», государственный контракт № ОУЗ/18 (Институт экономики РАН). Полевая часть исследования проведена в феврале 2015 г. В опросе реализована квотная выборка. Квотируемые признаки: тип предприятия (малые и микропредприятия); вид экономической деятельности по укрупненным группам: «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг»; «оптовая и розничная торговля»; «строительство»; «прочие» (виды экономической деятельности, доля которых в структуре занятости не превышает 10%). Общий объем выборки 822 чел., из них 592 респондента являются наемными работниками, для которых занятость в малом бизнесе является основной, то есть обеспечивает основную часть трудового дохода и занимает большую часть времени, затрачиваемого на работу, 230 респондентов являются работающими владельцами бизнеса или самостоятельно занятыми.

Уровень доверия институтам представительства и защиты прав

Наличие действенных институтов защиты прав и выражения интересов работников занимает особое место среди параметров, характеризующих уровень социальной защищенности населения. В данном случае этот параметр призван отражать состояние институциональной/правовой среды, в которой формируются те или иные способы выражения интересов представителей малого бизнеса. В исследовании он оценивался через измерение степени доверия к существующим социальным институтам представительства и защиты. Поскольку в их число входят специализированные общественные организации, способствующие реализации целей разных субъектов социальных интересов (предпринимателей и наемного персонала), вопрос формулировался и задавался отдельно для каждой из этих групп респондентов.

Начнем с того, что обозначим доминирующие настроения владельцев предприятий малого предпринимательства короткой, но показательной цитатой из интервью: «*Малый бизнес вообще никто не защищает... Вся эта защита*

только на словах и для проформы». Большинство респондентов из группы предпринимателей демонстрируют отчетливую ориентацию исключительно на собственные силы и/или каналы личного взаимодействия (рис. 1). Наибольший уровень доверия формальным институтам составляет 10% и относится к оценке судебной системы. Безусловно, вопрос о доверии этому институту предполагает учет гораздо более сложных установок разных групп населения⁹.

⁹ Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А. Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения. 2014. № 3/4. С. 13–69.

Тем не менее другие институциональные каналы, в том числе «четвертая власть», СМИ, как институт воздействия на общественное мнение, а также те, которые отражают криминальные практики («крыша»), не набирают сколько-нибудь значимое число позитивных оценок.

Значение показателя доверия определенным образом связано с размером предприятия: чем меньше предприятие, тем сильнее чувствуются настроения исключения, социальной изоляции от существующих институтов, призванных защищать/представлять интересы малого бизнеса. Так, уровень доверия к судебным органам работающих владельцев малых предприятий достигает 22%; владельцев микропредприятий – 10%; самостоятельно занятых – только 6%¹⁰. Та же тенденция наблюдается относительно других институциональных субъектов: московским властям доверяют 19% руководителей малых предприятий, 10% владельцев микропредприятий и 1% самостоятельно занятых. Кредит доверия общественным предпринимательским организациям составляет 15–19% у представителей малых предприятий, 6% у представителей микропредприятий и 2–3% у самостоятельно занятых.

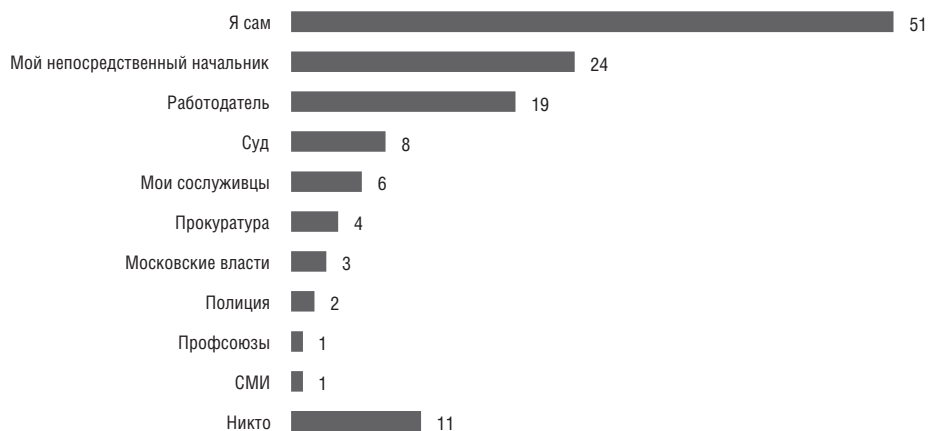
Ощутимый дефицит эффективных каналов представительства и защиты проявляется и в оценках работников. Как и в группе предпринимателей, относительно значимый уровень доверия, 8%, имеет судебная система. Осталь-

ные формальные каналы не набирают статистически значимого порога в 5% (рис. 2). Отметим, что, в отличие от предпринимателей, среди наемных работников не наблюдается различий во мнениях в зависимости от размера предприятия, так же, впрочем, как и от других характеристик.

В вопросах защиты работников особое место традиционно отводится профсоюзам. Профсоюзы – основной институт представительства наемного персонала, которому работники делегируют часть своих прав в обмен на коллективную защиту их членов. Вопрос, в какой степени эта идея остается актуальной для современного мира в целом и для российских реалий в частности, в настоящее время является дискуссионным. Тем не менее российские профсоюзы на сегодняшний день объединяют около 30% занятого населения, что считается немалым даже по европейским меркам¹¹. При этом они сосредоточены в основном в промышленности и бюджетной сфере, а в секторе малого бизнеса профсоюзы представлены слабо. Коллективной защитой (коллективными договорами) охвачены только 5,2% субъектов малого предпринимательства в РФ, а среди московских малых предприятий эта доля еще меньше – 0,6%¹². Отражением этой ситуации является крайне низкий уровень доверия к профсоюзам. В малом бизнесе он составил 1–2%, что существенно ниже значений, которые показывают

Рисунок 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РАБОТНИКОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КТО СПОСОБЕН ПРЕДСТАВЛЯТЬ, ЗАЩИЩАТЬ ВАШИ ИНТЕРЕСЫ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?» (% от числа ответивших)

¹⁰ К малым предприятиям относятся фирмы с численностью персонала от 16 до 100 человек, к микропредприятиям – фирмы с численностью персонала от 2 до 15 человек, самостоятельно занятые не имеют наемного персонала.

¹¹ Профсоюзы на предприятиях современной России: возможности ребрендинга / под ред. И.М. Козиной. М., 2009.

¹² Аналитическая информация о развитии социального партнерства в субъектах РФ. Министерство труда и социальной защиты РФ. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 27.01.2016. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mzsr/salary/50>.

общероссийские замеры. К примеру, Левада-Центр определяет доверие к профсоюзам на уровне 18%¹³, ВЦИОМ – на уровне 38%¹⁴.

Отношение к профсоюзам обычно имеет корреляцию с профсоюзным членством, доля которого в нашей выборке составила 5%. Эта группа в основном представлена рабочими и младшим обслуживающим персоналом (из специалистов – медиками и преподавателями), занятыми на предприятиях и в организациях с численностью работников свыше 50 человек. Работники, состоящие в профсоюзных организациях, настроены более позитивно: 18% из них высказали доверие к институту профсоюзов. Это вполне сопоставимо с общими оценками населения и означает, что профсоюзы на малых предприятиях, там, где они существуют, в какой-то степени выполняют свои задачи.

Низкая оценка существующей системы представительства и защиты создает картину институционального вакуума, в котором ныне функционирует малый бизнес. Тем не менее при значительном дефиците доверия к существующим институтам доля респондентов, для которых характерны позиции крайней социальной апатии («рассчитывать нельзя ни на кого»), невелика: 7% среди предпринимателей и 11% среди наемных работников. Это позволяет предположить наличие иных, выработанных практикой защитных механизмов, существующих в этом сегменте трудовых отношений. При отсутствии эффективных институциональных

каналов эти механизмы явно имеют неформальный характер. Предприниматели в вопросах представления, защиты интересов, связанных с ведением бизнеса, ориентированы на профессиональные социальные сети и помощь коллег по бизнесу (25%), работники полагаются на «начальство» – на непосредственных руководителей (24%) и владельцев бизнеса (19%). Последнее означает, что поиск ресурсов «защиты» наемных сотрудников малых предприятий ограничен в основном микроуровнем (рамками фирмы).

Установки на взаимодействие работников и работодателей

Реальное содержание взаимодействия между работниками и работодателями внутри фирмы формируется в том числе под влиянием разделяемых представлений о характере и возможностях такого диалога и способах решения возникающих проблем. Эти установки являются базой для формирования моделей трудовых отношений, скрепляют их, в значительной степени определяя сложившиеся практики представительства и защиты. Установки на внутрифирменное взаимодействие между работниками и менеджерами тестировались с помощью вопроса «Могут ли в принципе совпадать интересы предпринимателей и наемных работников?», где основанием для выделения разных типов ориентаций выступают идеологические различия в представлениях об

Рисунок 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «МОГУТ ЛИ В ПРИНЦИПЕ СОВПАДАТЬ ИНТЕРЕСЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ?» (% от числа ответивших)

¹³ Доверие институтам власти. Пресс-выпуск 02.11.2012. Левада-Центр [Электронный ресурс]. Дата обращения: 27.01.2016. URL: <http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti>.

¹⁴ Ratings of social institutions. 2014–2015 г. Russian Public Opinion Research Center [Электронный ресурс]. Дата обращения: 27.01.2016. URL: <http://www.wciom.com/index.php?id=123>.

организации (предприятия) как о специфической социальной общности.

Специфика представлений работников, занятых на предприятиях малого предпринимательства, наглядно проявляется в сравнении

с установками работников, занятых на крупных предприятиях¹⁵. Эти представления неоднородны в обеих группах, но контрастны по крайним идеологическим полюсам (рис. 3). Среди работников малого бизнеса существенно большее распространение имеют настроения, в основе которых лежит идея общности интересов работников и владельцев бизнеса, основанная на представлении об организации как о едином организме, «большой семье». Такого рода патерналистские установки соответствуют утверждению *«мы все в одной лодке, никто не хочет, чтобы она потонула, все заинтересованы работать и жить лучше»*, которое находит наибольшую поддержку у работников малого бизнеса (40%) и наименьшую у работающих в крупных компаниях (18%).

Относительно меньше распространены «партнерские» ориентации, выраженные в поддержке утверждения *«каждый ищет свою выгоду, но местами интересы все-таки совпадают: сотрудничество по конкретным вопросам возможно»*. Отличие от идеи общности интересов всех сотрудников состоит прежде всего в признании наличия групп различных или даже противоположных интересов, которые тем не менее могут быть согласованы в рамках организации.

Утверждение *«у начальства (и владельцев предприятия) свой интерес, а работники – просто ресурс для достижения их целей»* отражает признание существования принципиального антагонизма интересов труда и капитала и находят наименьшую поддержку у работников малых предприятий и наибольшую у сотрудников крупных компаний.

Преобладание представлений об общности интересов работников и администрации на малых предприятиях предопределяет высокий уровень лояльности сотрудников. Это проявляется в больших ожиданиях от руководства, которому делегируется ответственность за работников: с утверждением *«руководитель (владелец) нашего предприятия чувствует ответственность за работников»* согласились 73% опрошенных работников малого бизнеса. Наши данные не дают возможности судить о том, насколько ожидания работников совпадают с ожиданиями работодателей, соответствующий анкетный вопрос последним не задавался. Однако мотивы ответственности за работников

как неотъемлемой части обязательств часто звучали в ходе интервью с ними: *«Да, абсолютная (общность интересов). Да, и за своих работников я чувствую ответственность. Это неотъемлемый момент. Тут и объяснять нечего»*.

Организационная солидарность

На предприятиях малого бизнеса, где организация труда, как правило, не требует специально выстроенных структур, взаимодействие в процессе работы строится по собственным правилам. Практики организации труда в небольших коллективах создают запрос на универсализацию рабочих функций, взаимозаменяемость сотрудников и почти условный характер разделения труда. Об этом свидетельствует тот факт, что более 70% респондентов, практически вне зависимости от размера и профиля фирмы, указывают на обязанности «без границ», то есть выполнение различных функций, не свойственных должности. Одним из следствий этого является коллективный контроль за производственным процессом. Описание такого механизма мы находим во многих интервью: *«Мы все дружно бдим, и если вдруг случается какой-то прокол, мы его не доводим до (руководителя), а решаем все сами по ходу пьесы»*. На малом и особенно на микропредприятии, где связь устойчивости бизнеса и устойчивости рабочих мест прямая и очевидная, вольно или невольно наемные работники разделяют с собственником риски ведения бизнеса. Это предопределяет ориентации на взаимное доверие, лояльность и относительную гармонию в отношениях работников и менеджмента. Это нематериальный ресурс, который накапливается годами и формирует высокую взаимозависимость, что отчасти объясняет тот факт, что во многих небольших фирмах в течение долгих лет сохраняются стабильные коллективы: *«За те 15 лет, как существует предприятие, никто не увольнялся, и никого не увольняли. Как только кто-то из коллектива выпадет, развалится всё... Мы работаем только потому, что давно вместе и знаем, что никто из нас не украдет»*.

В понимании этой специфики отношений частично кроется ответ на вопрос, почему при объективно низких показателях социальной защищенности работники малого бизнеса демонстрируют высокий уровень удовлетворенности рабочим местом. Оценки различных сторон работы существенно колеблются, но в целом 80% респондентов более или менее удовлетворены работой, а четверть опрошенных удовлетворена полностью. Наиболее привлекательные сторо-

¹⁵ Детальный анализ установок работников крупных предприятий см.: Виноградова Е., Козина И. Отношения сотрудничества и конфликта в представлениях российских работников // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 33.

ны текущей работы связаны с характеристиками «комфортности» и «удобства» и в гораздо меньшей степени с характеристиками доходности или содержания труда. Выше всего ценится «хороший коллектив» и, с небольшим отрывом, «режим работы» (рис. 4). Для предпринимателей этот параметр также достаточно значим, но он располагается далеко не на первом месте. Основные привлекательные стороны занятия бизнесом – независимость и самореализация.

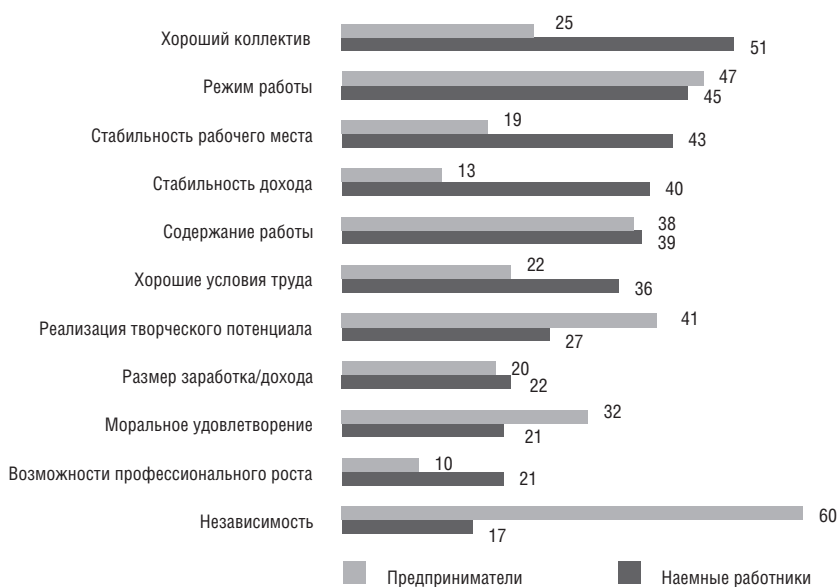
Несмотря на то что предприятия малого бизнеса существенно уступают крупным по уровню гарантий, внутрифирменное доверие и кооперация, основанные на взаимной ответственности, становятся факторами, привлекающими работников. В каком-то смысле малые и особенно микропредприятия живут по законам малой группы, действие которой распространяется на всю фирму и включает формирование собственных компенсационных механизмов представительства и защиты интересов сотрудников. Традиционные, внешние по отношению к фирме, институты в такой ситуации не только невостребованы, но и отчасти «инструментально» вредны: «*Это же сговор. На него идет работник, который все это понимает и сознательно идет на риск того, что у него неформальные отношения. Но и предприниматель идет на риск... Это получается такой тотальный сговор, когда невозможно разрешение*

внутрикорпоративных конфликтов. Потому что любой конфликт невольно тянет за собой все эти теневые вопросы».

С одной стороны, неформальные отношения, основанные на взаимозависимости, делают положение работников в малом бизнесе весьма уязвимым. В современной литературе по социальным правам для обозначения такого типа отношений выделяется понятие «зависимой защищенности», близкое к патернализму, который несовместим с реальной социальной защищенностью. С другой стороны, конструирование отношений неформальности как нормы способствует формированию специфической модели коллектива, объединяющегося для коллективного страхования рисков, формируя солидарность корпоративного типа. Категория организационной солидарности важна для понимания форм взаимодействия и способов выстраивания отношений на предприятиях малого предпринимательства. В трудовых коллективах, основанных на «зависимой защищенности», дефицит эффективных институциональных каналов компенсируется развитием альтернативных неформальных механизмов согласования интересов и разрешения проблемных ситуаций, а высокий уровень доверия становится одним из важных условий эффективной работы и самого существования небольшой фирмы.

Рисунок 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В ЧЕМ ВЫ ВИДИТЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ВАШЕЙ РАБОТЫ?» (% ОТ ЧИСЛА ОТВЕТИВШИХ)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Наталья ТИХОНОВА

Влияние экономического кризиса на занятость и человеческий капитал россиян¹

Последствия социально-экономического кризиса, в который Россия вступила в 2014 г., активно обсуждаются как представителями широкой общественности, так и специалистами. Однако их внимание обычно фокусируется лишь на его экономических последствиях (рост бедности, падение доходов населения и т.п.), а также на готовности россиян терпеть сложившуюся ситуацию. В то же время последствия нынешнего кризиса гораздо серьезнее и долговременнее. Прежде всего я имею в виду, способствует ли он усилению конкурентоспособности российской экономики, в частности формированию эффективной производственной культуры, а также растет ли связь уровня доходов с квалификацией работников.

При положительном ответе на эти вопросы кризис, при всей его тяжести для населения, будет содействовать более быстрому экономическому развитию России в будущем, создавая стимулы для повышения производительности труда и накопления работниками человеческого капитала², играющего всевозрастающую роль в современной экономике. Отрицательный же ответ означает, что страна все дальше сползает к модели «перераспределительной

экономики» или «экономики раздатка»³, трудовые мотивации в которой определены прежде всего страхом потерять работу (или благосклонность начальства), в оплате труда господствует уравнильность, а качество человеческого капитала не слишком значимо. Понятно, что конкурентоспособность такой модели экономики в современном мире более чем проблематична. Не менее существенно и то, что нарастание уравнильности, под лозунгом борьбы с которой прошли для населения реформы начала 1990-х, неизбежно будет способствовать размыванию основ общественного договора, сложившегося в тот период между властью и наиболее квалифицированной частью российского общества. Рост же бесправия работников и падение их социальной защищенности во взаимоотношениях с работодателями в ходе деформации традиционной для последнего столетия российской истории модели производственной культуры будет размывать основы общественного договора уже применительно к большинству общества.

Рассмотрим сначала то, что происходит под влиянием кризиса с занятостью россиян, поскольку это тот фон, на котором формируется и их отношение к своему человеческому капиталу. Как известно, обострение проблем занятости проявилось в условиях нынешнего кризиса в самых разных формах. Это и увольнения с последующей безработицей, и расширение практики неоплачиваемых отпусков или задержек зарплаты, и все больший уход занятости «в тень», и сложности с нахождением новой работы, и снижение доходов работников, и диф-

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту РГНФ № 16-03-00098 «Человеческий капитал российских рабочих: состояние, динамика, факторы».

² В своем анализе мы будем придерживаться классического определения человеческого капитала, предложенного Г. Беккером [Becker Gary S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964; Becker G. S. 1993. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior. Journal of Political Economy, 101(3), 385–409], согласно которому человеческий капитал интерпретируется как совокупность знаний, навыков и умений, накопленных человеком и необходимых для его профессиональной деятельности.

³ Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: РОССПЭН, 2015.

ференциация стратегий реагирования на кризис государственных и частных предприятий, и многое другое.

Чаще всего в контексте этих проблем обсуждается влияние кризиса на занятость россиян, проблемы безработицы. На первый взгляд это кажется парадоксальным, так как, судя по данным ФСГС РФ, ситуация с безработицей в России сейчас вполне благополучная и число безработных по методологии МОТ в марте 2016 г. составляло всего 4,6 млн человек¹ (6,0% экономически активного населения)². Это почти столько же, сколько и за год до того (4,5 млн человек, или 5,8%).

Однако, если учесть данные по предшествовавшему кризису периоду, такая обеспокоенность общества и власти проблемой безработицы уже не кажется странной. Во-первых, рост безработицы за последние два года оказывается в этом случае куда более значительным и составляет 15% по отношению к марту 2014-го, когда численность безработных составляла всего 4,0 млн человек³. А во-вторых, распространенность недавнего опыта безработицы среди россиян, судя по данным социологических исследований, очень велика, хотя численность тех, кто не может найти себе работу, действительно составляет всего несколько процентов. Как свидетельствуют данные 4-й волны Мониторинга ИС РАН⁴, в марте 2016 г. каждый пятый россиянин трудоспособного возраста (20%) оказывался в течение года в ситуации, когда он нигде не работал (и не учился) более трех месяцев подряд. И, хотя почти 70% побывавших в такой ситуации в последний год на момент опроса в марте 2016 г. снова работали, *эти данные свидетельствуют не просто об очень высокой текучести кадров в российской экономике, но и о том, что данная текучесть в условиях кризиса*

¹ ФСГС РФ. Официальный сайт. Социально-экономическое положение России – 2016 г. Таблица «Динамика численности рабочей силы». С. 199 (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/osn-03-2016.pdf). Web-доступ к докладу предоставлен 29.04.2016 г.

² Там же. С. 198.

³ ФСГС РФ. Официальный сайт. Социально-экономическое положение России – 2015 г. Таблица «Динамика численности рабочей силы». С. 221 (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/social/osn-12-2015.pdf).

⁴ Эмпирической базой представленного в статье исследования выступили данные Мониторинга Института социологии РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проводимого при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00218, рук. – М.К. Горшков). В рамках этого проекта ежегодно проводятся две волны опросов с выборкой 4000 респондентов, репрезентирующих население страны по регионам проживания, а внутри них – по типу поселений, полу и возрасту жителей соответствующих регионов согласно данным ФСГС РФ.

массово сопровождается периодами длительной безработицы. Особенно тяжело складывается ситуация в этой области в селах – если в городах, независимо от их размера, доля тех, кто оказывался за год в ситуации, когда он нигде не работал более трех месяцев подряд, не превышала 16%, то в селах она составляла более трети. Более того, если в городах находили работу из числа потерявших ее и переживших достаточно длительный период безработицы свыше 80%, то в селах – менее половины (46%) трудоспособного населения. Если же рассматривать ситуацию с занятостью на уровне не только индивидов, но и домохозяйств, то максимальная доля домохозяйств, в составе которых есть не имеющие постоянной (или вообще никакой) работы в сельской местности составляет 16% при 6–11% для других типов поселений.

Это позволяет говорить, что с точки зрения ситуации с наличием постоянной занятости в наибольшей степени кризис ударил по жителям сел, хотя, казалось бы, в условиях роста импортозамещения именно они должны были оказаться в наиболее благоприятной ситуации. Такая ситуация уже сама по себе заслуживает более пристального внимания к тому, как и за счет чего происходит прирост сельскохозяйственного производства. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, ниже я все же постараюсь показать, что причина этого – рост эксплуатации работников в сельской местности и усугубление их бесправия.

Повышенные риски потери работы и ее последующего ненахождения у сельских жителей не означают, что в городах, особенно крупных, в кризис ситуация с занятостью складывается благополучно. Наоборот, если, помимо самой возможности работать, мы будем учитывать и другие аспекты занятости, то можно утверждать, *что первый год кризиса сильнее всего ударил по занятости именно в столицах*⁵. В Москве и Петербурге в плане изменения условий их занятости уже в первый год кризиса пострадали большинство работающих. Москвичи и петербуржцы чаще среднего россиянина сталкивались и с сокращением или задержками зарплат, и с угрозой потери работы или неоплачиваемыми отпусками. Лишь такие формы последствий кризиса, как увольнения и реальная безработица, оказались распространены в этих городах в меньшей степени, чем в остальных типах

⁵ Стоит отметить, что выборка Мониторинга ИС РАН не является репрезентативной по регионам. Однако она достаточно велика для того, чтобы можно было фиксировать общие тенденции даже при некоторой неточности количественных показателей.

поселений (табл. 1). Более того, как видно из табл. 1, в ходе нынешнего экономического кризиса происходит формирование разных моделей его влияния на занятость для разных типов населенных пунктов, наиболее наглядно проявляющееся применительно к полярным типам поселений.

Рассмотрим теперь, что произошло с **трудowymi нагрузками россиян** в период кризиса. Если сравнить показатели продолжительности рабочей недели за последние несколько лет, то видно, что они непрерывно увеличиваются, причем тенденция эта фиксируется и при сравнении кризисных периодов в жизни страны. Так, весной 2009 г. медианный показатель продолжительности рабочей недели составлял 40 часов, а средний – 42,52 часа, что на 1,79 и 1 час меньше, чем кризисной весной 2015 г. При этом рабочую неделю продолжительностью 60 и более часов имели весной 2009 г. 5% работающих, а не 13%, как весной 2015 г. Более того, по мере развертывания кризиса к весне 2016 г. показатели продолжительности рабочей недели работающих россиян не только не сократились до уровня 2009 г., но, наоборот, выросли даже по отношению к предкризисному периоду. Причем рост этот был весьма заметным – в марте 2016 г. средняя продолжительность рабочей недели россиян составляла 45,3 часа вместо предусмотренных законодательством 40 часов и 44,82 часа в октябре 2014 г. Медианное же значение данного показателя составляло весной 2016 г. 43 часа вместо 42 часов накануне кризиса. Это значит, что большинство работающего населения не просто перерабатывало, но

11% имели рабочую неделю продолжительностью 60 и более часов. Таким образом, в целом россияне работали в «разгар кризиса» даже больше, чем до его начала.

Если сравнить, насколько за время кризиса выросли безработица и продолжительность рабочей недели у работающих, то оказывается, что *российская экономика использовала весной 2016 г. примерно такое же количество труда (рабочего времени), как и до кризиса. Это делает все разговоры о кризисе весьма проблематичными – по крайней мере, если говорить о ситуации в реальной экономике, а не о бюджетном кризисе, связанном с сокращением доходов от продажи нефти и газа.*

В ходе кризиса прослеживается и специфика пространственной концентрации переработок – в столицах весной 2016 г. перерабатывали 64% работников, в других городах – около половины всех работающих, а в селах – 57%. При этом в Москве, где у работающего населения были максимальные трудовые нагрузки, **сверхурочные** весной 2016 г. оплачивались даже реже, чем в среднем по России – лишь 18% имевших сверхурочные москвичей получали за них оплату (при 24% в среднем по стране). За год до этого сверхурочные в Москве оплачивались чаще, чем в других регионах. *Это еще один из признаков качественных изменений на московском рынке труда, произошедших за рассматриваемое время. Москвичи стали работать еще больше, чем раньше, но при этом разрыв в оплате их труда в сравнении с остальными работающими россиянами сократился.*

За этими изменениями стоят очень интерес-

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА ДЛЯ РОССИЯН ИЗ РАЗНЫХ ТИПОВ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ У НИХ НА РАБОТЕ, ОКТЯБРЬ 2015 г., % ОТ РАБОТАЮЩИХ (допускалось несколько вариантов ответа)¹

Последствия	Столицы / в том числе Москва	Областные центры	Райцентры	ПГТ	Села
Доход сократился из-за трудностей, с которыми столкнулось предприятие, на котором они работают	43/51	29	23	27	24
В связи с кризисом оказались в неоплаченном отпуске или перед угрозой потери работы	10/12	4	4	2	6
В связи с кризисом потеряли работу	2/1	3	4	6	6
В связи с кризисом задерживают выплату заработной платы уже больше месяца	6/7	5	4	9	7
Справочно: доля пострадавших от кризиса на работе в той или иной форме среди всех работающих	51/60	34	30	30	33

¹ Фонем и жирным шрифтом в таблице выделены максимальные показатели по каждой строке.

ные и симптоматичные для эволюции взаимоотношений российских работников и работодателей процессы, наиболее ярко проявившиеся в полярных типах населенных пунктов — Москве с одной стороны и селах с другой. Баланс сил во взаимоотношениях работников и работодателей в России в последние годы быстро меняется в пользу последних¹, а «информационный шум» по поводу кризисов (независимо от реальной тяжести их протекания) активно используется работодателями для повышения нормы эксплуатации и ограничения прав работников. По крайней мере, об этом свидетельствует анализ не только динамики рабочего времени и оплаты сверхурочных, но и **соблюдения предусмотренных российским законодательством социально-экономических прав работающих**. Как видно из эмпирических данных, *вписанность производственной деятельности россиян в «правовое поле» и вытекающая из этого степень их социальной защищенности с годами уменьшается, причем каждый следующий экономический кризис придает новый импульс этим тенденциям*. Так, весной 2008 г., до начала кризиса, работодатели обеспечивали оплату отпуска, больничного листа и декретного отпуска в предусмотренном законодательством размере в 71% случаев. К весне 2014 г. этот показатель снизился до 68%, весной 2015-го составил 63%, а в марте 2016-го спустился уже до 59%. Сократилось в условиях экономического кризиса 2014–2016 гг. и соблюдение других социально-экономических прав трудящихся, в частности выплаты «белой» зарплаты (с 66 до 62%).

В целом данные Мониторинга ИС РАН позволяют утверждать, что более половины

(51%) работающих россиян в той или иной степени находились в марте 2016 г. вне действия трудового, пенсионного и социального законодательства. При этом накануне кризиса, весной 2014 г., в таком положении находилось меньшинство — 44% работающих.

Степень социальной защищенности работников в современной России зависит прежде всего от того, на предприятиях и в учреждениях какого сектора экономики они работают. Из приведенных в табл. 2 данных видно, что для работающих в частном секторе характерно тотальное бесправие и положение работников в этом секторе экономики за год кризиса заметно ухудшилось.

Кроме того, как видно из табл. 2, для частных предприятий в меньшей степени, чем для предприятий госсектора, характерно и наличие у работников каких-то дополнительных социальных благ по месту работы. Впрочем, число получателей этих благ за время кризиса резко (втрое) сократилось и в госсекторе, причем в наибольшей степени, судя по полученным данным, это сокращение ударило по наиболее квалифицированной части рабочей силы — по специалистам с высшим образованием. В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что и на государственных предприятиях ситуация с соблюдением прав работников далека от идеальной, а если рассматривать ее в динамике — не за год, а за несколько лет, то видно, что она имеет тенденцию к некоторому ухудшению. Так, полностью в законодательном поле весной 2015 г. находился 71% работников госсектора, хотя в феврале 2014 г. соответствующий показатель составлял 74%.

Таблица 2

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ У РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ С РАЗНОЙ ФОРМОЙ СОБСТВЕННОСТИ, МАРТ 2015 – МАРТ 2016 г., (% от работающих²)

Не реализовывались следующие права	Работники в госсекторе		Работники приватизированных предприятий		Работники иных частных предприятий	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016
Своевременная выплата зарплаты	5	3	13	11	12	8
Официальное оформление на работу	14	13	20	17	37	33
«Белая» зарплата	18	17	31	30	54	55
Оплата отпуска и больничного листа	15	18	30	34	58	57
Не реализовывалось хотя бы одно из этих прав	29	29	45	44	62	68
Имели дополнительные социальные блага (ведомственные поликлиники, ведомственное жилье, оплата транспорта и т.п.)	22	7	14	4	7	4

¹ Подробнее см. об этом: Тихонова Н.Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 16–27.

² Данные по занятым на коллективных предприятиях и в общественных организациях, а также самозанятым и предпринимателям в таблице не представлены.

Особо следует сказать в связи с динамикой в этой области и о работающем населении Москвы. В начале кризиса и даже весной 2015 г. ситуация в Москве на общем фоне была относительно благополучной, и вне правового поля в той или иной степени в плане предусмотренных законодательством трудовых прав находилось относительно меньшинство работающих. Однако с весны 2015-го по март 2016-го в Москве произошел массовый уход занятости «в тень». Доля тех, кто получает зарплату (или ее часть) «в конвертах», резко выросла (с 27 до 40%). Даже при официальной занятости работающих часто стали не соблюдать их права на оплату отпуска и больничного листа в предусмотренных законом размерах, а подчас они вообще не оплачивались работодателями. В итоге показатели не получающих (полную или частичную) оплату больничного листа и отпуска выросли в столице всего за год с 28 до 54% — больше, и то ненамного, этот показатель был весной 2016 г. только у жителей сел (57%). Это значит, что *среди работающих москвичей начинает опережающими среднероссийские и довольно быстрыми темпами развиваться нарушение их прав работодателями, ранее характерное скорее для сельских, чем столичных жителей*. Но, если для жителей сел такое состояние беспорядка относительно привычно, то для жителей Москвы оно является новым. Наряду с ростом перегрузок, опережающим падением их реальных доходов и вынужденным отказом многих из них от привычного образа жизни из-за санкций и антисанкций в санкционной войне Запада с Россией¹, нарастание беспорядка и социальной незащищенности не может не способствовать формированию среди них очагов социальной напряженности.

Посмотрим теперь, как выглядит ситуация с качеством человеческого капитала россиян и как реагируют на сложившуюся в сфере занятости ситуацию в плане отношения к своему человеческому капиталу работающее население страны в целом и представители отдельных профессиональных групп в частности². Традиционно принято считать, что качество

¹ Подробнее об этой тенденции см.: Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016 (гл. 2.3); Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10.

² Если для занятости, при всей значимости профессиональной принадлежности для дифференциации последствий экономического кризиса, наиболее важные результаты демонстрирует поселенческий срез анализа, то в области ситуации с человеческим капиталом более важным и оправданным представляется рассмотрение последствий кризиса под углом зрения именно профессиональной дифференциации работающих.

человеческого капитала у россиян высокое, а общее ухудшение ситуации с занятостью, включая обострение конкуренции на рынке труда, падение доходов и нарастание давления со стороны работодателей, способствует росту готовности работников инвестировать в свой человеческий капитал. Однако в современном российском обществе это не совсем так. Во-первых, достаточно сомнителен тезис о высоком качестве человеческого капитала россиян. Так, если, не уходя в дебри теоретического анализа самого понятия «человеческий капитал», посмотреть, как выглядят его интегральные показатели³ для российских работников, то оказывается, что нулевые его показатели имеют 15% работающих, показатель в 1 балл — 38%, 2 балла — 29%, 3 балла — 16% и 4 балла — всего 2%. Таким образом, более половины россиян имеют низкие показатели качества их человеческого капитала, 29% — средние и только 18% — высокие.

А во-вторых, и до кризиса, и в кризис, несмотря на не слишком хорошее качество своего человеческого капитала, работающее население страны в массе своей не стремилось и не стремится повышать квалификацию и вообще обучаться хоть чему-то — более половины работающих россиян (51%), по их собственному признанию в октябре 2015 г., последние три года никак не пополняли знания, и еще у 12% пополнение знаний означало просто учебу в учебном заведении, как правило, еще до начала работы. Столько же пополняли свои знания путем приобретения или совершенствования навыков работы на компьютере, причем для большинства овладение этими навыками никак не было связано с их производственной деятельностью. Таким образом, в целом о профессиональном росте можно говорить лишь применительно к 25–30% работающих россиян на временном отрезке в три года.

Однако участие в процессе дополнительного образования взрослых, являющегося в эпоху быстрого устаревания знаний единствен-

³ При построении Индекса человеческого капитала в качестве показателей его качества были использованы индикаторы, свидетельствующие об уровне образования респондента, а также наличия у него навыков самостоятельного обновления и расширения своих общих и профессиональных знаний. При этом наличие за последние три года различных форм образовательной активности или профессиональное образование 2-й ступени давало 1 балл, высшее образование — 2 балла, и 3 балла присваивалось за наличие двух высших образований, магистратуры, аспирантуры или ученой степени. Это, конечно, очень упрощенная в силу ограниченности возможностей использованного инструментария версия оценки качества человеческого капитала человека, но и она позволила получить достаточно интересную информацию.

ным способом поддержания и/или повышения качества человеческого капитала, в разной степени распространено среди тех или иных профессиональных групп. Более того, для представителей разных профессиональных групп характерны и разные модели «набора знаний и навыков» (табл. 3). Руководители и предприниматели чаще других осваивают новые виды деятельности и новые специальности. Специалисты чаще ориентированы на наращивание в разных формах знаний по своему основному профилю деятельности. В число «белых воротничков» на должностях, не предполагающих обязательного высшего образования, чаще попадают после окончания учебы в учебном заведении, и самостоятельная активность по повышению качества человеческого капитала для этой группы нехарактерна — без учета недавно закончивших обучение в образовательных учреждениях 2-й и 3-й ступени никак не пополнявших за последние три года знания в этой группе большинство. Наконец, рядовые работники торговли и рабочие похожи друг на друга не только в смысле качества человеческого капитала, но и в отношении к нему.

Сложившаяся ситуация отчасти объясняется объективными сложностями с получением образования и знаний как россиянами в целом, так и представителями отдельных профессиональных групп. Так, например, лишь 26% россиян в октябре 2015 г. оценивали свои возможно-

Чаще всего плохие оценки своих возможностей в этой области встречаются у рабочих и рядовых работников торговли. Хорошо коррелируется с этими данными и тот факт, что более трети работников торговли (35%) и рабочих (38%) хотели бы получить хорошее образование, но даже не надеялись на это.

При этом только специалисты, руководители и предприниматели убеждены в том, что им удалось стать хорошими профессионалами в своем деле — для этих профессиональных групп соответствующие показатели составляли осенью 2015 г. 56–68%. Любопытно, что специалисты при высокой оценке своего образования чаще руководителей критически оценивают степень собственного профессионализма, в то время как руководители и предприниматели чаще считают себя профессионалами при более критической оценке базового образования. Интересно и то, что рабочие не только низко оценивают качество своего образования, что в целом ожидаемо, но и редко считают, что им удалось стать хорошими профессионалами. Даже среди высококвалифицированных рабочих 5-го разряда и выше говорили о себе о как профессионалах меньшинство (44%). Единственная группа рабочих, где большинство убеждено в своем профессионализме, — это рабочие 5-го разряда и выше в возрасте старше 45 лет, то есть те, кто получал рабочие специальности еще в СССР.

Таблица 3
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБОВ ПОПОЛНЕНИЯ ЗНАНИЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕКОТОРЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП, ОКТЯБРЬ 2015 г., (% от работающих¹)

Способы	Руководители ²	Специалисты	Служащие ³	Работники торговли	Рабочие 5-го разряда	Рабочие 3–4-го разрядов
Учеба в техникуме, вузе	7	9	12	7	4	5
Переподготовка по новой специальности	11	9	7	4	6	4
Осваивали новые виды деятельности	17	12	8	7	7	7
Повышение квалификации	30	39	18	5	11	6
Следили за литературой	30	38	17	10	7	5
Приобретение навыков работы на компьютере	23	25	14	10	8	6
Изучали иностранные языки	8	9	6	4	0	0
Брали частные уроки	1	2	1	0	0	1
Никак	26	23	47	66	67	70

¹ Фоном и жирным шрифтом в таблице выделены максимальные значения по каждой строке. Низко- и неквалифицированные рабочие в таблице не представлены в силу незначимости для них, при их характере трудовой деятельности, качества их человеческого капитала. Самозанятые не включены в таблицу в силу незначительной численности этой группы в массиве (40 человек).

² Включая предпринимателей, имеющих наемных работников.

³ Под служащими подразумеваются офисные работники на должностях, не предполагающих обязательного высшего образования.

Казалось бы, при таких оценках собственной квалификации и образования¹ как ключевых составляющих человеческого капитала и при столь сложной ситуации в сфере занятости, как та, что сложилась сейчас в России, россияне должны стремиться инвестировать в свой человеческий капитал и время, и деньги. Однако готовность к инвестированию в него не только времени (о чем шла речь выше), но и финансовых средств среди работающих россиян очень низка — лишь 15% их пользовались осенью 2015 г. платными образовательными услугами для взрослых. При этом чаще всего использовали за счет собственных средств платные образовательные услуги для взрослых за последние 3 года предприниматели и руководители (24%). На втором месте находились служащие (23%).

Так выглядит ситуация с качеством человеческого капитала россиян сегодня. Как видим, при по-прежнему формально высоком образовательном уровне россиян их человеческий капитал нельзя оценить высоко из-за слабой распространенности среди них практик приобретения новых знаний и навыков. Если же посмотреть на эффективность этих практик, то картина окажется еще более удручающей. Рабочие, например, среди них упоминают чтение литературы, что вряд ли будет способствовать повышению их профессионализма, а каждый десятый специалист говорит о смене специальности, хотя на должностях профессионалов качественный человеческий капитал требует профильного базового образования и многих лет специализации. При этом у подавляющего большинства рабочих и рядовых работников торговли отсутствуют любые способы пополнения знаний и приобретения новых навыков.

Почему же россияне, помимо получения диплома, являющегося в современной России скорее культурной нормой, чем инвестицией, не готовы вкладывать время, силы и деньги в приобретение и обновление знаний? И как скажется на этой ситуации последний экономический кризис?

Сразу подчеркну — первая реакция россиян на кризис в этой области была скорее позитивной, и если говорить о динамике инвестиций в человеческий капитал, то распространенность практик использования платных образовательных услуг у россиян, несмотря на падение их доходов, в первый год кризиса даже чуть выросла — в фев-

рале 2014 г. оплачивали образовательные услуги для взрослых в течение трех предшествующих лет лишь 13%, а осенью 2015 г. это делали уже 15%, в том числе в возрасте до 25 лет включительно — 28%. Впрочем, в разных профессиональных группах эта динамика была разнонаправленной: предприниматели и руководители до кризиса инвестировали в свой человеческий капитал чаще, чем в кризис (29% в феврале 2014 г. при 24% в октябре 2016 г.), специалисты (19 и 20%), рабочие (6–7%) и работники торговли (15–16%) с той же частотой, а служащие гораздо реже (10% до кризиса и 23% осенью 2015 г., причем в группе до 25 лет включительно этот показатель по итогам года кризиса начал даже превышать треть). Таким образом, общий рост использования платных образовательных услуг произошел за счет резкой активизации «белых воротничков» без особой квалификации, которые гораздо легче взаимозаменяемы, чем специалисты и руководители (вспомним в этой связи понятие «родовой рабочей силы»²), но для которых, в отличие от других профессиональных групп, показатели их человеческого капитала играют в кризис при определении их дальнейшей судьбы очень значимую роль.

В этой связи и в контексте общего предмета анализа данной статьи, последствий нынешнего экономического кризиса для формирования новых тенденций в сфере занятости и отношения работающих россиян к своему человеческому капиталу, естественен вопрос: какую роль играет человеческий капитал работника в современном российском обществе для снижения рисков в сфере занятости в условиях кризиса? Ответ на него, судя по имеющимся эмпирическим данным, оказывается весьма противоречивым. С одной стороны, чаще всего страдают от кризиса представители наиболее квалифицированной части российских работников, имеющие наивысшие показатели человеческого капитала (табл. 4). Это значит, что в современном российском обществе для подавляющего большинства населения нет экономического смысла наращивать квалификацию сверх определенного предела. С другой стороны, иметь очень низкие показатели качества человеческого капитала в современном российском обществе тоже плохо — увеличиваются риски негативных последствий кризиса непосредственно на рабочем месте. Так, 40% работников с нулевыми

¹ Оценки своего образования как хорошего в разных профессиональных группах находились в диапазоне от 24% у рабочих и работников торговли до 88% у специалистов.

² Термин, введенный М.Кастельсом в его работе: *Castells M. The information age: economy, society and culture. Vol. 1. The rise of the network society. — Oxford: Blackwell, 1996.*

показателями человеческого капитала в в той или иной форме пострадали к осени 2015 г. от кризиса у себя на работе, в то время как имеющие высший балл его качества – в 14% случаев. Таким образом, как и в случае с дополнительным соцпакетом или оплатой сверхурочных, работодатели используют при мотивировании работников скорее «кнут», чем «пряник», то есть не стимулируют дополнительно наиболее квалифицированных, а применяют наибольшее число «репрессий» по отношению к наименее квалифицированным. В выигрыше же при этом (хотя и весьма относительно) по отношению к докризисным временам оказывается, если говорить о стране в целом, рабочая сила хотя и квалифицированная, но не высшей квалификации. Естественно, что уравнилельные тенденции в стимулировании труда при такой модели вза-

имодействия работодателей и работников быстро нарастают.

В контексте выше сказанного понятнее становится и феномен всплеска образовательной активности рядового офисного персонала – именно они в первую очередь при наращивании качества своего человеческого капитала имеют шанс попасть в ту среднеквалифицированную группу, которая находится в условиях нынешнего кризиса в лучшем положении относительно остальных россиян. И именно для них качество человеческого капитала оказывается куда более значимым для избегания рисков пострадать от кризиса на работе и ощутить от него существенный ущерб, чем для работающих россиян в целом (табл. 5).

Как видно из табл. 5, значимо качество их человеческого капитала для вероятности избе-

Таблица 4

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА ЖИЗНЬ РОССИЯН С РАЗЛИЧНЫМ КАЧЕСТВОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА (октябрь 2015 г., % от работающих¹)

Влияние кризиса	Показатели человеческого капитала				
	0 баллов	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла
Не проиграли или даже выиграли	8	12	16	12	7
Не понесли существенный ущерб	42	42	46	46	29
За год материальное положение осталось неизменным или даже улучшилось	47	53	54	54	43

Справочно:

Среднедушевой личный доход по группе (руб.)	20 048	22 756	26 815	33 892	31 941
Медианный личный доход по группе (руб.)	18 500	20 000	22 000	30 000	29 000

Таблица 5

КОЭФФИЦИЕНТ СПИРМЕНА ДЛЯ СВЯЗИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП И ВЛИЯНИЕМ НА НИХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (октябрь 2015 г., % от работающих²)

Влияние кризиса	Специалисты	Служащие	Рабочие	Рядовые работники торговли	Россияне в целом
Динамика материального положения за год	0,079	0,069	0,056	0,095	0,048
Проиграли от кризиса в той или иной форме	0,039	0,029	0,057	0,076	0,053
Пострадали от кризиса на работе	0,112	0,112	0,043	0,064	0,099
Кризис нанес существенный ущерб	0,107	0,048	0,029	0,035	0,022

¹ В таблице светлым фоном выделены максимальные, а темным – минимальные показатели по строке.

² Показатели коэффициента Спирмена приведены по модулю. Ячейки со значениями показателя выше 0,1 выделены светлым фоном, а менее 0,1 – темным фоном. Корреляции значимы на уровне 0,01.

жать негативных последствий кризиса на работе и для специалистов. Но, поскольку у них показатели самостоятельных инвестиций в человеческий капитал и без того достаточно

высоки, вряд ли это может способствовать их дальнейшей активизации в плане повышения качества человеческого капитала. Более того, поскольку именно в этой группе в основном сосредоточены люди с максимальными показателями человеческого капитала, по которым в силу характерного для него нарастания уравнительных тенденций в оплате труда кризис ударил тяжелее, чем по среднему россиянину, дальнейший рост образовательной активности для многих ее представителей бессмыслен. В то же время ни для рабочих, ни для рядовых работников торговли тенденции влияния качества их человеческого капитала на устойчивость к кризису не прослеживаются.

Если же говорить о связи уровня доходов и использования тех или иных конкретных видов повышения квалификации, то наиболее парадоксально выглядит ситуация с влиянием на доходы работников практик инвестирования в человеческий капитал у рабочих. Как уже отмечалось, для российских рабочих знания и навыки не являются определяющими жизненного успеха, и материального стимула к наращиванию качества человеческого капитала рабочие в России сейчас не имеют¹. Об этом же свидетельствуют данные Мониторинга ИС РАН, которые демонстрируют, что единственная группа, у которой сам факт наличия этих практик имеет статистически значимую связь с их индивидуальными доходами (коэффициент Спирмена 0,165), это низко- и неквалифицированные рабочие. У рабочих же 3-го разряда и выше показатели этой связи оказываются фактически незначимы (0,031–0,034 в зависимости от разряда). При этом для рабочих от 5-го разряда с точки зрения уровня их доходов оказывается значимо повышение квалификации по их специальности, но для среднеквалифицированных рабочих и эта форма наращивания знаний и навыков не важна. Впрочем, и среди повышавших квалификацию по старой специальности рабочих 5-го разряда и выше доходы более 1,5 медианы доходного распределения в их типах поселений имели осенью 2015 г. лишь 20%, притом что треть имела доходы ниже медианы. Гораздо важнее оказывается для доходов высококвалифицированных рабочих тип собственности предприятия, на котором они заняты. В случае работы на возникших в ходе реформ частных предприятиях их доходы более чем в половине случаев не дотягивают до медианы в их типах поселений, а в случае работы на предприятиях

с государственной формой собственности вероятность получать столь низкие доходы составляет всего 30%. В косвенной форме это отражает отраслевые неравенства заработной платы, поскольку доля государственных предприятий в разных отраслях различна.

Таким образом, жалобы работодателей на отсутствие работников высокой квалификации во многом оправданы. Однако такая ситуация обусловлена прежде всего тем, что человеческий капитал работников зачастую рассматривается работодателями как некая данность, не связанная ни с вложениями со стороны работодателя, ни со стимулированием собственной инвестиционной активности работника в расчете на последующие монетарные и немонетарные ренты. В западной производственной культуре инвестиции работника в человеческий капитал стимулируются прогнозируемым им в этом случае ростом зарплаты, а заинтересованность работодателя в сохранении работника высокой квалификации «подстраховывается» всякого рода материальными и нематериальными бонусами (например, соцпакетом). Таким образом, в их интересах достигается определенный баланс, причем в достижении этого баланса особенности занятости работника неотрывны от особенностей его человеческого капитала. В российской же традиции главным бонусом для работника при наличии у него человеческого капитала высокого качества выступает само сохранение работы, а в идеале — работы, где соблюдаются предусмотренные законом права работающих. Все прочие стимулы закрепления и стимулирования персонала, в том числе и высококвалифицированного, встречаются в российской практике все реже, и все реже они связаны с квалификацией работника. Так, если в феврале 2014 г. те или иные бонусы (медицинская помощь, питание, жилье, транспорт, ссуды и т.п.) получали 16% работающих (причем у специалистов это был каждый четвертый, а у рабочих — каждый десятый), то спустя два года, в марте 2016-го, получали от работодателя дополнительные соцблага лишь 5% работающих (в том числе 7% специалистов и 5% рабочих, то есть сокращение получателей соцпакета произошло прежде всего за счет наиболее квалифицированной рабочей силы²). Это, конечно, совсем иная система мотивации работников, чем в западной, в частности англосаксонской,

¹ *Каравай А.В.* Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы // Вестник Института социологии РАН. 2016. № 3.

² В этой связи стоит отметить, что и у рабочих на вероятность попадания в число получателей дополнительных социальных благ их квалификация никак не влияла. Более того, самая высокая их доля (6%) была весной 2016 г. у разнорабочих и рабочих 1–2-го разрядов. В то же время у рабочих 3–4 разрядов, а также 5-го разряда и выше она составляла 5%.

производственной культуре. В Великобритании, например, сам тип трудового контракта напрямую связан с квалификацией работника, а закрепление высококвалифицированных работников на фирме и их мотивирование к наращиванию человеческого капитала обеспечивается за счет разного рода бонусов¹.

Приведенные выше данные о связи влияния кризиса на трудовую деятельность работающих россиян в целом и рядового офисного персонала в частности с качеством их человеческого капитала свидетельствуют о *рациональности их поведения в отношении последнего, а также об их готовности оперативно реагировать на сигналы, посылаемые экономикой*. Остается только, чтобы

эти сигналы стимулировали их к его наращиванию. Пока же мы можем говорить, что *социальный капитал (ресурс сетей) оказался в ходе нынешнего кризиса гораздо более значим в плане смягчения его последствий для работающих, чем их человеческий капитал* (табл. 6). Следовательно, можно ожидать, скорее, нарастания готовности россиян к инвестированию времени и средств в наращивание ресурса своих социальных сетей, которые помогут устроиться в «хорошее место», чем готовности к росту инвестиций в свой человеческий капитал, прирост которого при наличии его минимального качества все равно не оценивается работодателем положительно.

Таблица 6

КОЭФФИЦИЕНТ СПИРМЕНА ДЛЯ СВЯЗИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТИ РОССИЯН С ИХ УРОВНЕМ ЖИЗНИ И ВЛИЯНИЕМ НА НИХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА, ОКТЯБРЬ 2015 г., (% от работающих)²

Показатели уровня жизни и влияния кризиса	Показатели ресурсобеспеченности				
	Социальный капитал	Властный ресурс	Экономический ресурс	Человеческий капитал	Культурный капитал
Самооценки качества своего питания	0,294	0,231	0,206	0,183	0,158
Самооценки возможностей приобретения одежды и обуви	0,289	0,227	0,201	0,155	0,149
Самооценки своего положения в обществе	0,272	0,289	0,173	0,194	0,136
Самооценки своей жизни в целом	0,273	0,225	0,159	0,169	0,148
Динамика материального положения за год	0,207	0,127	0,135	0,048	0,058
Проиграли от кризиса в той или иной форме	0,124	0,083	0,115	0,053	0,063
Пострадали от кризиса на работе	0,050	0,146	0,059	0,099	0,051
Кризис нанес существенный ущерб	0,137	0,130	0,088	0,022	0,035

¹ Goldthorpe J.H. Class analysis and the reorientation of class theory: the case of persisting differentials in educational // The British journal of sociology. 2010, т. 61, №. s1, p. 311–33.

² Показатели коэффициента Спирмена приведены по модулю. Ячейки со значениями показателя выше 0,2 выделены светлым фоном, а менее 0,1 – темным фоном. Показатели Индексов социального, властного, экономического и культурного ресурсов, так же как и Индекса человеческого капитала, находились в диапазоне от 0 до 4 баллов. В качестве признаков наличия социального капитала при расчетах выступали индикаторы, свидетельствующие об имеющих у индивидов возможностях получить бесплатно или дешевле необходимые услуги более высокого качества, а также обеспечивающие дополнительные возможности, в принципе недоступные без ресурсов сетей. В качестве признаков властного ресурса были использованы индикаторы, свидетельствующие о наличии у индивидов административного ресурса

(должность руководителей разного уровня или статус предпринимателя, имеющего наемных работников) и ресурса влияния (в своем подразделении или в масштабах предприятия в целом). В качестве признаков обладания экономическим ресурсом использовались индикаторы, свидетельствующие о наличии у индивидов источников получения доходов, не связанных с их трудовой деятельностью по найму или с получением государственных и межсемейных трансфертов. Что же касается культурного ресурса, то мы рассматривали его как основу воспроизводства классовой принадлежности в современном мире, формирующуюся через освоение в процессе социализации особенностей сознания и поведенческих практик, характерных для конкретного социального класса [Bourdieu P., Passeron J.C. Reproduction in Education, Society and Culture. London: Sage, 1990], поэтому индикаторами культурного ресурса выступали характеристики условий первичной социализации (уровень образования родителей).

Выводы

1. Ситуация в сфере занятости за время кризиса значительно ухудшилась. Это проявляется не только и даже не столько в росте безработицы и задержках зарплаты, сколько в увеличении трудовых нагрузок, все большем уходе занятости «в тень» и росте социальной незащищенности работников. Как видно из списка обостряющихся в области занятости проблем, это ухудшение лишь отчасти обусловлено кризисными явлениями в экономике и связано в основном с попытками работодателей переложить тяжесть кризиса на работников за счет повышения нормы их эксплуатации.

2. В наибольшей степени рост увольнений и безработицы характерен для сельской местности, что представляется парадоксальным в условиях роста сельскохозяйственного производства в рамках курса на импортозамещение. Однако зимой 2015/16 г. наметилась и новая негативная тенденция — рост социальной незащищенности в плане трудовых прав жителей Москвы, что отражает принципиальные изменения на московском рынке труда, традиционно являвшемся «флагманом» рынка труда России. Наряду с опережающим падением реальных доходов жителей столицы на фоне роста их трудовых нагрузок эта тенденция в случае ее дальнейшего развития может оказать заметное негативное влияние как на вектор дальнейшей эволюции общероссийского рынка труда, так и на социально-психологическое самочувствие и настроения жителей крупнейшего российского мегаполиса. Проблема взаимоотношений работников и работодателей, ответственность за наличие которой население возлагает на государство и власть, станет, видимо, в этих условиях важным элементом новой «повестки дня». Однако это не означает начала массовых протестных действий уже в ближайшее время — наоборот, в ближайшие год-полтора протесты будут иметь эпизодический и неполитический характер, и лишь затем в случае дальнейшего обострения проблем падения доходов, ухудшения условий занятости и роста бесправия работников можно ожидать их активизации.

3. Усиление негативных тенденций в сфере занятости при слабо конкурентном характере российской экономики больно ударило по наиболее квалифицированным массовым группам работающих россиян. Кроме того, вместо роста значимости человеческого капитала в условиях кризиса мы видим его незначительную роль для нивелирования последствий кризисных явлений в экономике, и особенно в сфере занято-

сти. Лишь для отдельных профессиональных групп (прежде всего для рядового офисного персонала) оказывается значимо качество человеческого капитала. Это, несомненно, стимулирует работающее население страны в плане наращивания человеческого капитала.

4. Последний экономический кризис усиливает нерыночные начала в российской экономике, и в целом система распределения в ней движется в сторону все большей уравнительности. Об этом свидетельствует не только ситуация с человеческим капиталом, но и то, что роль социального ресурса для динамики положения россиян в кризис оказывается важнее, чем квалификация. В этих условиях населению страны нет смысла наращивать человеческий капитал сверх какого-то предела (наличия диплома о высшем образовании, который и в кризис повышает вероятность сохранения благополучия). В то же время низкие показатели качества человеческого капитала означают в российских реалиях очень высокие риски оказаться в тяжелом материальном положении, особенно во время кризиса.

5. Россияне в массе своей понимают эту ситуацию и выбирают рациональные поведенческие стратегии. В тех группах, где дипломы и сертификаты об образовании имеют значение и дают дополнительные конкурентные преимущества, поскольку они есть не у всех, наблюдается активизация различных форм наращивания знаний и навыков. В остальных профессиональных группах в кризис фиксируется сокращение инвестиций работников в свой человеческий капитал или, в лучшем случае, сохранение их на прежнем уровне. Учитывая сокращение инвестиций в человеческий капитал работников в ходе кризиса также со стороны работодателей, можно говорить о неизбежности падения его качества уже в ближайшее время. При этом их квалификация и так не слишком высока, что осознают и сами российские работники, массово оценивая и качество своего образования, и особенно степень собственного профессионализма достаточно низко.

6. Особенно сложная ситуация складывается с человеческим капиталом рабочих. Именно среди них шире всего распространены низкие оценки не только качества своего образования, но и уровня своего профессионализма. Такая ситуация имеет объективные корни — никаких стимулов к повышению своей квалификации в условиях, когда доходы слабо связаны с ее повышением, у рабочих нет. Учитывая масштабы отраслевых неравенств заработных плат в Рос-

сии, им, как и представителям других профессиональных групп, оказывается проще и эффективнее поменять место работы и, опираясь на ресурс социальных сетей, устроиться на «выгодное» место, чем повышать свою квалификацию в надежде, что это приведет к значимому улучшению производственных позиций на старом предприятии. В условиях, когда работодатели массово (и в ходе кризиса все чаще) в формировании трудовых мотиваций работников предпочитают «прянику» «кнут», такая стратегия на микроуровне действительно более эффективна. Однако на макроуровне она ведет к сокращению совокупного специфического человеческого капитала и свидетельствует об институциональной неэффективности современной российской экономики.

7. Все вышесказанное позволяет говорить о том, что влияние последнего экономического

кризиса на занятость и человеческий капитал работающего населения страны не просто имеет негативный характер для уровня доходов и социальной защищенности россиян, но и ведет к снижению конкурентоспособности страны на международной арене. Причем снижается она именно в тех областях, изменение положения в которых требует длительных и организационно сложных усилий, но которые имеют огромное значение для развития современной экономики – в области производственной культуры, трудовых мотиваций, качества человеческого капитала и т.д. Одновременно размываются основы общественного договора, сложившегося между властью и обществом в России еще в 1990-е, в том числе и с наиболее квалифицированной частью российского населения, в значительной степени сконцентрированной в Москве.

Кира ЛУЦИШИНА

Анализ динамики желаемых и фактических доходов населения

Краткий обзор полученных результатов

В последние годы мы наблюдаем снижение протестного потенциала российского общества и консервацию политического режима. Однако говорить о том, что это связано с улучшением социально-экономического положения и сокращением общественного напряжения, не можем. За последние годы Индекс потребительских настроений, который является значимым индикатором поведения потребителей и состояния российской экономики в целом, не превысил отметку в 100 баллов, а начиная с 2014 года мы наблюдаем стремительное снижение значений данного индекса¹. Это демонстрирует, что материальное положение граждан ухудшается и экономические условия в стране расцениваются как плохие, без изменений в сторону улучшения в ближайшем будущем.

Суммируя вышесказанное, мы фиксируем депрессивное состояние общества на фоне экономического спада и отсутствия структурированной социальной политики государства в полноценном смысле этого понятия.

Мы уже упоминали об общественном напряжении, однако проблема заключается в том, что изучать процессы, происходящие в таких диаметрально противоположных группах, как бедные и богатые, довольно сложно. Информации о доходах этих категорий граждан крайне мало, данные часто имеют смещенный характер, поскольку при опросах исследователи сталкиваются с рядом трудностей. Тем не менее видится возможным исследовать представления так называемого среднего класса о доходах, необходимых для хорошей жизни. Это позволит проследить, как центр общества, то есть люди со средним достатком, относятся к бедным и богатым, какова самоидентификация этих людей, как устроено российское общество в целом.

Таким образом, нашей целью было выявление характера влияния представлений о нормальной жизни, прожиточном минимуме

и среднедушевом доходе в российском обществе на общественную напряженность и структуру общества. Мы проанализировали динамику указанных показателей, что позволило выделить «острые» группы, в которых велика депривация. Также был рассчитан коэффициент напряженности как отношение представлений о нормальной жизни к среднедушевому доходу, что позволяет анализировать разрывы между реальным и желательным материальным положением граждан. Для анализа использовались данные социологических опросов за период с июня 2009-го по январь 2016 года.

Для количественного измерения представлений о материальном достатке, характерном для нормальной жизни (НЖ), мы использовали вопрос «Сколько денег нужно вашей семье в расчете на одного человека в месяц, чтобы жить, по вашим представлениям, нормально?». Представления о прожиточном минимуме (ПМ) мы измеряли с помощью вопроса «Как вы полагаете, какой доход в расчете на одного человека в месяц обеспечивает в настоящее время прожиточный минимум?». Кроме того, мы включили в исследование данные по среднедушевому доходу (ДД) граждан. Это породило некоторые проблемы, связанные с большим процентом пропусков данных по этому вопросу, поскольку граждане не всегда готовы назвать точную цифру при опросе.

В Приложении на рис. 1–5 приведены графики, отражающие динамику НЖ, ПМ и ДД. При построении графиков использовались средние данные по группам (разделение по социально-демографическим признакам) за каждый период проведения опроса.

Весь интересующий нас временной отрезок можно разделить на три этапа на основании динамики НЖ: с июня 2009-го до начала 2011-го, с начала 2011-го до конца 2012-го и с начала 2013-го до начала 2016-го.

Для первого этапа характерны посткризисные общественные настроения, рост материальных запросов на волне социально-эконо-

¹ Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2016. С. 85.

мических трансформаций. Временной отрезок с 2009-го до начала 2011-го характеризуется ростом, с редкими флуктуациями, средств, необходимых гражданам для нормальной жизни, в среднем с 20 тыс. руб. до 30 тыс. руб., при снижении годового уровня инфляции. Стоит отметить, что в Москве и Санкт-Петербурге показатель НЖ растет быстрее и стартовая точка выше, чем в остальных регионах, что соответствует уровню жизни столичного региона. Обращаясь к анализу динамики НЖ в различных социально-профессиональных группах, укажем на интересный факт: на этом этапе значения показателя у учащихся и специалистов почти совпадают.

Далее происходит некоторая стабилизация, и показатель НЖ почти не изменяется в течение двух лет (небольшой рост можно объяснить откликом на незначительные изменения инфляции). Население «отошло» от последствий экономического кризиса, и экономический потенциал протеста резко снизился. Стабилизировалась ситуация на рынке труда, и население закрепилось на рабочих местах, страх потерять работу снизился. Значения Индекса потребительских настроений в период 2011-й – начало 2013-го достаточно ровные и находятся в пределах 75–80%. Значения среднедушевого дохода в этот период тоже стабильны.

В 2013 году на фоне начала нового кризиса, санкций и политической ситуации в целом мы наблюдаем резкий рост объема средств, необходимых для нормальной жизни жителям столичного региона и лицам, занимающим руководящие должности, предпринимателям и специалистам. На динамике НЖ в остальных типах населенных пунктов политическая и экономическая ситуация слабо отразилась, а в крупных городах произошло и снижение значений показателя. В последний период представления о НЖ у всех возрастных групп в целом сравнялись и колеблются между 35 тыс. – 40 тыс. руб., за исключением лиц пенсионного возраста, но и у населения 55 лет и старше в начале 2015 года пожелания о необходимых средствах превысили отметку в 30 тыс. руб.

Рассматривая отдельно динамику НЖ в различных социально-профессиональных группах, мы видим, что наиболее равномерный рост характерен для представлений у пенсионеров и неквалифицированных рабочих. Средства, необходимые руководителям для нормальной жизни, имеют очень большой разброс. Сильные колебания в представлениях у военнослужащих, учащихся и независимых предпри-

нимателей связаны с малочисленностью этих групп. Специалисты, служащие, рабочие и пенсионеры являются доминирующими по численности группами и наиболее устойчивыми к погрешностям измерения. Категория специалистов характеризуется превышением значений ДД над ПМ.

Обратимся теперь к динамике показателя общественной напряженности, которая представлена в Приложении на рис. 6–10. Коэффициент позволяет сравнивать разрывы между НЖ и ДД, предоставляя возможность определить группы, обладающие наиболее обостренными протестными настроениями. В целом в российском обществе складывается крайне драматичная ситуация, поскольку коэффициент напряженности (КН) в среднем колеблется в промежутке 2,5–4, то есть реальные доходы в 2,5–4 раза меньше средств, которые необходимы гражданину для нормальной жизни в стране, для удовлетворения большинства потребностей. Представления о нормальной жизни связаны со счастьем и удовлетворенностью человека, следовательно, при отсутствии возможности достижения того уровня доходов, который желателен, у человека возникает чувство разочарования и развивается депривация. Возникновение последнего феномена крайне опасно в нестабильной политико-экономической ситуации, поскольку согласно парадоксу Токвиля улучшение (в нашем случае рост) ДД может повлечь активные протестные действия.

Вернемся к анализу непосредственно имеющихся у нас данных. Если рассматривать половозрастную структуру общества, то можно говорить о том, что пол респондента не оказывает существенного влияния на КН, в то время как между возрастом и КН имеется определенная зависимость. Для всех возрастных групп КН находится в промежутке 2,5–3,75, и показатель достаточно стабилен, не наблюдается возрастающих или убывающих трендов динамики. Исключением могут быть разве что резкие пики в динамике показателя у респондентов в возрасте 24–39 лет. Именно в данной группе, а это очень активное население, наиболее велики разрывы между реальными и желательными доходами. Говоря про уровень образования, можно заметить, что у лиц с низким уровнем образования (неоконченное среднее образование, ПТУ и исключительно начальное образование) КН выше, чем у лиц, имеющих высшее образование. КН у категории со средним уровнем образования (среднее или среднее специальное) менее изменчив и более стабиль-

лен, чем показатель напряженности у группы с низким уровнем образования. Сильные разрывы между реальными и желательными доходами возникают у жителей сельской местности. В период после кризиса 2008–2009 годов КН в этой группе был больше 4. Начиная с середины 2012 года у показателя наметился убывающий тренд, хотя периодические пики не позволяют говорить о стабильном улучшении положения сельских жителей. В столичном регионе КН находится около 3, но с конца 2013 года заметно постепенное увеличение разрывов в доходах, и КН в этой группе превышает КН в больших и средних городах, чего раньше не наблюдалось. Рассматривая напряженность в зависимости от социально-профессионального статуса, мы видим у категорий «безработные», «учащиеся», «домохозяйки» и «руководители» сильный размах значений КН, однако это связано с малочисленностью групп, на что мы обращали внимание выше. КН у безработных стабильно выше, нежели в остальных группах, тем не менее говорить о какой-либо динамике сложно. Показатели в остальных группах велики, но ведут себя равномерно, выделить этапы длительного роста или сокращения разрывов мы не можем.

Таким образом, суммируя вышесказанное, мы пришли к следующим выводам.

1. Значения показателя НЖ во всех группах довольно посредственные, то есть на категорию «богатые» наше население по-прежнему в своих запросах не ориентируется, нормальная жизнь в общественном сознании – это удов-

летворение базовых потребностей и немного сверх того. К кардинальным изменениям своего материального положения, а вместе с ним и образа жизни общество не стремится. В целом богатые оказывают достаточно слабое влияние на поведенческие практики российского общества. Безусловно, решения принимают имеющие средства, но капиталы богатых, точнее зависть к доходам богатых, на повседневную жизнь, доминирующий эмоциональный фон и протестный потенциал значимого влияния не оказывают.

2. При рассмотрении разных типов населенных пунктов наблюдается рост дифференциации представлений о нормальной жизни, что было замечено и в предыдущих исследованиях Л. Гудкова и Л. Примако по данной тематике².

3. Наиболее «опасные, напряженные» категории – это группы людей с низким уровнем образования, проживающие в сельской местности, и безработные. Низкий уровень жизни соответствует высокому значению общественной напряженности. КН велик у достаточно маргинальных категорий. Вопрос, будут ли данные категории населения использовать свой протестный потенциал, активировать напряженность в реальные действия? К слову, отказ от активных выступлений и изменения соотношения реальных и желательных доходов может привести и к росту криминальной составляющей как более дешевый вариант для населения получить желаемое – тот самый объем средств, необходимый для НЖ, и удовлетворить свои потребности.

² Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 71–117.

Приложение

Рисунок 1
ДИНАМИКА ЖЕЛАЕМЫХ И ФАКТИЧЕСКИХ ДОХОДОВ (в рублях)

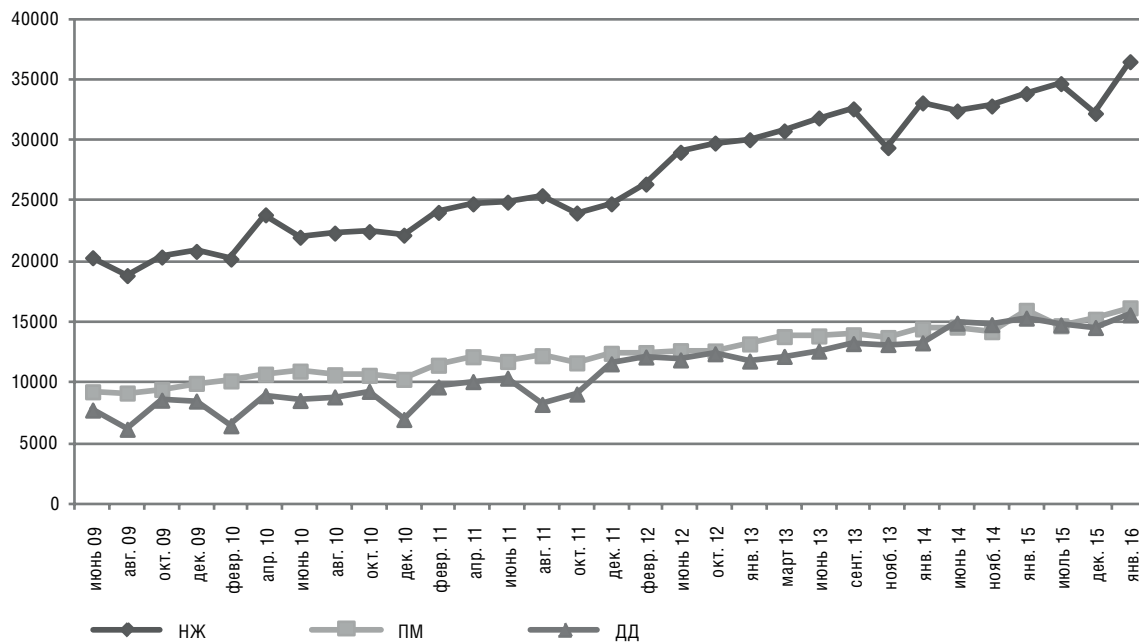

Рисунок 2
ДИНАМИКА ЖЕЛАЕМЫХ ДОХОДОВ (в рублях). Пол

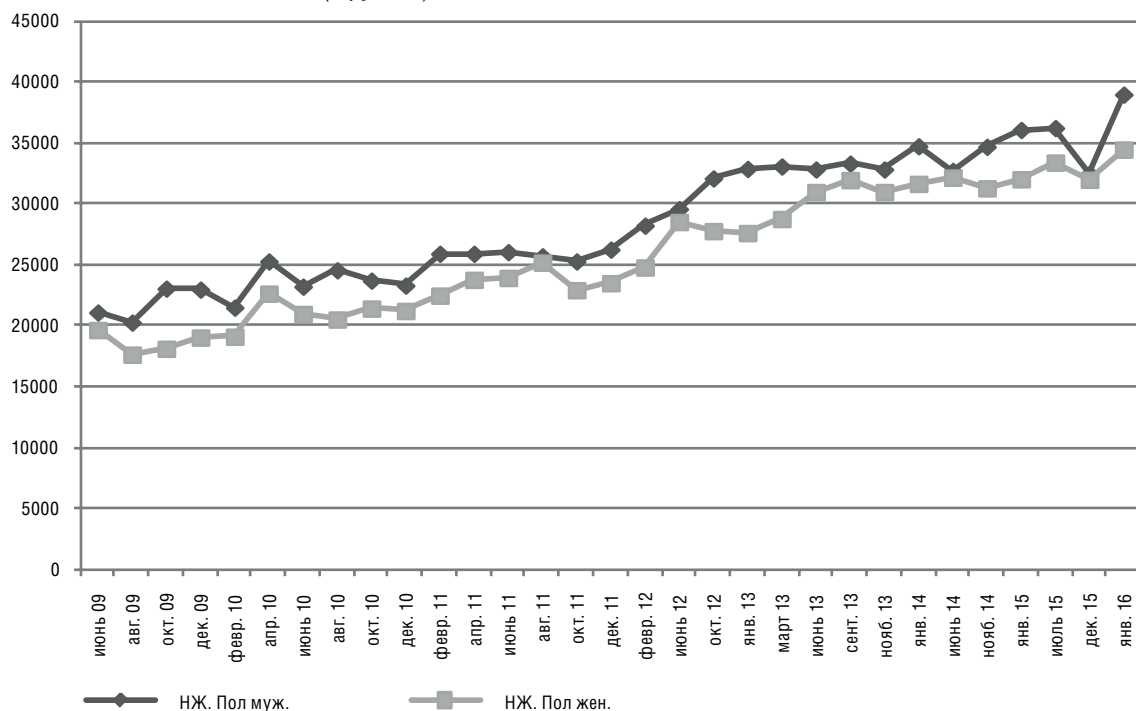

Рисунок 3
ДИНАМИКА ЖЕЛАЕМЫХ ДОХОДОВ (в рублях). Возраст

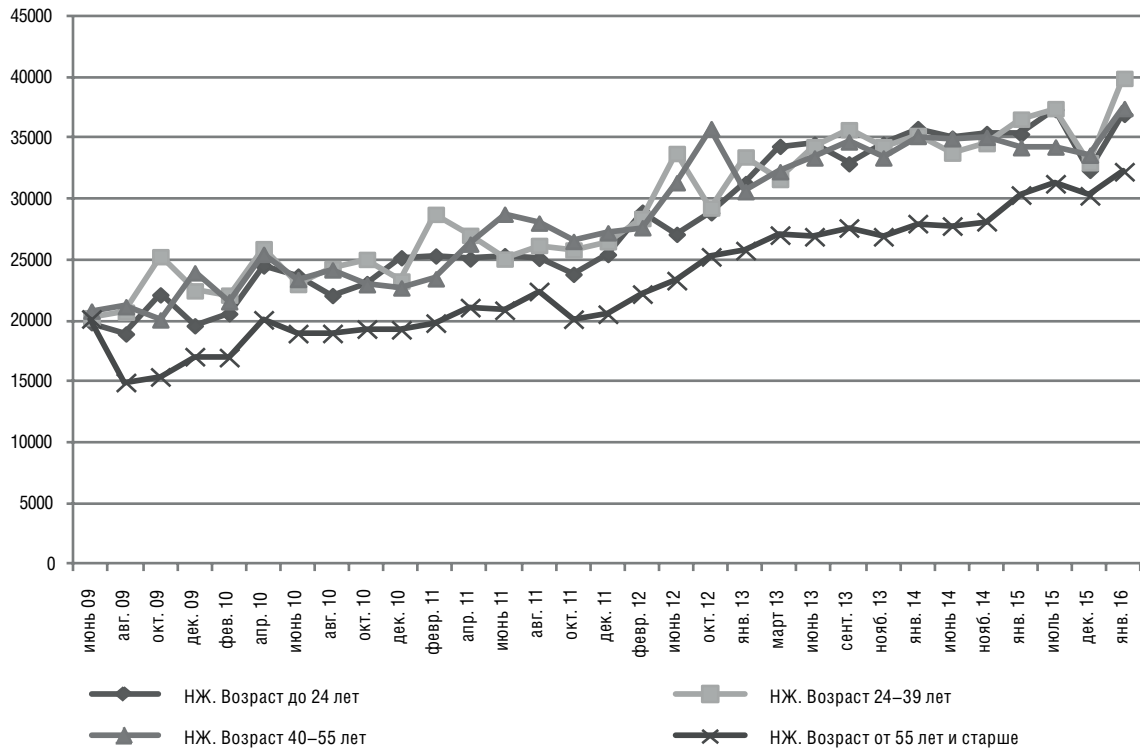

Рисунок 4
ДИНАМИКА ЖЕЛАЕМЫХ ДОХОДОВ (в рублях). Образование

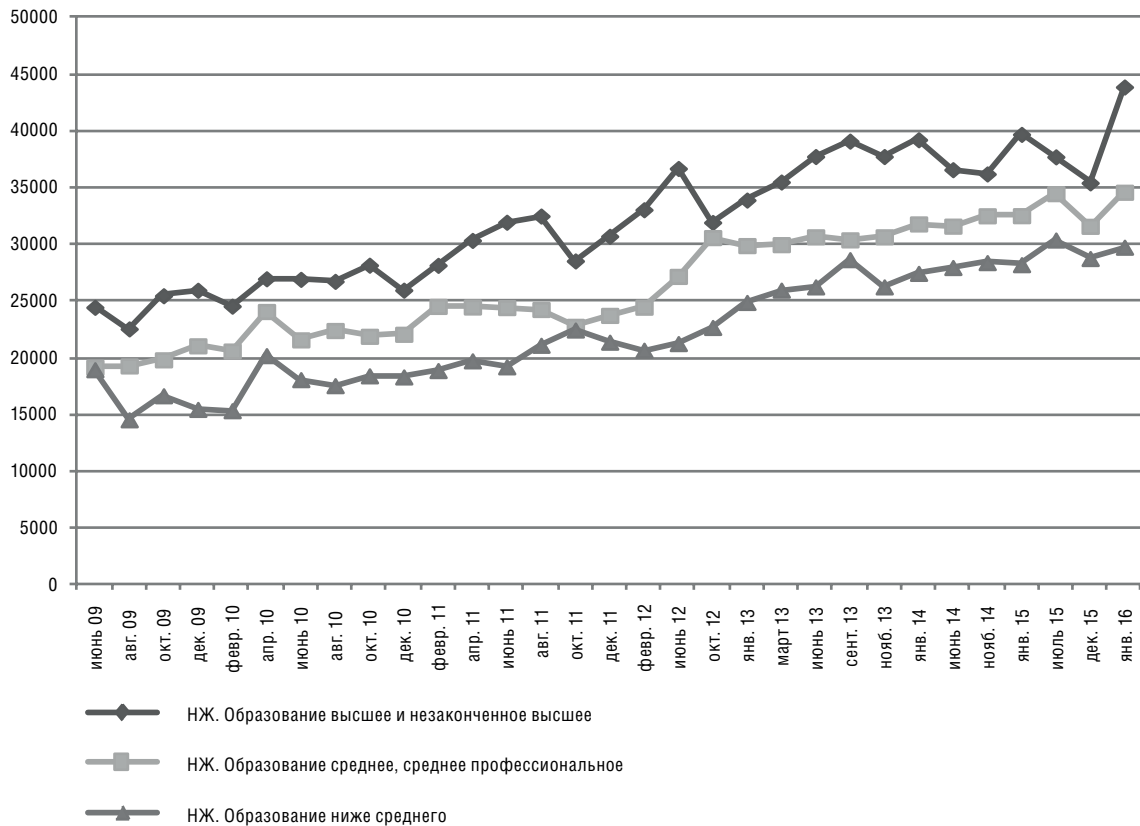

Рисунок 5
ДИНАМИКА ЖЕЛАЕМЫХ ДОХОДОВ (в рублях). Тип населенного пункта

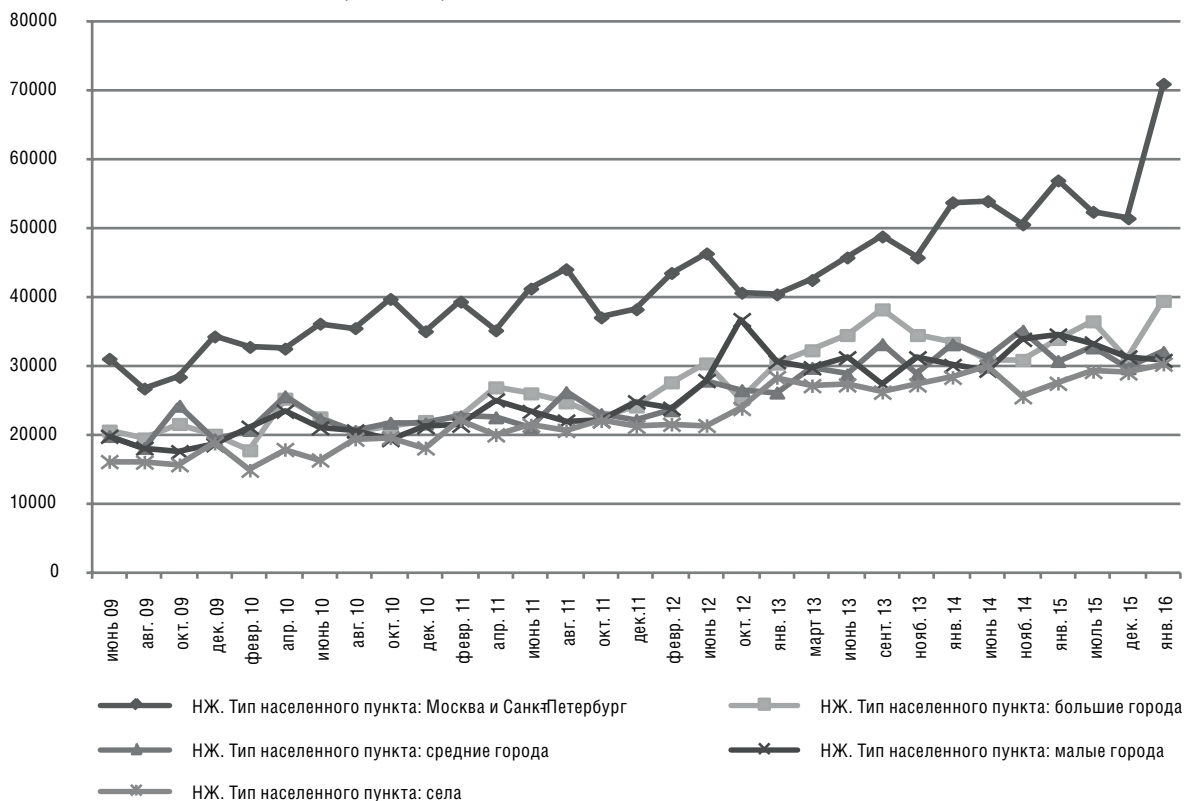

Рисунок 6.1
ДИНАМИКА ЖЕЛАЕМЫХ ДОХОДОВ (в рублях). Социально-профессиональный статус

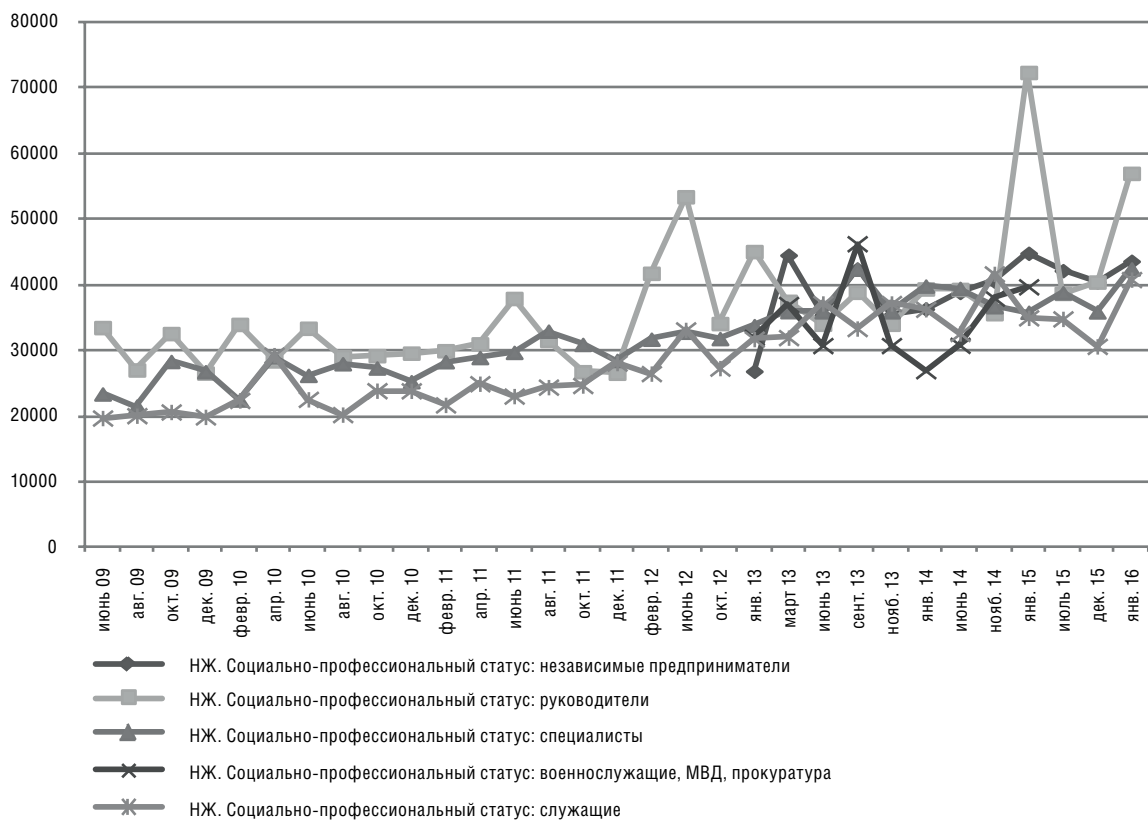

Рисунок 6.2
ДИНАМИКА ЖЕЛАЕМЫХ ДОХОДОВ (в рублях). Социально-профессиональный статус

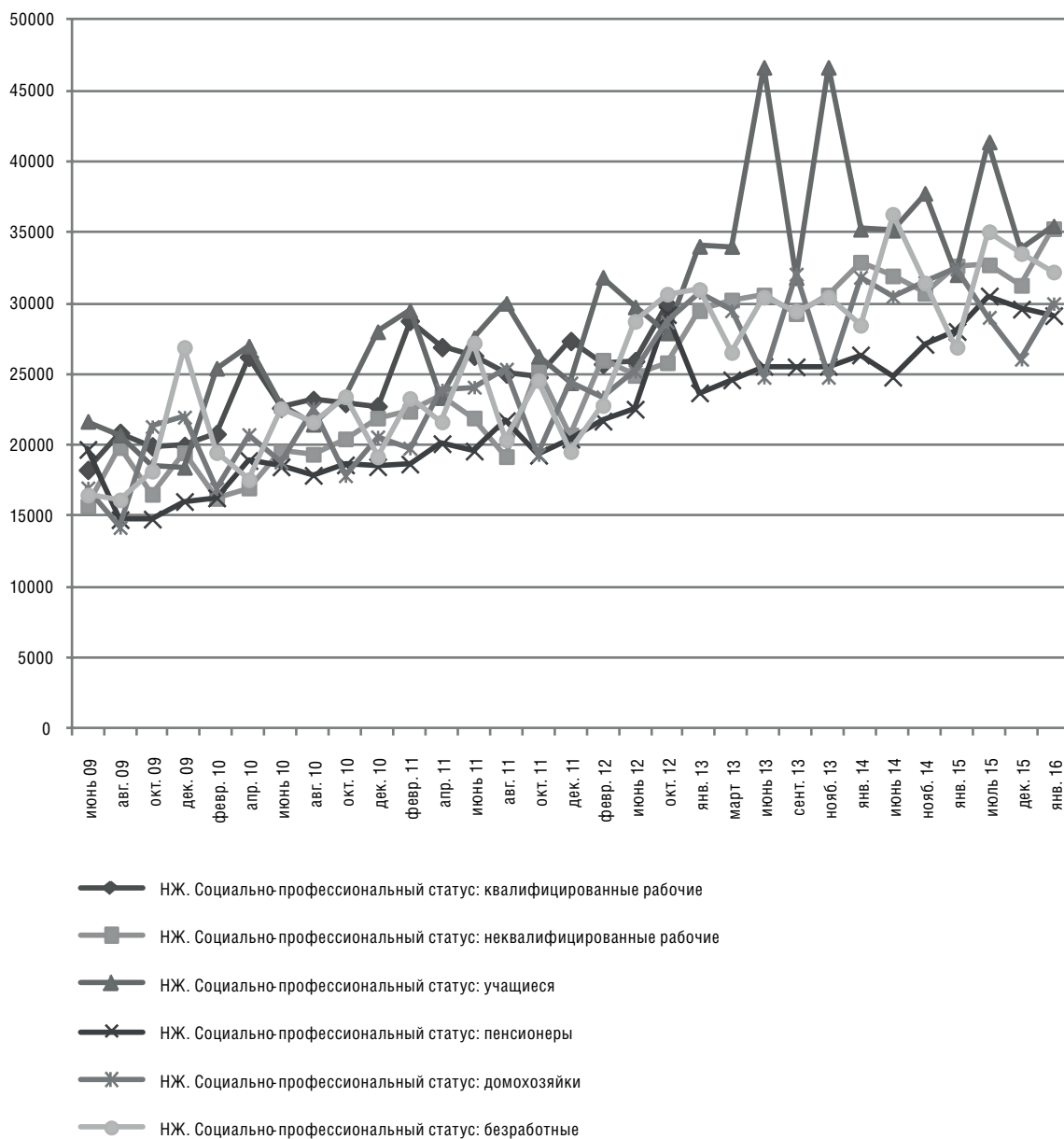

Рисунок 7
ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТА НАПРЯЖЕННОСТИ. Пол

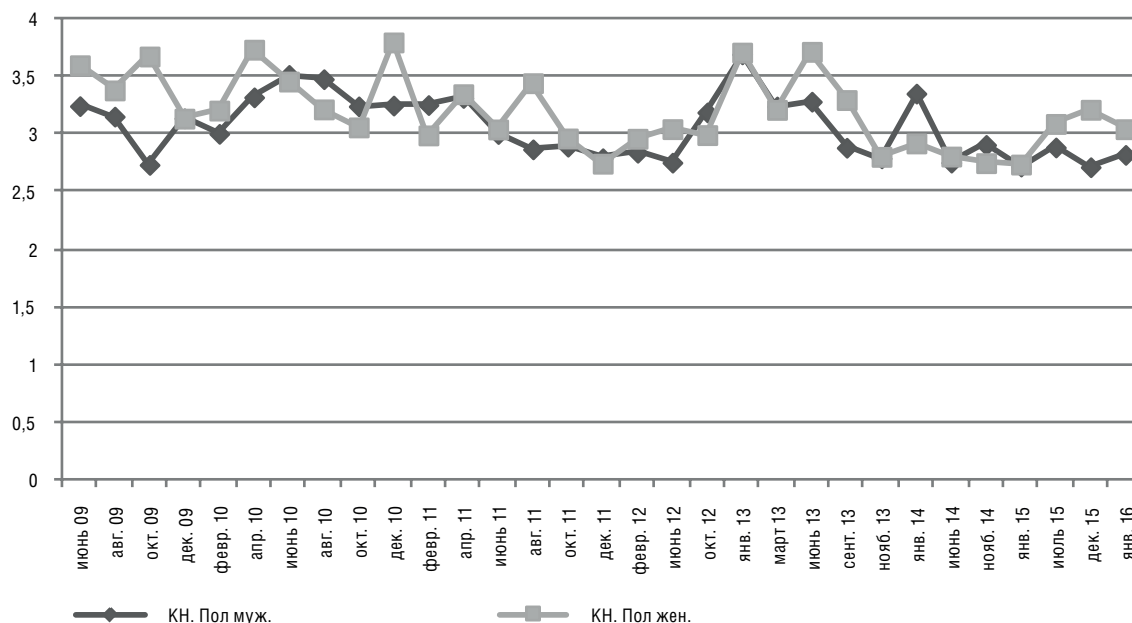

Рисунок 8
ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТА НАПРЯЖЕННОСТИ. Возраст

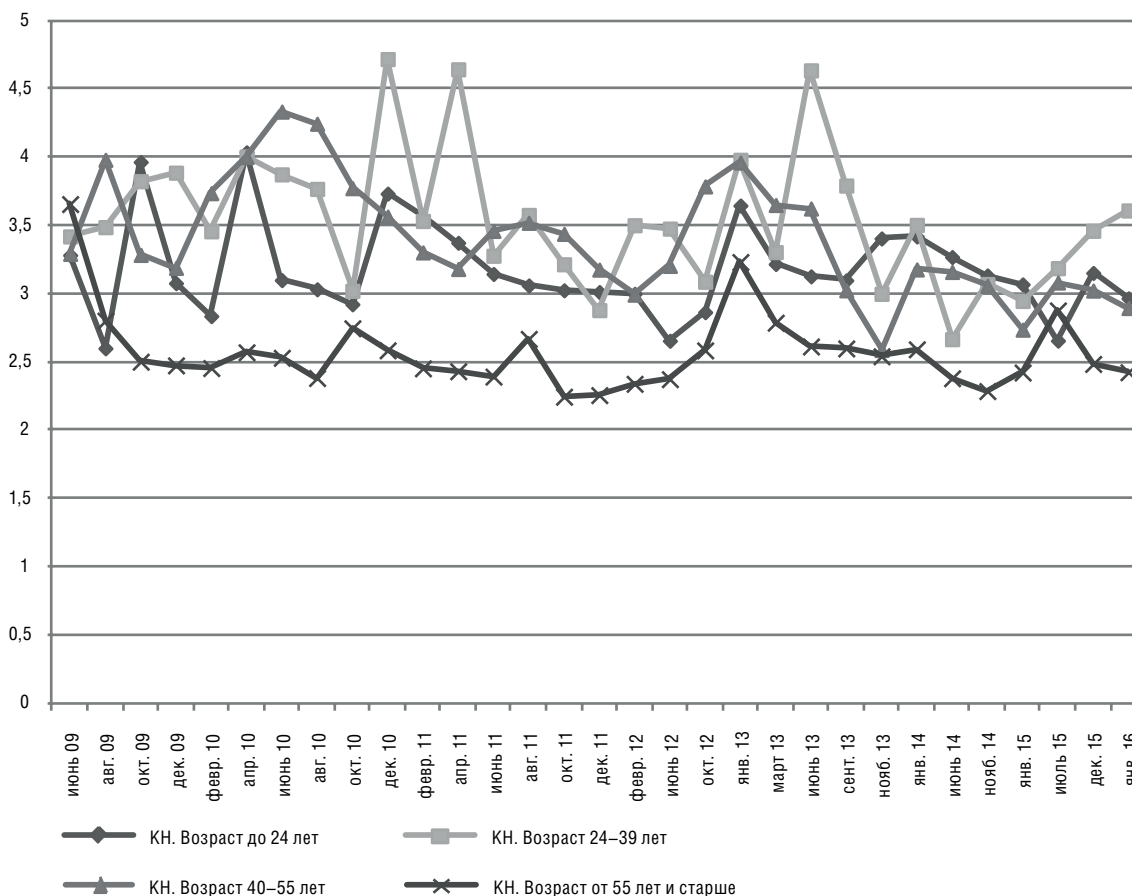

Рисунок 9
ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТА НАПРЯЖЕННОСТИ. Образование

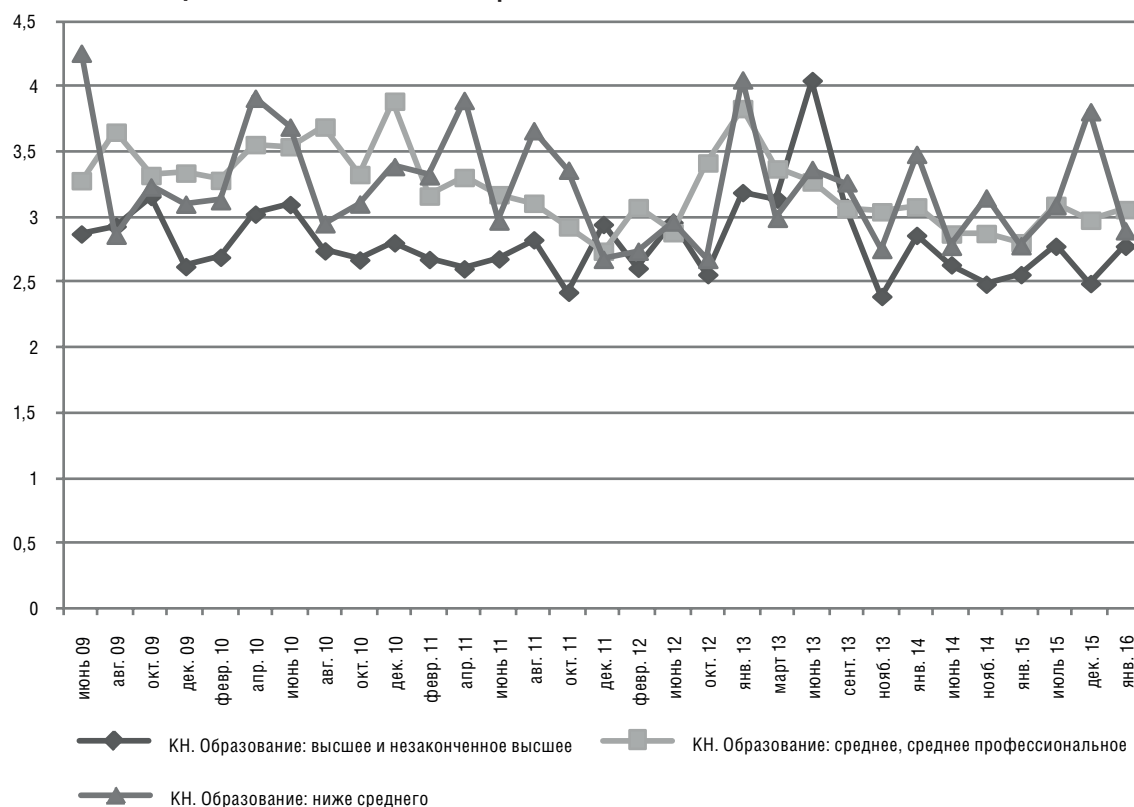

Рисунок 10
ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТА НАПРЯЖЕННОСТИ. Тип населенного пункта

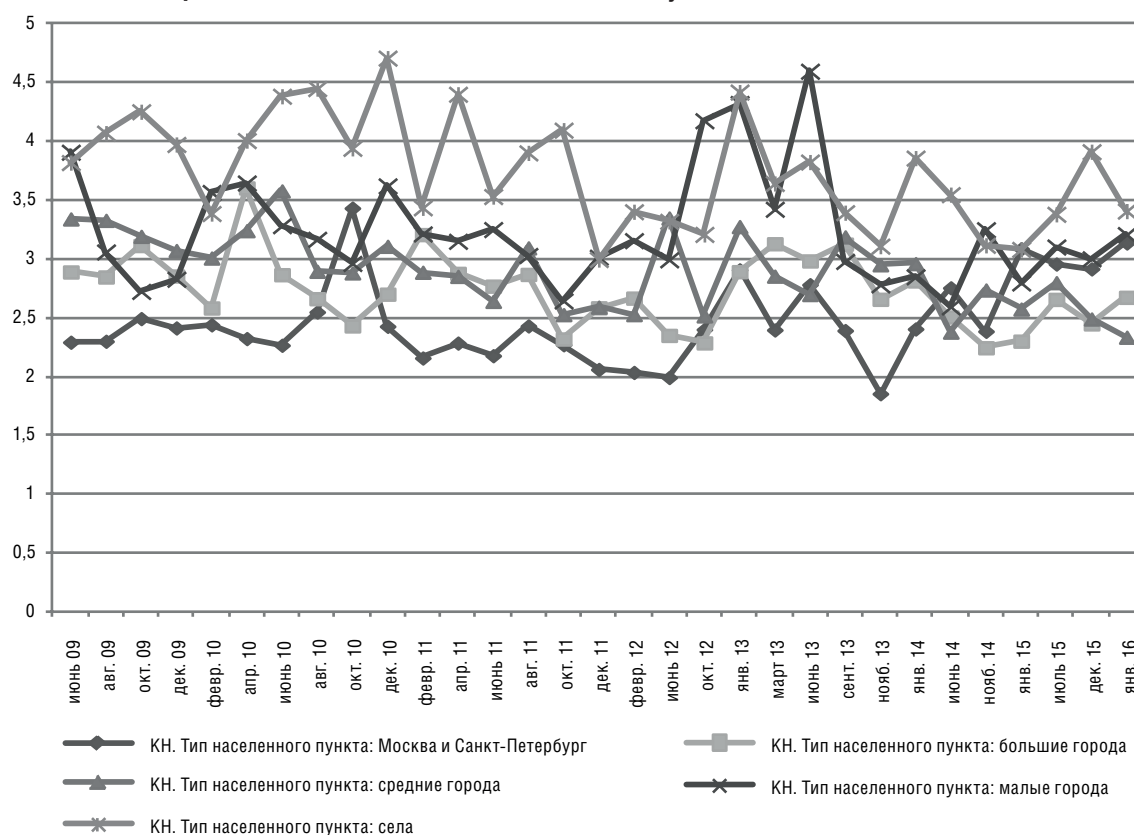

Рисунок 11.1

ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТА НАПРЯЖЕННОСТИ. Социально-профессиональный статус

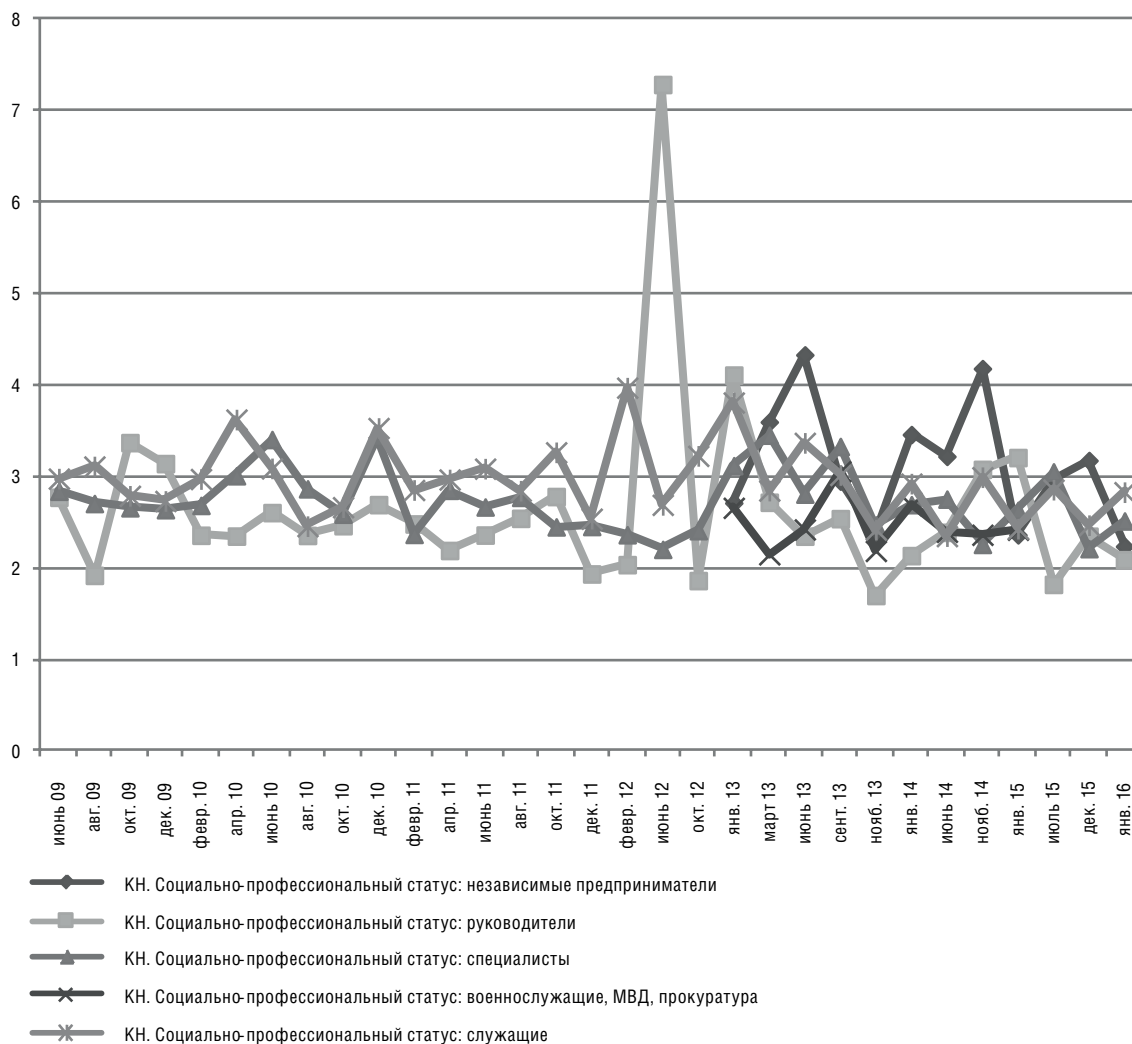
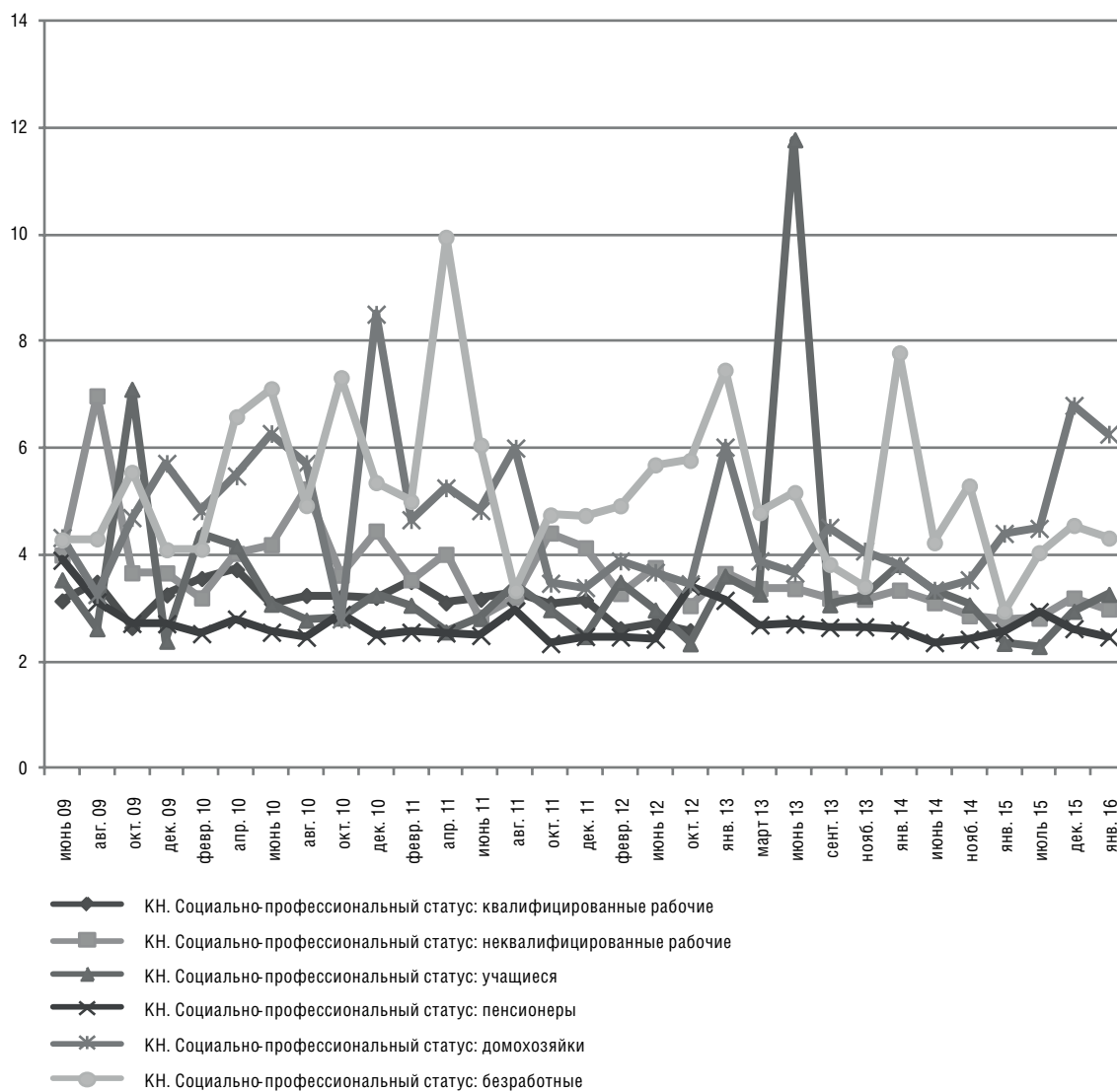

Рисунок 11.2
ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТА НАПРЯЖЕННОСТИ. Социально-профессиональный статус

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Российский потребитель — меняется ли он?

Нулевые оказались для российского общества «золотым веком», по крайней мере, именно так их сейчас принято описывать, когда речь заходит об изменениях в благосостоянии населения. Период с 2000-го по осень 2008-го отмечен беспрецедентно высокими темпами улучшения уровня жизни. Несмотря на сохранение высокой инфляции (порядка 10–15% в год; лишь к концу периода показатели снизились до однозначных величин), реальные располагаемые денежные доходы населения увеличивались ежегодно примерно на 11–14%. Столь стремительный рост позволил удовлетворять накопившийся потребительский спрос — обороты розничной торговли также увеличивались на 12–15% в год (в постоянных ценах).

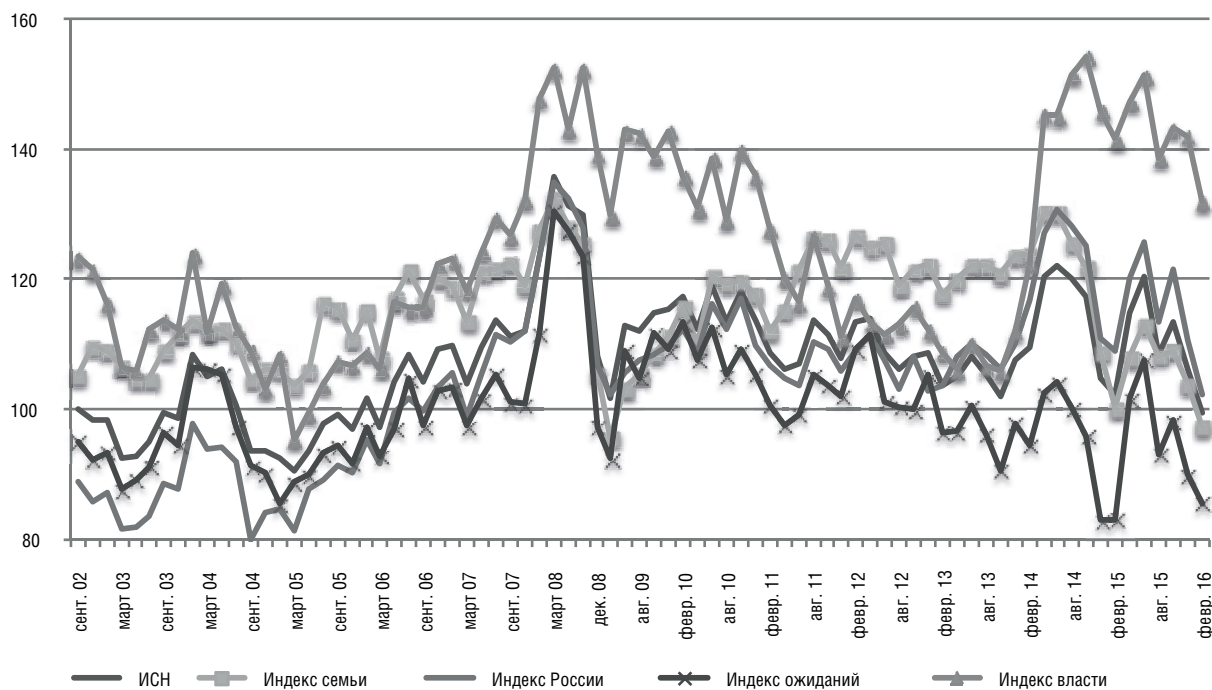
На фоне роста доходов и потребления улучшались и общественные настроения. До кризиса 2008 года Индекс социальных настроений (ИСН) практически неуклонно рос (рис. 1). Несмотря на то что в 2005-м программа «мо-

нетизации льгот» стала серьезным вызовом общественному оптимизму, недовольство было быстро погашено, и улучшение социального климата продолжилось. Причем на этой фазе происходили структурные изменения в формировании оптимизма: именно оценки личной ситуации были основными источниками общественного оптимизма в середине нулевых (значения частного Индекса семьи (ИС) оказались самыми высокими по сравнению с другими частными компонентами ИСН). Такие перемены отражали повышение самостоятельности людей в решении жизненных проблем, уверенность в том, что их благополучие может быть обеспечено за счет собственных усилий, а не в результате благорасположения верховной власти.

Но уже в 2009 году население ощутило последствия экономического кризиса. В первые год-полтора после кризиса 2008 года произошло некоторое оживление экономики, уровень

Рисунок 1

ДИНАМИКА ИНДЕКСА СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН) И ЕГО КОМПОНЕНТ

Источник: регулярные опросы Левада-Центра по выборке, репрезентирующей мнение городского и сельского населения страны в возрасте 18 лет и старше, N=1600.

жизни людей несколько восстановился, однако темпы роста благосостояния людей были ниже предкризисных уровней, а главное, люди не видели перспектив улучшения ситуации (частный Индекс ожиданий на будущее был самым низким).

В начале двухтысячных уверенность людей в своих возможностях и опережающий рост оценок положения семьи основывались на ставшем привычным постоянном росте денежных доходов во всех слоях российского общества. Все ругали инфляцию, «рост цен» называли «самой большой проблемой», но тем не менее опрошенные понимали, что и доходы тоже будут расти, пусть и понемногу. Хотя особого оптимизма не было и тогда, но было некоторое привычное ожидание непрерывного повышения доходов. При этом, если судить по структуре формирования ИСН (см. рис. 1), надежды на рост доходов и лучшее будущее не связывались в общественном сознании с успехами страны. Оба частных индекса (ИО и ИС) оставались на низких уровнях.

Такая ситуация (относительное преимущество оценок личного положения семей в структуре общественного оптимизма) повторилась и в период с осени 2011-го до начала весны 2014-го. Однако причины этого, как представляется, были уже иными.

Нулевые были временем текущего благоденствия без устойчивых перспектив. Поэтому уже в 2012–2013 годах относительно высокая важность оценок собственного положения в структуре общественного оптимизма сопровождалась нарастающими претензиями к политике руководства страны. После украинского кризиса критическое отношение к политике руководства страны сменилось ее широкой поддержкой, одобрением присоединения Крыма к России. Об этом феномене патриотической мобилизации на основе компенсации травмы от распада великой страны и утраты позитивной идентичности не раз писали эксперты Левада-Центра¹.

Новая волна экономического кризиса, начавшаяся в 2014 году, пока принципиально не изменила ситуацию — общественное мнение по-прежнему весьма высоко оценивает действия российского руководства, несмотря

на значительное ухудшение благосостояния. Можно выделить несколько причин этого феномена — политического, экономического и социального свойства. В данной статье предлагается рассмотреть социально-экономический аспект ситуации, или, более точно, проанализировать характеристики потребительского поведения широких слоев населения, мотивы массового поведения людей, в которых находит отражение социальная структура общества.

В течение последних десятилетий и трансформаций в России не прекращались дискуссии о росте среднего класса, который рассматривается как основа демократических процессов в стране.

Преобладание в социуме людей (наслаждающихся значительной свободой потребительского выбора и чувствующих себя самодостаточными и компетентными в решении как своих повседневных, так и долгосрочных семейных задач) считается среди политиков, многих социологов и экономистов основным условием для стабильности общества. При этом верховную власть люди рассматривают как важнейшую часть гарантированной им системы предоставления общественных услуг гражданам, им подотчетную. Но так ли велика на самом деле эта социальная группа в российском обществе, чтобы обеспечивать соответствующие социальные и институциональные взаимодействия?

Для ответа на этот вопрос мной были проанализированы изменения в профиле российского потребителя, произошедшие в течение последних двадцати лет. Для анализа использовались два источника информации: 1) данные Росстата о динамике и структуре денежных доходов и расходов домохозяйств; 2) данные опросов общественного мнения относительно субъективного восприятия собственного благополучия, доходов, приобретений и потребительских ожиданий.

Структура денежных расходов семей зависит от уровня их благосостояния. С ростом доходов структура расходов домохозяйств смещается от текущих (повседневных, жизненно необходимых) в сторону более сложных, долгосрочных, необязательных, дополнительных приобретений и трат (отдых, образование, личный транспорт, продукты и услуги для поддержания здорового образа жизни и т.д.). Чем больше люди зарабатывают, тем меньшая часть их доходов тратится на такие базовые нужды, как продукты питания и одежда. А. Маслоу определяет последние как «базовые физиологические по-

¹ Гудков Л. Ресентиментный национализм // Вестник общественного мнения, №3-4; Гудков Л. Структура и дискуссии российского антиамериканизма: фаза мобилизации 2012-2015 гг. // Вестник общественного мнения, 2015, № 3-4; Левинсон А., Гончаров С. Война вместо будущего - выход для аномического сознания // Вестник общественного мнения, 2015, №3-4, с. 45-46.

требности человека, обеспечивающие его выживание». Действие этого принципа просматривается как внутри отдельного общества (в бедных семьях почти все деньги уходят на питание, и даже покупка одежды вызывает финансовые затруднения, богатые тратят на питание незначительную часть своих доходов), так и в сравнениях между странами. В более обеспеченных странах доля расходов на питание и одежду заметно ниже, чем в менее обеспеченных. На рис. 2 показаны межстрановые различия в структуре потребительских расходов домохозяйств.

Международные сравнительные исследования структуры расходов домохозяйств показывают различия между странами. Даже самые общие сопоставления стран по уровню благосостояния на основе показателя валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, рассчитанного по паритету покупательной способности (ППП), показывают, что в богатых странах доля затрат семей на текущие нужды заметно ниже, чем в бедных. Доля затрат на питание в России в 2011 году составляла в среднем 32%, во Франции, Германии, Великобритании – 10–13% расходов домохозяйств. Доля расходов на одежду в России примерно вдвое выше, чем в других странах (см. рис. 2). В большинстве случаев подобные различия можно объяснить разницей в ВВП на душу населения, то есть разрывами в уровне благосостояния семей этих государств.

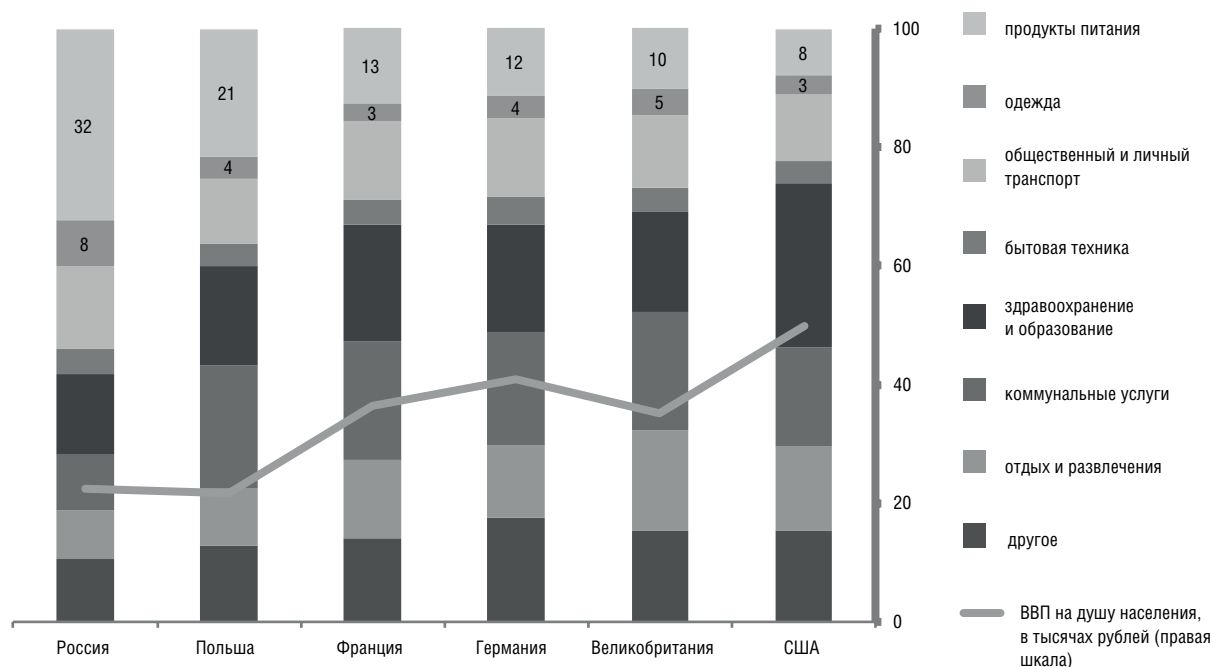
Но, как можно увидеть на рис. 2, существуют и другие особенности. Россия и Польша демонстрируют разную структуру потребительских расходов домохозяйств, хотя имеют приблизительно равный объем ВВП на душу населения. Выглядит это так, будто Россия имеет «устаревшую» структуру расходов, соответствующую менее зажиточным странам. Для анализа этих различий необходимо рассмотреть, как менялось потребительское поведение российских семей.

Сегодняшний потребитель сформировался в последние полтора десятка лет, когда началось восстановление уровня жизни массовых слоев населения после его падения в 1990-е. Подчеркну одно важное обстоятельство: в эти годы одновременно протекали два принципиально разных процесса – собственно, восстановление уровня жизни, существенно снизившегося на первой фазе реформ, и перестройка моделей потребительского поведения, сформированных ранее, в условиях, отличных от рыночных принципов (то есть в условиях дефицита и ограниченного «хождения» рыночных товарно-денежных отношений, которые в социалистической системе хозяйства заменялись бесплатным обеспечением многих жизненно важных семейных потребностей).

Согласно официальной статистике (данные Росстата РФ) реальные денежные доходы домохозяйств в России (то есть номинальный

Рисунок 2

МЕЖДУНАРОДНОЕ СРАВНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ СЕМЕЙ (в % от общей суммы расходов)

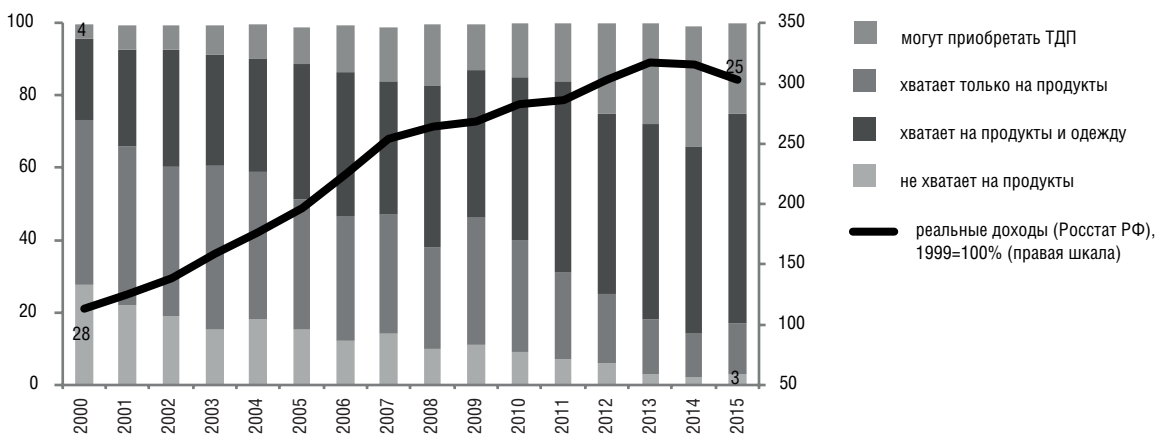
денежный доход, скорректированный с учетом инфляции) выросли за это время почти в четыре раза (максимальные значения были достигнуты в 2014 году, затем началось снижение). Поменялось и субъективное восприятие жизненных стандартов и финансовых возможностей (рис. 3). В начале века 28% домохозяйств давали ответ, что «с трудом сводят концы с концами». Сегодня эта группа едва заметна (не слишком превышает статистическую погрешность выборочного опроса, в ходе которого данные были собраны). Конечно, это значительный прогресс, но насколько далеко продвинулось общество?

Пятнадцать лет назад наибольшая группа на этой шкале субъективного восприятия финансового положения характеризовала себя так: «У нас достаточно денег на питание, но для покупки одежды нужно откладывать». Сегодня самый распространенный ответ: «У нас достаточно денег на одежду, но вынуждены откладывать на покупку бытовой техники». Шансы таких крупных покупок, как приобретение автомобиля, дома и т.д., представляются нереальными или предельно ограниченными. Это означает, что в лучшие времена 2/3 населения имели «достаточно денег» только на текущие расходы. Для долгосрочного планирования и стратегических накоплений у домохозяйств возможностей не было. Последнее подтверждается данными других исследований Левада-Центра: большинство российских домохозяйств не планируют семейные дела более чем на год, только

треть домохозяйств имеют семейные сбережения, причем их размер в большинстве случаев меньше, чем полугодовой доход семьи. Денежные суммы, эквивалентные примерно 2 тыс. долларов, уже рассматриваются как «семейные накопления»¹.

В этот же период произошли существенные изменения и в отношении людей к финансовым ограничениям семейных бюджетов (рис. 4). Около двадцати лет назад в Левада-Центре был разработан блок вопросов для измерения потребительского поведения с целью выделить специфические структурные паттерны в группах с разными уровнями жизненных стандартов. Задача социологов заключалась в том, чтобы выделить группы потребителей на основе субъективных оценок покупательской способности их домохозяйств. Для этого был определен набор видов расходов домохозяйств² (он построен аналогичным образом, что и предыдущая шкала, рис. 3–4). Дополнительной ценностью блока вопросов, представленного на рис. 4, стало субъективное измерение «настоятельности экономии», которая связана с уровнем удовлетворенности отдельных видов потребительских запросов. Данные показывают, что в результате десятилетия экономического подъема и роста доходов домохозяйств россияне оставили в прошлом навыки «тотальной экономии», когда почти каждый экономил практически на всех потребительских расходах. В относительно благополучном 2012 году уже только половина опрошенных городских семей

Рисунок 3
ИЗМЕНЕНИЯ В УРОВНЕ ЖИЗНИ РОССИЯН

Источник: регулярные опросы Левада-Центра по выборке, репрезентирующей мнение городского и сельского населения страны в возрасте 18 лет и старше. N=1600.

¹ Опрос 6000 городских жителей России проведен осенью 2015 г. по заказу Сбербанка России.

² Иерархия субъективного восприятия этих показателей потребительских расходов отражает разные уровни материального благополучия.

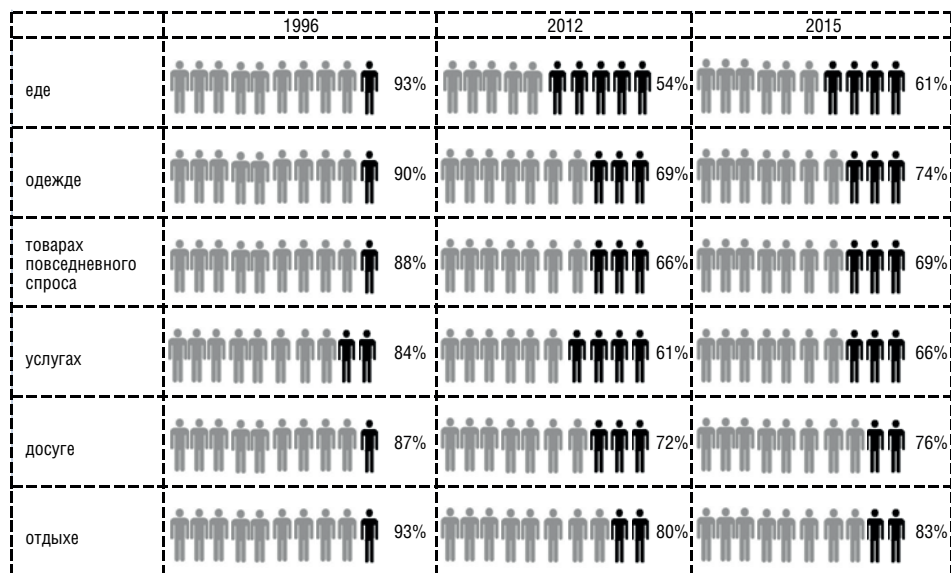
говорила о том, что они хотя бы изредка экономят на питании. В более поздние годы настоятельность экономии под влиянием снижения денежных доходов начинает нарастать, но распространенность подобных ответов респондентов остается заметно более редкой, чем в 1990-е.

Однако распространение чувства свободы в распоряжении текущими доходами (об этом свидетельствует то, что люди все реже говорят о

вынужденной экономии) не сопровождается — по крайней мере, в тех же масштабах — уверенностью респондентов в том, что их семьи сами могут обеспечить себя всем необходимым. Согласно табл. 1 люди не чувствуют себя настолько благополучными, чтобы выйти за границы текущего потребления и изменить потребительскую модель. Потребительские ожидания/требования основной части опрошенных в большинстве слу-

Рисунок 4

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ЭКОНОМИИ НА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ РАСХОДОВ

Источник: опрос по выборке, репрезентирующей мнение городского населения страны в возрасте 18–64 года и старше, 1996 – N=1400, 2012, 2015 – N=6000.

Таблица 1

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ

Структура потребления	Обычная семья		"Богатая" семья	
	2012 N = 4144	2015 N = 4000	2012 N = 5700	2015 N = 5867
Могут обеспечить качественное питание для своей семьи	66	62	33	36
Имеют садовый участок, летний домик	65	68	28	23
Имеют квартиру, оборудованную современной техникой	40	42	58	54
Следят за своим здоровьем, регулярно занимаются спортом, посещают фитнес-клубы	35	34	50	49
В квартире у каждого члена семьи есть отдельная комната	28	26	66	63
Могут дать детям качественное образование	28	30	62	57
Регулярно проводят досуг вне дома	25	27	66	65
Регулярно ездят отдыхать (помимо дачи, садового участка)	21	23	73	72
Могут оплачивать качественное медицинское обслуживание, лечение	17	17	77	75
Доходов только главы семьи достаточно для всех семейных нужд	12	13	82	83
Имеют два и более автомобиля в семье	10	15	86	81
Имеют второе жилье, не предназначенное для сдачи внаем	9	10	84	82
Имеют сбережения свыше 500 тыс. рублей	6	8	92	87

Источник: опрос Левада-Центра по заказу Сбербанка РФ по выборке, репрезентирующей мнение городского населения страны в возрасте 18–64 года, N=6000.

чаев не идут далее приобретения бытовой техники и расходов на отдых. Такие семейные задачи, как качественное образование и медицинское обслуживание, рядовым домохозяйством рассматриваются как что-то доступное только для богатых, но не для среднего большинства.

Потребительские нужды и семейные цели, выходящие за рамки текущих обстоятельств, не рассматриваются как актуальные проблемы, цели или задачи семьи, о которых необходимо озаботиться и сделать стратегическим ориентиром планирования будущего семьи. Приведу только один пример.

В течение нескольких лет переходного периода в исследованиях Левада-Центра респондентов просили подсчитать размер денежного дохода домохозяйства, достаточного для комфортного удовлетворения семейных нужд (представление о «нормальном доходе»). Сегодня эта цифра приблизительно составляет 500 долларов на человека в месяц (после уплаты всех налогов), то есть примерно 6000 долларов в год. Пять лет назад (в то время ситуация в российской экономике была намного лучше, чем сейчас, это важно) в одном из исследований Левада-Центра мы просили респондентов подсчитать семейный доход, достаточный для приобретения (в ипотеку) собственного жилья. Указанная цифра подскочила в три раза по сравнению с оценками «нормального дохода». Это означает, что такие цели, как собственное жилье для семьи, не входят в ожидания большинства потребителей. Большинство опрошенных воспроизводят поведение бедных, которые не способны самостоятельно обеспечить жизненно необходимые потребности своих семей (жилье, медицинское обслуживание и образование). Но, что более важно, респонденты не видят смысла в сбережениях на указанные цели, потому что их текущие доходы слишком низки, а инфляция слишком высока, чтобы было возможно обрести требуемый на это объем денежных средств в течение всей жизни.

Складывается противоречивая ситуация — прирост личных денежных доходов слишком мал, чтобы дать ход структурным переменам в расходах потребителей. Этот порочный круг затрудняет принципиальные изменения в сознании и поведении потребителей. Он воспроизводит потребительские модели, свойственные людям с низким доходом (хотя фактически доходы растут!), что, в свою очередь, оборачивается неэффективным использованием ограниченных доходов и ресурсов домохозяйств. (Не

говоря уже о макроэкономических проблемах нехватки ресурсов для долгосрочных инвестиций в российской экономике в целом).

Гипотеза об отставании изменений структуры потребления в ответ на рост доходов домохозяйств в специфической ситуации в России основывается на теории Т. Веблена о демонстративном потреблении. С этой точки зрения, важнейшими особенностями ситуации являются (1) высокая концентрация денежных доходов населения (высокий уровень неравенства); (2) отсутствие сложившейся многоуровневой социальной структуры. Веблен продемонстрировал, что расходы потребителя — это не только способ удовлетворения различных физических потребностей; они также являются средством подтверждения социального статуса индивида, то есть инструментом, который делает очевидным определенный социальный статус, заметным для «значимых других» — соседей и коллег, для всех тех, чье уважение индивид хотел бы получить. При этом выбор потребителем того или иного продукта или услуги для демонстрации своего статуса задается именно данной социальной функцией потребления: «Увеличение платежеспособности индивида с большей степенью вероятности примет форму расходов в какой-нибудь общепринятой форме демонстративного потребления <...> обычный (средний) размер расходов, который уже достигнут, никогда не является тем уровнем, на достижение которого мы направляем свои усилия. Идеал потребления лежит как раз за пределами досягаемости либо требует определенного напряжения для его достижения. Причиной является подражание — завистническое сопоставление, которые побуждают нас превзойти тех, с кем мы себя склонны ассоциировать»¹.

В российском обществе изменения структуры потребительских расходов по мере роста денежных доходов замедлены в связи с отсутствием четко выраженной социальной стратификации и существенным неравенством доходов. Отсутствие сформировавшихся социальных слоев, групп, характеризующихся присущей только им моделью поведения или образом жизни, приводит к тому, что обществу начинает недоставать набора поведенческих потребительских моделей, типичных для различных социальных групп с разными уровнями доходов. Когда люди становятся богаче, им недостает соответствующих новых образцов потребительского поведения. В отсутствие

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 135, 140.

таких «инструктирующих» примеров (то есть образцов, исходящих от групп, находящихся выше респондента хотя бы на одну ступень на социальной – и доходной – лестнице статусов) люди склонны придерживаться старого и продолжать привычное потребительское поведение, свойственное группам с меньшими доходами, чем те, которыми они располагают в настоящий момент. Другими словами, они воспроизводят шаблоны поведения более низкой доходной группы, которую только что покинули. Это объясняет вышеприведенные примеры, когда индивиды субъективно ощущают отсутствие финансовой напряженности/необходимости экономить в текущих расходах, но при этом чувствуют себя бедными. Эта ловушка потребительского поведения приводит к преувеличенному вниманию российского потребителя к товарам и услугам, типичным для демонстративного потребления более бедных групп населения, что в итоге сказывается на расходовании относительно высокой доли средств домохозяйств именно на вещи, получающие в их глазах символическое значение.

Чтобы проверить эту гипотезу, мы сравнили коэффициенты эластичности потребительских расходов (по видам расходов) от денежных доходов домохозяйств, рассчитанных на данных из различных источников. Коэффициент эластичности показывает, как изменяются расходы в результате изменений доходов (при постоянстве прочих факторов). Если домохозяйства склонны увеличивать траты на определенные вещи, то коэффициент эластичности будет больше единицы. Если же при росте доходов домохозяйства относительные расходы снижаются (то есть, например, на питание тратится уменьшающаяся часть доходов), то коэффициент эластичности по этому виду потребительских расходов будет меньше единицы.

Источником «объективной» информации для подобных расчетов стали данные бюджетных обследований Росстата РФ. Информация о потребительских расходах в рамках данного исследования основана на подробных ежедневных дневниках, в которых семьи фиксируют расходы. Другим источником данных («субъективных») явилось исследование Левада-Центра на двухтысячной репрезентативной выборке. При этом важным является метод сбора данных о структуре расходов. В ходе личного интервью (метод, используемый в исследованиях Левада-Центра) невозможно получить точную информацию о расходах домохозяйств, сравнимую по аккуратности с обработкой многочисленных за-

писей в дневниках. Но в исследовании Левада-Центра и не ставилось такой цели.

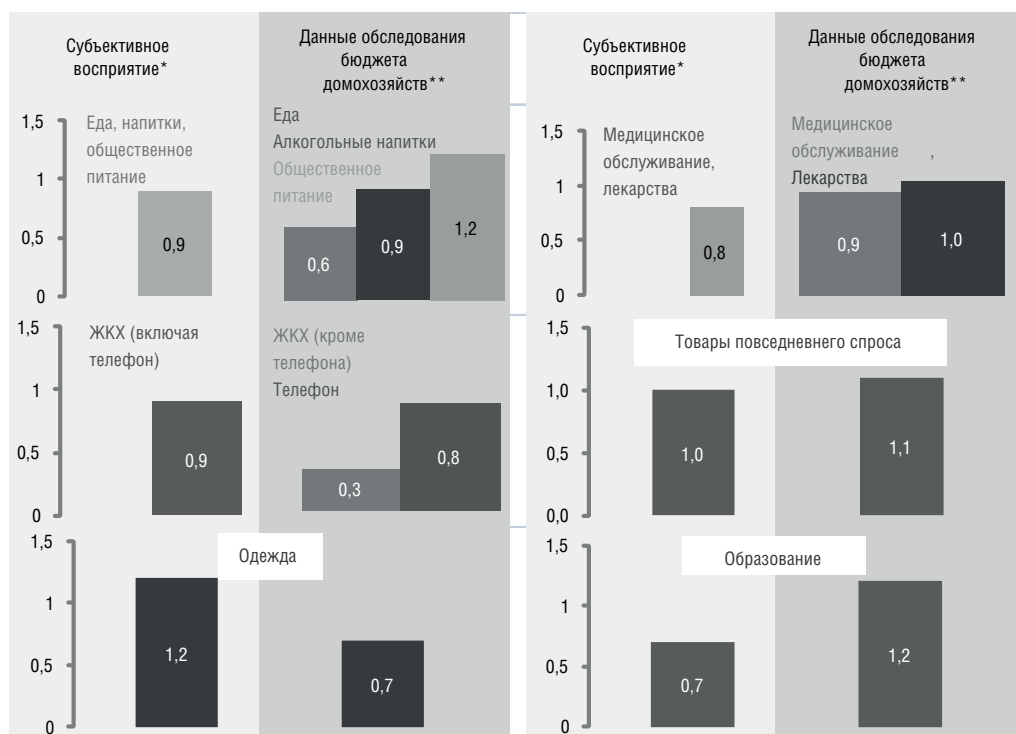
Задачей было получить субъективное мнение о структуре расходов домохозяйств; в ходе исследования респондентов просили оценить примерную долю расходов семьи на приобретение различных товаров и услуг (в процентном соотношении). Расхождения между «объективными» и «субъективными» подсчетами показывают, какие расходы субъективно переоцениваются, а какие недооцениваются. Переоценка говорит о том, что такие расходы рассматриваются как относительно важные для респондентов. Недооценка соответствует низкой субъективной значимости того или иного вида расходов. Мы полагаем, что эти различия связаны с демонстративной функцией потребления. Если расхождение положительное, то соответствующая вещь (товар, услуга) играет демонстративную потребительскую роль для большей части домохозяйств, и этот вид расхода надежно выполняет функцию демонстрации социального статуса. Если, наоборот, расхождение отрицательное, тогда можно говорить о том, что вещь (товар/услуга) не представляет для респондентов дополнительного социального смысла. Демонстративные расходы непременно требуют некоторого напряжения (бюджета), поскольку они должны иметь признаки «роскоши» (это обстоятельство не следует недооценивать!).

Представленные на рис. 5 коэффициенты эластичности показывают, что люди склонны переоценивать свои расходы на продукты питания и одежду, а также другие ежедневные траты. Так работает модель социального одобряемого потребительского поведения. Расчеты показывают, что, несмотря на рост денежных доходов, люди не спешат соответствующим образом перестраивать субъективные представления о приличествующих их социальному статусу расходах. Процесс структурных изменений подавляется консервативной приверженностью к более низким стандартам потребительского поведения, результат – преувеличенное, расточительное, демонстративное потребление по уже «устаревшим» направлениям потребительских расходов.

Преувеличенное демонстративное потребление периода экономического роста в начале 2000-х, по большей части проявлявшееся в формах, свойственных «бедным» моделям потребления, помогает смягчать трудности экономического кризиса последних лет. Большинство населения не успело воспринять модель более продвинутого потребительского поведения.

Рисунок 5

ЭЛАСТИЧНОСТЬ СПРОСА ОТ ДЕНЕЖНОГО ДОХОДА ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ

Расходы, выходящие за рамки текущих нужд, не стали «нормой» для большинства. Поэтому сейчас процесс привыкания к ухудшению уровня жизни (в результате снижения денежных доходов в последние полтора-два года) является для большинства населения относительно безболезненным или социально не столь травматичным.

Экономический рост нулевых позволил существенно увеличить доходы во всех слоях населения, но при этом произошло мало структурных изменений в моделях потребления. Большинство россиян – это по-прежнему общество бедных людей. Не в смысле, что им нечего есть, а в плане структуры потребительских расходов и ожиданий. Признаком бедного потребителя является то, что все доходы тратятся на текущие расходы, то есть на то, от чего ты не можешь отказаться, вроде продуктов питания. При этом у людей нет возможности сформировать достаточно сбережений, чтобы решать более дорогостоящие семейные задачи: жилье, образование, медицинское обеспечение.

В лучшие годы растущие денежные доходы тратились на текущее потребление: на питание и одежду. Наблюдалось даже «избыточное» потребление по этим статьям, когда люди тратили прирастающие доходы на привычные статьи расходов, а не расширяли спектр потребностей, разнообразили потребительские расходы. По-

лучил лишние деньги – купил красивую одежду или вкусно поел, утвердив тем самым свой социальный статус успешного человека. Еще одной моделью демонстративного потребления для наиболее обеспеченных массовых слоев населения стал зарубежный отдых, на самом деле довольно недорогой – в Турции и Египте. Все это относится к текущему потреблению, а не к развитию человеческого капитала. Это поведение бедного населения.

Сейчас доходы стали массово снижаться, уменьшаются траты на еду, одежду, отдых. Но нельзя сказать, что люди стали голодать или что им нечего носить. Фигурально выражаясь, люди из условного «среднего класса», точнее, из социального множества со средними доходами, ушли из бутиков, в которые они со своим уровнем доходов и не должны были попасть. Происходит отказ от тех видов потребления, которые были «избыточными» и не очень закрепились как норма.

Таким образом, в период экономического роста в нулевые в стране победили бедность, но не ушли от бедного сознания. За все это время не выработалась новая модель поведения, частью которой является понимание того, что лучше накопить ресурсы на жилье или дать детям образование, чем по привычке тратить все деньги на еду и одежду. Осталось сознание бед-

ного и привычка тратить на текущие расходы: на жилье все равно никогда не заработаешь, социальный же статус как-то надо обозначить. А статус демонстрируется через текущее потребление только в бедных обществах — чтобы все друг друга сразу понимали. В более обеспеченном обществе он демонстрируется иначе, например, через образцы жилья или отношение к собственному здоровью. При этом ты можешь быть скромно одет (как, например, Стив Джобс или Марк Цукерберг) — экономить на одежде станвится не стыдно.

Такой бедный потребительский горизонт характерен примерно для 2/3 россиян. Но бедность — это всегда относительная характеристика, даже в бедном обществе в собственной бедности признается меньшинство. Поэтому «собственно бедных», конечно, меньше; по оценкам Левада-Центра, основанным на субъективных оценках и представлениях респондентов об уровне дохода, ниже которого семью можно считать «бедной», их — 29%.

Поэтому разговоры про средний класс плохо объясняют поведение российского потребителя. Даже в нулевые оно лучше всего объяснялось именно моделью бедности. В стране было много дорогих магазинов, в которых люди с удовольствием скупали одежду по высоким ценам. Поэтому и скупали, что вместо того, чтобы копить и покупать жилье или тратить на образование, люди покупали одежду, которую в других обществах и моделях потребления могут позволить себе только гораздо более обеспеченные.

Корни бедного сознания уходят в доперестроечное прошлое, в советскую систему. Потребительский рынок тогда существовал лишь для питания и одежды. Остальные блага — жилье, здравоохранение, образование — поступали по другим каналам либо бесплатно, либо через систему блата. Соответственно, у российского потребителя не было навыков решения этих

проблем: семья не несла полной материальной ответственности за жилье и здоровье детей, все это было выведено за пределы денежных расходов домохозяйства, соответствующей потребительской модели не возникло. Но это совсем не значит, что советское общество было бедным, просто в терминах рыночных отношений потребительское поведение людей было таким.

Сейчас зависимость от государства не уменьшается. Более того, она очень плотно сидит в умах — это еще одно проявление бедного сознания. Доходы большинства членов общества недостаточны для того, чтобы самостоятельно решать проблемы жилья, образования, здравоохранения. Они недостаточны и для того, чтобы строить индивидуальные пенсионные планы. В этой ситуации люди уверены, что все это должно быть обеспечено государством, потому что больше не на кого надеяться. Так что патернализм — одна из сторон бедного сознания. Люди ждут помощи, правда, не очень в нее верят, поскольку российское государство нельзя назвать очень щедрым в плане социальных благ.

Сейчас, похоже, взят курс на формирование широких слоев населения, живущих в «достойной бедности»: оно не голодает, но способно обеспечить только свои текущие нужды и в этом смысле полностью зависимо от государства. Идея патернализма на данной почве очень хорошо приживается и будет культивироваться. Самое плохое заключается в том, что не происходит прорыва за пределы «достойной бедности», и это очень сильный тормоз на пути изменения общественного сознания: это лишает людей возможности свободного выбора в сфере потребления (похоже, последний бастион свободы) и еще сильнее ограничивает навыки свободного поведения россиян, делает людей зависимыми и безынициативными.

Лев ГУДКОВ

Парадоксы социальной структуры в России

Социальная стратификация постсоветской России остается одной из самых спорных предметных сфер в отечественной социологии, несмотря даже на появление в последнее десятилетие значительных исследований по этой тематике¹. Как правило, в фокусе внимания российских социологов оказывались две задачи, продиктованные интересом государственных заказчиков социологии: определение параметров бедности населения (и возможностей ее сокращения, или, иначе, проблемы «социального неравенства») и перспективы формирования и развития среднего класса. В обоих случаях интенции исследовательской работы и, соответственно, внутренние установки при интерпретации материала оказывались, пусть и непрямым образом, заданными соображениями обеспечения эффективности социальной политики государства и стабильности системы власти².

Для моделей социальной структуры, которые социологи строили на базе государственной статистики или собственных эмпирических исследований (массовых опросов населения), обычно использовались международные, то есть признанные социологическим сообществом, принципы классификации или методики социальной таксономии населения, включающие такие операциональные признаки, как доход, образование, характер занятости и профессиональной деятельности респондента, стандарты потребления, причисление себя или своей семьи к определенному классу или социальному страту, а также (но реже) социально-

культурные ресурсы, aspirations и т.п. Результатом такой широкой коллективной работы³ можно считать получение устойчивых распределений данных по нескольким шкалам или социальным категориям населения (чаще всего по 5- или 10-членной классификации) и согласованная их интерпретация⁴. В рамках задач, которые ставили перед собой эти исследователи, они в полной мере реализовали намеченные цели. Я не встречал ни в профессиональной среде, ни в публицистике каких-либо попыток критики этих работ или желания оспорить полученные результаты, выражения сомнения в их достоверности или адекватности интерпретации.

Исследования, проводимые специалистами Левада-Центра (ранее — первого ВЦИОМ) с 1989 года на широкой и регулярно замеряемой базе массовых опросов (в режиме систематического мониторинга — с марта 1993 года), дают близкие распределения, если взяты аналогичные операциональные и классификационные признаки⁵ (см. рис. 1А-Б), что позволяет говорить если не об «объективности» или адекватности производимых описаний, то, по крайней мере, о сходимости получаемых данных.

Вместе с тем сам факт идентичности результатов не дает поводов для успокоения, поскольку

¹ В основе статьи — доклад на XVII Международной конференции «Экономическое и социальное развитие», М.: НИУ ВШЭ, 19–22 апреля 2016 г. Я благодарю Е. Кочергину за помощь, которую она оказала в процессе подготовки этого материала.

² См. характерную «диалектическую» игру в «мы», позволяющую объединять исследователей и высшее руководство, но дистанцироваться от «чиновников» и политиков низшего уровня: «Средний класс сегодня в массе своей — бедный». Интервью директора Института социологии РАН М. Горшкова журналу «Коммерсантъ-Деньги», 4 апреля 2016 г., № 13 (1071). С. 15–17.

³ Я бы выделил здесь работы Т.И. Заславской, О.И. Шкаратана, Н.Е. Тихоновой, Т.М. Малевой, Л.Н. Овчаровой, очень много сделавших для описания социальной структуры российского общества. Весьма полезной для знакомства российской публики с различными подходами к исследованию социальной стратификации была и остается ранняя монография В.В. Радаева и О.И. Шкаратана Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.

⁴ Примером подобной тщательной и корректной работы можно считать монографии Н.Е. Тихоновой. См.: Тихонова Н.Е. Социальная стратификация современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН 2007; Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Ин-т социологии РАН; Новый хронограф, 2014, а также сборники статей Института социологии РАН, подготовленных ею вместе с М. Горшковым.

⁵ См.: Константинова О. Динамика статусных самооценок населения России в 1994–2011 г. // Вестник общественного мнения. 2012. № 3–4 (113). С. 186–195.

ку не снимаются концептуальные противоречия и затруднения, всплывающие всякий раз, когда дело касается теоретической интерпретации получаемых эмпирических данных. Диапазон качественных характеристик российского общества и его социальной структуры простирается от определения «нормальная страна» (из группы развивающихся стран – Д. Трейзман, А. Шлейфер) до нефеодализма, этакратии, квазисословного общества и т.п. (В. Шляпентох, С. Кордонский, О. Шкаратан и др.). В этом плане установившийся консенсус относительно практики эмпирических исследований социальной стратификации живет своей жизнью, независимо от существующего параллельно ему, но столь же явного разброса взглядов на природу российского общества и его социальной структуры. Особых дискуссий в российской социологии по этим вопросам не возникало, поскольку, как мне представляется, разномыслие в большей степени обусловлено не теоретическими расхождениями социологов, а ценностно-идеологическими или даже политическими интересами, не могущими по ряду причин быть артикулированными в этой среде¹.

Получаемый эмпирический материал в исследованиях социальной стратификации внутренне организован в соответствии с западными теориями стратификации, опирающимися на представления об универсальности процессов модернизации. Сами по себе эти представления (возможности демократического или рыночного транзита стран – членов бывшего соцлагеря) не проблематизированы (как и соображения успешности или эффективности упомянутой выше социальной политики), они заданы, то есть положены в основу соответствующих исследовательских программ и разработок, приняты как безусловные телеологические послылки социологической парадигмы постсоветской социологии. Поэтому то обстоятельство, что исследования, построенные на фиксации дистанции между странами догоняющей модернизации и теми, кто уже завершил эти переходные процессы трансформации, дают «отклонения» от «нормативных» схем и шаблонов, никого не смущает, поскольку это предполагается в самом начале реализации таких проектов, Но тем самым данная установ-

¹ Некоторым исключением можно считать недавнюю дискуссию на круглом столе в «Либеральной миссии» вокруг книги Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты». М.: Либеральная миссия, 2015. – <http://www.liberal.ru/articles/7049>.

ка позволяет «забыть» или не принимать во внимание особенности социальной структуры (инерцию прошлого) «проблемных» стран, хотя именно эти моменты выдвигаются на первый план теми, кто стремится дать «историческую» оценку и перспективу российской или постсоветской социальной структуры. Однако последние не слишком озабочены вопросами согласования с данными проводимых эмпирических исследований социальной структуры.

Моя задача – привлечь внимание социологов к темным зонам исследований и, если получится, начать обсуждение этих вопросов.

Суть проблемы можно свести к следующему: смысл исследований стратификации, так как он идет от К. Маркса, заключается в эвристически сильной (и, кажется, подтверждавшейся ранними эмпирическими исследованиями в развитых или успешно модернизирующихся странах) посылке, а именно, что социальное положение индивида (в группе или в обществе в целом) в значительной мере определяет характер *социальных интересов актора*, детерминируя его *активность* – мотивацию действий, поддержание идентичности, ответственность перед другими членами группы, а значит – *готовность к участию в политике* (борьбе за свои интересы) или деятельности гражданского общества. Такая постановка вопроса была вполне оправданной для фазы интенсивных социальных изменений традиционно-сословной структуры европейского общества, ломки системы закрытого общества и выхода на сцену социальных групп с четко означенными групповыми и корпоративными интересами (и материальными, и идеальными – утверждения своего мировоззрения, престижа, авторитета, культуры, идеологии и т.п.), определяющими политические стратегии и реальные конфликты в обществе².

Однако в нашем случае «объективистские» таксономии (принадлежность к классу, страту) и «внешние» характеристики, вменяемые или приписываемые респондентам в соответствии с международными процедурами, оказываются слабо связанными с субъективными представлениями российских респондентов о себе и окружающем мире. Значимых различий в ценностях, политических предпочтениях, идеологических убеждениях, паттернах потреби-

² Постановка подобных вопросов дана, например, в книге С.М. Липсета «Политический человек», ставшей недавно (29.02.2016) предметом обсуждения на семинаре «Либеральной миссии». – <http://www.liberal.ru/articles/7036>.

тельской культуры и т.п. у респондентов, относимых к разным классам, не обнаруживается. Ни рост доходов, ни увеличение массы среднего класса никак не отражаются на базовых характеристиках слоевой или социально-структурной идентичности респондентов, ни на их участии в общественной или политической активности. Вменяемые в опросе «объективные» социально-позиционные или статусные классификации не сопряжены в сознании людей с их жизненным миром и поведенческими стратегиями и, соответственно, никак не представлены в их установках или в публичном поле.

Причины трудностей интерпретации получаемых данных о социальном положении респондентов обусловлены прежде всего размытостью и нечеткостью контуров социальных групп в России, неясностью социальной морфологии советского и постсоветского общества, проблематичностью для самих респондентов вопросов об отнесении их к тому или иному социальному слою или социальному классу. Абсолютное большинство респондентов характеризуют свое социальное положение на некой воображаемой социальной лестнице статусов как «среднее». Если взять только сравнительно недавние опросы (декабрь 2015-го — февраль и март 2016 г., N=1600), то мы увидим, что 75–85% опрошенных считают себя принадлежащими к среднему классу (разным стратам среднего класса) или считают, что они занимают в обществе «среднее положение», что с точки зрения социальной стратификации является абсурдом (но не бессмысленно с точки зрения ценностной и символической идентификации респондентов, а это опять-таки требует своего объяснения; об этом ниже). Даже откинув верхний средний класс, мы получаем упорное определение почти половиной населения себя как «средних», к которым тяготеет или примыкает нижний слой среднего класса (31–33%).

Подобное описание давно стало тривиальным для социологов и многократно подтверждаемым фактом. Поэтому сомнения вызывает не качество исследований, а сама подобная постановка исследовательской задачи. Она исходит из латентной посылки об универсальной адекватности транзитологической парадигмы, то есть из того, что Россия — развивающаяся страна, в которой своя особая демократия и свой особый рынок, что в России наблюдаются все те же процессы, что и в других странах переходного типа, но, может быть, трансформационные изменения происходят не так бы-

стро и не столь успешно, как у других¹. Именно это обстоятельство — методологическая генерализация исходных оснований для анализа — и вызывает возражения, поскольку сама такая логика не принимает во внимание институциональный контекст посттоталитарного социума и возможности его воспроизводства. Поэтому, прежде чем представить аргументы несогласия с такой общепринятой интерпретацией, очень кратко представлю результаты исследований нашего центра, чтобы, затем можно было яснее очертить поле расхождений в интерпретации сходных данных. Я взял данные опроса (докризисного) 2012-го года и кризисного 2016-ого (см. табл. 1а–1б, табл. 2–6).

Подчеркну, что *принципиальной* разницы (то есть такой, чтобы она производила смену паттернов образа жизни) в доходах у респондентов с разными социально-демографическими характеристиками нет (табл. 2). У респондентов с высшим образованием в сравнении с респондентами с неполным средним образованием душевой доход выше лишь в 1,5 раза. Заметно выделяется в этом плане лишь Москва.

¹ Иллюзия успешного транзита поддерживалась в 2000-е устойчивым ростом реальных доходов населения (6–8% в год с 2002 по 2008 г., после кризиса 2009–2010 гг. этот рост возобновился в 2011–2012 гг.). Консервативная идеология самосохранения действующего режима во многом оправдывалась политикой роста среднего класса, который виделся кремлевскими политтехнологами гарантом «стабильности» положения в стране. Лукавость этой посылки состояла в том, что средний класс рос за счет увеличения госсектора и социальных групп населения, зависимых от власти, Массовые демонстрации протеста 2011–2013 гг. разрушили иллюзии стабильности власти, что привело к резкому ужесточению внутренней политики, усилению репрессий против оппонентов и независимых организаций гражданского общества, установлению цензуры и монопольного контроля над СМИ, выборным процессом, судебной системой и т.п. Волна патриотической мобилизации и обострившейся конфронтации с развитыми странами Запада, обеспечившая консолидацию населения с властью, окончательно сняла вопрос о среднем классе как концептуальной проблеме развития общества, факторе эволюционной динамики. Уже не только факт «средности» при попытках фиксировать социально-структурную идентичность, но и сами масштабы поддержки руководства страны указывают на исчезновение каких-либо признаков структурной дифференциации и автономизации отдельных сегментов общества, слабость судебной системы как необходимого условия институционализации социального плюрализма. При отсутствии очевидных маркеров социальной дифференциации (по явления оформленных больших социальных групп с четким групповым самосознанием, идентичностью, артикулированностью своих интересов — причем не только сугубо материальных, но и «идеальных» — защиты своих коллективных ценностей, отличных от ценностей других групп, соответственно, престижа и авторитета членов группы именно в их качестве обладателей или носителей, репрезентантов этих идеалов и устремлений, статуса и т.п.) не подлежат сомнению микросоциальные и микростатусные различия внутри групп, обуславливающие борьбу или конкуренцию за ресурсы, за признание других членов (большинства в группе). Это показывают все микросоциальные исследования и групповые дискуссии.

Таблица 1а

К КАКОМУ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ ВЫ БЫ ОТНЕСЛИ СЕБЯ И СВОЮ СЕМЬЮ? (сентябрь 2012 г., в % к числу опрошенных)

	Высший слой	Верхняя часть среднего слоя	Средняя часть среднего слоя	Нижняя часть среднего слоя	Низший слой
В среднем	0	3	43	36	18
Пол					
Мужчины	Менее 1%	4	46	35	15
Женщины	1	2	40	38	20
Возраст					
18–24 года	1	4	59	25	10
25–39 лет	–	5	48	36	12
40–54 года	0	2	41	39	17
55 лет и старше	–	2	31	39	28
Образование					
Высшее	–	5	50	34	11
Среднее специальное	1	2	45	37	16
Среднее общее	1	5	40	37	18
Ниже среднего	–	1	32	37	30
Тип поселения					
Москва	–	2	39	40	19
Большой город	–	3	43	39	15
Средний город	–	3	50	34	13
Малый город	–	5	38	39	18
Село	1	2	43	31	23
Потребительский статус					
Денег не хватает на продукты питания	3	–	12	25	61
На продукты хватает, но на одежду нет	0	1	20	41	38
Хватает и на продукты, и на одежду, но ТДП труднодоступны	–	2	44	41	14
Хватает и на ТДП, но действительно дорогие недоступны	1	6	65	26	3
Могут купить автомобиль	–	22	59	18	–

100% по строке, N=1600, наполнение высшего слоя (15 человек) в выборке слишком мало и статистически не значимо, данные приводятся лишь для демонстрации отсутствия признаков формирования социального слоя или класса.

Таблица 16

К КАКОМУ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ ВЫ БЫ ОТНЕСЛИ СЕБЯ И СВОЮ СЕМЬЮ? (сентябрь 2012 г., в % к числу опрошенных)

	В среднем по выборке	Высший слой	Верхняя часть среднего слоя	Средняя часть среднего слоя	Нижняя часть среднего слоя	Низший слой
Пол						
Мужской	46	16	65	50	44	39
Женский	54	84	35	50	56	61
Возраст						
18–24 года	14	64	17	19	10	8
25–39 лет	29	0	43	32	28	19
40–54 года	27	37	21	26	30	26
55 лет и старше	30	0	19	22	32	48
Образование						
Высшее	29	0	43	34	28	18
Среднее специальное	30	58	23	31	31	27
Среднее общее	20	42	28	19	20	20
Ниже среднего	21	0	6	16	21	35
Размер населенного пункта по 5 позициям						
Москва	8	0	6	8	9	9
Более 500 тыс.	24	0	20	24	26	20
От 100 до 500 тыс.	18	0	19	22	17	13
Города до 100 тыс.	23	20	39	21	25	24
Село	26	80	16	26	22	34
Потребительский статус						
Не хватает денег еду	4	38	0	1	3	14
Нам хватает денег на еду	20	20	4	9	22	43
Нам хватает на одежду	50	0	33	51	57	39
Мы можем позволить покупку ТДП	25	42	63	38	18	4
Род занятий кормильца семьи						
Предприниматель	3	0	13	4	2	2
Руководитель	6	0	27	8	3	2
Специалист	21	0	14	28	20	10
Служащий	3	64	4	5	2	0
Рабочий	9	0	9	10	9	5
Учащийся, студент	34	37	23	31	38	33
Пенсионеры	19	0	7	13	21	33
Домохозяйка	4	0	2	2	4	9
Неработающие	2	0	3	1	1	6

N=1600, 100% по столбцу

Таблица 2

СРЕДНЕДУШЕВОЙ ДОХОД РЕСПОНДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
(за предшествующий опросу месяц, сентябрь 2012 г)

	Тыс. руб.
Образование	
Высшее	13,8
Среднее специальное	10,5
Среднее общее	10,2
Ниже среднего	9,0
Потребительский статус семьи	
Могут купить автомобиль	20,0
Могут приобретать ТДП	15,0
Хватает денег на еду и одежду, но не ТДП	11,0
Хватает только на продукты	8,0
Денег не хватает даже на продукты	6,1
Тип поселения	
Москва	20,0
Большие города	11,3
Средние города	10,9
Малые города	10,2
Село	9,0

N=1600

Таблица 3

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ, КАКИЕ ЦЕЛИ ВЫ, ЧЛЕНЫ ВАШЕЙ СЕМЬИ СТАВЯТ ПЕРЕД СОБОЙ? (в % от числа опрошенных)

Год/ Месяц опроса	1998 XI	1999 III	2001 XI	2003 III	2004 IV	2005 IV	2006 VIII	2007 VIII	2009 III	2010 III	2011 III	2015 I	2016 I
Выжить, пусть на самом примитивном уровне существования	28	22	18	16	18	15	15	20	21	23	21	13	14
Жить не хуже, чем большинство семей в вашем городе, районе	48	55	48	55	50	58	56	55	55	55	54	58	58
Жить лучше, чем большинство семей в вашем городе, районе	12	10	17	17	21	15	20	17	16	15	17	20	20
Жить так, как живет средняя семья в Западной Европе, США	9	10	13	9	8	8	7	7	6	6	7	6	6
Жить лучше, чем живет средняя семья в Западной Европе, США	3	2	3	2	3	2	3	2	2	2	1	3	2

1998–2009, 2016 – N=1600; 2010–2015 – N=800.

Таблица 4

К КАКОМУ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ ВЫ БЫ ОТНЕСЛИ СЕБЯ И СВОЮ СЕМЬЮ? (май 2016 г., в % от числа опрошенных)

	В среднем по выборке	Высший слой	Верхняя часть среднего слоя	Средняя часть среднего слоя	Нижняя часть среднего слоя	Низший слой
Пол						
Мужской	46	30	62	47	45	46
Женский	54	70	38	53	55	54
Возраст						
18–24 года	13	11	12	18	10	6
25–39 лет	28	49	34	30	29	17
40–54 года	28	29	40	26	28	32
55 лет и старше	31	11	14	26	33	46
Образование						
Высшее	30	39	52	35	27	17
Среднее специальное	34	33	35	32	36	32
Среднее общее	18	28	7	18	18	24
Ниже среднего	18	0	7	16	18	28
Потребительский статус						
Едва хватает на еду	18	18	12	8	21	52
Хватает на одежду	59	41	22	60	66	47
Можем позволить ТДП	23	41	66	31	14	1
Тип поселения						
Москва	9	16	1	10	6	11
Более 500 тыс.	22	33	37	19	26	23
От 100 до 500 тыс.	20	8	20	21	21	15
Города до 100 тыс.	24	32	19	26	23	20
Село	25	11	23	24	25	32
Род занятий						
Менеджер, управленец	22	29	44	28	17	7
Служащий	9	15	7	10	9	5
Рабочий	27	45	20	25	30	27
Пенсионеры	25	7	9	19	29	42
Неработающие	17	4	20	18	16	19

N=1600, 100% по столбцу; высший слой – статистически незначимая категория опрошенных

Таблица 5

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПО ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ ГРУППАМ (ВОПРОС: «К КАКОЙ ИЗ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ВЫ СКОРЕЕ МОГЛИ БЫ СЕБЯ ОТНЕСТИ?», март 2016 г., в % к числу опрошенных)

	Денег не хватает даже на питание	На питание хватает, но не хватает на одежду	Деньги есть на еду и одежду, но покупка таких вещей, как холодильник или ТВ, вызывает проблемы	Могут купить ТВ или холодильник, но не могут купить автомобиль	Могут купить автомобиль, но нельзя сказать, что они не стеснены в средствах	Могут ни в чем себе не отказывать
В среднем	5	17	55	21	2	0
Социальный статус						
Менеджер, управленец	1	11	39	43	6	0
Служащий	3	9	59	28	1	0
Рабочий	5	16	66	12	1	0
Пенсионер	8	24	60	8	0	0
Неработающий	6	23	52	17	2	0
Тип поселения						
Москва	0	6	46	45	2	0
Большой город	4	10	49	33	4	0
Средний город	6	19	55	19	1	0
Малый город	3	21	58	16	2	0
Село	7	20	62	10	2	0
Возраст						
18–24 года	2	17	57	23	2	0
25–39 лет	3	14	54	26	3	0
40–54 года	5	17	50	26	3	0
55 лет и старше	7	19	60	13	1	0
Образование						
Высшее	2	12	49	33	4	0
Среднее специальное	6	19	54	20	2	0
Среднее общее	5	17	60	15	2	0
Ниже среднего	6	19	62	11	1	0

N=1600, «Ни в чем себе не отказывают» – 0,1%.

Как следует из данных табл. 5, 77% опрошенных существенно ограничены в своих повседневных запросах и потреблении.

Приобретение отдельных предметов из потребительского набора никак не может служить индикатором разных жизненных стратегий.

Таблица 6

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС И РОД ЗАНЯТИЙ (февраль 2016 г., в % к числу опрошенных)

	В среднем по выборке	Денег едва хватает на еду	Хватает на еду и одежду, но ТДП – проблема	Могут приобретать ТДП, автомобиль*
В среднем		21	55	24
Независимый предприниматель, самозанятый	3	1	2	7
Руководитель, управленческий работник	3	1	1	9
Специалист (без руководящих функций)	18	11	14	34
Служащий (без специального образования)	14	8	15	17
Рабочий	23	23	28	13
Учащийся, студент	4	2	4	6
Пенсионер по возрасту	21	32	24	7
Пенсионер (по инвалидности)	3	4	3	2
Домохозяйка	4	5	4	3
Безработный	5	9	4	2
Неработающий и не ищущий работу	2	4	1	1

*Но купить машину могут лишь 2% опрошенных, последние здесь специально не выделены в отдельную категорию из-за их статистической малочисленности.

N=1600

На протяжении 1990-х годов основная масса населения (примерно 70–73%) воспринимала все происходящее, испытывая ощущение хронического снижения своего общественного положения, утраты прежнего статуса, заданного рамками директивной государственно-распределительной экономики (и присущих этой системе организации труда, мобильности, доходов, аспираций). После краха этой системы и начавшихся в 1990-е реформ шло вплоть до середины 2000-х интенсивное перемешивание и турбулентное «перемещение» статусных групп¹. Одни респонденты (по их субъективным самооценкам) поднимались на одну-две ступени воображаемой лестницы статусов, другие опускались на какой-то момент, но поднимались

¹ Результаты этих замеров представлены в серии статей Л.Б. Косовой, опубликованных в 1994–2014 гг. в нашем журнале: *Косова Л.* Представления о статусной динамике и социально-политические установки // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 4. С. 20–22; Разочарование в реформах в различных статусных группах // Там же. 1995. № 4. С. 36–37; Социальные реформы и динамика статусов // Там же. 1997. № 6. С. 37–39; Деньги или власть? Каналы мобильности в российском обществе // Там же. 1999. № 3 (41). С. 24–26; Три меры времени, или Динамика субъективных оценок статуса // Вестник общественного мнения. 2006. № 2 (82). С. 25–31; Общество ненакопления // Там же. 2009. 31(99). С. 56–64; Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Там же. 2014. № 3–4. С. 118–126. (См, также: *Красильникова М.* Социальная динамика в переходных обществах // Там же. 2004. № 5 (73). С. 37–47; *Красильникова М.* Динамика общественных статусов за 20 лет // Там же. 2002. № 5 (73). С. 33–39).

в следующие годы (шаг замера изменений составлял условные 5 лет) и т.п. Но основной тренд заключался в увеличении численности нижних страт, куда сваливались деклассированные остатки прежних иерархических групп и категорий госслужащих (рис. 1А и 1Б). Устойчиво «поднимались» (и, безусловно «выиграли» от происходящих перемен) по общественной лестнице всего 6% опрошенных. Острее и болезненнее свою нестабильность или снижение статуса переживали те, кто ранее, в советское время, занимал относительно авторитетные или уважаемые, престижные позиции (управленцы среднего звена, бюрократия и служащие – учителя, врачи, ИТР).

С начала 2000-х годов тренд начал меняться. Доля самых низких статусных категорий стала сокращаться (росли реальные доходы населения); численность страт, которые население определяло как «нижний средний класс» и в еще большей степени как «средний средний», увеличивалась.

Тем не менее основной массив опрошенных живет с мыслью, что люди в ходе общественных пертурбаций последних 20 лет теряют нечто важное, не получая ничего взамен (табл. 7).

Кризис осени 2015 года переломил прежний тренд – довольно большая часть населения опять сместилась в категорию «ниже среднего», произошло также и некоторое сокращение более высоких страт (рис. 1Б).

Рисунок 1А
ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСНЫХ САМООЦЕНОК, 1994–2016 гг.

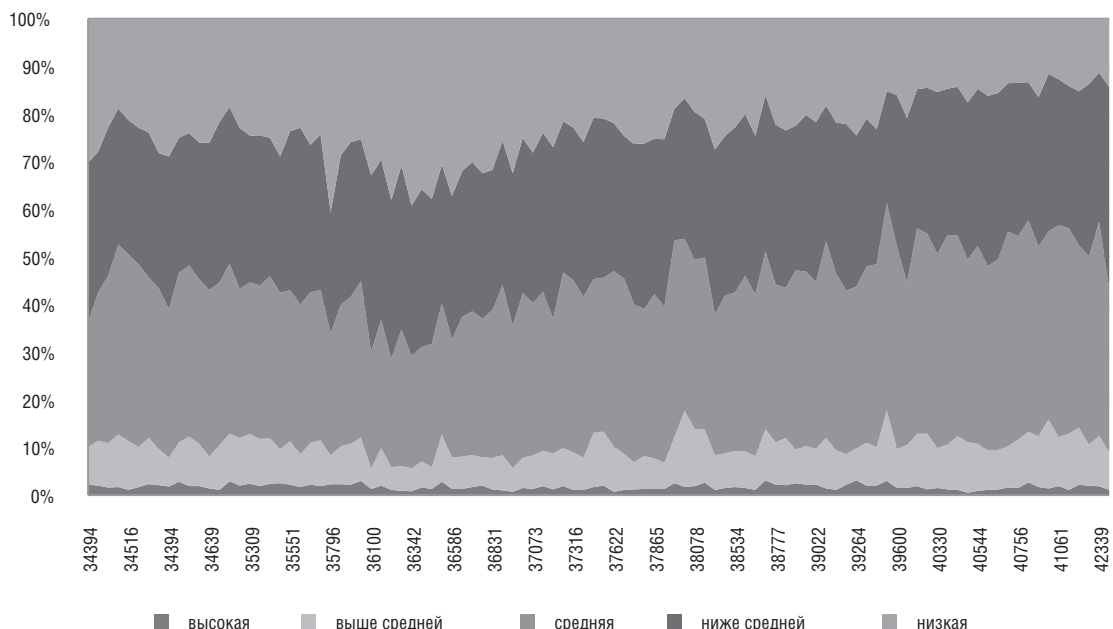
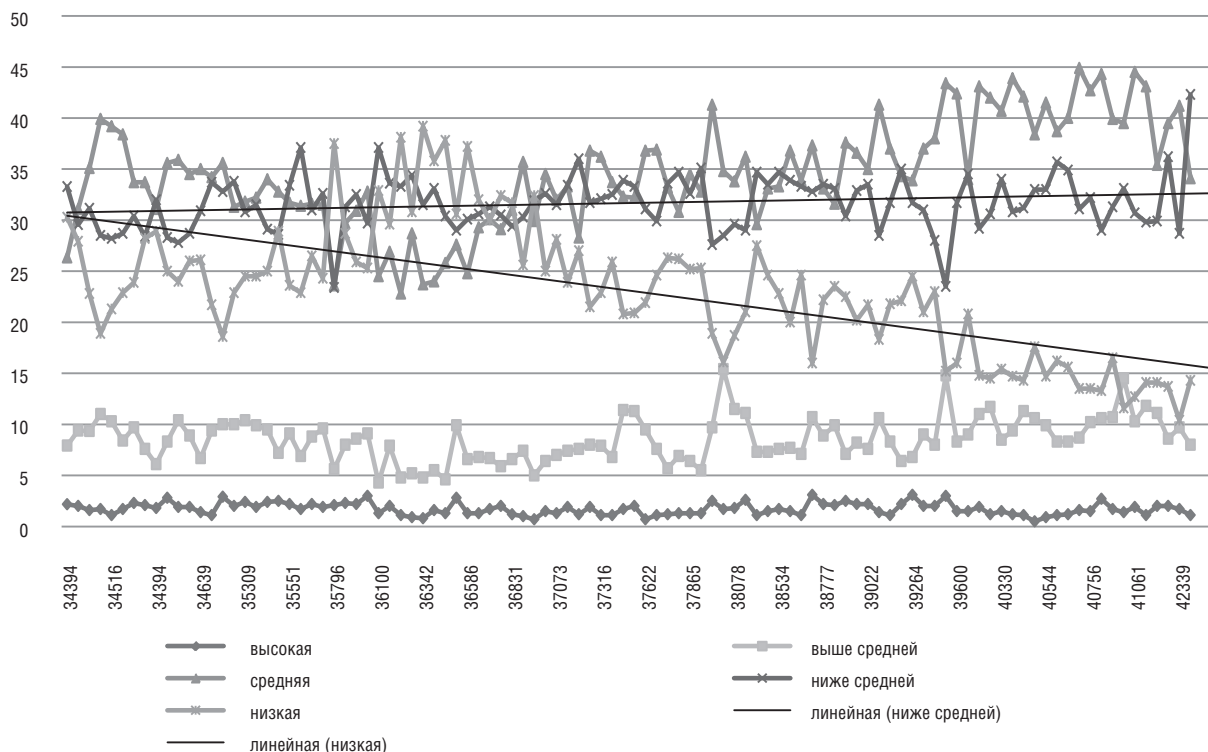

Рисунок 1Б
ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСНЫХ САМООЦЕНОК, 1994–2016 гг.

Наиболее устойчивыми являются верхние статусные группы, которые выступают как предельные (воображаемые) точки отсчета для самоидентификации респондентов более низких уровней стратификации¹. «Верхние» группы

¹ Но они также оказываются и наиболее закрытыми для общества, самыми лояльными по отношению к действующему режиму власти.

в структурной стратификации практически не реагируют на социально-экономические кризисы или реагируют не так остро, как основная масса населения. Сам факт этой устойчивости указывает на то, что именно эти слои и группы являются обладателями или распорядителями государственно-бюрократических ресурсов,

Таблица 7

ЛИЧНО ВЫ, ВАША СЕМЬЯ ВЫИГРАЛИ ИЛИ ПРОИГРАЛИ ОТ ПЕРЕМЕН, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ В СТРАНЕ, НАЧИНАЯ С 1992 ГОДА? (в % от числа опрошенных)

Год / Месяц опроса	1999 XII	2002 XI	2006 XII	2007 XII	2008 IV	2009 XII	2010 X	2011 IX	2014 X	2015 III
Выиграли	10	20	22	29	36	23	45	42	42	41
Проиграли	74	70	57	41	37	50	39	36	33	34
Затруднились ответить	16	10	21	30	27	27	16	22	25	25
+/-	0,13	0,29	0,39	0,70	0,97	0,46	1,15	1,16	1,27	1,20

1999-2009 - N=1600, 2010–2015 – N=800.

структурирующих всю систему ожиданий и норм поведения населения. Напротив, самыми неустойчивыми и аморфными оказываются низший или средний нижний слой, параметры которого колеблются или меняются во время экономических кризисов и периодов нестабильности¹.

Посмотрим на динамику распределения респондентов на лестнице социальных статусов в зависимости от характера профессиональной занятости (2000–2012 гг., рис. 1). Если взять более дробную шкалу (10-позиционную) и для простоты объединить ответы по две ступени², то мы получим примерно такую картину: а) к низшему слою [1+2-я ступени] относят себя 6% опрошенных; б) к слою, условно говоря, «низшему среднему» [3+4] – 38%; в) к «среднему среднему» [5+6] – 45%; г) к «верхнему среднему» [7+8] – лишь 10%; д) к собственному высшему слою или классу [9+10 ступени] – всего 0,1% респондентов. Такое распределение хотя и не полностью, но совпадает с субъективной идентификацией по условным классам. Однако в результате мы получаем в общей сложности 83% (!) респондентов, относящих себя к середине шкалы (в+г), с некоторым сдвигом «центра тяжести» на более низкие позиции (8–5-я позиции).

Статус и характер занятости. Если судить по данным опросов последних лет (сравнивая данные 2012 года как вполне благополучного и 2015–2016 гг. как кризисных), то в госсекторе занято 42% работников, 55% – в частном секторе, 2–3% в кооперативах или являются ПБОЮЛ. В общественных организациях работают примерно 0,5% взрослого населения,

¹ Важно подчеркнуть, что такие колебания оказываются не следствием влияния рынка или циклов экономического подъема и спада, динамики рынка труда, как в развитых странах, а изменениями в политике и распределительных возможностях властей.

² Распределение ответов на вопрос: «На какую ступеньку из лестницы в 10 позиций вы бы поставили себя и свою семью?», если 1 – самая низшая ступень, а 10 – самая высшая.

Основная масса работников, занятых, по их словам, в частных предприятиях, относит себя к низким социальным позициям: от 64 до 70% работников таких компаний и предприятий приписывают себя к самым низким (от 1-й до 3-й) ступеням воображаемой лестнице статусов. По мере повышения субъективной статусной идентификации доля работников частных компаний сокращается и растет удельный вес занятых в государственных организациях и предприятиях (государственно зависимых) работников: к 4–7-й ступеням относят себя примерно 50% работающих в частном секторе респондентов, к 8–10-й (высоким стратам) – менее трети. Высокие позиции (7–10-я ступени), по их словам, чаще занимают работники госпредприятий (преимущественно административный персонал), управленцы, профессиональные военные – офицеры армии и полиции, ИТР, служащие (25–35%), а также владельцы собственного бизнеса (2–4% от всех опрошенных).

По типу занятости или характеру профессионального положения распределение субъективных статусных оценок (или идентификаций своего социального положения) выглядит следующим образом:

1) на самой низкой ступени (1-й) представлены: работники торговли, сферы услуг, техники, низший обслуживающий персонал в соцсфере (медсестра, воспитательница в детском саду и т.п.) + администратор низшего звена;

2) на 2-й ступени неквалифицированные рабочие, техники, занятые в сервисных предприятиях, промышленные рабочие, сотрудники сферы услуг, торговли, ИТР;

3) промышленные рабочие, работники сферы услуг, торговли, техники;

4) техники, промышленные рабочие, работники сферы услуг, торговли, подсобные рабочие, специалисты ИТР + гуманитарной сферы (врачи, юристы, учителя);

5) техники, квалифицированные промышленные рабочие, работники сферы услуг, низший обслуживающий персонал в соцсфере, специалисты с высшим образованием;

6) техник, специалист со средним профессиональным образованием, промышленный рабочий, сфера услуг, торговля, конторский служащий (начиная с 6-й позиции, появляются в небольшом количестве владельцы фирм и предприятий, администраторы низшего звена, руководители среднего звена; специалистов с высшим образованием, прежде всего из числа гуманитарных профессий – врачей, юристов, учителей – по мере повышения статусного уровня становится больше;

7) специалисты с высшим образованием, занятые в гуманитарных сферах (врачи, юристы, преподаватели), чиновники; владельцы фирм и собственных предприятий;

8) 9–10-я ступени представлены «случайным набором» занятий: администраторы; бухгалтера, региональные чиновники, управленцы,

Доходы. Более заметна статусная дифференциация опрошенных с разным уровнем доходов, располагающих себя на воображаемой лестнице общественного положения. Выделяются в первую очередь самые бедные – те, кто относит себя к:

1-й (самой низкой) ступени: это преимущественно группы населения с совокупным семейным доходом от 20 до 30 тыс. рублей;

2-ю ступень занимают респонденты с доходом от 30 до 40 тыс. рублей;

3-я (самая размытая) ступень: доход от 15 до 40 тыс. рублей;

4-я ступень: более консистентная по своему социально-профессиональному составу группа – от 35 до 55 тыс. рублей;

5-я и 6-я ступени (средние) образуют очень размытые по социальному составу множества: их доход от 30 до 60 тыс. рублей;

7-я ступень – от 40 до 70 тыс. рублей (более определенные по составу);

8-я ступень (высокодоходные группы) – от 70 до 150 тыс. рублей;

9-я и 10-я ступени: нет данных. Эти респонденты в массе своей отказываются сообщать интервьюеру сведения о семейном доходе (февраль 2016-го).

С повышением ступени субъективного определения своего социального статуса увеличивается разброс границ семейного дохода: резкое повышение семейного дохода заметно

только на верхних ступенях социальной шкалы (особенно 8-й позиции). А это значит, что потребительское поведение основной массы населения будет ограничено достаточно жесткими рамками, и в этом плане доход не может служить сильным дифференцирующим фактором для социальной морфологии. Формирующееся потребительское общество в России не порождает значимых социальных различий (специализации функций, разделения труда, разнообразия групповых образов идентичности, а главное, качественного многообразия запросов и аспираций, «потребностей»¹), поскольку значительный рост доходов обусловлен близостью к источникам распределения административно-бюрократической ренты и не связан с продуктивностью и достижительностью, характерной для средних классов в обществах со свободным рынком, общественным и институциональным контролем политической системы². Это добавление принципиально важно: корректно можно сравнивать только социальные системы обществ близкого или однородного типа и устройства.

И все же в целом мы имеем дело с вполне ожидаемой концентрацией квалификации, об-

¹ Бедных у нас – две трети страны. Россияне тратят более половины доходов на еду и готовы и дальше затягивать пояса. Интервью М. Красильниковой «Новой газете». 20.04.2016 г. – <http://www.novayagazeta.ru/есопоту/72760.html>; см. также статью М. Красильниковой в настоящем номере журнала, с. 86–94.

² *Кувшинова О.* Средний класс в России увеличивается за счет чиновников и силовиков, обнаружил Независимый институт социальной политики (НИСП) // [Vedomosti.ru](http://vedomosti.ru). 04.04.2013 г. – www.vedomosti.ru/newsline/news/10766651/strana_chinovnikov. Как показывают опросы в более высоких статусных и потребительских группах (чаще это – маркетинговые исследования потребителей люксовой или дорогой товарной группы – автомобилей, загородных коттеджей и т.п.), по своим идеологическим, политическим или ценностным установкам и ориентациям новая путинская «элита» мало или практически ничем не отличается от массы населения (если не считать чисто экстенсивного увеличения параметров потребления – все то же самое, но дороже). Ее представителей можно назвать «нуворишами», но по социально-антропологическим характеристикам эти люди – такие же носители советской ментальности (сознания, сохранившего все травмы и комплексы советской дефицитарно-распределительной экономики), что и основная масса населения. Дальше патримониалистских стереотипов и рамок реальности их запросы и представления не выходят, что, собственно, и составляет главную проблему с точки зрения эволюции посттоталитарной России. Поэтому анализ социальной структуры не требует включения в рассмотрение контекста политических процессов, изменений базовых институтов – суда, гражданского общества, тайной полиции, а стало быть – социально-государственных рамок экономических процессов. Процессы структурно-функциональной дифференциации должны оцениваться и изучаться с учетом выделения специализированных социальных групп, их правовой и социальной автономии, а значит, контекста формирования или подавления институциональных механизмов обмена, коммуникаций в обществе, при обязательном условии – становлении гражданского общества.

разования, доходов на верхних этажах социальной пирамиды.

Первое, что бросается в глаза при изучении данных табл. 8, это бедность населения: разрыв между высшим средним и низшим слоем (% опрошенных) невелик и составляет 2,5 и 1,6 раза (февраль и май 2016 г.). Уменьшение разрыва скорее всего указывает на влияние кризиса, сокращение ресурсов у тех, у кого они были. Но это может объясняться по меньшей мере и другими обстоятельствами. Во-первых, поскольку эта категория крайне незначительна в численном отношении, то «ошибки» или сбой социальной идентификации здесь бросаются в глаза. Во-вторых, к высшему слою относят себя респонденты, для которых значимы прежние советские, в очень большой степени идеологизированные системы социальной референции, старые номинальные шкалы социального престижа. Третье соображение более существенно: в стране нет единой системы социальной референции; в провинции значима другая или, правильнее, своя собственная шкала статусов, отличная от центра — от столичных городов и их образцов жизни (может быть, сюда надо бы включать и некоторые мегаполисы, объединенные общностью координат). Другими словами, в регионах свой отсчет статусной иерархии, своя система статусной таксономии, исходящая от региональной администрации¹.

Таблица 8

СОВОКУПНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ДОХОД В РАЗНЫХ СТРАТАХ (распределение ответов респондентов об общем доходе семьи за прошлый месяц на вопрос: «К какому из следующих социальных слоев вы бы отнесли себя и свою семью?»)

Общий доход семьи за прошлый месяц (тыс. рублей)	В среднем по выборке	Высший слой*	Верхняя часть среднего слоя	Средняя часть среднего слоя	Нижняя часть среднего слоя	Низший слой
Февраль 2016 г.	33,4	36,7	54,9	39,3	30,4	22,1
Май 2016 г.	34,6	51,0	44,3	39,1	31,0	27,2

*Статистически незначимые данные в группе «высший слой», N=1600.

¹ Этот момент, кстати, отмечает и Л.Н. Овчарова в выступлении на семинаре «Семь тощих лет: российская экономика на пороге структурных изменений» (Материалы круглого стола под ред. К. Рогова, М.: Либеральная миссия, 2016. С. 57). — <http://www.liberal.ru/articles/7035>). При анализе связи дохода и социально-демографических характеристик респондента выделяются два решающих признака, дифференцирующих социальное положение (морфологию) опрошенных: региональные (пространственные, урбанистические, геоэкономические и т.п.) характеристики и полученное образование (главным образом — наличие качественного высшего образования). По сути, это означает слабость и разорванность рынков труда в России, точнее, отсутствие общероссийского рынка труда, единого социально-экономического пространства. Его формирование блокируется и подавляется не столько низким потенциалом горизонтальной мобильности населения (ограниченностью его ресурсов), сколько специфической структурой управления, организацией власти и ее политическими интересами, ограничивающими вертикальную мобильность населения.

Территориальные, в том числе региональные, различия условий жизни для большей части населения до сих пор оказываются не менее, а скорее даже более значимыми, нежели классово-сословные характеристики положения индивида или его семьи (то есть положение малой группы на рынке труда и отношения собственности). 70% населения вообще не имеют сбережений или накоплений (еще у 12–15% населения накопления незначительны, то есть они не превышают оперативный ресурс семейного потребления в расчете примерно на 3–6 месяцев). Преобладающая масса (как минимум три четверти) населения живет от зарплаты до зарплаты (или пенсии), что не позволяет сколько-нибудь значительной аккумуляции средств для изменения собственного положения или образа жизни. Этого явно недостаточно ни для инвестирования в новые формы занятости (поиск работы за пределами места проживания), ни в капитализацию собственного или семейного будущего (получение качественного образования, открытие собственного дела, приобретение акций и т.п.). Дело не просто в том, что столь значительные группы не располагают никакой собственностью, если не считать условного владения (право распоряжения) своим жильем, дачей или приусадебным участком. Менее очевидные последствия заключаются в том, что при таком положении дел не возника-

ют какие-либо более сложные формы социальной солидарности, чем те, что имеются в наличии сегодня: явления общественной солидарности, возможности долгосрочного планирования жизни, борьбы за коллективные цели или улучшение жизни, изменение правосудия, образования детей, даже возможности оптимизации работы медицинских учреждений, одно из самых приоритетных требований населения к государству. Низкая мобильность населения (более половины — примерно 52–54% всего населения — постоянно живет в том же месте, где родилась) указывает на наличие сильнейших барьеров на пути развития рыночной экономики, прежде

всего неразвитость рынка труда, жилья, а значит, на отсутствие ресурсов у огромной части населения для перемещения туда, где есть возможности работы, улучшения условий жизни, перспективы повышения ее качества.

Большая часть населения — около двух третей — живет в социальной среде (селе, ПГТ, в малых и отчасти в средних городах), черты и образ жизни которой существенно отличаются этих людей от населения больших городов и мегаполисов (не только по уровню доходов, но и по потребительскому поведению, стилю жизни, параметрам информационной среды, досуговому поведению, а значит, и уровню запросов, культуры, политическим ориентациям и пр.). Периферия, судя по данным социологических опросов и государственной моральной статистики, образует зону хронической социальной депрессии, стагнации, характеризующуюся повышенным уровнем социальной аномии и патологии. Конечно, и она, в свою очередь, неоднородна, но по отношению к изменениям образа жизни в крупнейших городах это население отличается отсутствием жизненных перспектив, деградацией социальной инфраструктуры, сохранившейся от советских времен, очень высокой степенью зависимости от властей и, соответственно, пассивностью и доминирующими государственно-патерналистскими ориентациями и установками. Однако именно эти группы образуют основной электоральный ресурс партии власти, многократно перевешивающий поддержку любых партий либерального толка.

Изменения, отмечаемые за время, прошедшее после краха СССР, касались главным образом некоторого сокращения сельского населения и соответствующего увеличения удельного веса населения ПГТ и малых городов (перетекания в ближние города или пригородные зоны крупных городов), а также увеличения населения крупных городов и мегаполисов (с 27 до 29%).

Социальные изменения у населения средних и тем более крупных городов были гораздо более существенными, поскольку менялась структура занятости и потребительского поведения населения, символическая среда. За это время удельный вес промышленных рабочих (а именно они составляли советский «средний класс» по всем определяющим параметрам — идеологическим, доходным, культурным и т.п., именно они образовывали социальную основу общества советской милитаризированной

экономики) сократился практически вдвое, и одновременно, хотя и не совсем в той же пропорции, выросла численность сектора обслуживания (торговли, сервисного и информационного обеспечения и т.п.), представленного в первую очередь «там, где есть деньги», то есть в зоне интенсивного обмена, рыночных отношений, изменения характера запросов и поведения. Растет здесь и удельный вес чиновничества, административного персонала, численность полицейских и охранных структур, чей государственно-патриотический настрой стал весьма ощутим в 2000-е годы.

Формирование класса предпринимателей (как и свободных фермеров) идет крайне медленно и блокируется действующей весьма своеобразной институциональной системой России; удельный вес этой категории населения по самым оптимистичным оценкам не превышает 4–7% взрослого населения. Не требует особых доказательств утверждение, что возможности для предпринимательской деятельности открываются преимущественно в среде крупных и крупнейших городов (где и складывается система новых интенсивных социальных взаимодействий). Периферия может выступать в качестве поля приложения или ресурсной зоны для бизнеса, однако собственно рыночные отношения (пространство модернизации) складываются только при наличии определенного уровня дифференциации социальных институтов и развитости инфраструктуры, возникающей в высоко урбанизированных зонах.

Именно последнее соображение заставляет сомневаться в интерпретации результатов принятых процедур описания социальной структуры России. Вернемся к самой сути постановки вопроса о классовой структуре общества. В каком смысле можно говорить о наличии классов коль скоро большинство населения в России относит себя к гипертрофированной «середине», именуя ее «средним классом» по аналогии с развитыми странами, «нормальными» странами Запада? Или же речь должна идти о социальной стратификации (наличии иерархии стратов), выделяемой по объективным, то есть вменяемым населению, статистическим признакам, очень важным с точки зрения государственной идеологии административного управления обществом (бюджетной, налоговой, социальной политики), но слабо различаемым действующими индивидами, поскольку субъективно они (признаки) мало значимы для самих акторов?

Все эти двусмысленности и темные места в интерпретации социальной структуры в пост-тоталитарном обществе, социальных процессов или описания социальной реальности побуждают обратиться к тем стадиям социологии, когда собственно и начинали складываться категории фиксации и понимания действительности в социальных науках, затвердевшие и кристаллизировавшиеся формулы которых сегодня закрывают нам возможность видения только еще возникающих форм и отношений или по иному оценивать предшествующие им явления.

Возвращаясь к Веберу...

Такими фазами в социологии можно считать постановку проблемы у К. Маркса и его оппонента в этом отношении М. Вебера.

Суть проблематики классовой структуры, если предельно упрощать действующие подходы, сводится к следующему, Маркс определял «классовое положение» индивидов или группы, исходя из их отношения к вопросам собственности на средства производства, вмещающего охватываемому этим понятием социальному множеству гипотазированную (по существу – онтологическую) общность мышления, солидарности, интересов (а значит, единство мотивов предполагаемых социальных действий), а также то, что менее значимо сегодня для нас, – неупраздненно антагонистическое видение реальности и истории. Другими словами, в его философии и понимании его последователей «классы» – это не номиналистская категория для описания эмпирической действительности, а реальные консолидированные группы людей, выступающие в качестве субъектов целевых действий, мотивированных политическими, экономическими, идеологическими и прочими интересами.

Если этот его тезис и имел некоторый резон для периодов ранней модернизации (до середины или даже до конца XIX века) – времени размывания сословной структуры в ведущих европейских странах (очевидной слитности остатков сословного образа жизни у привилегированных слоев, сохраняющих еще следы сращения аристократии и капиталистов, патрицианского уклада жизни и предпринимательского духа и этики у буржуазии), то для более позднего времени – начала и тем более середины XX века – такое вменение теряло свой смысл, не будучи подкрепленным эмпирическими данными. Социальная структура быстро менялась под влиянием новых, мери-

тократических критериев социального успеха, общего повышения доходов населения, присвоения непривилегированными группами стандартов жизни и форм повседневного поведения, характерного для обеспеченных слоев, и т.п. Эти социальные признаки отражали интенсивность вертикальной мобильности и постоянный рост (и количественный, и функциональный) значимости менеджеров и квалифицированных специалистов, то есть сами процессы трансформации социальной структуры. Подобные изменения указывали на ослабление оснований традиционного господства и усиление авторитета, престижа, общественного признания обладателей деловой компетенции и предметного знания (бюрократии, врачей, судей, адвокатов, учителей, ученых и т.п.) с одной стороны и предпринимателей, «людей свободных профессий», с другой. Растущее многообразие социальных форм – функциональная дифференциация социальных институтов, автономизация возникающих организаций гражданского общества (самоорганизация населения, активность общества и отдельных групп), а соответственно, все более значимая роль политических партий, умножение коммуникативных посредников делали марксистский классовый анализ (с его центральным постулатом – задачей неперемного обнаружения «классового антагонизма» или «борьбы классов») не просто малопродуктивным, но и схоластическим.

Трактовка устройства социума как иерархической структуры, состоящей из соподчиненных слоев и групп, оказывается не просто неадекватной для современных развитых обществ, завершивших процессы модернизации; она (неявно) навязывает более сложному устройству общества архаическую модель или схему восприятия и объяснения происходящего. Собственно, именно распространение идеологии среднего класса положило конец «классовой парадигме» в социальных науках. Марксистский подход с течением времени все более смещался в плоскость описания и интерпретации конфликтов, связанных с распределением и социальным неравенством, социальной или финансовой политики государства, общественной «справедливости» и т.п. тематики, характерной для послевоенной социал-демократии и «общества благоденствия». Но для отечественной социологии классово-иерархический подход в изучении социальной структуры остается доминантным. Конечно, он ра-

дикально модифицирован в соответствии с современными требованиями постмарксизма, но главное в нем сохранилось — видение социума, общества как гипостазированной целостности, которая может описываться в классификационных категориях.

Понимание проблематики социальной структуры М. Вебером (которого также часто рассматривают как основоположника концепций социальной стратификации) было гораздо более осторожным и сложным. Разберем его более подробно.

«"Классы" создаются однозначными экономическими интересами, а именно: связанными с существованием "рынка"»¹, «"Классовое положение" в конечном счете есть "положение на рынке"» (Marktlage)» (там же, с. 531). «Класс» или «классовое положение» не предполагает какой-либо групповой идентификации индивида или индивидов в качестве первичного *морфологического* признака, напротив, это означает исключительно субъективные, вероятностные определения индивидом *своих позиций* (или позиций своей группы) *на рынке*². Тем самым Вебер отказывается от марксистского опредмечивания, натурализации или гипостазирования понятия «класс». В его трактовке «классы» не являются социальными общинами или общностями (Gemeinschaften), то есть консолидированными и устойчиво воспроизводящимися группами в современной социологической терминологии, но могут представлять собой возможное (и даже часто встречающееся в реальности) *смысловое основание* для коллективного действия (Gemeinschaftenhandeln). Такова, например, взаимная связь и взаимоотношения предпринимателей и рабочих или участие в профсоюзах и их акциях. Классовые характеристики раскрываются Вебером через: а) описание «типичных шансов» индивида на обеспечение или получение благ, б) выявление «жизненной установки по отношению к внеш-

нему миру» (äusseren Lebensstellung), которая причинно связана с пониманием им своего положения на рынке, в) с «внутренним чувством жизненной судьбы»³.

Второй и третий пункт раскрываются как осознание действующим имеющейся у него (или у них, акторов) в наличии *власти распоряжения* благами (или отсутствие таковой). Эта власть может описываться в понятиях средств и объема возможного принуждения (самого действующего или им других, с которыми он взаимодействует) в ситуациях распоряжения благами или производственными квалификациями тех, с кем он вступает во взаимодействие. Следовательно, эта власть предполагает различные оценки эффективности данного рода принуждения (в сравнении с каким-то их возможным набором) или оценки права распоряжения «для целей получения дохода или заработков внутри данного хозяйственного порядка». Таким образом, классовое положение или класс в интерпретации Вебера означают фактически только наличие равных (или схожих) — «типичных» *интересов действующего*, то есть характеристику обстоятельств, в которых данный индивид находится одновременно с многочисленными другими действующими субъектами⁴. Но интересы сами по себе еще не образуют воспроизводимых социальных форм — это лишь модальное поле возможностей, ограниченных «законом предельной ценности», но не только. Вебер во всех случаях подчеркивает значимость права распоряжения при доступе к благам или связанным с ними социальными ресурсами. А это значит, что «право распоряжения», в свою очередь, обусловлено или ограничено силой других институтов — права, суда, обычаев, понятий справедливости и т.д.

Из этой посылки вытекает, что социальная морфология — появление устойчивых, то

¹ Weber M, Wirtschaft und Gesellschaft, Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. Aufl., Tübingen, 1972. S. 532. «Классы не являются сами по себе общностями» (Gemeinschaften — общинами, социальными ассоциациями — Л.Г.). Там же. С. 533. «Мы можем говорить о классе там и тогда, где 1) у множества людей проявляется общий специфический причинный компонент их жизненных шансов, и в той мере, в какой 2) этот компонент представлен исключительно интересами владения благами и их приобретения, 3) при условиях рынка товаров или рынка труда ("классовом положении")». Там же. С. 531.

² «...общим для понятия класса следует всегда считать то, что характер (die Art) шансов на рынке является той самой инстанцией, которая представляет собой общее условие судьбы отдельного индивида». Там же. С. 532.

³ «Жизненная судьба» — важное понятие в социологии и мировоззрении Вебера. В моей несколько вольной трактовке оно означает осознание безальтернативности институциональных и этических рамок поведения и существования индивида, понимание предопределенности и границ своего выбора в конкретной, данной, то есть исторически обусловленной, ситуации действия. Предопределенность задана выбором ценностей, норм поведения индивида. Примеры «судьбы» — растущая бюрократизация современной жизни, «борьба богов» (неупразднимость человеческих потерь при выборе той или иной ценностной перспективы — конфликта национальных, политических, нравственных, экономических и т.п. интересов, окрашивающих существование современного человека).

⁴ Там же. С. 177; см. также с. 532, 538–539. Классовая борьба начинается, как он пишет, лишь «с присвоения» этих возможностей.

есть воспроизводящихся во времени (в пределе сохраняющихся при смене поколений, стало быть, независимых от персонального состава включенных в эти отношения людей) социальных форм — обусловлена не дифференциацией доходов, а воздействием неэкономических институтов, придающих *смысл* различным социальным взаимодействиям участвующих в них лиц, наделяющих их культурным значением¹.

Сами по себе эти институты «трансцендентны» экономическим отношениям, их смысловой генезис и ценностная значимость не порождаются обменными отношениями и никак не определяются экономическими интересами. Мотивации действующих субъектов (в рамках значимых норм и правил этих институтов) не детерминированы стремлением к заработку или калькуляцией прибыли, они лежат в совершенно другой плоскости социальных отношений. Их смысловой генезис (включая и семантические ресурсы действий такого рода) укоренен в различных пластах исторически обусловленных значений (верованиях, коллективной памяти, представлениях о сакральном, священном, высоком), определяющих, оправдывающих или легитимирующих позиции различных групп в социуме². Будучи сами по себе ценностно-нейтральными, рациональные экономические отношения могут оказаться под влиянием тех или иных идеологических представлений, политических пристрастий, убеждений, подвергнуты деформациям под воздействием этических взглядов или мнений авторитетных обладателей «Культуры», быть

санкционированы религиозными ценностями. Устойчивость социальных взаимодействий задана внеэкономическими факторами — прежде всего значимостью их субъективных смыслов, которые обладают особой властью или проявляются как основания влияния, господства, авторитетности тех, кто выступает от имени этих смыслов или репрезентирует эти основания. Власть означает шансы и способность проведения актором своей воли внутри социального отношения, даже вопреки противодействию или сопротивлению других, причем то, на чем базируются сами эти шансы в каждом случае, не столь важно для сути самого понятия «власть», поскольку они принципиально разные³. «Власть» не следует отождествлять с физическим или психологическим насилием, принуждением (последнее — лишь крайний, обесмысленный, вырожденный случай власти). Более существенным для понимания природы власти оказывается признание особых качеств, способностей, достижений претендующего на авторитет и уважение со стороны окружающих. Такими качествами могут быть и личные виртуозные достижения политических демагогов или достижения в сферах образно-символической экспрессии (в искусстве, музыке, спортивном мастерстве, в ремеслах и т.п.), в производстве знания или военной доблести, компетентность специалиста (врача, инженера, юриста, чиновника), отвага и опыт путешественников, но также и «ведомственная харизма» занимающего высокие социальные позиции функционера — квалифицированная церковью или религиозным сообществом «святость» священников (не только как аналог бюрократической «компетенции», но и как персональное мастерство проповедника), признание педагогических умений и способностей учителя, владение техникой психологической помощи или душевного спасения, разгрузки от травматических переживаний, дар сексуальных и других наслаждений и пр., короче, все, что определяет престиж, признание и особое отношение к тем, кто обладает этими способностями или характеристиками. Но это может быть и традиционный авторитет (не личный, а санкционируемый институциональной инерцией, давностью и безальтернативностью институциональной системы или традицией и обычаем, страхом), безотносительно к личности занимающего высокое положение функ-

¹ Тем самым проблематика социальной морфологии теряет признаки привычной пирамидальной схемы. Если и надо как-то условно визуализировать это новое представление о морфологии общества, то ближе всего к ней была бы «гроздь винограда» — агрегат смежных смысловых миров со своими ценностными и нормативными перспективами, соединенных общими коммуникативными посредниками — рынком, СМИ, знаниями, образованием, аффективными механизмами (искусством) и пр.

² Недавний пример: массовое одобрение и поддержка аннексии Крыма и всей антизападной и антиукраинской политики В. Путина, выражаемые открыто, несмотря на ясно сознаваемые негативные последствия этого политического курса не только для общественного благосостояния России в целом, но и конкретно для самих респондентов. Говорить, что здесь проявляется лишь страх перед возможными репрессиями или, в более слабой форме, «неприятностями» лично для респондента, не приходится. Нет оснований сомневаться в сильных коллективных аффектах, захватывающих население в такого рода общественных ситуациях. Так, большинство утверждает, что ответные российские санкции (которые наносят большой урон благосостоянию россиян, чем исходно введенные западными странами) следует сохранять вопреки явному нарастанию кризиса и снижению уровня жизни, вызванного им.

³ Там же. С. 28.

ционер¹. Как бы ни различались сами по себе смысловые основания этого авторитета, престижа, «чести», именно признание их значимости, «авторитетности», требующих уважения в любом случае, безотносительно моральных и личностных качеств функционера, носителя статусного авторитета, обладателя знаков «чести», задает параметры того, что может быть названо отмеченным «социальным положением» или «позицией», а значит, специфического набора социальных ролей, действий, вытекающих из характера статуса. Поэтому функции статуса, занимаемого или присваиваемого индивидом или группой, с которой индивид себя отождествляет, не ограничиваются утилитарными расчетами и целями. Экономика здесь выступает лишь посредником тех ценностей, которые наделяют соответствующие позиции смыслом и значением. А потому сами по себе градации образования или доходов не имеют смысла, если не развернуты ценностно-символические их значения — то, что связывают люди с ними (противопоставляя обладателей этих социальных предикатов тем, кто их не имеет).

Если принять веберовский тезис о взаимосвязи понятий «класс» и «рыночная экономика», то отсюда логически следует заключение: использование понятия класса не может быть применено в качестве преимущественного основания для социальной морфологии. Морфологическое членение общества со всей непреложностью предполагает (в современных условиях) наличие тех институтов, без которых рыночная экономика не работает: представительской политической системы, относительно свободной деятельности и конкуренции партий, репрезентирующих проблемы, идеи, интересы отдельных групп населения, определяющих в случае успеха цели национальной политики (развития) и контролирующих через парламент и свободную прессу, сферу публичности (общественного мнения) исполнительную власть. Другими словами, говорить о классах невозможно (бессмысленно) без учета значимости независимого суда и наличия автономного от исполнительной власти права, автономной, то есть независимой от

¹ Отсюда часто встречающееся недоумение у тех наблюдателей-несоциологов, кто, тем не менее, следит за публикациями Левада-Центра по поводу радикального «противоречия», фиксируемого в опросах: безусловный респект по отношению к политику или функционеру, занимающему высокий пост (министра, генерального прокурора, депутата, президента и т.п.), в сочетании с более или менее откровенной убежденностью в его лживости, аморализме, злоупотреблениях властью, причастности к коррупции и прочим свойствам, которые осуждаются в обществе.

других сил, юридической корпорации, обеспечивающей права частного человека — все равно, идет ли речь о бизнесмене или наемном работнике. Вне этой системы институтов о социальной структуре речь не может идти. В противном случае можно или, точнее, нужно, приходится говорить только о статусной иерархии².

Для работы с такими значениями Вебер вводит понятие *der Stand* — сословие, социальное положение.

Как и в других случаях, Вебер в своей работе остраивает, инструментализирует социально-историческое содержание этого понятия, постепенно генерализируя его до понятия «значимый социальный статус»³. «Множество людей... судьба которых не определяется шансами собственной оценки благ или работы на рынке (как, например, рабов), не являются в техническом смысле "классом"⁴. Их поло-

² В первую очередь речь идет о материальных интересах — стремлении к увеличению доходов или о защите уже имеющихся активов, собственности. Вебер отделяет от экономических интересов вопросы прав групповой или корпоративной солидарности, поддержание ценностно-нормативной системы группы, межгрупповых границ и барьеров, поскольку все эти аспекты социальных отношений санкционированы другими институтами. Сама по себе такая постановка вопроса о строении социума заставляет говорить уже не только о непосредственной структуре целевых действий (стремления к прибыли или повышению цены наемного труда), но и о поддержании определенного социального образа жизни, включающего и образцы «необходимого» потребления. Это, в свою очередь, требует установления «генетических связей» между ценностными представлениями, определяющими «авторитетность» самого социального статуса (власть, престиж, честь, признание достоинства независимо от личности его занимающего), идеологическими или религиозными установками, этикой, рамками политических представлений и действий и т.п., а также техниками социализации, характером мобильности и многим другим, что предопределяет целевое поведение в сферах, которые воспринимаются как функциональные, как маркирующие группу (поведение капиталистически ориентированных предпринимателей, наемных работников, государственной бюрократии, свободных интеллектуалов и т.п.).

³ Так, например, он оперирует понятием «демагог», с одной стороны, остраивая античный смысл этого слова путем применения его для описания обстоятельств поведения уже во внегреческих контекстах, допустим, используя его для описания харизматического лидерства — поведения древнеизраильских пророков, а с другой — лишая его негативных коннотаций, характерных для современной политики и словоеупотребления. Подобные трансформации исходной семантики слов свойственны и обычной языковой практике: слово «благородство» исходно означало лишь высокое, аристократическое, происхождение или предполагало облако смыслов, связанных с поведением тех, кто «благороден», однако с течением времени оно все более теряло свой узко сословный смысл (аскриптивный характер), приобретая благодаря этому универсалистские — «психологические» — характеристики достойного поведения человека, оцениваемого этически. В этом случае эти черты поведения воспринимаются как качества конкретной личности, уже безотносительно к происхождению индивида, даже наоборот, отрицая зависимость достоинств от родovitости.

⁴ Можно добавить — крепостных или «государственно зависимых работников» (В. Заславский), как при социализме.

жение должно описываться в категориях принадлежности к сословию или как характеристики определенного «статуса» (*der Stand*)¹. «Сословия, в противоположность ”классам”, обычно являются общинами» [или общностями — *Gemeinschaften*. — *Прим. Л.Г.*], хотя часто они имеют аморфный вид»². «Классовое положение укоренено в ”экономическом порядке”, ”сословное” — в социальном порядке», то есть в распределении авторитета, престижа, власти, обусловленной и легитимизируемой своеобразной ”честью” (*die Ehre*)³ их обладателей, «оправдывающей их высокие позиции в социальной иерархии»⁴. «Можно, очень сильно упрощая, сказать: ”классы” членятся по отношению к производству и при-

¹ В центре социологии М. Вебера стояла проблема «судьбы западной рациональности», то есть той уникальной констелляции различных факторов и эволюционных обстоятельств, которые стали причиной возникновения «рациональных» институтов современности — рационального (промышленного, предпринимательского) капитализма, экспериментальной науки, формального права, светского, интенсивно развивающихся искусства и музыки, политики, массового управления, городской организации и других институтов социальной жизни. Поэтому для подобной исторически ориентированной социологии понятие «сословие» (*Stand*) было вполне адекватным для решения задач сравнительно-типологического анализа, оперирующего различными конструкциями уходящих или уже исчезнувших социальных форм, и сопоставления их с современными типами взаимодействия. Поэтому, если условно исходное понятие *der Stand* означало эквиваленты различных «закрытых» и иерархических социальных образований (в новой терминологии — «эксклюзивных» социальных взаимодействий), легитимизированных традицией, религиозными верованиями, обычаями и т.п. (касты, монашеские или рыцарские ордена, родоплеменные архаические «классы», вроде римского деления на патрициев, всадников, плебса, вольноотпущенников, рабов и т.п.), то конечный вариант этих конструкций должен представлять понятие «статус» в современном терминологическом смысле, то есть функциональной позиции в определенной организации или иерархической структуре. Важно при этом лишь то, что значение такого взаимодействия возникает не из действий самих участников, это не «субъективно полагаемый смысл» действующих лиц, вкладываемый ими в намерения Другого или приписываемый ими партнеру, а придаваемый взаимодействию «извне», другими инстанциями и акторами. Поэтому «честь» или авторитет, престиж квалифицированного (сертифицированного в своей компетентности государством или корпорацией) чиновника — специалиста в своей области, преподавателя, адвоката, судьи, министра обусловлена не его личностью, а занимаемой им в соответствии с определенными правилами позицией, функцией, ролью, непосредственно привязанной к статусу. Такая трактовка не противоречит сути веберовского подхода или характеру его аналитической работы.

² Там же. С. 538

³ Слово *die Ehre* имеет широкое семантическое поле, включающее не только «честь» в аскриптивно-иерархическом плане (дворянскую, офицерскую и т.п.), но и «уважение», и «почитание», «почести», «репутацию» (включая «девичью честь»), а значит, соединение внутреннего сознания собственного достоинства и внешних форм его социального признания. Последнее обстоятельство особенно существенно для социологического рассмотрения.

⁴ Там же. С. 538–539.

обретению ”товаров” и ”благ”, ”позиция” (*Stand*) — по отношению к принципам потребления благ в образе специфического ”стиля жизни”»⁵. «Рынок и экономические процессы на нем не признают никаких принципов ”взвешивая на личность”: на рынке господствуют лишь ”деловые” интересы. Рынок ничего не знает о ”чести”». «Напротив, статусный порядок есть нечто прямо противоположное: здесь социальная дифференциация и членение различных форм социального взаимодействия происходят в соответствии с представлениями о ”чести” уважении других к обладателю статуса и статусным или сословным характером уклада жизни (образом, ведением жизни — *Lebensführung*)» (с. 538). Таков, например, профессиональный статус специалиста или позиция чиновника, которые всегда связаны с социальной честью (престижем, авторитетом, придаваемым символическим авторитетом государства. «Честь» в данном случае — проекция на занимающего некий статус значений коллективного целого (без индивидуации, без ценностей субъективности).

Между действующими с чисто экономическими интересами и акторами со статусными претензиями на престиж и авторитет или аналогичными амбициями возникают острые противоречия и конфликты. «Интересанты всякого сословного членения поэтому со специфической остротой реагируют непосредственно на претензии чисто экономического приобретательства как такового и в большинстве случаев тем острее, чем более угрожающей им представляется ситуация» (с. 538). Сословное или статусное членение (иерархическая или сословная структура) социального множества — всегда препятствие для свободного развития

⁵ Или «руководства, способа ведения жизни», как можно перевести веберовское понятие *Lebensführung*. — Там же. С. 538. Еще раз подчеркну: речь идет не о нынешнем понятии «качество жизни», с которым его иногда путают, а о ценностно-обусловленном социальном порядке, лежащем вне рамок целевого или инструментального поведения, то есть не подчиняющимся критериям или соображениям пользы, оптимальности, эффективности, интересам. Характер «ведения жизни» может быть традиционно крестьянским (подчиненным требованиям неизменности обычая или условиям физического выживания), а может быть, демонстративно-потребительским, как его описывал Т. Веблен, характерным для групп, стремящихся к признанию своего статуса или ориентированных на гедонизм, поиски экзистенциального смысла или переживания «качества жизни», как у «хиппи» или «яппи» (в наших или советских условиях — модель «митьков» или «поколения дворников», внутренней эмиграции), или ориентированным на модель методического самоконтроля (как в науке) или внутреннего дисциплинирования (аскезы) в качестве соответствия каким-то внутренним религиозным задачам и пр. Важны в социологическом плане лишь последовательность и верность неким принципам или взглядам, задающим тон в выстраиваемой целостности представляемой жизни.

рынка. «Во всяком случае нигде не может быть речи о действительно свободной рыночной конкуренции (в современном смысле слова), где общность (eine Gemeinschaft) пронизана позиционной или статусной [иерархической. — Прим. Л.Г.] организацией» (с. 538). Воздействие статусной организации социальной структуры на экономику выражается в том, что она — всегда препятствие для развития свободного рынка (там же, с. 538).

Ситуация, подобная указанной Вебером, более чем знакома: это и нелегитимность в массовом сознании крупной собственности или окол властного бизнеса (появившегося после гайдаровских реформ, приватизации или путинского «капитализма для своих», госкорпораций), и претензии «бывших» чекистов на «благородство», на роль «нового дворянства» (не опричников, не слуг государевых, а именно нового дворянства, новой аристократии), и имитационный стиль правящей российской элиты со всеми «царскими выходами», наградными как бы имперскими побрякушками и ряженными из кремлевского охранного полка. Но это и упорные старания сакрализовать нынешнюю власть с помощью РПЦ и квазирелигиозных церемониалов, апеллируя к «традиционным ценностям», к необходимости защиты чувств «верующих», и геополитическая риторика «национальных интересов», «духовных скреп», «сакральных» топосов, недопустимости «фальсификации истории» и прочей демагогии, отсылающих на массовые запросы или потребности режима в консервативном социальном порядке. Вебер, кстати, рассматривал формирование нации и, соответственно, проблематику национального сознания в контексте массивизирующегося социума, где культурный престиж нации или престиж национальной культуры служил эквивалентом сословной чести. В этом случае принадлежность к нации или расе могла расцениваться как своего рода привилегированное положение своей страны (и, соответственно, индивида) в ряду других народов, что должно придавать отдельному обывателю чувство гордости и превосходства над другими людьми и странами¹. (Что опять-таки прекрасно может быть проиллюстрировано данными опросов Левада-Центра.) Но описание и разбор подобных суррогатов «чести» выходят за рамки данной статьи.

Таким образом, если следовать М. Веберу, мы имеем дело по меньшей мере с двумя (хотя их, безусловно, может быть больше) аналитическими плоскостями рассмотрения: первая —

чисто экономически определенное «классовое положение» индивида, то есть «судьба» индивида, предопределенность будущего, детерминированная констелляцией рыночных факторов, вторая — «те типические компоненты жизненной судьбы людей, которые обусловлены специфической, позитивной или негативной оценкой престижа занятий, «чести», непосредственно привязанной к возможностям контроля или руководства, «ведения» своей жизни (у Вебера — *Lebensführung*).

Смысл этих веберовских различий заключается прежде всего в прояснении возможностей аналитического прослеживания институционализации корпоративных или групповых интересов (*Vergesellschaftung*)². Классовое положение определяется по отношению либо к тем, кто обладает средствами присвоения и распределения благ, либо к тем, кто их не имеет. Но закрепление преимущественного или подчиненного, зависимого положения *этих шансов* действующих, соотнесенных с борьбой (конкуренцией) на рынке, оказывается возможным и действительным лишь посредством правовых средств, а в конечном счете благодаря определенной системе *партий*, связанных с условиями политического представительства групповых интересов и с формами их институционализации в легальном государстве. Только в этом случае сфера компетентности исполнительных органов государства ограничена судом, гражданским обществом, представительскими формами. (В противном случае мы получаем

² Вебер использует здесь свой собственный термин — *Vergesellschaftung*, исходящий из различия «общности» (или «общины») — *Gemeinschaft* и «общества» (*Gesellschaft*) Ф. Тённиса. Но, в отличие от теннисовских типологических понятий — статичных структурных образований, веберовское понятие указывает на процессуальный порядок «общества»: взаимодействие акторов в определенных рамках или социальном контексте, — непрерывающейся значимости формально-правового закрепления норм действия, а значит, внутренне осознанную индивидом связь интересов и правил взаимодействия, возможность апелляции к суду, к общему порядку жизни, построенному на ограничении частного или корпоративного, в том числе государственного, произвола. Таким образом, уже в самой системе понятий, в которых Вебер предлагает обсуждать вопросы социальной структуры, заложены представления о структурно-функциональной дифференциации социума. Тем самым внимание исследователей переключается от исключительно «вертикальной структуры» (как это было у Тённиса, у Маркса и др.) к необходимости сочетания разных, вертикальных и горизонтальных, измерений социальных образований. Понятно, что процессы структурно-функциональной дифференциации (интенсивного развития социума) могут идти только при условии формализации институциональных сфер, то есть существования разделенных в своей компетенции и уравнивающих друг друга властей, широком представительстве и участии населения в публичной жизни и т.п. атрибутам современного общества, гарантирующего неотчуждаемые права частному человеку и отсутствие произвола властей.

¹ Там же. Гл. IV, с. 234–244 и гл. VIII, с. 520–229.

централизованное тотальное государство, стратификация которого может быть лишь одного вида: иерархии соподчиненных слоев. Никакой другой точки зрения, кроме «взгляда сверху вниз», государственнического взгляда управляющего или идентифицирующегося с правящим режимом, никакого другого методологического подхода при этом быть не может. Социум предстает исключительно как целостность населения, подлежащего исчерпывающей классификации).

Из единства классового положения может, бесспорно, вырастать действие людей, ассоциированных друг с другом, составляющих социальную общность (*Gemeinschaftshandeln*), включенных в подобное взаимодействие участников, или даже формальную организацию (*Vergesellschaftung* — например, профсоюзы). Последние могут обещать отдельному индивиду достижение определенных результатов (не будучи часто в состоянии их реализовать). Но важно, что дальнейшие фазы проявления классовых интересов могут быть связаны только с институционализацией общих интересов, то есть с образованием партий и участием в общественной или политической борьбе. Однако и здесь возникают некоторые сложности: партии (то есть формальный аппарат и рациональный порядок организации) — это уже собственная сфера власти, а значит, появление других интересов, имеющих непосредственное отношение к власти, престижу, чести, авторитету, благам. Партии могут в отдельных случаях представлять интересы, обусловленные классовым положением или сословным (статусным) положением и, следовательно, производить рекрутирование своих сторонников по этим основаниям. Но они никогда не могут быть ни чисто классовыми партиями, ни чисто сословными партиями (см. там же, с. 539).

Другими словами, сама проблематика классового положения так или иначе связана с рыночными системами коммуникации, обмена, тактикой поведения на рынке, с различными вариантами кооперации и конкуренции, их институционализацией и закреплением в правовых формах — реальных и действенных, а не декларированных, как в России или в СССР. Вне этих институций говорить о классовой структуре (в современном смысле слова, а не об античных классах или кастах) становится бессмысленным.

Я специально так подробно останавливаюсь на веберовском понимании класса, поскольку авторы, которые, по их словам, продолжают

развивать его подход («неовеберянцы»), применяя те или иные «классовые» *классификации* и социально-морфологические таксономии, в том числе к нерыночным обществам или к обществам с «деформированным», как говорил Л. фон Мизес, «государственными интервенциями рынком», забывают фундаментальное обстоятельство — необходимость указывать смысловые источники статусных определений, а значит, и смысл таких определений, как доход, богатство и бедность, доступ к престижным позициям. Почему это важно?

Используемые в большинстве случаев российскими социологами таксономические классификации имеют закрытый или «вертикальный» характер. Это не просто инерция мышления в категориях «социальных тел», «социальных сущностей» или «целостностей», социальной «статики», неподвижности (а не, скажем, в понятиях социального взаимодействия). Более существенно то, что для другого видения общества нет материала: ограниченность описания социальной системы — следствие бедности общества. Такие особенности социологического видения реальности порождаются неразвитостью или, точнее, подавленностью, последовательной стерилизацией общества, а также отсутствием независимых от власти социальных сил», невозможностью помыслить то, чего нет в реальности. Проступает неявная, латентная установка на видение социума как бы сверху (точка зрения «абсолютного наблюдателя», как это принято называть в физике, бога или «начальства», патерналистской власти). Другим способом некая системность взаимодействий (а не тотальность) не может быть мысленно представлена. Управленческий подход должен представить общество или статистическое «множество» населения в категориях иерархически организованной статической модели. Напротив, Вебер свои понятия рассматривал как набор сравнительных «идеально-типологических» конструкций социального взаимодействия (а не классификаций, которые ориентированы на охват целостностей, полноты всей совокупности описываемых явлений). Его понятийные инструменты ориентированы на аналитическое разложение «тотальности» описываемого материала, на возможность видеть мотивы и смыслы действующих лиц, которые только и могут быть силами изменения или сохранения социального порядка. Поэтому весь методологический (и скрыто политический) пафос его работы направлен на сопоставления и учет смежных, синтетических

и переходных исторических и социальных форм, в которых сочетания оснований власти (престижа, авторитета, ценностей) разного рода и их коммуникативные и рыночные констелляции образуют основания единства социальных, политических, правовых и экономических порядков.

Что остается?

Правильнее было бы говорить о наличии специфической матричной системы: доминирующем значении регионального фактора, воспроизводящего структуру «центр-периферических» отношений на более низком уровне¹. В этом плане более работающей оказывается 4-модульная классификация Н.В. Зубаревич («Четыре России»), нежели общепринятая типология страт и стратификации социума в зависимости от дохода, образования, ресурсов и аспираций.

Другими словами, это означает, что социальная структура «записана» в коде социально-пространственных или «вертикальных», иерархических отношений², а не структурно-функциональных. Структурно-функциональной дифференциации институциональных отношений предшествует соответствующая социокультурная автономия и дополняющий ее универсализм общих регулятивных систем — права, суда, морали, плюрализма культуры и гражданского общества³. Без независимых социальных посредников — СМИ, публичной сферы, гражданского общества, рынка, собственности — не могут быть состоятельными системы обмена и коммуникаций, обеспечивающих артикуляцию ценностей и, соответственно, возможности автономизации отдельных групп со своими представлениями и интересами и гарантированными возможностями их защиты, политического проведения, рационализации. Преобладающее большинство россиян демонстрирует в опросах свое полное равнодушие к политике (см. Приложение, табл. 1–3), поскольку от участия в выборах обычного, ря-

дового человека ничего не зависит и ничего не меняется. Соответственно, он ни за что в общественной сфере не отвечает и отвечать не собирается.

Поэтому получаемая в опросах «средность» социального состава населения — свидетельство неразвитости или подавленности возможностей артикуляции групповых интересов, инерции госпатернализма (несмотря на весь процесс эрозии и разложения его значимости — низкого доверия, понимания, что власти не в состоянии обеспечить эти ожидания; но их функция — легитимность администрации и власти — остается почти не затронутой)⁴. Государственный патернализм (соответствующая политика, институциональные практики, культура и идеология) блокирует формирование социальных институтов современного открытого общества — системы обмена, коммуникаций, общественности, гражданского общества, представительства. Массовая индифферентность или даже подозрительность, неуважение к тем, кто обеспечивает защиту соответствующих прав, включая и гарантии частной собственности, отстаивает необходимость независимого суда, свободы слова, порождена не пропагандой, а воспроизводимыми от поколения к поколению зависимостью населения от власти, культурой повседневного насилия, обесценивающей частного человека. Именно последствия этого мы и видим в массовом тяготении к бескачественной социальной «середине» (а в антропологическом плане определении большинством населения себя как «простых», «терпеливых», «открытых»,

¹ «Пространство как проклятие России», о котором говорили многие русские философы, означает, что это не географический фактор, а социальный: консервация примитивной и к настоящему времени ставшей архаической системы государственного управления. По существу, это опрокидывание (проекция) архаической и централистской вертикали власти на «географическую» и социально-пространственную плоскость отношений.

² Управление по схеме «центр-периферия», где за центром записана функция целеполагания, команды, а за периферией — ее исполнения, то есть периферия сама по себе лишена значений самодостаточности.

³ Луман Н. Дифференциация. Общество общества. Часть IV. М.: Логос, 2006, с. 139–219.

⁴ Сознание «средности» (социальной однородности, бескачественности, невыделенности, уравнительности) — не случайные признаки, а симптомы «советского человека», описанного в работах по одноименному проекту Ю. Левады, «социальная плазма», которой легко манипулировать, но которую очень трудно изменить. Это результат специфической посттоталитарной институциональной системы и социокультурной репродукции репрессивной власти, подавляющей процессы функциональной дифференциации и формирования групповых автономий. Размытость или неопределенность — симптом сохранения или инерционности старой системы стратификации (а не признак несформированности новой социальной структуры). Тоталитарные режимы советского типа могли функционировать только при условии масштабной и долговременной политики массовизации общества, намеренного разрушения прежних или каких-либо вновь нарождавшихся «естественных» (традиционных, аскриптивных или культурно обусловленных) социальных барьеров между статусами, сословиями, группами. Поэтому нынешнее обозначение себя некоторой частью населения (более образованными группами респондентов) в качестве представителей «среднего класса» — не более чем заимствование ярлыка, присвоение знаков того, что «мы — нормальные», что «у нас все, как у других», в развитых, то есть западных, странах. Это лишь один из симптомов догоняющей модернизации, демонстративное присвоение знаков чужих образцов поведения.

то есть лишенных своеобразия и социальных качеств людей¹).

Без автономных институтов и независимо от власти общества в принципе невозможна свободная рыночная экономика, а значит, и устойчивая (воспроизводящаяся от поколения к поколению) социальная структура в ее многообразии. Вся риторика «укрепления государственности», усиления «вертикали власти» означает в действительности практику систематического подавления межгрупповых коммуникаций, обмена в первую очередь, то есть механизмов соизмерения ценностей разных групп населения, всего того, что образует «общество» в подлинном смысле этого слова (устойчивую систему отношений, основанных на взаимных интересах и солидарностях без отношений «господства-подчинения»). Советская экономика носила по преимуществу директивный планово-распределительный характер. Положение индивида было задано тарифной сеткой зарплаты или социальных пособий и выплат, а также (в некоторых случаях) негласными привилегиями и дополнительными благами, предоставляемых в зависимости от статуса в номенклатурной системе. Но жесткость системы смягчалась участием в теневом секторе экономики, возможностями получения доходов от ЛПХ, эффективность которого возрастала благодаря полупризнанным хищениям энергии, техники, семян и прочих ресурсов у колхозов или совхозов, а также доступу к неформальным или полуформальным структурам перераспределения (производственных, родственно-семейных, блатных и пр.) и т.п. Инерция этой системы оказывается чрезвычайно значительной, поскольку основная масса населения, даже спустя 25 лет после начала реформ, не обладает собственными значительными ресурсами для изменения своего положения (нет существенных накоплений, позволявших индивиду социальные маневры или мобильность). Недифференцированность социальных институтов, зависимость от власти всех остальных подсистем, прежде всего правовой сферы, судебной системы, а стало быть, необеспеченность, нелегитимность, негарантированность отношений собственности оборачиваются неустойчивостью групповых интересов и самой групповой структуры общества, общей нестабильностью и неуверенностью людей в будущем. А это, в свою очередь, лишает саму систему возможностей аккумуляции, накопления социальных ресур-

сов, могущих служить стимулами для социального морфогенезиса. Групповая структура не может формироваться, если институционально не обеспечены права собственности, неприкосновенности личности, не защищена сфера публичности как пространства выражения групповых интересов и представлений. (Оборотной стороной этого же состояния можно считать низкий уровень социального доверия — и межличностного, и институционального, то есть ограниченность социального капитала. Узкий радиус и характер доверия — солидарность и ответственность, которые возникают только по отношению к близким людям, семье, родственникам, друзьям, означают сильнейшую фрагментированность общества, отсутствие связей между большими социальными множествами и группами, не предполагающими личный, партикуляристский характер отношений²).

Отсутствие социальных и коммуникативных посредников (а не только масскультурных механизмов подражания — моды, рекламы, демонстративного потребления и т.п.) объясняет слабость, аморфность или незначимость специфических маркеров социального положения, барьеров между статусами, «классами», группами. Одновременно идет медленная эрозия инерционных советских представлений о социальной однородности российского общества — общности государственно зависимых категорий населения: работников, пенсионеров, социально уязвимых групп. Идеологически эти представления и образуют основу «единой России», к которой апеллируют кремлевские политтехнологи. Соответственно, поэтому модельной группой для постсоветского общества остается по-прежнему категория «промышленные рабочие», мнения, взгляды и интересы которых оказываются «средними» во всех смыслах и отношениях, что постоянно демонстрируют социологические опросы населения. На наш взгляд, это свидетельствует о сохранении их нормативной силы, образцовости или легитимирующей функции, на которые ориентируются другие группы, как вышестоящие, так и нижестоящие.

Но ориентация на «среднего человека» или образ жизни средних слоев по-своему означает незначимость элиты в культурном и символическом плане, то есть группы, выступающей в качестве носителей или источника образцов для всех остальных слоев и категорий населения.

¹ Простой советский человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993.

² Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 8–47; НЛО. 2012. № 117. С. 249–280.

С одной стороны, власть, обладая в силу уже сказанного слабой легитимностью, устанавливает иерархический порядок господства и подчинения, распределения материальных ресурсов, с другой — она накладывает табу и запреты на любые возможности критического осмысления и оценки своего статуса и деятельности. Поэтому сегодня мы наблюдаем противоречивые тенденции: а) усилия по закреплению позиций нынешних властных группировок путем вполне традиционных механизмов (непотизм, рассаживание родственников на доходные или ключевые позиции кормления), б) попытки утвердить этос «нового дворянства» — старания представить кадры политической полиции и спецслужб как новую аристократию, то есть придать социальным привилегиям этих групп видимость сословности, оправдание их эксклюзивного положения (их алчности и хищничества) высокими идеалами государственного служения. Можно иронизировать по поводу фантома «православного чекизма» и неуклюжих стараний закрепить права нынешних правителей — руководителей политической полиции, олигархов, «нуворишей», повторяющих манеру «мещанина во дворянстве», но нельзя не видеть в этом серьезности проблемы — неформальности принципов социальной морфологии. Никаких признаков группового или классового, слоевого, корпоративного самосознания или солидарности мы не обнаруживаем. Нет, выражаясь словами А. Грамши, классов *für sich* или *an sich*. Отсюда, нет и отличий от «других». Доминантная ориентация основной массы населения — «жить не хуже окружающих, других».

Другими словами, мы имеем дело с обществом, где нормой является стратегия «быть не хуже, чем все», то есть «немного лучше, чем совсем плохо». Ориентация на повышающуюся мобильность (стимул репрезентации своего человеческого достоинства и самоуважение, основанные на сознании своих усилий, квалификации и неотчуждаемых прав) характерна лишь для малочисленных групп, обладающих накопленными на протяжении нескольких поколений семейными ресурсами, прежде всего символическим и социальным капиталом (высшим образованием старших членов семьи, включая поколение дедов, связями, этикой добросовестного профессионального труда). Таких, по расчетам, основанным на исследованиях Левада-Центра, не более 8–12%.

Отсюда основной вывод: в практике исследований социальной стратификации в России

отсутствует политическое измерение социальной структуры (равно как и историческое измерение стратификации). Принципы социальной стратификации в России до сих пор радикально отличаются от тех обществ, которые давно прошли стадию модернизации и которые мы называем развитыми. Их система стратификации ушла от сословного членения социального состава, превратив характеристики «высокого» и «благородного», ценностно значимого из аскриптивных в достижительские, то есть «психологизировав» их, превратив их в этически-социальные характеристики признанного успеха и достижения. Такой принцип членения или социальной дифференциации базируется на двух социальных вещах (институционализированных механизмах мобильности): а) системе разделения труда (функциональной дифференциации) и вытекающих из этого императивов правового и институционального закрепления автономности (прав частной собственности, неотчуждаемых прав личности, человека, свободы слова и т.п.) и б) многочисленных или многообразных систем обмена (экономического, информационного, символического и т.п.).

В нашем случае, то есть для общества, с трудом пытающегося выйти из патерналистской системы господства и обусловленной ею социальной структуры, принципы социальной морфологии иные: процессы дифференциации идут не столько по оси функционального выделения и автономизации социальных групп, сколько по оси «власть-подчинение», по оси административного контроля и распределения ресурсов. Поэтому на первый план выходят такие факторы, как «центр-периферия» (простейший вид организации, где за центром записывается функции целеполагания /политические и контроля/, а за периферией — исполнения). Такое положение неизбежно будет сохраняться до тех пор, пока не будут исчерпаны ресурсы институциональной системы тоталитаризма (характерной для него организации власти, суда, правоохранительных органов, массового образования), пока не будет сокращена огромная доля госсектора в экономике, не исчезнет распределительный характер государственной социальной политики и т.п. Во всяком случае, пока никаких признаков массовой готовности каким-то образом представлять свои групповые права и интересы в *политическом* поле не видно. Это ставит под вопрос сам тезис о реальности социальной морфологии, природе российской структуры, то есть наличие осознанной классовой или групповой идентичности. Было

бы, наверное, слишком сильным преувеличением утверждать, что исследования социальной стратификации в России порождают эффекты «мнимости», производные от используемых процедур измерения, но и сказать, что мы получаем в ходе подобных измерений некие социальные сущности, «социальные силы», тоже нельзя.

Можно полагать, как это делает Н. Тихонова, что прошло слишком мало времени для формирования и закрепления новой социальной структуры. Но существует больше оснований, как мне представляется, считать, что невыраженность социальной структуры российского общества есть инерция социальной одномерности советской системы стратификации, то есть воспроизводство прежних институциональных механизмов организации общества. Можно сказать, что мы имеем дело с «мягким» крепостничеством, вроде того, что имело место длительное время после реформы 1861 года,

Отсутствие сильных и значимых межслоевых или статусных различий у групп, располагающихся на лестнице социальных иерархий, — следствие невозможности накопления и передачи (наследования) групповых ресурсов — семейного имущества, а значит, помимо прочего, сохранение состояния бедности основной массы населения, удержание заработной платы и жизненно необходимых расходов на предельно низком уровне простого воспроизводства. Более того, инерция авторитарного государства, парализующего возможности общественной дифференциации и автономизации социальных групп и подсистем общества, навязывающего централизованный и репрессивный контроль над рынком и общественной жизнью, порождает инфантильный фатализм населения, неспособного влиять на обстоятельства своей жизни. На время от времени задаваемый в исследованиях вопрос: «Если человек в нашей стране живет в матери-

альном смысле плохо, кто в этом главным образом виноват?», ответы (март 2006 г., N=1600) распределились следующим образом: сам человек — 25%, плохая политика властей — 56%, обстоятельства, судьба — 14%, затруднились с ответом — 5%. «Судьба» — это и есть проекция всемогущества и произвол бесконтрольной власти над обществом и бессознательное выражение собственной общественно-политической и гражданской беспомощности людей (см. Приложение, табл. 11).

Доминирование массовых ориентаций на социальную «середину», бескачественность социально-структурных самоопределений предполагает жизненные стратегии «пассивной адаптации», императивы и нормы простого социального выживания (см. данные опросов, представленные в таблицах Приложения). Если всерьез принять этот вывод, то, следуя его логике, необходимо менять всю парадигму изучения социальной стратификации в посттоталитарных обществах. Транзитологические подходы продемонстрировали свою неадекватность на постсоветском пространстве.

Аморфность социальной структуры блокирует потенциал развития общества, ресурсы модернизационных процессов, поскольку действует стратегия понижающей адаптации — приспособления к нормам поведения, задаваемым принуждением властной вертикали, наиболее организованной и консолидированной (в том числе и корпоративными интересами перераспределения активов и ресурсов власти, а также интересами удержания у власти, цинической лояльности верхам) части социума. Все это и результируется как нарастание консервативных и коррупционных эффектов, откидывающих страну в лагерь псевдотрадиционалистских стагнирующих обществ, живущих за счет доходов от сырьевой ренты и только до тех пор, пока она не кончится.

Приложение

1. Государственно зависимые категории населения и политический индифферентизм

Таблица 1
В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВАС ИНТЕРЕСУЕТ ПОЛИТИКА?

	В очень большой (2%) + в большой	В средней	В малой + вообще не интересует + 30	Готовы голосовать за ЕР	Согласны с тем, что ходить на выборы бесполезно, все остается по-прежнему*
В среднем (%)	10	37	53	40	39%
Потребительский статус					
Денег едва хватает на еду	14	32	55	38	54
Хватает на еду и одежду	9	36	55	40	52
Могут позволить ТДП	10	44	47	40	47
Профессиональный статус, занятость					
Менеджеры, управленцы	13	40	48	37	52
Служащие	9	38	53	44	60
Рабочие	9	39	54	42	59
Пенсионеры	11	42	48	38	39
Неработающие	9	23	70	38	51
Тип поселения					
Москва	5	29	67	20	43
Большой город	12	43	45	44	55
Средний город	13	39	47	36	46
Малый город	10	43	47	42	51
Село	8	28	65	43	56
Возраст					
18–24 года	5	29	66	42	60
25–39 лет	11	33	56	40	58
40–54 года	10	40	50	40	54
55 лет и старше	12	42	46	38	39
Образование					
Высшее	11	39	50	39	50
Среднее специальное	14	37	49	40	54
Среднее общее	7	35	58	41	51
Ниже среднего	6	36	58	40	51

* Вместе с затруднившимися в ответе (13%) это дает большинство в 52%.

Таблица 2
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ

	Собираются голосовать за ЕР	Собираются голосовать за другие партии*	Не будут голосовать	Согласны с тем, что ходить на выборы бесполезно, все остается по-прежнему	Затруднились с ответом
В среднем (%)	40	25	33	39	13
Денег едва хватает на еду	38	27	35	46	9
Хватает на еду и одежду	40	26	33	39	13
Могут позволить ТДП	40	28	32	34	13
Менеджеры, управленцы	37	26	36	39	13
Служащие	44	19	37	45	15
Рабочие	42	27	31	44	15
Пенсионеры	38	37	23	33	6
Неработающие	38	16	44	35	16
Москва	20	28	52	32	11
Большой город	44	24	34	39	16
Средний город	36	33	30	33	13
Малый город	42	27	31	42	9
Село	43	26	31	44	12
18–24 года	42	18	43	42	18
25–39 лет	40	21	36	42	16
40–54 года	40	24	35	44	10
55 лет и старше	38	39	24	30	9
Высшее образование	39	25	37	38	12
Среднее специальное	40	28	32	42	12
Среднее общее	41	24	34	38	13
Ниже среднего	40	32	29	37	14

* Собственно оппозиционные партии («Партия прогресса», «Парнас», «Яблоко» собирают вместе 1% голосов).

Таблица 3

1. В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ СОГЛАСНЫ С СУЖДЕНИЕМ: «ТОЛЬКО ГОЛОСУЯ НА ВЫБОРАХ, МОЖНО ПОСТРОИТЬ В РОССИИ ГОСУДАРСТВО, КОТОРОЕ БУДЕТ СЛУЖИТЬ НА БЛАГО ВСЕХ ЛЮДЕЙ?»

2. БОЛЬШИНСТВО ВАШИХ ЗНАКОМЫХ И БЛИЗКИХ СЧИТАЮТ ПРЕДСТОЯЩИЕ ВЫБОРЫ В ГОСДУМУ ВАЖНЫМ СОБЫТИЕМ В ЖИЗНИ СТРАНЫ ИЛИ ОНИ СЧИТАЮТ ИХ НЕ ВАЖНЫМ СОБЫТИЕМ?

	1		2	
	Согласны	Не согласны	Выборы – важное событие	Выборы – не важное событие
В среднем (%)	62	29	33	55
Потребительский статус семьи				
Денег едва хватает на еду	62	31	29	58
Хватает на еду и одежду	61	29	32	56
Могут позволить ТДП	61	29	38	50
Социальный статус, занятость				
Менеджеры, управленцы	59	32	34	56
Служащие	58	32	25	66
Рабочие	59	31	29	57
Пенсионеры	64	18	44	46
Неработающие	55	36	27	54
Тип поселения				
Москва	59	32	33	61
Большой город	62	29	35	53
Средний город	58	29	36	48
Малый город	67	29	32	58
Село	59	31	29	58
Возраст				
18–24 года	42	18	25	54
25–39 лет	40	21	27	60
40–54 года	40	24	30	60
55 лет и старше	38	39	45	46
Образование				
Высшее	39	25	32	54
Среднее специальное	40	28	32	57
Среднее общее	41	24	30	60
Ниже среднего	40	32	37	48

Март 2016 г., N=1600.

2. Характер «солидарности», участия в общественной жизни и в политике

Таблица 1

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ЧУВСТВУЕТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ...?

	В полной мере + в значительной мере	В незначительной мере + совершенно не чувствую	Затруднились с ответом
ВО ВСЕМ МИРЕ?			
2014	8	88	4
2015	7	89	4
В СТРАНЕ?			
2006	11	82	7
2009	7	84	9
2014	11	85	4
2015	13	83	4
В ВАШЕМ ГОРОДЕ/РАЙОНЕ?			
2006	12	82	6
2009	14	80	6
2014	17	80	3
2015	22	75	3
У ВАС НА РАБОТЕ?			
2006	27	62	11
2009	41	29	30
2014	52	35	13
В ДОМЕ, В МИКРОРАЙОНЕ, УЛИЦЕ/ДВОРЕ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ?			
2006	20	74	6
2009	46	51	3
2014	41	57	2
В ВАШЕЙ СЕМЬЕ?			
2006	88	10	2
2009	92	7	1
2014	89	10	1

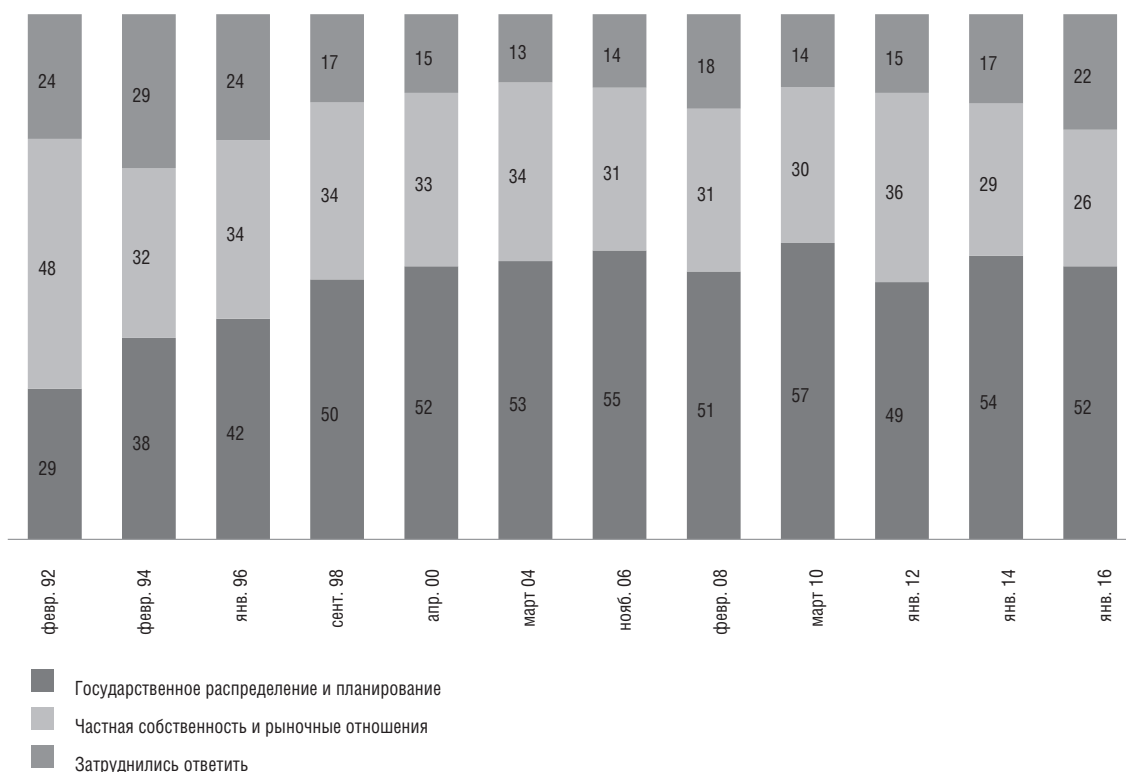
Таблица 2

ВЫ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ ВСЁ В СТРАНЕ ОСТАВАЛОСЬ ТАК, КАК БЫЛО ДО НАЧАЛА ПЕРЕСТРОЙКИ (1985)?

	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2011	2011	2015
Согласен	53	50	48	43	42	31	38	45	42	41
Не согласен	35	40	40	45	46	52	45	39	36	34
Затруднились с ответом	12	10	12	12	12	17	17	16	22	25

Сумма ответов «совершенно согласен» + «скорее согласен» и «скорее не согласен» + «совершенно не согласен»; 1995–2010 – N=1600; 2011–2015 – N=800.

Рисунок 1
ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ ТИП ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (%)

3. Государственно-патерналистские установки населения

Таблица 1
ЧЕГО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ, СЕЙЧАС БОЛЬШЕ ВСЕГО ЖДУТ ОТ ВЛАСТИ?

Год / Месяц опроса	2003 VII	2008 VIII	2012 IX	2014 V	2015 V
Заботы о материальном благополучии граждан	50	50	46	42	47
Поддержания порядка в обществе	20	14	16	21	13
Защиты законных прав и свобод граждан	10	15	15	14	17
Уменьшения налогов	5	7	7	4	7
Чтобы их оставили в покое	3	3	2	2	2
Ничего особенно не ждут	10	9	12	14	12
Затрудняюсь ответить	2	2	2	3	2
Число опрошенных	2 000	1 500	2 000	800	800

Таблица 2

КАК БЫ ВЫ ОПРЕДЕЛИЛИ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НАШЕМ ГОСУДАРСТВЕ?

	1999	2008	2009
Полноправный гражданин России, имеющий возможность влиять на власти через выборы, печать и др.	4	16	13
Не могу чувствовать себя полноправным гражданином, поскольку мои права слишком часто нарушаются	-*	23	24
Человек, жизнь которого во всем зависит от власти, от государства	27	17	18
Человек, который живет, полагаясь во всем только на себя, не задумываясь о гражданских правах и не рассчитывая на государство	57	35	41
Затрудняюсь ответить	12	9	5

* Этого варианта ответа в опросе 1999 г. не было. N=1600.

Таблица 3

КАКОЕ СУЖДЕНИЕ В БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ СООТВЕТСТВУЕТ ВАШЕМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЮ О СУДЬБЕ...? (в % к числу опрошенных)

	1997 IV	2001 X	2015 IX
Судьба существует. Когда человек действует в соответствии с предопределенной ему судьбой – он счастлив, а когда идет против предопределения – страдает	22	25	21
Судьба существует. И счастье, и страдания предопределены человеку независимо от того, что он делает, – каждый получает то, что ему «на роду написано»	47	42	40
Нет никакой судьбы – в жизни человека нет ничего предопределенного заранее. Человек сам делает себя счастливым или несчастным	30	31	39
Доля фаталистов	69	77	61

N=1600.

НАЦИОНАЛИЗМ, КСЕНОФОБИЯ, АНТИСЕМИТИЗМ

Эмиль ПАИН

Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания

Национализм: теоретические ориентиры¹

В научной литературе накопилось столь значительное разнообразие определений национализма, что одно только их перечисление заняло бы неоправданно много места, и, поскольку в данной статье такая задача не ставится, лишь обозначу свои теоретические ориентиры в выборе теории национализма. Я опираюсь на самую распространенную в академических кругах парадигму, рассматривающую национализм прежде всего как *исторически молодое, появившееся лишь в эпоху модерна идейно-политическое движение, направленное на утверждение ведущей политической роли общества (нации) по отношению к государству*. На мой взгляд, примерно так можно обобщить сходство подходов таких классиков теории нации и национализма, как Э. Ренан, Х. Сетон-Утсон, Г. Кон, Э. Геллнер, М. Грох, К. Калхун, Э. Хобсбаум и другие: все они рассматривали нации как социально-политические конструкторы, которые сложились в новое время и лишь кажутся «естественными», всегда существовавшими и «само собой разумеющимися»². Некоторые авторы датировали период зарождения национализма в Европе XVII веком³, большинство же исследователей относят появление политической формы национализма к концу XVIII – началу XIX в. и чаще всего связывают это с Великой французской революцией, с «борьбой третьего сословия против монархического правления за обще-

народное представительство»⁴. Национализм складывался в процессе борьбы за вытеснение суверенитета монарха народным суверенитетом или, иными словами, суверенитетом нации (от французского «народ» — nation), а также в процессе смены базового типа социальной идентификации — вытеснения подданнической лояльности монарху или вождю гражданской идентичностью.

Национализм развивается, формируется по поводу отношения общества (нации) к государству и может эксплуатироваться государством, однако является категорией общества, а не государства⁵. И этот социетальный подход к оценке национализма преобладает в современных академических кругах по сравнению с парадигмой отождествления национализма с этатизмом, «державностью». Для характеристики этатизма используется другой термин — «шовинизм». В середине XIX в. этот термин был заимствован из французского большинством европейских языков и трактовался в толковых словарях как «бурное патриотическое настроение воинственного характера»⁶. Во всех случаях в толкованиях речь шла о психологически форсированном подчеркивании превосходства своей страны (не нации) над другими странами. Шовинизм не тождественен национализму, потому что отражает иной тип ценностей, а именно ценностей этатизма, подчинения интересов личности и групп, включая этнические сообще-

¹ Статья подготовлена в рамках научной работы по гранту Российского научного фонда (РНФ) № 15-18-00064.

² Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 27.

³ Seton-Watson Hugh. Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism, Westview Press, Boulder, Colorado, 1977, pp. 1–13.

⁴ Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 4.

⁵ Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 5.

⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Санкт-Петербург, 1890–1907.

ства, государству, тогда как национализм базируется на ценностях социетальных, относящихся к обществу.

Отношение к народному суверенитету и участию во власти — это базовые признаки как политической нации, так и гражданско-политического национализма. Вместе с тем упомянутые мной сторонники гражданско-политической трактовки национализма отмечали важность его культурной компоненты. Например, Мирослав Грох считал, что культурное основание национальных движений (забота о собственном этническом языке, литературе, исторической памяти, символах и др.) предшествует политизации национализма и превращению его во влиятельную политическую силу¹. Другие же, например Эрнест Геллнер, доказывали, что уже пришедший к власти национализм использует культуру для национальной консолидации². Победивший национализм, как правило, добивается введения в государстве единообразного культурного кода и прежде всего закрепления некоего этнического языка в качестве общенационального, государственного. Значительно реже победивший национализм соглашается на введение в качестве государственных нескольких языков.

Подходы М. Хроча и Э. Геллнера не противоречат другу, а, скорее, выступают как взаимно дополняющие, поскольку этнокультурные и гражданско-политические компоненты национализма могут взаимодействовать на разных стадиях развития этого идейно-политического феномена. К тому же и соотношение этнокультурных, гражданско-политических и этатистских компонент национализма было неодинаковым на разных этапах истории многих стран, поэтому большая часть одномерных и статичных классификаций национализма как «гражданского», «этнического», «государственного», «имперского» и других сильно упрощают реальное содержание национализма в той или иной стране, упуская из виду историческую динамику образа и сущности этого явления. Так, русский национализм зачастую считали сугубо этническим, определяя его как идеологию национального превосходства и исключительности³. Такой тип национализма противопоставлялся французскому как образцу гражданского национализма. Вместе с тем новейшие исто-

рические исследования показывают, что идея нации и национализм в обеих странах меняла свое содержание, порой до полной инверсии. Как показывает российский опыт, эти перемены были связаны не столько с «национальной традицией», сколько с интересами «тех конкретных социальных сил, которые в разные эпохи стояли за той или иной формой национализма»⁴.

Трансформация русского национализма: от декабристов к черносотенцам

Анализ эволюции идеи нации и связанных с этим перемен в идеологии русского национализма позволяет выделить несколько исторических этапов данного процесса⁵.

1. *Появление идеи гражданской концепции нации как знамени народного суверенитета, народного представительства и конституционного строя (1790–1833 гг.).*

Такая трактовка нации появилась задолго до официального государственного национализма и этнической трактовки нации, и в течение нескольких десятилетий именно она доминировала в России. В той или иной форме эту идею отстаивали дворянские революционеры (названные позднее, после восстания 14 декабря 1825 г., «декабристами»), требовавшие ограничения самодержавия в России либо за счет установления конституционной монархии, либо путем введения республиканского строя. Декабристов некоторые исследователи определяют как первых представителей идеологии национализма в России⁶. В такой же гражданской трактовке идею нации использовал в 1797 году будущий император Александр I (тогда наследник престола), который заявлял, что, став царем, он дарует России конституцию и «нация изберет своих представителей». Однако после восстания декабристов, воцарения Николая I (и особенно польского восстания 1830–1831 гг., с его лозунгами национального суверенитета) «прежний дискурс о нации и национальном представительстве как желанной, хотя и труднодостижимой цели, сменился в позиции официальных кругов отрицанием конституции

¹ Hroch M. Social Conditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations, Cambridge, 1985.

² Геллнер Э. Указ. соч., 1991.

³ Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 878. Толодов Г.Т. Этнология. М., 2002. С. 339.

⁴ Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 7.

⁵ Подробнее о динамике русского национализма и связанном с ним «имперском синдроме» см.: Паин Э.А. Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 54–71.

⁶ Сергеев С. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. 2010. № 2. Доступно в интернете: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiyy/8624-vosstanovlenie-svobody.html.

и национального представительства как неуместных для России в принципе»¹.

2. *Огосударствление идеи нации — эпоха официальной народности (1833–1863 гг.)*

Одним из важнейших средств умерщвления идеи гражданского национализма стала его замена и вытеснение другими квазиподобными. В 1833 г. при вступлении в должность министра просвещения Сергей Уваров изложил формулу, ставшую знаменитой: «Православие. Самодержавие. Народность». Эта триада должна была выступать заслоном на пути европейского свободомыслия и антитезой другой триаде: «Свобода. Равенство. Братство», — базовым идеям Французской революции, которые по мнению российских консерваторов указанного времени органично неприемлемы для русского народа. Основной новацией в формуле С. Уварова являлось понятие «народность», в честь которой и вся доктрина получила название «официальная народность». Под ней понималась прежде всего «преданность России собственным традициям и самобытному пути», противоположному западным моделям (сейчас аналогичная концепция называется «особый путь России»). «Особый дух» русской народности состоит в преданности православию и самодержавию. Легитимация народом прав монарха на правление недопустима. Власть царя от бога, но народность предписывает царю моральное обязательство любить свой народ. Он отец народа, поэтому подданные, как его дети, должны свято почитать своего самодержавного отца. Таковы ключевые идеи доктрины «официальной народности».

3. *Начало этнизации идеи нации; появление русского этнического национализма (1863–1890)*

Понятие «народность» плохо приживалось не только в русском языке, но и в политическом обиходе. Даже славянофилы 1840–1850-х гг. (Константин и Иван Аксаковы, Александр Кошелев, Юрий Самарин и др.) считали доктрину официальной народности «душевредным деспотизмом» и «угнетательской системой». Все это побуждало идеологов-охранителей самодержавия продолжать поиски других терминов взамен крамольной «нации». Граф Петр Валуев, один из высших сановников царя Александра II (в 1860–1880-е гг.), обосновывал необходимость замены понятия *нация* (*la nation*) как сугубо политической категории понятием *национальность* (*la nationalité*) — сугубо фольклорным понятием, отражающим специфику культуры

и обычаев народа. Со временем понятие «национальность» в России прижилось в том понимании, в каком с середины XX в. в академических кругах стали определять «этничность» или «этническую идентичность» — общности людей, связанных самоназванием (этнонимом), субъективным представлением об общем происхождении (этническим самосознанием), а также некоторыми особенностями культуры, закрепленными в межпоколенной трансляции². П. Валуев ввел в политический оборот и понятие «национальный вопрос» (впервые употребил это словосочетание в донесении царю о ситуации на Украине от 1863 г.)³. Первоначально это понятие имело сугубо негативную коннотацию и означало угрозу национального (сейчас сказали бы «этнического») сепаратизма. Чужой этнический национализм оценивался негативно, а русский?

С каждым последующим десятилетием российской истории национальная проблематика в России уходила от своих гражданских корней и приобретала все более яркую этническую окраску. Она трактовалась с позиций эссенциализма как некий набор незыблемых свойств, фатально присущих тому или иному народу (этнической нации). С конца 1890-х гг. российские славянофилы в споре с оппонентами-западниками стали активно развивать идею С. Уварова о принципиальных и навеки предопределенных различиях между русским народом и нациями Запада. При этом славянофилы 1890-х (Николай Данилевский, Константин Леонтьев, Василий Розанов и др.) отказались от наследия своих предшественников, славянофилов середины XIX в., зато освоили восходящую к Гердеру немецкую мистическую идею «национального духа», оказавшую ранее сильное влияние и на С. Уварова, а впоследствии развивавшуюся в доктрину «Особый путь Германии» (нем. *Deutscher Sonderweg*). Поздние славянофилы активно развивали идеи особого пути России и противопоставляли особенности национального духа русского народа (терпимость, сердечность, душевность, великодушие, соборность) обобщенному образу западного менталитета, которому якобы всегда присущи эгоизм, жадность, лживость, холодная расчетливость. Из кругов поздних славянофилов выросло и то идеологическое течение, которое стало именоваться «русские националисты».

¹ Миллер А. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (<http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/m22-pr.html>).

² Dictionary of Race and Ethnic Relation. 4th ed. N.Y. 1966, p. 124. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука. С. 57–58.

³ Миллер А. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (<http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/m22-pr.html>).

4. *Политическое оформление русского имперского и агрессивно ксенофобного национализма (1905–1917 гг.).*

Первая легальная партия русских националистов «Союз Русского Народа», возникшая в 1905 г., определила в качестве важнейшей программной цели своей политической деятельности служение самодержавию и сохранение империи: «Союз Русского Народа... поставляет своим священным непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоеванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства»¹. В это же время политически оформилось и крайне правое, радикальное крыло русского национализма, в программных документах которого идеи монархизма соединялись с ксенофобией и прежде всего с антисемитизмом. Оно получило обобщенное название «черносотенцы», выступало с призывами еврейских погромов и организовывало их, так же как и убийство депутатов Государственной думы, евреев М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса². Первоначально именно черносотенцы выдвинули лозунг «Россия для русских» и ставший затем общим для русских националистов *принцип политического доминирования этнических русских в империи*, выразившийся в требовании предоставления преимущественных прав в ней этническим русским – русской нации.

Итак, идея нации, появившаяся в России в конце XVIII в. как один из признаков ожидания революционных перемен, прежде всего конституционного порядка и ограничения самодержавия, выродилась в конце XIX в. в идеологию охраны самодержавия и имперского устройства. С этого времени под русским национализмом в России понимали организационно оформленные группы, выражающие идеи национального эгоизма, великодержавного шовинизма и ксенофобии. После периода запрета в советские годы такой национализм возродился вновь в 1990-е уже в постсоветской России – первоначально как оппозиционная политическая сила, противостоящая идеям (официально провозглашаемым тогда) модернизации, либерализма, федерализма и толерантности. С начала 2000-х гг. имперский национализм становится политическим попутчиком российской власти. Однако на волне подъема в России политических протестов

¹ См. Программа Союза Русского Народа / Библиотека Якова Кротова – <http://krotov.info/acts/20/1900/1906anti.html>.

² *Степанов С. А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013.

в 2010–2012 гг. ясно проявились черты совершенно нового русского национализма.

Короткая жизнь антиимперского, «национал-демократического» русского национализма

Попытаюсь кратко охарактеризовать новое течение в национализме, названное его апологетами «национал-демократическим»³.

Антиимперский характер нового национализма. К. Крылов, один из самых популярных теоретиков «нового» национализма, подчеркивал, что сам национализм в России начал зарождаться только тогда, когда перешел от имперских, державных ценностей к идеям защиты общества-нации. Такой переход обозначился, по мнению указанного националистического идеолога, в первой декаде 2000-х: «Начнем с того, что русский национализм в собственном смысле слова – явление, по сути, новое. Я отсчитываю его историю примерно с середины двухтысячных»⁴. Русский национализм зародился как имперский, и до конца 1990-х годов в движении, которое по мысли Крылова необоснованно называлось русским национализмом, почти «все сводилось к мечтам на тему “как бы нам обустроить империю”». Национал-демократы же исходили из убеждения, что последовательный национализм противоположен имперской идеологии, отстаивающей не народный суверенитет, а суверенитет повелителя. Национализм, как отмечал К. Крылов, «*считает, что государство – ценность вторичная. Страна существует для народа, а не народ для страны*»⁵.

Антисоветизм. Отказ от идеи империи, переосмысление роли государства и общества привели немалую часть русских националистов и к переосмыслению сталинизма, который русские националисты 1990-х гг. выдвигали в качестве своего знамени – именно Сталин, по их мнению, «собрал русские земли» и необъятно расширил территорию империи русских. «Когда советское государство развалилось, – писал Крылов, – все идейно русские силы выступили на стороне коммунистов. И в результате они не смогли выжать из себя ничего кроме “красно-коричневого синтеза”», что, по мнению этого идеолога «подлинного национализма», привело

³ Более подробный анализ этого движения и мои оценки его см.: *Паин Э.А.* Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // *Общественные науки и современность*. 2015. № 2. С. 54–71.

⁴ *Крылов К.* Лучшие демократы получают из бывших фашистов. 10 мая 2010 – Доступ: <http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.htm>.

⁵ Там же.

его к краху. В 2010 г. ситуация радикально изменилась, предложив националистам совершенно новую идею: «**Национализм и демократия — это практически одно и то же**»¹.

Оппозиционность властям, «демократический поворот». Первым признаком того, что позднее назвали *демократическим поворотом* русского национализма, стало формирование в его недрах «антисоветской платформы». Одним из ярких ее примеров было создание отдельной антисоветской колонны на «Русском марше-2012»². После этого многие националистические лидеры все чаще в своих выступлениях стали открещиваться не только от сталинизма, но и от авторитаризма как политического принципа. Примечательной особенностью нового русского национализма стала его демонстративная оппозиционность по отношению к действующей власти. Обвинения в ее адрес выдвигали почти все идеологи русского национализма, и сводились эти обвинения к упрекам в целенаправленном подавлении русского национального движения, а то и всей русской нации, в невнимании к проблемам русского большинства, в нежелании властей бороться с наплывом мигрантов в крупные города. Подобные упреки властям выдвигались русскими националистами и в 1990-е гг., но тогда эти обвинения не связывались с требованиями демократизации, а к концу первой декады 2000-х появились признаки такого сочетания. Представители национал-демократической оппозиции стали появляться и выступать на оппозиционных митингах. Так, в Москве на митингах «за честные выборы» в 2011–2013 гг. участвовали лидеры Национал-демократической партии Константин Крылов, Владимир Тор, Ростислав Антонов, Александр Храмов и другие. Еще более определенно идеи национал-демократии отстаивали идеологи «Национал-демократического альянса» Алексей Широпаев и Илья Лазаренко. Признаки национал-демократии прослеживались и в публичных выступлениях Валерия Соловья — лидера партии «Новая сила».

На стыке национал-демократии и противоположной ей державно-имперской модели национализма формировались идеи Егора Просвирнина — создателя и действующего лидера модного националистического интернет-проекта *Sputnik & Pogrom*³. Это одна из самых

противоречивых фигур в рядах русских националистов. В своих программных текстах в 2010–2012 гг. он яростно критиковал советский коммунистический режим, метафорически сравнивая его с ночью («...посреди ясного русского дня внезапно наступила черная коммунистическая ночь⁴»), и уделял больше внимание необходимости демократических перемен на благо этнических русских: «*Своим идеалом мы видим русское национальное демократическое правовое государство, с экономической жизнью, построенной на началах законности и свободной конкуренции*»⁵. Все это сближало Просвирнина с национал-демократическим течением в русском национализме. Вместе с тем антилиберальная риторика большинства текстов *Sputnik & Pogrom*, сквозящая в них идея территориального реванша и экспансии постоянно выдавали идейное родство Просвирнина с идеологией основной массы имперских националистов.

Особенно рельефно различия между традиционными советско-имперскими и новыми русскими националистами, представителями национал-демократического крыла, проявились зимой 2013–2014 гг. в период выступления украинской политической оппозиции в Киеве, на Майдане. В это время значительная часть национал-демократов в той или иной мере поддержали протестующих на Майдане. Наиболее последовательно это сделал НДА. Лидер этой организации Алексей Широпаев назвал события в Киеве «антиколониальной, демократической, европейской (в плане цивилизационного вектора) революцией»⁶. С большей осторожностью оценивали Майдан русские националисты, группирующиеся вокруг Национал-демократической партии (НДП), но и они не скрывали свою поддержку Майдану. Однако после присоединения Крыма к России оппозиция из числа русских националистов стала быстро уменьшаться. Например, Егор Просвирнин, недавний едкий критик власти, не скрывал поддержки ее действий в крымском кризисе и радостно приветствовал вхождение полуострова в состав России. Изменение своей позиции он прокомментировал в одном из текстов на сайте: «И то, что Путин после десяти-

¹ Там же.

² Манифест антисоветской колонны на «Русском марше-2012». — Форум Братства Ревнителю Православия. — Доступ: <http://forum.pravbrat.ru/index.php/topic,363.0.html>.

³ Sputnik & Pogrom. Официальный сайт — Доступ: <http://sputnikipogrom.com>.

⁴ Там же. — Доступ: <http://sputnikipogrom.com/russia/1011/russianpraying/>.

⁵ Там же. — Доступ: <http://sputnikipogrom.com/mustread/12442/sp-values/> <http://sputnikipogrom.com/history/8307/liberaljuggler/>.

⁶ Широпаев А. Об Украине и исторических связях. — Русская Фабула. — Доступ: <http://rufabula.com/articles/2014/01/31/about-ukraine-and-historical-ties>.

тилетий сдачи русских интересов везде и всюду вдруг вспомнил, что Крым – русская земля, вообще-то хорошо... Ругать Путина за то, что он начал выполнять часть нашей программы, как минимум странно»¹.

Угасание русской национал-демократии. После присоединения Крыма к России оказалось, что преодолеть имперские стереотипы не удалось даже национал-демократической элите русских националистов, во всяком случае, подавляющему их большинству. Русский национализм утратил свою временную оппозиционность власти. В его рядах возросла популярность президента В. Путина и «великого вождя народов» И. Сталина. Однако такой поворот вовсе не означает возрождение левого просталинского национализма 1990-х гг. Русский национализм посткрымского времени в целом стал частью единой и внутренне слабо дифференцированной массы сторонников идеи великой державы, испытывающих гордость и большой эмоциональный подъем за действия российских вооруженных сил в Крыму, на Донбассе, в Сирии. Значительно усилились антизападные настроения. В результате такого идейного растворения в общем потоке агрессивного патриотизма русский национализм **потерял идейное своеобразие, свой особый предмет политической активности и по этой причине утратил идейную основу для консолидации даже своих бывших сторонников.**

Сергей Простаков проанализировал активность (февраль – начало марта 2016 г.) националистической интернет-группы «Я русский» (http://vk.com/yarusskiy_org), насчитывающей около 240 тыс. участников. «Это одно из крупнейших и старейших русских националистических объединений в интернете. Риторика и тематика группы являются во многом мейнстримом для всего русского национализма»². Анализ показал:

1. *Значительное снижение активности посетителей этого сайта* – количество сообщений сократилось более чем вдвое по сравнению с аналогичными периодами в прошлом.

2. *Потерю специфического предмета обсуждений* – ныне он ничем не отличается от того, который наблюдается вне идеологических групп интернет-сообществ и в тех социаль-

ных медиа, которые не причисляют себя к националистическим. Из 60 сообщений в этом сообществе 43 (72%) были посвящены темам, не имеющим ни малейших признаков националистической специфики, но весьма характерным для нынешнего общественного дискурса в России. Обсуждались: конфликт на Украине, мнимые, но с надеждой ожидаемые многими российскими гражданами экономические проблемы в США (в частности, рост государственного долга этой страны), политическая активность кандидата в президенты США Д. Трампа, которому националисты, как и прочие сторонники Путина, симпатизируют. В субботу 27 февраля националисты отмечали в качестве радостного праздника «День Сил специальных операций ВС РФ» (официально введен Указом президента РФ № 103 от 26 февраля 2015 как профессиональный праздник), который в данной группе, как и в широком российском обиходе, называют «Днем вежливых людей» – героев-покорителей Крыма. Националисты восхищаются ими и демонстрируют по этому случаю высокий подъем своих государственно-патриотических эмоций. Напомню, что именно «*бурное патриотическое настроение воинственного характера*» некогда (в словаре Брокгауза и Эфрона) называлось великодержавным шовинизмом. Вместе с тем такой подъем великодержавных эмоций у русских националистов проявляется ничуть не сильнее, чем у других сторонников лозунга «Крым наш!», не называющих себя националистами. На фоне этих доминирующих настроений совсем потерялось единственное за месяц сообщение, связанное с Кавказом, в котором рассказывалось о сотрудничестве чеченцев с фашистской Германией во время Второй мировой войны. Между тем еще в 2014 г. подобный сюжет, несомненно, был бы одним из самых обсуждаемых в этой интернет-группе, поскольку тогда лозунг «Долой Кавказ» (вместе с лозунгом «Россия для русских!») был важнейшим в идейной мобилизации русских националистов. Тогда эта тематика была характерна преимущественно для русских националистов и выделяла их в общей массе интернет-пользователей³.

3. *Эпизодическое появление стандартных стимулов для оживления русского национализма.* Прежде всего, это этнические и религиозные фобии, их основной источник – мигранты. Событие, вызвавшее рекордное число сообще-

¹ Просвирнин Е. Зачем «Спутник и Погром» проданся Кремлю? – Sputnik&Pogrom – 28.02.2014 – Доступ: <http://sputnikpogrom.com/russia/9581/lets-work-for-our-supreme-leader-putin/> http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html.

² С. Простаков. Интернет как зеркало русского национализма – 06.03.2016. – Доступ: <https://openrussia.org/post/view/13316/>.

³ Интернет и идеологические движения в России: коллективная монография / сост. Г. Никопорец-Такигава, Э. Паин. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 106–120.

ний (16 за один день), произошло 29 февраля, когда в Москве няня из Узбекистана убила порученного ей ребенка и принесла его голову к станции метро «Октябрьское поле». Сам факт того, что иррационально жестоким убийцей оказалась женщина-узбечка, которая к тому же выкрикивала исламистские лозунги, объясняет повышенное внимание к этому событию русских националистов. В комментариях по этому поводу ими была отброшена демонстративная лояльность к властям. Больше всего упреков досталось от них контролируемым властями телевидению, которое не сообщило стране о произошедшей в Москве трагедии и о жестокости «азиатских мигрантов», однако уже через пару дней эта трагедия перестала обсуждаться и в националистических интернет-сообществах.

Вероятность повторения эксцессов с участием мигрантов в России велика, соответственно, и новый подъем негативной консолидации русских националистов против мигрантов вполне возможен, однако пока ситуация иная, и есть основания констатировать, что в России *наблюдается один из самых низких за постсоветские годы уровней проявления не только гражданской, но и этнической солидарности русских националистов.*

Этот вывод хорошо согласуется с общими тенденциями изменений в массовом сознании жителей России в посткрымскую эпоху. Впервые, переключение интересов масс с традиционных внутренних проблем страны, в том числе и этнических, на «более важные» государственные вопросы – присоединение Крыма, конфликт в Донбассе, а также «происки Запада», связанные с Украиной¹. Во-вторых, изменение структуры этнических фобий. Так, наиболее характерные для постсоветского времени фобии к представителям народов Кавказа и Средней Азии несколько ослабли, зато в разряд «чужих» стали попадать представители этнических общностей, которые традиционно русскими людьми считались «своими» и «близкими». Социологи Левада-Центра зафиксировали в 2014–2015 гг. самый низкий за последние пять лет уровень неприязни жителей России к представителям других национальностей. Такую враждебность ощущали (с признаками «очень часто» и «довольно часто» в сумме) 13% опрошенных в 2015 г. и 14% в 2014 г., тогда как во все предыдущие годы до 2010-го –

19–20%². Вместе с тем на фоне относительного уменьшения признаков абстрактной этнофобии россиян к «другим национальностям» бросается в глаза взлет их негативного отношения к украинцам, которых еще недавно русские люди (более 80% опрошенных составляют этнические русские) называли «братья» или «такие же русские, как мы». Об этом можно судить по изменению доли респондентов, выразивших самую радикальную форму этнической неприязни и ответивших положительно на вопрос: «Следует ли ограничить проживание в России людям следующих национальностей?» Применительно к украинцам доля положительных ответов быстро росла. Так отвечали: 1% респондентов в начале 2014 г, 8% в конце того же года, 14% – в 2015 г. (во все предыдущие годы, начиная с 2004-го, такие ответы составляли единицы процентов)³. Это пример того, как этатистские, имперские ценности подавляют устоявшиеся этнические стереотипы.

Особенности самоидентификации этнического большинства

Даже в период общественного подъема и роста популярности национал-демократии ее теоретики отмечали, что освобождение русского национализма от советской, имперской идеологии происходит труднее всего и в самую последнюю очередь⁴. Посткрымская Россия показала, что вместо освобождения пока наблюдается рост влияния имперской идеологии среди участников националистических движений. Возможно, в какой-то мере это связано с тем, что у этнических русских (социальной базы русских националистов) государственная идентичность устойчиво превалирует (если рассматривать статистическое большинство представителей этого сообщества) над национальной в любом ее понимании. О таком соотношении идентичностей свидетельствуют этносоциологические исследования, проведенные в 1980-е, 1990-е и в 2000-е гг. коллективами ученых этносоциологов под руководством Ю. Арутюняна и Л. Дробижевой.

На закате советской эпохи, в 1988 г., когда в ряде союзных республик растущий этноцентризм стал получать политическое оформление и уже появились «Национальные фронты», большинство этнических русских все еще демонстрировали полное доминирование в сознании

¹ Результаты опроса общественного мнения по этому поводу см.: Общественное мнение -2015. Разделы: 24. «Украина»; 25 «Санкции Европы и США» и 26.2. «Россия и Запад». М.: Левада-Центр. С. 217–258.

² Общественное мнение-2015. М.: Левада-Центр, 2016. С. 195.

³ Общественное мнение-2015. М.: Левада-Центр, 2016. С. 198.

⁴ Крылов К. Лучшие демократы получают из бывших фашистов. 10 мая 2010 – Доступ: <http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.html>.

территориально-государственной идентичности над этнической. Тогда 78% респондентов (по данным социологических опросов Института этнологии и антропологии АН СССР) признавали себя «советскими», и только 15% называли себя русскими, в то время как у выбранных для сравнения групп (узбеков, грузин и эстонцев) этническая идентичность преобладала¹. Те же исследования показали значительно меньшее внимание русских к своей национальной культуре и истории. Например, отвечая на вопрос о наиболее важных проблемах, на которые следует обратить внимание, не более 10% русских, проживающих в республиках (и существенно меньше в среде русских, проживавших в своей этнической среде в Российской Федерации), назвали «развитие своей национальной культуры», тогда как у узбеков, грузин и эстонцев важность такого развития признавали от 30 до 50% опрошенных². Меньшее внимание русские респонденты проявляли и в отношении интереса к литературе о прошлом своей этнической группы, к идее общности исторических судеб как фактора этнического сплочения, национальной символике и ряду других тем, используемых социологами в качестве индикаторов этнокультурной идентичности³.

В первые постсоветские годы (1991–1993) рост этнического самосознания и этнического традиционализма охватил уже и Российскую Федерацию. Элиты и народные массы всех российских республик (Башкирия, Татарстан, Республика Дагестан и др.) продемонстрировали в это время так называемый «парад суверенитетов» — стремление к большей автономии, ссылаясь при этом на свои национальные (этнические) особенности. В Чечне национальное движение провозгласило выход из состава Российской Федерации. Однако и в этих условиях самоидентификация русских мало изменилась по сравнению с советскими годами: более 80% русских демонстрировали этнический нигилизм, безразличие, подчеркивая в опросном листе подсказку: «Я никогда не задумывался, какой они национальности». Лишь 8% указывали: «Я никогда не забываю, что я русский»⁴. В 1994–1996 гг. отмечался пик роста этнического самосознания большинства народов Российской Федерации. Многочисленные этнические

конфликты, развивавшиеся в эти годы, этнический сепаратизм и так называемая «Чеченская война» — все это не могло не стимулировать рост этнического самосознания русских. Такой подъем был зафиксирован в ряде социологических исследований, хотя и в это время явно выраженная этническая идентичность («я никогда не забываю, что я русский») проявлялась не более чем у четверти опрошенных русских, тогда как в среде других обследованных групп в России (башкир, татар, осетин и якутов) этот подъем охватывал свыше половины, а у осетин — две трети опрошенных⁵. При этом рост этнического самосознания русских в значительной мере стал ответом на предшествовавшее возбуждение этнических меньшинств, поэтому к концу 1990-х годов, когда этнополитический подъем стал спадать у большинства этнических групп России, у этнических русских полностью восстановилось доминирующее государственно-территориальное самосознание. Так, в 1999 г. 79% опрошенных русских определяли себя как граждане России, в то время как, например, среди опрошенных якутов такая идентификация по исследованиям 1994 и 1999 гг. была характерна менее чем для 20% респондентов⁶.

У этнического большинства России развивается не этнический, а государственный державный традиционализм — ощущение гордости за принадлежность к государству с тысячелетней историей, в котором главные события связаны с военными победами и завоеванными территориями. Об этом можно судить по устойчивому пантеону героев, в котором в опросах первой декады 2000-х доминировали цари, вожди и полководцы: Петр I, Александр Невский, Дмитрий Донской, Екатерина II, Иван Грозный, Иосиф Сталин, Георгий Жуков. Лишь космонавт Юрий Гагарин, попав в десятку эпических героев России, нарушал эту стройную колонну державных героев в историческом сознании россиян. В качестве ключевого события истории в оценках русских людей бесспорно, с большим отрывом, выделяется Великая Отечественная война⁷. В таких оценках проявилась

⁵ Там же.

⁶ Российская идентичность в Москве и в регионах/ отв. ред. Л.М. Дробужева; М.: ИС РАН, 2009. С. 32.

⁷ См. обзор социологических исследований конца 1990-х — начала 2000-х гг. на эту тему: Горкунова О.С. Массовое историческое сознание россиян на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. Выпуск № 2 (139). Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-istoricheskoe-soznanie-rossiyan-rubezha-xx-xxi-vv#ixzz3yHUfqm8p>.

¹ Арутюнян Ю.В., Дробужева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Наука, 1999. С. 165.

² Русские (Этносоциологические очерки). М.: Наука, 1992. С. 399.

³ Русские (Этносоциологические очерки). М.: Наука, 1992. С. 399–400.

⁴ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 185.

одна из особенностей русского национально-го сознания, отличающая его от коллективных представлений, например, немцев. Если немецкое общество, породившее германский тоталитаризм, ныне связывает с ним национальную катастрофу, поражение в войне, то русское общество под воздействием пропагандистских усилий оказалось способным связать со сталинским тоталитарным режимом великую победу над фашизмом.

В то же время преобладание национально-государственной идентификации над этнической нельзя назвать сугубо русской особенностью — многие народы, являвшиеся этническим большинством на территории центров империй, характеризуются именно таким типом идентичности. У англичан территориально-государственная «британская» идентичность выражена намного сильнее, чем у ирландцев, шотландцев и уэльсцев, у которых этническая идентичность выступает во многом как антитеза «британской» идентичности, до сих пор воспринимаемой как имперская¹. В Испании этническое большинство, кастильцы (*castellano*), пожертвовало своим этнонимом и аналогичным названием языка в пользу общегосударственных названий (*испанцы — español*). По мнению экспертов, преимущественно территориально-государственная идентичность испанцев контрастирует с заметным преобладанием этнической идентичности у этнических меньшинств Испании, например у басков². Во Франции вне этнической идентичности (гражданская, государственная и индивидуалистская) исторически преобладала над этнической, хотя взрывы этнических фобий проявлялись и в этой стране, например, в конце XIX в. после поражения в войне с Германией (1870 г.). В начале 2000-х во французском обществе усилились этнические фобии по отношению к новому врагу — иммигрантам, точнее иммигрантам неевропейцам. Это несколько усилило этническую самоидентификацию значительной части французов, которая, по мнению экспертов, все же характеризуется следующими чертами: во-первых, этническая идентичность не стала у них доминирующей; во-вторых, их этническое самосознание выглядит заметно слабее в сравнении с этническим самосознанием корсиканцев, французских ба-

сков, французских каталонцев и многих других этнических и региональных меньшинств Франции³.

Все указанные различия в самоидентификации этнического большинства и меньшинств хорошо объяснимы самой природой этого типа идентификации, которая актуализируется только при соотнесении «мы» и «они». Для меньшинств, проживающих в окружении этнического большинства, последнее всегда выступает «конституирующим иным». Большинство же замечает меньшинства лишь в некоторых случаях: когда возникают этнические конфликты и другие эксцессы; когда заметно увеличивается численность меньшинств; когда на территории страны появляются новые меньшинства и в некоторых других случаях. Этническая идентичность, как правило, носит не постоянный характер, временами возрастая и ослабевая, особенно у этнического большинства населения любой страны.

Если этническая идентичность может быстро воспламениться и гаснуть, то формирование гражданского самосознания — это тяжелый, длительный процесс, который способен охватывать несколько веков.

Мишель Фуко, поставив себе задачу «расшифровать генеалогию современной власти» в государствах Запада, проанализировал на примере Франции механизм перехода от ценностей этатизма к ценностям национального, к гражданским ценностям. Для этого философ использовал противопоставление двух понятий. Первое, понятие «население», — пассивная категория, объект управления со стороны власти, ресурс управления в целях обеспечения безопасности страны и освоения территории. Второе, понятие «общество», — активный социальный субъект, источник сопротивления патернализму (Фуко назвал такое сопротивление «антиповодырьством» и «антипасторством»)⁴. Именно сопротивление, по мнению философа, переводит страну к иному типу управления, в большей мере соответствующему интересам гражданского общества, нации. В результате такой трансформации возникает государство, подчинение интересам нации (государство-нация).

По мнению М. Фуко, еще в 1970-е гражданское общество (гражданская нация) во Франции было слабым, подчиненным тому, что он

¹ Липкин М.А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 122–140.

² Кожановский А.Н. Испанский случай: этнические волны и региональные утесы // Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 241.

³ Филиппова Е.И. Что такое Франция? Кто такие французы // Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 202–210.

⁴ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций 1975–1976 учебного года в Коллеж де Франс / пер. Е.А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. С. 255–277.

определял как «дисциплинарная власть»¹. Из рассуждений французского мыслителя вытекало, что к указанному времени еще не завершилось становление французской гражданской нации и Франции как государства-нации, хотя идеи народного суверенитета были провозглашены здесь еще за два века до этого. В России идеи народного суверенитета стали проklamироваться элитарными слоями общества не намного позже, чем во Франции, однако и во второй декаде 2000-х гг. не заметно проявления основных признаков гражданской политической нации, равно как и государства, подчиненного интересам нации.

По данным Левада-Центра, в России не наблюдается роста политического самосознания общества *в восприятии народа как источника власти*. По крайней мере, за последние пять лет (2006–2015 гг.) более двух третей опрошенных (от 67 до 87% в разные годы) устойчиво отмечают, что они не оказывают какого-либо влияния на политическую и экономическую жизнь в стране². А стремление россиян к реализации принципа народного суверенитета даже падает. Доля ответивших на вопрос: «Мы должны заставить государство служить нашим интересам?» за четверть века снизилась почти втрое – с 37% в 1999 г. до 13% в 2015-м³. При этом именно в 2015 г., когда было зафиксировано наименьшее желание россиян подтолкнуть власть к исполнению народных интересов, подавляющее большинство респондентов (65%) не испытывало ни малейших иллюзий по отношению к народному характеру российской власти, признавая, что власть «скорее не подотчетна» или «совершенно точно не подотчетна» обществу⁴. И только абсолютное меньшинство – 9% опрошенных – считали, что «Наши органы власти народные, у них такие же интересы, как у простых людей»⁵. Не проявляется в России и другой важнейший признак роста гражданского самосознания – *стремление к участию в управлении страной*. Более половины опрошенных за пять лет (2006–2015 гг.) отметили, что вообще «избегают вступать в какой-либо контакт с властью»⁶.

¹ По указанной причине философ свой курс лекций назвал: «Нужно защитить общество».

² Взята сумма двух вариантов ответа («скорее нет» и «определенно нет») на вопрос: «Оказываете Вы лично какое-либо влияние на политическую и экономическую жизнь в России?» См. *Общественное мнение-2015*. М.: Левада-Центр, 2016. С. 58.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ Там же. С. 61.

Используя формулу историка Дж. Хоскинга, можно сказать, что «строительство государства в России мешало строительству нации»⁷. Историк писал о прошлом России, но и ныне в стране нет общества, заинтересованного в том, чтобы контролировать государственный аппарат, и способного осознать свою ведущую роль в политической системе.

«Русский национализм» в посткрымское время: не обязательно русский и совсем не национализм

То, что сейчас называют «русским национализмом», с большим основанием можно охарактеризовать как постимперское сознание, включающее ностальгию по временам классических империй, ресентимент и различного рода политические фобии. Такого рода сознание характерно не только для русских державников, но и для представителей разных этнических общностей, адептов разных политических взглядов и для людей, проживающих в разных государствах. Так, многие русскоязычные иммигранты разных национальностей, проживавшие в Европе и Америке, которые в большинстве своем оскорбились бы в случае отнесения их к русским националистам, поддержали идею «Крым наш», проект «Новороссия» и другие знаковые аспекты внешней политики В. Путина. Чем объясняется сходство их взглядов со взглядами тех, кто называет себя «русскими националистами», да и со взглядами легендарных 86% российских граждан? Ведь именно такое идейное единство русских в России и за рубежом чаще всего и определяется публицистами как реальное проявление «Русского мира». Задумавшись о сущности данного феномена, я в декабре 2015 г. обратился к друзьям по Facebook, а также разослал по почте своим давним личным друзьям, живущим в разных странах мира, вопросы, позволяющие составить социальный портрет адептов «Русского мира» из числа евреев трех стран – Израиля, Германии и США (к последним я присоединил пару ответов из Канады). Вопросы отражали три типа характеристик: а) степень интегрированности в новое сообщество и прежде всего мера владения государственным языком страны проживания; б) род занятий, имущественный и социальный статус в сравнении с прежним, до эмиграции; в) основные риторические клише, используемые в политических дискуссиях. Я получил около сотни ответов, пригодных

⁷ Хоскинг Дж. *Россия: народ и империя (1552–1917)*. Смоленск: Русич, 2000. С. 11.

для обобщения. В феврале 2016 г. добавились десятки ответов на вопросы о «Русском мире», которые задал своим подписчикам в Facebook Сергей Медведев, а также комментарии к его радиопередаче «“Русский мир” на Западе» с моим участием («Радио Свобода», 10.02.2016). Все эти материалы не могут претендовать на репрезентативность, но они достаточны для выдвижения гипотез и абриса предполагаемого социального портрета идейного сообщества, получившего название «Русский мир».

Почему для анализа были выбраны евреи? Прежде всего потому, что они составляют значительную часть тех, кого называют «Русский мир», ведь до горбачевской перестройки массовый выезд из СССР был возможен только по этническим визам, а еврейская эмиграция превосходила по численности все остальные. После 20 мая 1990 г. (отмены выездных виз) основной объем массовой эмиграции из Советского Союза и постсоветских государств продолжался в рамках программ этнических переселений, поскольку только эти программы обеспечивали гарантированный прием мигрантов в странах прибытия. С 1990 по 2007 г. из СССР и стран СНГ выехало более 1,6 млн евреев и членов их семей: более 1 млн человек в Израиль, более 350 тыс. в США, около 200 тыс. в Германию и около 50 тыс. в остальные страны¹. Замечу, что среди полученных мной портретов евреев-адептов «Русского мира» не нашлось ни одного из тех, кто прибыл в указанные страны до 1990 г. И это не случайно, поскольку именно последняя волна массовой эмиграции стала основой путинского «Русского мира».

Анализ социальных портретов еврейской когорты зарубежных почитателей политики В. Путина позволяет выявить общие свойства современного зарубежного «Русского мира» и при этом отбросить некоторые мифы эссенциализма по поводу этой общности. Прежде всего, миф о природном антилиберализме русских людей, об их извечном ордынском «культурном коде», в котором якобы запрограммирована неизбежность имперских взглядов. Консерваторы об этом говорят с умилением, либералы с сожалением, но обе группы доказывают этим фатальную неизбежность как особого русского пути, так и идейного единства «Русского мира» на планете. Я привожу данные о той части «Русского мира», к которой никак не применишь мифологию о прирожденной евразийской ментальности этнических русских, поскольку

ею уж точно не объяснишь настроения евреев. Великодержавный российский шовинизм, поддерживаемый ныне частью из них, явно ненаследственный. На мой взгляд, та часть последней волны русско-еврейских эмигрантов, которая идейно породнилась с путинским «Русским миром», *демонстрирует вовсе не преемственность взглядов, а способность людей к быстрому идеологическому преобразению*. Эти люди в значительной мере разорвали связь с ценностями и представлениями, которые еще недавно доминировали в еврейской среде. Я имею в виду прежде всего оппозиционное отношение к авторитаризму во всех его проявлениях (к царизму, сталинизму, вождизму), а также и к великодержавному шовинизму.

Казалось бы, такое отношение вообще неустранимо из исторической памяти народа, опаленного воспоминаниями о государственной политике «черты оседлости» и еврейских погромах в Российской империи, о сталинской борьбе с «космополитами» и о государственных ограничениях прав евреев по так называемому «пятому пункту» в советские годы. На идею преодоления этого наследия в разные времена складывалось сотрудничество между представителями русской и русско-еврейской интеллигенции, находившейся в эмиграции: Николаем Бердяевым, Георгием Федотовым, Исайей Берлином, Семеном Франком, Марком Алдановым и др. Этот русский мир как интеллектуальное содружество всегда был оппозиционным авторитарному режиму в России и СССР. Как же случилось, что немалая часть русско-еврейской эмиграции новой волны оказалась в одной колонне с другим «Русским миром» — с черносотенцами и сталинистами? Причин тому так много, что мне не удалось бы их даже перечислить и кратко описать в рамках одной статьи. Я остановлюсь лишь на тех, которые связаны с изменением отношения мигрантов разных волн к принимающим странам и с возросшим влиянием России на своих бывших соотечественников.

В 1970–1980 гг. еврейские эмигранты были в большей мере идеалистами, они уехали из СССР на «историческую родину» либо в США, «выбирая свободу» и навсегда порывая связи с Советским Союзом. Такие эмигранты-идеалисты стремились поскорее интегрироваться в новое сообщество, быть ему полезными. Эмигранты же последней волны были более прагматичны в своих целях, а разрыв с Россией для них был менее радикальным. Они сохраняли здесь не только социальные связи, но иногда и

¹ Сколько евреев эмигрировало из России и когда? — Доступ: <http://litbook.ru/article/2878/>.

бизнес, и имущество, используемые ими зачастую и ныне. Эти мигранты-прагматики были настроены не столько на интеграцию в новое общество, сколько на потребление, на использование социального потенциала принимающей страны, фактически поощряющей такую потребительскую психологию своей политикой социальной опеки.

Евреи, которые по своим политическим взглядам были отнесены моими информаторами к «Русскому миру», оказались в числе наименее интегрированных в сообщество перечисленных стран. Все они «чужие» на новой родине уже потому, что либо вовсе не владеют государственным языком данной страны, либо не хотят им пользоваться и имеют возможность большую часть времени общаться на русском. По своему социальному статусу они могут быть отнесены к следующим категориям.

1. *«Иждивенцы»* — пенсионеры и люди, живущие на средства социальных пособий или находящиеся на иждивении других членов семьи, а чаще всего сочетающие государственное и индивидуальное иждивение. Образ их жизни не требует освоения языка и какого-либо участия в экономической и политической жизни страны пребывания, а потому они в значительной мере живут мыслями о России.

2. *«Экономические нелегалы»* — люди, получающие основной доход со сдачи квартир или бизнеса, оставленного в странах СНГ, но скрывающие этот доход, чтобы не потерять право на получение социальных пособий. Эти люди в наименьшей степени ориентированы на какие-либо формы экономической интеграции в стране пребывания, тогда как с Россией связаны экономически и, зачастую, идейно.

3. *«Профессиональные русские»* — люди, занятые в обслуживании русскоязычной общины (работники русских магазинов, ресторанов, турфирм и т.д.). Все они сохраняют прочные экономические связи с Россией и в немалой степени информационно погружены в ее жизнь.

4. *«Профессиональные космополиты»* — люди, работа которых не имеет жесткой локальной привязки к какой-либо стране (работающие через интернет), например профессиональные хакеры. Некоторые из них, как осужденный недавно в Германии «хакер Хелл», совершают свои атаки по заказам из России¹. В этой же группе находятся так называемые «дети капитана Гранта», обладатели зарубеж-

ных научных и исследовательских грантов, не имеющие постоянной позиции в принимающих их научных центрах и потому кочующие из университета в университет. Они не приживаются в новых странах и, как правило, не намерены возвращаться в Россию, но все же в быту сохраняют русский язык и в культурно-информационном плане больше связаны с Россией.

5. *«Послы России»* — артисты и спортсмены, постоянно живущие за рубежом, но представляющие Россию и заинтересованные в поддержке ее истеблишмента и демонстрации ему своей лояльности.

6. *«Опустившиеся»* — это вовсе не бомжи. Так я назвал людей, которые нашли работу в стране нового места жительства, но при этом их социальный статус на несколько ступеней ниже того, какой они имели до эмиграции. Как правило, они заняты на неквалифицированной работе, не требующей погружения в местную языковую среду. Такие люди зачастую не просто отчуждены от страны пребывания, они ее сильно не любят, одновременно идеализируя страну выхода («Вот там нам было хорошо!»), хотя возвращаться в Россию не собираются.

Есть среди русских евреев и люди, идеи которых лишь отчасти пересекаются с идеологией «Русского мира». Например, человек может не любить В. Путина и Россию, но еще больше он не любит Украину и украинцев: «Все они страшные антисемиты, и их правильно наказывают, отбирая Крым». Такие высказывания характерны, например, для евреев-выходцев из Донецка. Другой пример: человеку может быть глубоко безразличны Крым, Донецк и Украина, но он является поклонником воображаемого В. Путина, который, по его мнению, «силой усмирил Чечню и показал пример того, как нам усмирить Палестину». В Германии и Израиле немалая часть русских евреев поддерживает Россию за ее антиамериканскую политику, тогда как для евреев США это один из самых отрицательных признаков российской политики.

По оценкам моих информаторов, еврей-адепты идеологии «Русского мира» и поклонники Путина преобладают среди русскоязычного населения Израиля, а в США, напротив, этот контингент составляет безусловное меньшинство среди русских евреев. Что касается Германии, то по отношению к ней единства мнений среди экспертов нет. Ясно лишь, что идеология «Русского мира» не встречает серьезного сопротивления в маленьких городах, таких как Баден-Баден, где нет работы для иммигрантов, среди которых доминируют «иждивенцы»;

¹ Хакер Хелл приговорен к полутора годам условного заключения. — Доступ: <http://www.kommersant.ru/doc/2782668>.

в крупных городах, например, Штутгарте, ситуация куда сложнее, и оценить соотношение сил сторонников и противников «Русского мира» невозможно без репрезентативного социологического исследования.

Та часть русско-еврейских иммигрантов, которая *слабо интегрирована или просто отчуждена от жизни принявших их государств, оказывается зависимой от России во многих отношениях*. Прежде всего, люди, говорящие только на русском и не владеющие языком страны проживания, сильно привязаны к каналам российского государственного телевидения. Альтернативные, зарубежные русскоязычные каналы (например, RTVi) в большей мере являются элитарными и тематически специализированными, они не могут конкурировать с российским центральным телевидением за массовость. Влияние же этого телевидения хорошо заметно в политическом языке человека из «Русского мира». Этот язык почти полностью соткан из клише ток-шоу российского телевидения: «Если бы Крым не взяла Россия, туда бы вошло НАТО»; «Германия не суверенная страна, ею управляет Америка»; «Германия ввела санкции против России под давлением США» и т.д. Из огромного множества стереотипных речевых оборотов, которые мне прислали, я выбрал эти три, потому что они точно не могли быть вывезены эмигрантами из России: все это новые мемы, появившиеся в политическом дискурсе только в 2015 г. И этот пример еще раз доказывает, что *политическое сознание человека «Русского мира» (как в России, так и за рубежом) не традиционно, оно постоянно конструируется и реконструируется*.

Телевизор все же не ГУЛАГ, он не может заставить человека ему подчиняться и даже заглядывать в него. Какая-то часть русскоязычных мигрантов (например, многие выходцы из Украины) в указанных странах принципиально не смотрит российское телевидение и сопротивляется имперской политической идеологии «Русского мира». Некоторые люди замещают телевизор интернетом, но все же телевидение пока сильнее. Только в одной Германии, по оценкам местных экспертов, российское телевидение могут смотреть и понимать около 6 млн человек¹.

Зависимость эмигрантов новой волны от России определяется не только влиянием пропаганды, но и целым рядом универсаль-

¹ Немецкий адвокат пожаловался в прокуратуру на сюжет «Первого канала». Подробнее на РБК: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/569e41079a7947769ecd88b0>.

ных психологических механизмов. Задолго до эпохи массового телевидения (в 1930-е гг.) Маркусом Ли Хансеном были открыты закономерности, которые до сих пор не утратили актуальность и многое способны объяснить. Исследователь доказал, что мигранты, ориентированные на интеграцию в новое общество, быстро отчуждаются от страны выезда и демонстративно манифестируют свою связь с новой средой и преданность новой культуре. М.Л. Хансен писал: «Нет более последовательного янки, чем “янкизированная” личность иностранного происхождения»², а еще раньше В.И. Ленин отмечал примерно то же самое на российском примере: «Обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения»³. Есть и другие, еще более древние аналоги той же мысли, характеризующие универсальность этой тенденции в разные эпохи и в разных странах мира. Вместе с тем Хансен указал и на другую закономерность: в случае, если мигранты не ориентированы на интеграцию или им не удалось интегрироваться в новую среду, они в качестве психологической компенсации вспоминают, а чаще всего просто придумывают себе образ великой прародины. Так, человек компенсирует свою отчужденность от не принявшей его среды, мысленно прислоняясь к другому сообществу: «Я не один, за мной великая страна».

Болеельщики болеют издали (вместо заключения)⁴

М.Л. Хансен полагал, что проблема отчужденности от новой среды и идеализация придуманной прародины могут проявиться в третьем поколении мигрантов, когда «внуки вспоминают то, что хотели забыть их отцы и деды». Так оно и происходит, но лишь в тех случаях, когда мигранты живут в замкнутых этнических сообществах, в своеобразных гетто, препятствующих их интеграции в государство-нацию. Как раз еврейская миграция демонстрирует прямо противоположную тенденцию — их культурная связь с Россией и частичная русская идентичность слабеют со сменой поколений, а связи с новым государством укрепляются.

² Цит. по: Майничева А.Ю. Проблемы этничности и самоидентификации в работах зарубежных авторов. — Доступ: <http://zaimka.ru/mainicheva-ethnic/>.

³ Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации». — Доступ: <http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin45/avtonomisazia.html>.

⁴ Эта статья написана до столкновения болеельщиков накануне и в ходе матча Россия и Англия 11 июня 2016.

В Израиле дети эмигрантов из России, пройдя школу и армию, неизбежно переходят на иврит в качестве основного языка и быстро интегрируются в жизнь израильского общества, а внуки российских эмигрантов, как правило, и вовсе плохо владеют русским и не участвуют в трансляции мемов российского телевидения. В США подавляющее большинство евреев-выходцев из России ныне живут за пределами таких русско-еврейских заповедников, как Брайтон-Бич, и уже поэтому хорошо интегрируются в американскую среду, при этом внуки российских эмигрантов становятся полноценными янки. В послевоенной Германии русско-еврейская эмиграция стала массовой лишь в середине 1990-х гг., и прошло мало времени, чтобы сказать, как в этой стране меняется идентичность еврейских мигрантов со сменой поколений. Могу лишь предположить, что и здесь связи русско-еврейских мигрантов с политической идеологией «Русского мира» ограничатся нынешним поколением и дальше будут только ослабевать.

Может ли нынешняя когорта евреев, идейных сторонников российского великодержавия, стать политическим ресурсом нынешней российской власти? Уверенно дам отрицательный ответ. Эта категория людей характеризуется как раз слабым участием в жизни новых обществ: они не могут и никогда не пытались лоббировать или защищать реальные интересы российского истеблишмента в своих странах, возвращаться в Россию они тоже не собираются. Это болельщики, которые издали болеют за свою команду и на политическое поле они не выйдут.

А каковы перспективы носителей постимперского сознания внутри России? Российская часть «Русского мира» также похожа на телеви-

зионных болельщиков, как и зарубежная: люди, включенные в этот идеологический мир, в массе своей поддерживают лозунг «Крым наш!», не отходя от телевизоров, любят «вежливыми человечками» или донецкими боевиками типа Моторолы и Гиви. Если сопоставить число людей, участвовавших в 2015 г. в том «Русском марше», который созывался специально для поддержки «Новороссии», с активностью участников либеральных маршей, например, в память о Борисе Немцове, то окажется, что либеральная оппозиция в большей мере готова к самоорганизации, чем русские националисты. Этатизм по сути парализует общественную активность, а гражданская индифферентность как раз компенсируется культом вождя и мифологией сопричастности человека-песчинки к некой абстрактной массе «наших». Сам факт того, что имперское сознание не имеет жесткой этнической привязки, не транслируется по каналам культурной традиции, а формируется под воздействием социально-политических обстоятельств и прямого конструирования, указывает на возможность радикального перепрограммирования такой массовой психологии. При этом стимулы для такой трансформации могут появиться не только после глубокой исторической травмы, как это было в Германии после поражения гитлеризма, но и вследствие эволюционных изменений, как произошло во Франции. Теоретически такое возможно и в России, но пока в нашей стране не видно той политической силы, которая способна начать деконструкцию имперского сознания — пока здесь продолжается дискредитация базовых идей гражданской нации, подрывающая желание и веру людей в возможность общества овладеть государством.

Лев ГУДКОВ
Наталья ЗОРКАЯ
Екатерина КОЧЕРГИНА
Евгения ЛЁЗИНА

Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации

Описание исследования

В сентябре 2015 года Левада-Центр по заказу Российского еврейского комитета (РЕК) провел социологическое исследование, цель которого заключалась в описании отношения населения России к евреям и определении уровня антисемитизма. Общероссийский опрос последовал за проведенными ранее, в августе 2015 года, двумя фокус-группами, игравшими роль «первичного диагноза» проблемы в общественном мнении¹. Массовый опрос проходил по общероссийской репрезентативной выборке, число опрошенных составляло 1200 человек старше 18 лет. Дополнительно были опрошены 400 москвичей, чтобы получить подвыборку, репрезентативную для Москвы, где проживает наибольшее число евреев и где, соответственно, массовые представления о евреях, как положительные, так и негативные, актуализированы в наибольшей степени. Кроме того, была проведена серия из 10 фокус-групп с респондентами из разных социальных и этнических сред (включая мусульман и евреев) и экспертные неформализованные интервью.

Настоящий проект продолжает исследования антисемитизма, проведенные ранее сотрудниками Левада-Центра (в 1990, 1992, 1997 гг.), и опирается на них в методическом и содержательном плане². Общность подходов и

¹ Эти и последующие фокус-группы и экспертные интервью вел А. Левинсон.

² Гудков Л., Левинсон А. Отношение населения СССР к евреям // Вестник Еврейского университета в Москве. Москва – Иерусалим, 1992. № 1. С. 6–41; *Они же*. Изменения в отношении к евреям населения республик на территории бывшего СССР // Вестник Еврейского университета в Москве. Москва – Иерусалим, 1993. № 4. С. 4–39; *Они же*. Евреи в России: свои – чужие // Одиссей. 1993. 1994. С. 85–106; Gudkov L., Levinson A. Attitudes Toward Jews in the Soviet Union: Public Opinion in Ten Republics // Working Papers on Contemporary Anti-

организации проведения исследования, а также длительность социологического наблюдения позволяют более уверенно оценивать долгосрочные тенденции и изменения общественных установок по отношению к евреям в России.

Надежность полученных данных

Для адекватного понимания сущности получаемых данных следует учитывать, что социологическое исследование – в данном случае описание феноменов антисемитизма, ксенофобии, отношения к другим этносам – фиксирует массовые мнения о евреях и людях, принадлежащих к другим этническим общностям. Получаемые в ходе опросов суждения респондентов по большей части относятся не к реальному поведению людей (в том числе опыту взаимодействия с евреями), описывают не действительных евреев, а отражают обобщенные и усредненные *коллективные представления о воображаемых Других или о событиях, обстоятельствах исторической жизни*. Такого рода представления обычно носят многократно опосредованный, а потому стереотипный, клишированный характер. Как и другие массовые мнения, их нельзя оценивать исходя из критериев достоверности, истинности, правдо-

semitism. Ed. by D. Singer. N. Y., 1993. 187 p.; Gudkov L., Levinson A. Attitudes Toward Jews in the Commonwealth of Independent States // Working Papers on Contemporary Anti-semitism. Ed. by D. Singer. N. Y., 1994. 187 p.; Гудков Л. Параметры антисемитизма: Отношение к евреям в России, 1990–1997 гг. // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1998. № 2. С. 34–44. [= Parameters of Anti-semitism. Attitudes Toward Jews in Russia. 1990–1997] // Sociological research. Armonk, N. Y., 1999, July–August, vol. 38, № 4, p. 72–96]; Гудков Л. Антисемитизм в России, 1990–1997 // Вестник Еврейского университета в Москве. Москва – Иерусалим, 1998. № 2 (18). С. 4–34; Гудков Л. Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский центр Карнеги, 1999. С. 44–98, и др.

подобия отражаемой реальности. Такого рода мнения (представления) не являются нейтральными или объективными констатациями положения вещей. Напротив, они аффективны, пристрастны, подчинены силе тех или иных социальных интересов, конфигурирующих сочетание оценочных признаков в том порядке, который отражает внутренние напряжения и проблемы данного сообщества. Эти представления навязываются, внушаются отдельному индивиду, члену группы под общим неформальным и несознаваемым давлением, а значит, отступление, отклонение от согласия с ними вызывают раздражение и подозрение в нелояльности группе или общности, и, следовательно, как всякие иные формы девиации, подлежат санкциям окружающих. Подобные механизмы обеспечения группового согласия задают условия для сохранения и воспроизводства этнических стереотипов во времени, определяя устойчивость коллективной идентичности, общность понимания реальности, объединяющей множество людей в группу или социальную общность, несмотря на физическую смену поколений. Образы «других», выступающие в качестве опорных смысловых образований конструкции реальности (например, русские как жертвы чужой агрессии) или генезиса социума (вроде тезиса о тысячелетней России), включены в общий набор мифов или идеологий, объясняющих важнейшие черты и особенности данного сообщества, его происхождение, отношение с другими странами или народами. Их адекватность действительности такая же, как и у любых других фантомов и комплексов массового сознания. Их значимость обусловлена функциональной ролью — поддержанием групповой (в данном случае этнонациональной) идентичности. Образы других — это всегда способ самоопределения или самоописания через проекции внутренних напряжений на «других», близких или чуждых доминирующему большинству данного общества.

Образы различных этнонациональных групп, людей разной национальной принадлежности в массовом сознании существенно различаются по значимости, поскольку каждый из них (образов) несет разную смысловую и ценностную нагрузку. Из многочисленных исследований этнонациональных проблем, проведенных в нашем центре, следует, что представления о различных народах выстраиваются в определенной последовательности или пространстве, заданных «силовыми линиями» и структурой русской идентичности,

драмами «догоняющей», запаздывающей или абортивной модернизации. Шкала оценок в этом плане задана положительным полюсом символических значений Запада (США, Европой, обществ западных «развитых стран», «нормальных стран»), а отсталости, бедности, зависимости — условной Азией (образами азиатских тигров, в первую очередь среднеазиатских и приравненных к ним народов бедных стран, вызывающих едва скрываемое пренебрежение). Такая структура массовых представлений идет из времен колонизации и расширения Российской империи и сохраняется в советское время (метрополия и национальная периферия союзных республик). Но в последние десятилетия эта конфигурация явно подвергается эрозии и ломается, во-первых, из-за явных успехов «азиатских тигров», а затем и Китая, а во-вторых, из-за медленной, но становящейся все более явной травмы утраты Россией статуса великой державы (в том числе военной супердержавы), травмы несостоявшихся претензий на роль самостоятельной цивилизации, самого передового общества, краха миссионерской идеологии. Отсюда и с трудом сдерживаемая агрессия и неприязнь по отношению к недавним «своим» народам и территориям, составлявшим не только СССР, но и весь социалистический лагерь, к странам, игравшим в позднесоветский период роль ближнего Запада — полякам, чехам, литовцам, латышам, эстонцам, не говоря уже о грузинах или украинцах¹.

Наибольшей ценностной напряженностью (амбивалентностью) долгое время характеризовалось отношение именно к евреям, которые демонстрировали самые значимые ценности и качества в этом процессе, а также к другим этнонациональным группам, ставшим позднее независимыми и получившим свою государственность. Еще раз подчеркнем: раздражение вызывают не те группы, которые непосредственно ассоциируются с современностью (американцы, англичане, немцы, японцы и другие) и воплощают полноту значений развитости, мощи, экономического богатства и благополучия, социальной защищенности и правового государства, демократии, человеческого достоинства и другими чертами полюса современности, а те этнические общности, народы, которые, с одной стороны, считаются (или счи-

¹ См.: Этнические рамки существования. — В кн.: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. С. 130–151; Гудков Л. Россия и Восточная Европа: взаимная отчужденность и равнодушие // Вестник общественного мнения. 2004. № 5 (73). С. 63–75.

тались) «своими», но демонстрируют качества и ценности «чужих» – современных, то есть самых успешных стран и народов, вызывающих зависть и уважение русских. В максимальной степени это было характерно именно для евреев, восприятие которых населением России (и не только русскими), а ранее народов СССР было окрашено двойственностью: евреи сочетали черты своих и чужих, современности и традиционализма, были носителями западной культуры (и потому вызывали подавляемое уважение) и именно поэтому дискриминируемой группой.

Получаемые в опросах данные интересны для исследователя не в качестве эмпирического описания евреев, а как факты коллективной жизни населения России. Это и есть этнический срез культуры данного социума. Мнения, полученные в ходе исследований антисемитизма, ксенофобии или, скажем, антиамериканизма и антизападничества, следует воспринимать прежде всего как характеристики самого общества, как индикаторы внутренних состояний, латентных или открытых процессов консолидации, конфликтов, напряжений, а стало быть, как указание на тенденции вероятной эволюции данного общества. Только в таком качестве эти представления «действительны», действительны, функциональны. Учитывая такую их роль, мы понимаем, каким образом позитивные или негативные установки в отношении евреев или людей, принадлежащих к другим этническим или религиозным группам, влияют на другие социальные отношения в обществе, в том числе на открытость горизонтальной и вертикальной социальной мобильности, структуру занятости, ценностные предпочтения и благосостояние разных этнических групп, распределение социального и культурного капитала, потенциал массовой мобилизации и т.п.

Точность измерения этих массовых установок и представлений (иначе говоря, величина статистически допустимых отклонений) составляет в среднем по выборке $\pm 3,5\%$. Это означает, что различия в 5–6% в ответах респондентов из разных групп мало значимы, если рассматривать эти ответы по отдельно взятому вопросу. Но если какая-то выделенная в ходе анализа социальная группа более или менее систематически демонстрирует такое же отличие по ряду других диагностических и содержательных вопросов, то можно говорить о некоем устойчивом профиле мнений. То же относится и к сопоставлению данных опросов, проведенных в прошлые годы. Надежность получаемых данных увеличивается с каждым

новым замером антисемитизма и других этнических установок, поскольку такая методика позволяет отделять устойчивые (воспроизводящиеся вне зависимости от мнений отдельных людей или даже смены поколений) структуры массового сознания от случайных флуктуаций и ситуативных влияний текущих событий и процессов¹.

Сама по себе устойчивость тех или иных предрассудков, стереотипов, комплексов общественного мнения (коль скоро она фиксируется, а мы имеем дело с представлениями и мифами, история которых насчитывает десятки, а то и сотни лет) представляет собой не спонтанную реакцию людей на те или иные обстоятельства жизни и поведения евреев (или других этнических групп), а поддерживается или тиражируется функционированием целого ряда социальных институтов: средствами массовой информации, системой образования, (массовой) культурой, сложившимся укладом и образом жизни людей, производственной организацией, социальной регуляцией доступа к высоко ценным в обществе социальным позициям (властным, силовым, образовательным структурам и т.п.) или профессиям, занятиям, возможностями вертикальной или горизонтальной мобильности, организации коллективной памяти и исторического знания, доминирующим религиозным институтам и многим другим. В этом плане уровень ксенофобии, в том числе антисемитизма, в вертикально организованном и контролируемом властью обществе определяется именно политикой государства, а не состоянием зависимого от него массового сознания.

Общественный контекст настоящего исследования

Нынешняя общественная ситуация в России – «патриотическая» или шовинистическая волна, поднятая после присоединения Крыма и развертывания антиукраинской и антизападной пропаганды, националистическая консолидация населения и власти, на фоне которой про-

¹ Один из ярких примеров таких ситуативных явлений в настоящем исследовании – резкий подъем антизападных и антиукраинских настроений, что связано с последствиями присоединения Крыма. Риторика «мирового заговора» и антироссийской деятельности западных стран, характерная для нынешнего правящего политического «класса» и подконтрольных властям федеральных СМИ, нашла отклик в массовом сознании, испытывающем серьезные напряжения и фрустрации, а потому склонного канализировать их в форме взрывного развития враждебности и ксенофобии. – См. пресс-выпуски Левада-Центра: <http://www.levada.ru/2016/04/07/mezhdunarodnye-otnosheniya-2/>; <http://www.levada.ru/2016/03/10/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-v-zerkale-obshchestvennogo-mneniya-2/>.

ходило настоящее исследование, — не могла не повлиять на результаты опроса, дав некоторое смещение и (вероятно, кажущееся) ослабление ксенофобских установок и настроений¹. Однако было бы ошибкой считать, что канализация латентной агрессивности внутри страны и перенос антипатии и негативизма на США, Украину, ЕС и другие страны могут существенно и на долгое время ослабить скрытые межэтнические конфликты и напряженность национальных отношений в самой России. Есть основания предполагать, что длительная политическая и идеологическая кампании, проводимые российским правительством начиная по меньшей мере с конца 2012 года (а если учитывать в полном объеме начало пропаганды консерватизма и «возвращения к традиционным ценностям, своим корням», «духовного возрождения России» и т.п., то с 2004–2007 гг.), повлекла за собой стимулированный властями рост русского национализма и повышения этнонациональной нетерпимости. Неопределенность внешнеполитических перспектив, геополитические амбиции и конфронтация с западными странами и отодвигающиеся сроки завершения военных действий за пределами России являются факторами, углубляющими внутренний экономический кризис и повышение социальной напряженности в стране. Поэтому, признавая общую тенденцию ослабления антисемитизма в России, отмеченную в предыдущих исследованиях, следует подчеркнуть, что опасность его подъема в будущем полностью не исключена, но потенциальные угрозы этого рода будут иметь локализованный характер: возможного роста ксенофобии (если он будет) следует ожидать прежде всего в Москве.

Общие параметры и факторы социально обусловленной ксенофобии

К теории ксенофобии

Ксенофобию нельзя рассматривать как тяжелое наследие отсталых и непросвещенных масс, отсутствие должного образования и воспитания, дефекты которых могут быть исправлены благодаря правильной политике государства и общества. Ксенофобия — важнейший элемент поддержания коллективной идентич-

¹ Данные регулярных опросов, проводимых Левада-Центром, указывают, что концентрация внимания населения на событиях, происшедших на Украине в 2013–2014 гг., существенно снизила выражение обычных антикавказских и антимигрантских настроений, повысив общий тонус общества, улучшив отношение к властным структурам (в том числе полиции). Все социальные показатели, включая оптимизм и надежды на лучшее будущее, выросли. Но этот тренд оборвался уже в ноябре 2015 г. после обвала курса рубля.

ности, групповой защиты и сплоченности, способ сохранения границ между членами своей общности и другими, между «своими» и «чужими» через выражение антипатии к другим — социальным или, чаще, этническим общностям. Как таковая, она принципиально неустранима (нет общности, которая не поддерживала бы своих границ, барьеров по отношению к внешней среде, определяя тем самым не просто своих и чужих, но и рамки правил поведения среди «своих» и взаимодействия с «чужими»), но может быть снижена или редуцирована до уровня «контролируемой агрессии» защищающихся от предполагаемого покушения на групповые блага. Уровень ксенофобии повышается, если для большинства населения (или для групп, претендующих на то, чтобы выражать интересы этого «большинства») возникает реальная или мнимая угроза ограничения доступа к значимым ресурсам или дефицита разного рода благ. Он понижается, если общество находится в состоянии интенсивного развития (структурно-функциональной дифференциации), расширения возможностей предпринимательства, роста благосостояния, связанного с открытостью социальных лифтов, появлением новых сфер занятости, меритократической шкалой ценностей, стимулирующей «достижительские» мотивации людей и т.п. Другими словами, показатели ксенофобии сами по себе могут рассматриваться как индикаторы важнейших состояний или процессов в обществе.

Некоторые особенности ксенофобии в России состоят в том, что обычные ее проявления здесь сочетаются с остаточными механизмами организации закрытого общества, осознающего себя в категориях государственного патернализма. Такое общество принимает иерархически обусловленное распределение власти, ресурсов, авторитета, привилегий, социальных благ как естественный, само собой разумеющийся порядок, что не снимает столь же вечные при таком принудительном неравенстве распределения проблемы социальной несправедливости, дефицита благ и ресурсов, защиты символических и материальных предпочтений от покушающихся на них (реально или в воображении, в мнительном сознании), зависти, недоверия и подозрительности, тревожности из-за институционально заданной неопределенности и отсутствия социальных гарантий. Советская плановая государственно-распределительная система в каждый момент своего существования порождала тотальный дефицит и конфликты, проистекающие из структурных

дефектов социализма, а вместе с ними и столь же неизбежные напряженные отношения отставания привилегий одних групп перед ниже стоящими или депремированными группами (москвичами и лимитчиками, имеющими городскую прописку и деревенскими, жителями столиц и провинции, центров и местных административных образований, людей, имеющих доступ к закрытым распределителям и не имеющих таких возможностей, и пр.). Понятно, что напряжения и конфликты такого рода многократно усугублялись памятью о национальных обидах, притеснениях и конфликтах, и сами в свою очередь объяснялись этими же обидами и несправедливостями.

Слабость и неразвитость универсалистских институтов (общих правил) – системы обмена и коммуникаций, свободного от государственных интервенций и контроля рынка, СМИ, независимого суда и правосудия, представительской власти и т.п. – означают отсутствие или опять-таки слабость механизмов, обеспечивающих всеобщие правила и нормы «гратификации достижения», общественного признания заслуги, инициативы, предприимчивости. Это, в свою очередь, вызывает или провоцирует потребность в закреплении своих прав, своего статуса, благ, привилегий, всего того, что положено членам сообщества. Обоснование или оправдание подобных претензий идет путем апелляции к природным источникам этих прав, коренящихся в характеристиках самого сообщества (в силу исторических, территориальных, религиозных соображений). Тем самым преимущества данного сообщества перед какими-либо другими превращаются в скриптивные, неотменяемые свойства и качества группы, не нуждающиеся в каком-либо дополнительном или специальном объяснении (такими же как пол, раса, религия, сословное происхождение и т.п.). Возникает структура действия, воспроизводящая традиционное поведение (в условиях распада или давно забытых традиций, вторичная традиционализация социальной жизни), апеллирующая к прошлому, чаще всего выдуманному или изобретенному. Такого рода неотрадиционализм, псевдотрадиционалистская редукция, является важнейшим ресурсом господства в условиях догоняющей модернизации или длительных общественных кризисов, вызванных длительными процессами трансформации институциональных систем.

Как правило, базовые механизмы ксенофобии состоят в том, что на других (дальних, например, американцев или англичан) или ближ-

них (этнических меньшинств) проецируется то, что представляется неприемлемым или постыдным, нежелательным в самих себе. Сами по себе образы других не являются изолированными смысловыми монадами, объективно существующими телами, напротив, правильное представлять их как сообщающиеся сосуды или двойные кривые зеркала, отражающие, дополняющие и корректирующие семантику друг друга. В разных контекстах противопоставления этих образов и их смысловое наполнение могут меняться, что влечет за собой и некоторое изменение их функциональной роли. Набор определений и характеристик «американцев» или «немцев» в контексте проблематики «Россия возвращается в Европу» и становится членом сообщества «цивилизованных стран», будет иметь один набор признаков в контексте «встающая с колен Россия» и существенно иной в контексте «антироссийский заговор западных стран». Но во всех случаях подобным разделением полагается граница между «мы» и «они».

В этом плане негативные образы «других» служат механизмом канализации собственных напряжений через приписывание отрицательных характеристик другим (и, следовательно, освобождение себя от этих пороков или недостатков, возвышение себя), а себе – достоинств, противоположностью которых и выступают отрицательные качества других, чужих, не таких, как мы. Ксенофобия может играть как защитную роль (по отношению к «Другим», наделенным массовым сознанием силой, могуществом, притягательностью из-за своих достижений), так и возвышающую «своих» (себя, свое сообщество, от которого респондент не отделяет себя) роль, если барьер устанавливается для слабых, этнических меньшинств, по отношению к которым «большинство» старается занять символическую позицию доминирования.

Ксенофобия не статична и по направленности, и по интенсивности выражения, и по содержанию антипатий, поскольку представляет собой способ изживания внутренних напряжений и коллизий. Ксенофобия никогда не ограничивается канализацией агрессии в отношении какой-то одной этнической, религиозной или социальной группы или меньшинства, хотя обычно в определенных социальных контекстах можно выделить преимущественный объект негативной идентичности – евреев, негров, мигрантов (в советское время – лимитчиков), кавказцев, «укропов», представителей ЛГБТ, «либерастов», «америкосов», азиатов, чукчей,

«хохлов» и т.п. Ксенофобия — это всегда набор и определенное сочетание «чужих», «других», часто возгоняемых до уровня врагов, то есть тех, кто несет в себе не просто инакость, опасность для «своих», но и угрозу самому существованию данного сообщества (народа, страны, общества). Власть или влиятельные группы, задающие тон коллективному мнению, всегда могут указывать на то, кто сегодня у нас занимает позицию главного врага (завтра им может быть уже кто-то другой, а предшествующий перейдет в резерв или в «отвал» отработанных, утративших силу образцов).

Если ранний (дореволюционный) антисемитизм был формой антимодернизационных реакций сословного, аграрного или слободского общества на начавшиеся процессы интенсивных изменений, слом сословных барьеров, появление групп с универсалистскими ценностями (современности, достижения, светского и европейского образования, промышленности, массовых коммуникаций и т.п.), то государственный антисемитизм послевоенного (позднего сталинского) времени был нацелен на подавление тех смыслов в культуре, которые опирались на ценности просвещения, гуманизма, открытого общества, достоинства и т.п., то есть на стерилизацию мотивации и перспектив групп, разделяющих эти ценности. Советский государственный антисемитизм был частью репрессивной политики государства, поддерживавшего состояние «закрытого общества». В этих условиях объектом враждебного отношения или всеобщего подозрения, недоброжелательности оказывались люди более высокого статуса и компетентности, основанной на владении книжной культурой, универсалистскими ценностями и представлениями, причем достигнутыми собственными усилиями, а не благодаря государственному назначению на высокие должности или полученным от власти званиям.

Антикавказская ксенофобия позднего советского и первых лет постсоветского времени¹ была пропитана имперским рессантиментом и

¹ Если принять всю массу ксенофобских установок и реакций за 100%, то согласно исследованиям, проведенным в 1990-х годах нашим центром, 70% приходится на антикавказские фобии и неприязнь. — См.: Гудков Л. Динамика этнических стереотипов (сравнение замеров 1989 и 1994 гг.) // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 2. С. 23–27 (= Dynamics of Ethnic Stereotypes: A comparison of 1989 and 1994 Measurements // Sociological research. Armonk, N. Y., 1996, January-February, vol. 35, № 1, p. 43–54); Гудков Л. Этнофобии в меняющейся России // Релятивистская теория наций: новый подход к исследованию этнополитической динамики России. М., 1998. С. 64–71.

консервативными установками населения, испытывающего тяжелый кризис идентичности и нуждающегося в дополнительных барьерах для защиты от резкого расширения социальных и культурных горизонтов. То же самое можно сказать о неприязни к мигрантам, в первую очередь из Средней Азии, и к приезжим из регионов России. Это были страх и антипатия неконкурентной массы населения к возможным претендентам на распределение казенных благ — характерные черты государственно-патерналистского сознания.

Последняя волна ксенофобии окрашена антиукраинскими и антиамериканскими настроениями, поднятыми антизападной пропагандой. Смещение фокуса ксенофобии не отменяет структуры прежних преимущественных объектов антипатий большинства, но меняет интенсивность их выражения.

Уровень ксенофобии, как показывают многолетние исследования Левада-Центра, начатые еще в первом ВЦИОМе, может подниматься во время кризиса (часто указывая на его приближение) и снижаться в моменты относительного благополучия. Так, относительно низкие показатели ксенофобии в момент развала советской системы (1988–1992 гг.) сменились во второй половине 1990-х годов постепенным их ростом, что ознаменовало выход на поверхность консервативного русского национализма². Но пик этнической ксенофобии, если брать все годы наблюдений, приходится на осень 2013-го. Об этом свидетельствует нарастание в массовом сознании ощущения межэтнической напряженности и угрозы конфликтов между людьми разных национальностей, последовавших после демонстраций националистов в Москве («Русские марши», проводимые с 2005 г. и набравшие силу к 2009–2010 гг., «Манеж») и целой серии этнических конфликтов и погромов в провинции, о которых центральная печать сообщала крайне скупно.

Показатели общей тревожности общественного фона снижаются при переводе внимания опрашиваемых на ситуацию, в которой они

² См.: Гудков Л. Этнические фобии в структуре национальной идентификации // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 5. С. 22–27 (= Gudkov L. Ethnic Phobias in the Structure of National Identification // Sociological research. Armonk, N. Y., 1997, July-August, vol. 36, № 4, p. 60–74); Гудков Л. Русский неотредационализм // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 25–32; Gudkov L. Russian Nationalism and Xenophobia // Identities and Politics During the Putin Presidency. The Foundations of Russia's Stability. Ph. Casula and J. Perovic (eds). (Soviet and Postsoviet politics and society. Ed. by A. Umland). Ibidem-Verlag, Stuttgart, 2009, p. 158–175.

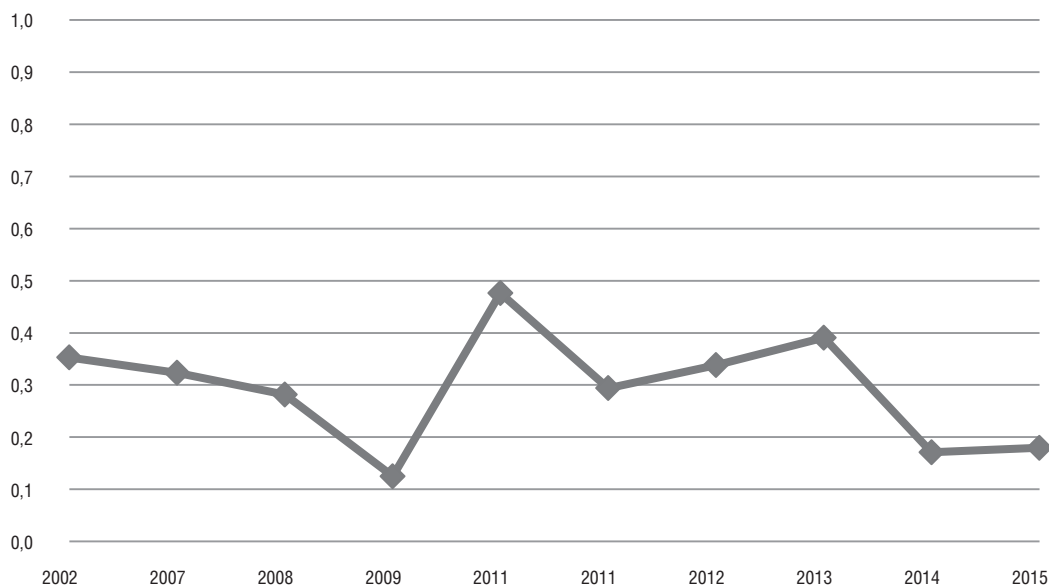
График 1

ОЩУЩАЕТСЯ ЛИ СЕЙЧАС В ТОМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ? (соотношение положительных и отрицательных ответов)

График 2

ВОЗМОЖНЫ ЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ, КРОВОПРОЛИТНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ? (соотношение положительных и отрицательных ответов)

непосредственно находятся. Так, ощущение растущей межэтнической напряженности и угрозы погромов, кровопролитных конфликтов в стране растет с 2002 по 2013 г. (поднимаясь с началом второй чеченской войны и серии терактов в российских городах с 49 до 62%) и резко снижаясь после аннексии Крыма и военных действий в Донбассе (до 24–25%). Оценки локальной ситуации (то есть положения дел там, где живет респондент) в этом плане оказываются всегда более спокойными (хотя общая дина-

мика локальной тревожности схожа с оценками положения дел в России в этом отношении). На вероятность межэтнических конфликтов в 2002–2008 гг. указывали 20–24%, после экономического кризиса беспокойство данного рода резко снижается (2009 г. — 10%), но к 2011 году опять увеличивается до 30% (напомним, что в конце 2010-го националистические манифестации и погромы прошли во многих городах, особенно впечатлил наблюдателей московский «Манеж»). Но после Майдана и начала анти-

украинской кампании восприятие межэтнических отношений внутри страны становится более спокойным (об угрозах такого рода заявляли 13–14%, а в 2013 г. – уже 25%). Иначе говоря, внешнеполитические угрозы и конфликты канализируют внутренние напряжения и снижают массовые оценки погромов и внутренних столкновений¹.

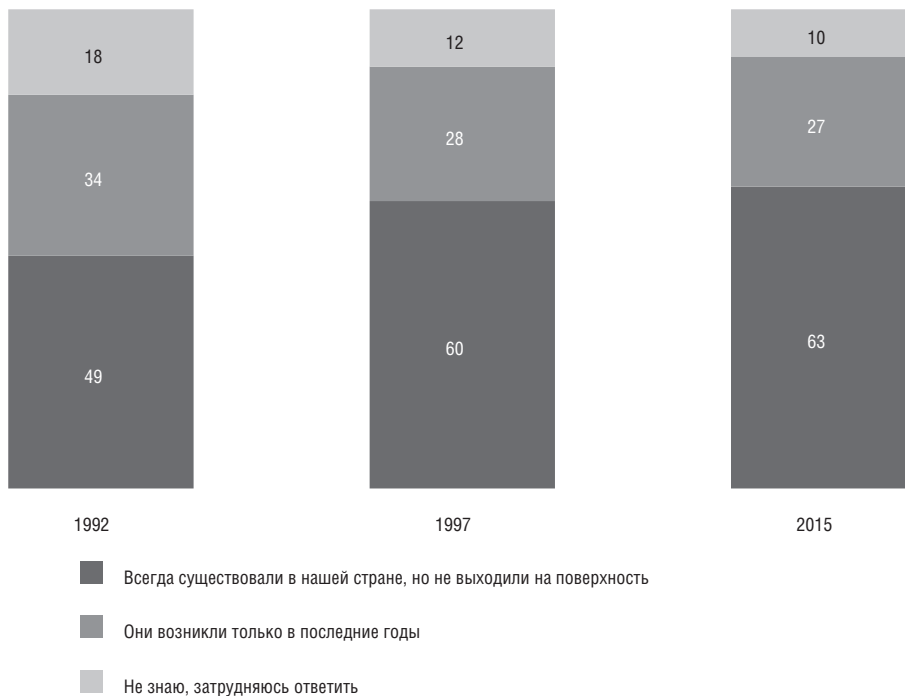
После присоединения Крыма и начала российско-украинского конфликта этническая ксенофобия (направленная по данным настоящего исследования прежде всего против украинцев, представителей народов бывших республик Союза, прибалтийских стран, см. табл. 7а–7j) получает неявную поддержку или признание, легитимацию со стороны региональных властей и государства в целом, хотя открыто она официально именуется «консерватизмом». Их основные постулаты – опора на «русские традиции» (православие, самодержавие, народность, иначе говоря, патернализм власти), «духовные скрепы» и т.п. – признаются как «нормальные составляющие массового

сознания». Обратной стороной роста этого русского «неотрадиционализма» оказывается требование предоставить привилегированный статус (преимущества) русским. Но публично природа и причины конфликтов и столкновений на этнической почве никогда властями не признавались, они расцениваются как «эксцессы» отдельных асоциальных лиц или, опять-таки, устраняя намеки на конкретные обстоятельства, вызывающие такие напряжения, как то, что «существовало всегда». Характерно, что ответственность и вину в провоцировании подобных столкновений власти чаще всего возлагали на потерпевших, слабую сторону (мигрантов)².

Дело не в том, что межэтнические конфликты (нападения на мигрантов или «нерусских», погромы, убийства) становятся все более частыми или, напротив, редкими, как это показывала хроника «Совы»³, а в том, что сам факт признан типичным явлением, нормой социальной жизни. За этим стоит растущее отрицание идеологической догмы – официального «интернационализма», «дружбы советских народов».

График 3

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НАЦИОНАЛЬНАЯ НЕПРИЯЗНЬ, НАПРЯЖЕНИЯ, КОНФЛИКТЫ ВСЕГДА СУЩЕСТВОВАЛИ В НАШЕЙ СТРАНЕ, НО НЕ ВЫХОДИЛИ НА ПОВЕРХНОСТЬ, ИЛИ ОНИ ВОЗНИКЛИ ТОЛЬКО В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

¹ Это говорит о том, что в обществе напряжения подобного рода передаются по капиллярным каналам межличностных коммуникаций, опосредующих и аккумулирующих воздействие многих институциональных факторов – пропаганды и повседневной работы СМИ, выступлений политических лидеров и государственных функционеров, экономики и других), каждый из которых может быть незначим по отдельности, но все вместе они создают ощущение усиливающейся угрозы.

² См. публикации регулярных докладов Информационно-аналитического центра «СОВА» (sova-center.ru), ведущего мониторинг случаев проявления национализма и ксенофобии, действий государства и общества по противодействию расизму; Антисемитизм в СНГ-2014 / под ред. В. Лихачева. Киев – Иерусалим, 2015. Вып. 12.

³ До определенного момента (2014 г.) количество межэтнических конфликтов росло, затем их частота стала снижаться.

Примечательно, что ответы даются респондентами с всё большей определенностью и категоричностью — доля затруднившихся уменьшилась за 23 года почти вдвое (с 18 до 10%).

Тон в расширении подобных представлений задают представители высоких статусных позиций, которые несколько чаще считают, что этнические конфликты «существовали всегда» (68–72% при 60% в низших по социальному положению группах), в то время как низшие слои чаще полагают, что это явления последних лет (32% при 15% у верхних социальных групп). Дело не только в большем объеме социальной памяти у элиты или более развитой способности к рационализации общественных процессов, чем у низших слоев, но и в явном изменении их отношения к этническим «другим». Социальная толерантность, в том числе этнонациональная, есть необходимое условие социального развития и продвижения. Поэтому признание того, что «национальные конфликты существовали всегда», оказывается не столько констатацией эмпирических фактов, сколько условием *изменения* самих норм социального взаимодействия в развивающемся обществе, принятием социально-культурного разнообразия как нормы социального устройства и благополучия¹.

Можно считать, что признание реальности ксенофобии — это явление общего распада и ухода советской идеологии, но не деидеологизации, не «освобождения» российского общества как такового от других мифов и идеологем, в первую очередь националистических (премордиалистских представлений о кровном единстве россиян, «органической солидарности», основанной на вере в единство происхождения).

После 25 с лишним лет, на протяжении которых в нашем центре велись исследования ксенофобии и антисемитизма, стало очевидным, что потенциал ксенофобии в стране в целом довольно стабилен (а это значит, что такого рода представления играют устойчивую функциональную роль для этой части населения). Доля россиян, для которых характерны выраженные этнические предрассудки (прежде всего убеждения в «природном» различии или ценностном неравенстве разных народов, а значит,

¹ Никакое массовое состояние или движение не может считаться однозначным. Разумеется, есть размытое и трудно описываемое социальное множество, которое таким образом («это было всегда») оправдывает свое морально-правовое бессилие или равнодушие, отказ от необходимости осуждения этнической нетерпимости и агрессии, свой оппортунизм.

в существовании «некоторых» народов, обладающих особыми правами и привилегиями), держится на отметке примерно 20–25% и меняется незначительно. Абсолютное большинство (от 2/3 до 3/4) населения не испытывает нужды в акцентировании подобных претензий на этническое доминирование или особый статус по отношению к этническим меньшинствам (см. табл. 1–2).

Таблица 1
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВСЕ НАРОДЫ В ПРИНЦИПЕ ОДИНАКОВЫ ИЛИ ОДНИ ОТ ПРИРОДЫ ЛУЧШЕ, А ДРУГИЕ ХУЖЕ?

	1992	1997	2000	2015
Все народы в принципе одинаковы	68	69	71	78
Одни народы от природы лучше, а другие хуже	22	25	22	19
Не знаю, затрудняюсь ответить	10	6	7	3

Таблица 2
ЕСТЬ НАРОДЫ, КОТОРЫЕ САМА ИСТОРИЯ ПОСТАВИЛА ВЫШЕ ДРУГИХ НАРОДОВ

	1992	2015
Согласен	23	28
Не согласен	58	66
Затрудняюсь ответить	19	6

Относительная раздвоенность в признаниях «есть народы выше других» и «есть народы, которые вызывают антипатию и симпатию», указывает на наличие значительного пласта этнически (а в какой-то мере и расово) окрашенных социальных напряжений, которые при определенном стечении обстоятельств могут стать конфликтогенным фактором, особенно если это получает явную или неявную поддержку государственных органов и массовой пропаганды. Среди тех, кто согласен с суждениями вроде «есть народы лучше и хуже других», респондентов, настроенных неприязненно по отношению к евреям, на 15–20 п.п. (то есть минимум на треть), а в ряде случаев и вдвое больше, чем придерживающихся другой, неантисемитской, точки зрения. В их числе также больше тех, кто считает, что «этнически нерусский человек не может быть настоящим патриотом России», кто хотел бы ограничить доступ евреев к значимым позициям или чтобы их вообще не было в России. В этом плане данная позиция сама по себе может быть симптомом латентной этнической агрессии и склонности к дискриминации.

Вместе с тем данные замера 2015 года показывают заметное укрепление нормы, осуждающей *публичное* или *открытое выражение* этнического неравенства и этнической неприязни (что не отменяет самого факта ее латентного присутствия), равно как и вытекающее из них осуждение дискриминационных действий, направленных против этнических групп. Этой нормы придерживается не просто большинство опрошенных, но растущее большинство: за период исследований значимость ее выросла на 10 п.п. — с 68 до 78%. Принятие такой нормы отнюдь не равнозначно ослаблению или исчезновению этнических предрассудков или фобий — это лишь запрет на социальном, коллективном уровне открытой ксенофобии, то есть усиление представления о *неприличности* подобной манеры вести себя. Следование ей вовсе не исключает проявлений ксенофобии, этнической неприязни в других формах (в ответах на по-иному формулируемые вопросы или вопросы, подразумевающие конкретные контексты событий). Эта норма порождена потребностью в социальном порядке и осуждении маргинальных радикалов. Другими словами, это означает, что норма не носит всеобщий характер, то есть допускает ряд исключений из правил; она адресована определенному кругу действующих, зрителю или аудитории, оценивающей «правильность» соответствующего поведения. «Декларативность» означает, что норма не институционализована полноценным образом, не функционирует как универсальная для общества ценность равноправия всех народов в обществе перед законом и пр., что в реальности эти правила нарушаются различными институтами гласно или негласно, прежде и чаще всего в СМИ, в публичной сфере, что особенно важно в отсутствие публичной конкурентной политики.

Радикализм (в официальной терминологии — «экстремизм») любого рода, в том числе открытых националистов, ярых антисемитов, расистов, членов фашистских движений и партий и т.п., никогда — по меньшей мере за время наблюдений социологов — не вызывал значительной и явной поддержки в постсоветском обществе. Показательно, что рост значимости этой нормы идет за счет сокращения числа затруднившихся с ответом. Это свидетельствует о возрастающем давлении данной нормы социального поведения при сохраняющемся потенциале ксенофобии (соответственно, почвы для возможного роста антисемитских настроений, фашизоидных и расистских взглядов и настро-

ений и т.п.). Здесь важен акцент на негативности «других», значимость отталкивания: респондентов, говорящих о том, что *для них* есть народы, вызывающие симпатию и благорасположение, несколько меньше, чем тех, кто, напротив, говорит о своих национальных антипатиях и неприязни к определенным этническим группам (в 2015 г. таковых соответственно 23 и 29%).

Указанное соотношение довольно устойчиво на протяжении всего времени проводимых измерений. Данное обстоятельство означает, что негативные установки систематически воспроизводятся, это не случайные «настроения», а крайне значимые механизмы поддержания коллективной идентичности через враждебность к другим, которые воплощают неприятные или нежелательные качества в самой группе, но приписываются тем, кто наделяется функцией «антиподов», «анти-мы».

Подобную же картину опрос фиксирует в отношении латентно присущего обществу комплекса этнического или расового превосходства, который в меняющихся обстоятельствах может выйти на поверхность. Отметим также, что, хотя доля людей, утверждающих, что для них существуют народы, которые вызывают антипатию, несколько уменьшается, гораздо сильнее сокращается доля тех, у кого другие народы вызывают симпатию и интерес, что может рассматриваться как признак усиливающегося изоляционизма в структуре коллективной идентичности, индифферентности по отношению к другим странам и народам (см. табл. 3–4).

Таблица 3
ЕСТЬ ЛИ ТАКИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, КОТОРЫЕ ВЫЗЫВАЮТ У ВАС ОСОБУЮ СИМПАТИЮ, ПРИЯТНЫЕ ЧУВСТВА?

	1992	1999	2015
Есть такие национальности	42	31	23
Нет таких национальностей	58	69	68
Затрудняюсь ответить ¹	*	*	9

*Вариант ответа не предусматривался.

¹ В опросах 1992 и 1999 годов не было варианта «затрудняюсь ответить», поскольку далее следовал открытый вопрос, на который респонденты давали конкретные ответы с указанием этнических представителей. Среди них на первом месте стояли русские (14%, более трети всех упоминаний), затем (по мере убывания упоминаний) — украинцы (12, 30% от всех упоминаний), белорусы (6%), немцы, англичане, евреи, грузины, прибалты, американцы, французы (более 2% упоминаний).

Таблица 4

ЕСТЬ ЛИ ТАКИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, КОТОРЫЕ ВЫЗЫВАЮТ У ВАС АНТИПАТИЮ, НЕПРИЯТНЫЕ ЧУВСТВА?

	1992	1999	2015
Есть такие национальности	35	33	29
Нет таких национальностей	65	67	64
Затрудняюсь ответить ¹	*	*	7

*Вариант ответа не предусматривался.

Проиллюстрируем вышеизложенное более детальным анализом ответов респондентов на открытый вопрос «*Есть ли такие национальности, которые вызывают у вас антипатию, неприятные чувства?*» (см. табл. 5). Как мы уже упоминали, доля утвердительно отвечающих остается в основном неизменной, составляя около трети опрошенных в разных замерах. Снижение ее в последнем замере до 29% произошло за счет добавленной позиции «затрудняюсь ответить». Отметим, что один из наиболее высоких показателей такой негативной установки зафиксирован в Москве, а также в средних городах — 37% «согласных». Повышенная готовность выражать свои этнические антипатии фиксируется в полярных по ощущению приспособленности к нынешней жизни группах: среди «полностью дезадаптированных», как бы выброшенных из общества по их самоощущению и, напротив, среди самых благоустроенных, активно адаптирующихся, ориентированных на социальное продвижение респондентов соответственно 38 и 35% опрошенных говорят о своей неприязни к отдельным народам и национальностям. Третий существенный фактор, способствующий готовности выражать антипатию к другим народам и этносам, — негативные социальные настроения: раздражение, агрессия, страхи, тревоги, рессантимент и т.п.

Список первых десяти наиболее часто упоминаемых антипатичных для россиян народов и национальностей, который мы приводим, в совокупности с другими упоминаемыми меньшим числом респондентов народами, дает

¹ В опросах 1992 и 1999 годов не было варианта «затрудняюсь ответить», поскольку за ним далее следовал открытый вопрос, на который респонденты давали свои конкретные ответы с указанием этнических представителей. Список национальностей, вызывающих антипатию, открывался в 1992 году армянами, грузинами и азербайджанцами, далее шли евреи, цыгане, татары, узбеки (более 2% упоминаний). В 1999 году список начинался с чеченцев (10%, или около трети всех упоминаний), затем шли упоминания евреев, кавказцев, армян, азербайджанцев, грузин, прибалтов (более 2% упоминаний).

Таблица 5

НАРОДЫ, АНТИПАТИЧНЫЕ ДЛЯ РОССИЯН (первые 10 упоминаний из списка ответов на открытый вопрос, в % от числа тех, кто согласен, что существуют народы, вызывающие антипатию)

Цыгане	22
Азербайджанцы	16
Таджики	15
Американцы	13
Украинцы	12
Узбеки	12
Чеченцы	11
Армяне	11
Евреи	10
Кавказцы	8

возможность выделить основные категории или виды ксенофобии.

1. Трайбалистская, или родоплеменная, ксенофобия, которая направлена прежде всего против «культурно» чужих: цыган, азербайджанцев, таджиков, узбеков, чеченцев, армян, кавказцев в целом (сюда же можно отнести реже упоминаемых респондентами татар, киргизов, народы Азии в целом, арабов).

2. Ксенофобия, направленная против «политических наций». В их число входят недавно оказавшиеся в этом ряду после победы Майдана украинцы, взявшие курс на построение политической нации и вхождение в семью европейских народов; реже упоминаемые (поскольку окончательное отделение от Союза и освобождение от давления России произошло в этих странах гораздо раньше) прибалтийские народы, грузины, молдаване, поляки. Сюда же можно отнести американцев как давнишнего, а теперь и главного врага России, поддерживающего бывшие республики СССР и страны Восточной Европы.

3. Собственно антисемитизм, упоминания о евреях (10% ответивших, что составляет 3% всех опрошенных). Это не новый тип ксенофобии или недавно возникшая форма национальной враждебности, а остатки рутинного антисемитизма, амальгама разных типов неприязни или антипатии к евреям. Эта амальгама включает напластования различных видов ксенофобии, разных по источникам происхождения, времени распространения и функциональному наполнению.

Таким образом, для абсолютного большинства населения России (60–70%) другие народы и страны, культуры не вызывают ни симпатии, ни антипатии, россияне индифферентны к дру-

гим. Объяснение природы этого этноцентризма выходит за рамки данного исследования, но можно предполагать, что это обстоятельство есть отражение подавленности собственных ценностных качеств («простоты» русских), незаинтересованности в других как партнерах и источниках благ, подлежащих обмену, некоммуникабельности русских или культуры «закрытого общества».

Размеры скрытого массива «спящих» расистских убеждений можно оценить в 28–41% всего населения (41% – это число респондентов, заявивших в данном опросе, что «русские в России должны иметь определенные преимущества перед всеми остальными»; подчеркнем, что в 1992 г. доля подобных ответов составляла лишь 17%, в 1997-м – 32%). Иначе говоря, потенциал ксенофобных и фашизоидных (в потенциале и антисемитских) представлений увеличился (по мере действия традиционалистской и имперской пропаганды, идеологии возрождения великой державы и неразрывно связанного с ним синдрома «осажденной крепости», питательной средой которых и является ксенофобия) или, по крайней мере, стал несколько более определенным.

С 1992 года доля сторонников восстановления этносоциальной иерархии (возможно, по образцу той, что существовала в поздние советские времена) увеличилась в 2,5 раза – с 17 до 41%. Абсурдность этого массового запроса на привилегии и преимущества для этнического большинства¹ слабо осознается общественным мнением, поскольку движение в эту сторону продиктовано общим ощущением неуверенности российского большинства в будущем, чувствами социальной незащищенности и уязвимости перед произволом власти и общей нестабильностью повседневной жизни (работы, доходов, условий существования) в новых обстоятельствах распада прежней государственной системы, иначе говоря, массовым подсознательным или размытым ощу-

нием принадлежности к «нации второго сорта» (см. табл. 6).

Для целей настоящего исследования важно не только установить максимальные значения распространенности антисемитизма и ксенофобии (те или иные дискриминационные предпочтения масс, вроде нежелания, чтобы этнически нерусский политик, в нашем случае речь прежде всего идет о евреях, занимал ключевые должности в российском государстве), но и выявить потенциал сопротивления подобным действиям, иммунитет к ксенофобским установкам. Предельные величины этого потенциала можно (условно) определять через негативные реакции на лозунг «Россия для русских». Их параметры колеблются год от года в зависимости от общественной атмосферы в пределах 20–34%. Другими словами, ксенофобские установки в российском обществе, пусть и в слабом виде, преобладают над толерантными и антиксенофобскими.

Канализация вовне межэтнической конфликтности и напряженности привела к явному снижению внимания к «обидам» самих русских внутри России, включая уменьшение интереса к тому, что происходило в этот момент на Кавказе. Снижение в 2014–2015 гг. поддержки лозунга «Россия для русских» (с 54 до 47% и соответствующее осуждение его с 27 до 34%) произошло на фоне событий вокруг присоединения Крыма, необъявленной войны в Донбассе, проходившей под лозунгом солидарности и защиты русских на Украине, кампании «Русский мир», делающей позитивный акцент на общности всех русских («соотечественников»), где бы они ни жили, включая территории за пределами России, с одной стороны, а с другой – резко негативное по тональности, агрессивное педалирование пропагандой политики дискриминации русских (и евреев) новым украинским правительством, сменившим режим В. Януковича. Несмотря на лживость, преувеличения и тенденциозность подобных

Таблица 6

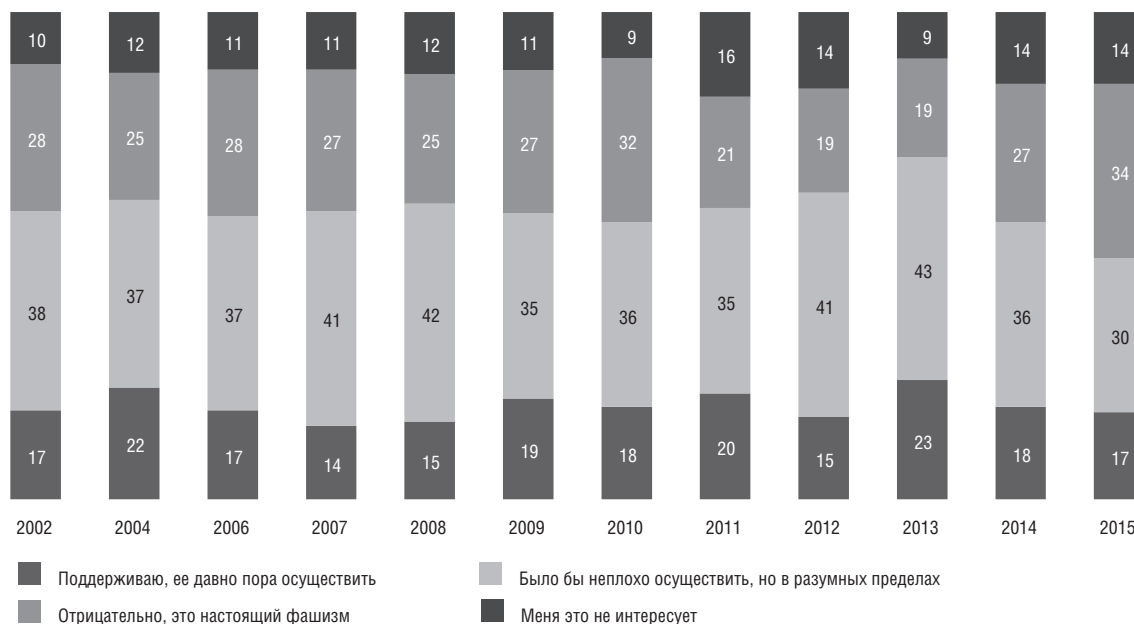
СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО РУССКИЕ В РОССИИ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ПЕРЕД ВСЕМИ ОСТАЛЬНЫМИ?

	1992	1997	2015
Согласен	17	32	41
Не согласен	73	57	50
Меня это не интересует, мне все равно, затруднились ответить	10	12	8

¹ Доля русских в СССР в целом к концу советского времени составляла 44%, в РСФСР в советские времена этнические русские насчитывали 80–83% населения, после 1992 года – примерно 80%.

График 4

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ»?

утверждений относительно «украинских нацистов», «киевских карателей» и «геноцида» на Украине, воздействие их на массовое сознание россиян чрезвычайно значительно, а реакция на подобную пропаганду крайне избирательна (по принципу: то, что делаем «мы», хорошо, а то, что делают «они», всегда очень плохо).

Вместе с тем и норма на открытое выражение ксенофобских взглядов, на которую ориентируется большинство опрошенных, стала также более жесткой: предъявление подобных взглядов в постсоветский период показательной демократии, присоединения России к «цивилизованным странам» оказывается допустимым только в определенной ситуации – среди себе подобных, среди «своих». Поэтому проблема заключается в том, возможно ли проведение такой государственной политики, когда культура «своих» распространится на все общество, когда нормы и представления «своих» («наших») будут обязательным образом навязываться как всеобщие и «единственно верные», как это происходит сейчас с «патриотизмом», «традиционными ценностями» и «духовными скрепами»?

Для ответа на этот вопрос следует проанализировать то, как (и кем) может использоваться ксенофобия, может ли она стать инструментом массовой мобилизации или нет. Типологически все разнообразие проявлений ксенофобии допустимо разделить на три основных вида, взяв за основание структуру социальных взаимодействий, мотивация которых включает ксенофобские смыслы и значения.

Первый тип – рутинная ксенофобия традиционных сообществ (племенная или трибалистская антипатия и страх перед всем неизвестным, чужим, непонятым, а потому воспринимаемым как угроза неизменному порядку в своей деревне или городе). К ней можно (для наших целей) отнести и ксенофобию закрытых, сословных, религиозных или кастовых сообществ, порядок в которых задан строгим соблюдением стародавнего уклада, «как завели его отцы наши». Этот вид «обычной» (от слова «обычай», «нравы») ксенофобии характерен для аграрных или слабо урбанизированных сообществ; такая ксенофобия (страх перед чужим) предопределяет сильнейшую дистанцию или зону отчуждения по отношению к любым внешним силам и людям, если только они не входят в горизонт существования общины в роли привычных маргиналов, соседей, торговцев, порядок взаимодействия с которыми жестко определен и расписан. Отчуждение поддерживается традиционными по характеру и нерационализируемыми запретами на брак с иностранцами и чужаками, совместные проживание, прием пищи, некоторые церемониальные занятия и прочие действия. Здесь ксенофобия опирается на солидный пласт верований, легенд, мифов, сказаний, «объясняющих» происхождение подобных барьеров и запретов на взаимоотношения с чужаками.

Другой чистый тип ксенофобии характерен для меняющихся, модернизирующихся

обществ, процессов урбанизации или резких социальных изменений, когда «чужие» воспринимаются как угроза ресурсам или статусным позициям большинства. Наиболее знакомый пример этого — мигрантофобия во всех ее разновидностях (необязательно даже этнически определенных, это может быть ксенофобия «коренных» жителей по отношению к деревенским, лимитчикам, гастарбайтерам, шабашникам и т.п.). Но понятно, что, когда приезжие маркированы аскриптивно — этнически, расово, конфессионально, — социальная дистанцированность, табу, подозрительность и страх по отношению к ним возрастают многократно. В этом случае ксенофобия становится предметом оправдания, частичной рационализации, спекуляции тех, кто хотел бы использовать ресурс массовой поддержки для групповых или политических целей. Именно на этой фазе возникают мелкие националистические и популистские партии, группировки, банды, ассоциации, конституирующие себя от противного, — скинхеды, футбольные фанаты, сетевые организации, движения против нелегальной миграции и т.п.

Третий тип ксенофобии представляет собой высоко рационализированные обоснования политики по отношению к другим странам, народам, государствам, религиям реально проводимой властями или партиями, претендующими на власть, лидерами общественных движений. Такого рода ксенофобия принимает форму идеологии националистических, популистских или религиозных организаций. Ксенофобские идеологии используют отдельные смысловые компоненты первого и второго типа ксенофобии, а могут обходиться и без них, то есть быть свободными от расизма, популизма традиционалистского или религиозного рода, достигая высокой степени абстрактности и чистоты какой-нибудь философии истории или геополитических спекуляций. Здесь могут отсутствовать всякого рода этнические предубеждения, табу, запреты (на брак, пищу, соседство, совместную работу с «чужими»). Важна лишь функция такой идеологической разновидности ксенофобии: те, кто публично представляют подобные ксенофобские убеждения и взгляды, стремятся быть авторитетными в обществе, нацелены на мобилизацию массовой поддержки, а значит, ориентированы на завоевание или удержание власти, господства (то есть на достижение ключевых позиций в системе государства).

Антисемитизм и ксенофобия: общее и особенное

Горбачевская перестройка сопровождалась прекращением политики государственного антисемитизма и «борьбы с сионизмом». После этого антисемитизм в массовом сознании уже не выступает как автономный или особый, отдельный вид ксенофобии. Он проявляется только в связке с другими формами этнических антипатий как некоторый индикатор или симптом коллективной фрустрации, враждебности и страхов. Антиеврейские предрассудки и установки, как показывают данные наших предыдущих исследований, неотделимы от прочих этнонациональных фобий. Сегодня антисемитизм предстает как часть (не самая выраженная) широкого спектра ксенофобских взглядов и настроений, обладающих разной степенью распространенности и, что более важно, разной интенсивностью проявления неприязни или открытой агрессии, ставших сильнее и образнее выраженными в массовом сознании российского общества в последние 10–15 лет. Другими словами, анализируя состав массовой ксенофобии (этнической, социально или политически мотивированной агрессии и вражды к мигрантам, религиозной нетерпимости), мы с большой вероятностью найдем среди широкого набора стереотипов этнического негативизма, неприязни к приезжим таджикам, узбекам, киргизам и антисемитские компоненты. Нынешняя ситуация отличается тем, что собственно антисемитская составляющая в этом букете враждебностей носит стертый и пассивный характер. В качестве доминанты массовой ксенофобии антисемитизм сегодня не фиксируется.

Антисемитизм — первая по времени появления форма ксенофобии, получившая всеобщее распространение из-за родства с христианством и особенностями культуры евреев, обеспечившей их выдающуюся роль в модернизированных обществах (бизнесе, науке, философии, искусстве, политике и других сферах), что стало причиной превращения антиеврейского рессантимента и ксенофобии в различные версии систематической идеологии. Речь не только о нацистской идеологии, но и о менее заметных или влиятельных идеологиях «борьбы с сионизмом» или других формах рафинированной ксенофобии, маскирующейся под философскую или религиозную мысль. Никакой другой вид этноконфессиональных предрассудков и антипатий не получил столь же «рационального» и проработанного вида,

как антиеврейские взгляды и представления. Исходя из опыта предшествующих исследований антисемитизма в России, можно сказать, что в нынешних условиях и обстоятельствах антисемитизм сохраняется в первую очередь в функциональной роли *общей парадигмы* ксенофобии, грамматики или способа выражения для любых других видов ксенофобии и лишь во второй — в качестве актуальной агрессии против евреев, выражения ненависти к ним. Поэтому нередко возникает расхождение в оценке степени антисемитизма в России: аналитики, отслеживающие идейные течения в публицистике националистических кругов, ставят под сомнение данные социологических исследований, которые показывают ослабление массового антисемитизма, поскольку, по их мнению, антисемитская риторика (в интернете, националистической прессе, языке молодежных группировок, люмпенизированных слоев или субкультуры силовых структур) не ставится более редкой или менее значимой.

Наиболее важные социальные процессы и факторы, способствовавшие снижению уровня выраженности антисемитизма при обретении и сохранении им функциональной роли общей парадигмы ксенофобии таковы.

1. Прекращение в постсоветский период политики государственного антисемитизма, имевшего вполне выраженную форму «официальной» дискриминации в брежневское время — негласной, но присутствовавшей в социальном опыте людей: ограничения в кадровой политике, доступе к образованию, борьба с так называемым сионизмом в Советском Союзе, религиозные преследования, дискредитация еврейской эмиграции и введение различных барьеров и запретов на выезд из СССР и пр.

2. Процессы интенсивной ассимиляции евреев в 1950—1980-е гг., а затем массовая эмиграция евреев с повышенной долей молодых или трудоспособных возрастов в 1970—1990-е (при этом в 1960—1970-е уезжали в основном «сионисты») привели к постепенному старению еврейской популяции и резкому сокращению численности евреев в России в целом. Евреи перестали быть социально отмеченной и «заметной» этнической группой (со своим образом жизни, особенностями повседневной культуры). Абсолютное большинство российских граждан не имеют сегодня в своем окружении (от семьи и знакомых до коллег на работе) евреев (61%; в 1990 г. — 52%), а потому массовые мнения о них носят преимущественно виртуальный, почти фольклорный характер.

3. Ассимилированные евреи в массе своей (в силу накопленного в еврейских семьях социального и культурного капитала, ценностей книжной культуры и образования как условия социального продвижения и способа самосохранения) воспринимаются в статусном отношении как более высокая социальная категория населения («социальная элита», по выражению Ю. Левады), этнически не слишком явно маркированная. Поэтому *открытое* выражение неприязни к евреям воспринимается и маркируется сегодня более образованными и относительно благополучными опрошенными, успешно вписанными в общество, включенными в более сложные современные социальные взаимодействия, как *вульгарное, простонародное, присущее социальным низам, антиинтеллектуальное* и в конечном счете *неприличное* поведение.

Антисемитизм в структуре этнических предрассудков и фобий

Евреи не выступают объектом сильно выраженной антипатии и ксенофобии в сравнении с другими нациями и народами не только потому, что их мало и численность их сокращается. Более существенная причина заключается в том, что в сравнении с другими народами бывшего СССР, ставшими титульными нациями новых государств, «евреи» не претендуют на «национально-административное образование». На протяжении долгого периода они воспринимались скорее как «свои», как социально вписанная часть общества, этническая (или религиозная) идентичность которой представляется массовому сознанию весьма туманно, а элементы «чужести» носят постоянный характер.

Как показывает динамика отношения к различным народам и этносам, отрицательное отношение к евреям слабело еще в 2007 г. — с началом активной фазы разворачивания великодержавной и антизападной риторики путинской эпохи, когда ксенофобские настроения начинают (или продолжают) проецироваться в большей мере на внешних и внутренних «врагов», от которых исходит мнимая или индуцированная пропагандой угроза. В этом контексте евреи не воспринимаются как значимая для агрессивного, негативного «национального» самоутверждения россиян группа, интенсивность антиеврейских настроений существенно сокращается. Приведем данные об отношении к другим народам по мере убывания негативизма, данные ранжированы по последнему замеру 2015 г. (см. табл. 7а–7h).

Таблица 7а

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СЛЕДУЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ...

	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2015
Евреям										
С симпатией, интересом	7	6	5	7	5	6	6	5	6	9
Спокойно, как к любым другим, без особых чувств	83	81	82	78	84	83	80	84	84	83
С раздражением, неприязнью,	10	13	12	16	11	11	13	11	1	6
С недоверием, страхом	2	3	3	5	3	3	3	4	4	2
Сумма негативных оценок	12	16	15	21	14	14	16	15	5	8

Таблица 7b

	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2015
Цыганам										
С симпатией, интересом	5	2	2	2	2	2	2	1	3	3
Спокойно, как к любым другим, без особых чувств	55	50	55	46	48	45	47	50	54	51
С раздражением, неприязнью	28	28	27	32	31	30	32	30	25	30
С недоверием, страхом	12	20	16	20	19	23	20	19	18	17
Сумма негативных ответов	40	48	43	52	50	53	52	49	43	47

Таблица 7с

	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2015
Чеченцам										
С симпатией, интересом	2	2	1	1	1	2	2	2	2	4
Спокойно, как к любым другим, без особых чувств	52	48	46	34	46	46	47	55	57	63
С раздражением, неприязнью	27	29	31	36	29	26	27	24	22	21
С недоверием, страхом	20	21	22	30	24	27	25	20	19	12
Сумма негативных ответов	47	50	53	66	53	53	52	44	41	33

Таблица 7d

	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2015
Американцам										
С симпатией, интересом	16	13	9	7	6	7	7	6	5	3
Спокойно, как к любым другим, без особых чувств	75	75	81	77	79	78	74	77	75	66
С раздражением, неприязнью	5	7	6	12	11	11	14	11	13	23
С недоверием, страхом	4	6	3	5	5	5	6	6	7	8
Сумма негативных ответов	9	13	9	17	16	16	20	17	20	31

Таблица 7е

	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2015
Арабам										
С симпатией, интересом	-	-	3	2	3	4	4	3	3	4
Спокойно, как к любым другим, без особых чувств	-	-	82	70	75	72	74	79	78	71
С раздражением, неприязнью	-	-	10	16	15	14	13	10	11	15
С недоверием, страхом	-	-	5	12	7	10	9	8	7	10
Сумма негативных ответов	-	-	15	28	22	24	22	18	18	25

Таблица 7f

	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2015
Азербайджанцам										
С симпатией, интересом	3	2	2	1	2	3	3	1	4	3
Спокойно, как к любым другим, без особых чувств	69	63	69	60	65	67	65	72	71	73
С раздражением, неприязнью	22	26	23	29	25	23	25	20	18	18
С недоверием, страхом	7	9	7	10	8	7	8	6	7	6
Сумма негативных ответов	29	35	30	39	33	30	33	26	25	24

Таблица 7g

	2006		2007		2015	
Грузинам						
С симпатией, интересом	2		4		6	
Спокойно, как к любым другим, без особых чувств	69		69		74	
С раздражением, неприязнью	20		19		15	
С недоверием, страхом	9		8		5	
Сумма негативных ответов	29		27		20	

Таблица 7h

	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2015
Неграм								
С симпатией, интересом	6	5	6	7	4	6	5	5
Спокойно, как к любым другим, без особых чувств	86	81	84	83	81	85	83	77
С раздражением, неприязнью	6	10	7	7	11	7	8	11
С недоверием, страхом	3	4	3	3	5	3	4	7
Сумма негативных ответов	9	14	10	10	16	10	12	18

Таблица 7i

	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2015
Эстонцам										
С симпатией, интересом	6	4	2	4	3	5	5	3	4	5
Спокойно, как к любым другим, без особых чувств	82	83	84	81	83	85	82	87	78	82
С раздражением, неприязнью	9	9	11	11	11	8	11	8	13	10
С недоверием, страхом	3	4	3	5	3	2	3	3	5	3
Сумма негативных ответов	12	13	14	16	14	10	14	11	18	13

Таблица 7j

	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2015
Немцам								
С симпатией, интересом	9	9	9	10	9	10	9	7
Спокойно, как к любым другим, без особых чувств	85	80	83	84	82	84	82	83
С раздражением, неприязнью	4	8	6	5	7	4	5	7
С недоверием, страхом	2	4	3	2	2	2	3	3
Сумма негативных ответов	6	12	9	7	9	6	8	10

Сведенные в одну таблицу эти данные выглядят следующим образом.

Таблица 7К

ДИНАМИКА СУММАРНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КСЕНОФОБСКИХ УСТАНОВОК (в %)

	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2015	В среднем	Число замеров
Чеченцы	47	50	53	66	53	53	52	44	41	33	49	10
Цыгане	40	48	43	52	50	53	52	49	43	47	48	10
Азербайджанцы	29	35	30	39	33	30	33	26	25	24	33	10
Грузины	–	–	–	–	–	–	–	29	27	20	25	3
Арабы	–	–	15	28	22	24	22	18	18	25	22	8
Американцы	9	13	9	17	16	16	20	17	20	31	17	10
Эстонцы	12	13	14	16	14	10	14	11	18	13	14	10
Евреи	12	16	15	21	14	14	16	15	5	8	14	10
Негры	–	–	9	14	10	10	16	10	12	18	12	8
Немцы	–	–	6	12	9	7	9	6	8	10	8	8

Таблицы показывают силу такого фактора ксенофобии, как государственная пропаганда или государственная политика в отношении определенных стран и этнонациональных групп. В одних случаях влияние государственных СМИ легко прослеживается и может служить объяснением колебаний этнических фобий и неприязни: так, чеченская война (и первая, и в особенности вторая) выдвинула чеченцев на первую позицию в списке народов, вызывающих открытую неприязнь российского населения (пик приходится на 2002 г.). То же можно проследить и в отношении грузин (антигрузинская кампания, экстрадиция грузин из России, обострения российско-грузинских отношений после «революции роз»), эстонцев (2007 г. – события вокруг переноса «Бронзового солдата»), американцев (резкий рост в 2015 г.) или евреев в 2002 г. (периоду кампании борьбы с олигархами, многие из которых – евреи) и т.п. Но в случаях более рутинного неприязненного отношения населения к тем или иным народам эти скачки объяснить не удастся: почему антицыганские настроения усиливались в 1998-м или в первой половине 2000-х гг., почему идет спад антиазербайджанских настроений после 2005-го, однозначного объяснения нет. Можно лишь рассуждать об общем подъеме этнической агрессии в этот период.

Сегодня наибольший негативизм и антипатию вызывают «чужие» в традиционном социальном и культурном планах – цыгане и чеченцы. Затем имеет место ситуативно обусловленный фактор: главные политические «враги» – американцы. Далее опять культурно

«чужие», с явственно осязаемым религиозным фоном – арабы и азербайджанцы. Исламский фактор здесь проявляется даже сильнее, чем собственно расовые фобии, носящие «спящий характер»; вероятно, в этом проявляется эффект длительной и навязчивой пропаганды «борьбы с международным терроризмом», под которым понимаются главным образом северокавказские сепаратисты и виртуальная угроза со стороны исламистов, действующих на территории от Афганистана до Ближнего Востока. Кроме того, следует подчеркнуть и рутинную неприязнь к азербайджанцам как «рыночным спекулянтам» и «торговцам». Но цыгане – это всегда предел этнического неприятия, жесткий барьер между «своими» и «чужими».

Политически или социально обусловленная ксенофобия (к украинцам, американцам, грузинам и многим другим), вызванная нынешней волной агрессивной антизападной пропаганды, «возрождения России» как «великой державы», акцентирования «особости русского пути», «возвращения к русским национальным традициям и ценностям» и т.п., захватывает примерно от четверти до трети населения. Этот вид этнонациональной неприязни заметно слабее по интенсивности своего выражения. Ее важнейшие смысл и функция – не мобилизация масс на активные действия против представителей названных групп или стран, а выделение, подчеркивание негативных моментов в образе и характере этих национальностей, что само по себе является условием и средством выражения для позитивных свойств и характеристик

собственной группы, «русского большинства», «россиян» в их противопоставлении «другим»¹.

Антисемитизм как первая по историческому времени форма этнонационального негативизма и враждебности стал парадигмой для выражения всех последующих этнических неприязней, то есть схемой артикуляции любой разновидности ксенофобии и антипатии. По его структуре строятся все прочие типы этнических фобий (здесь предполагается мифология «чужого», вплоть до «заговора» против основного большинства, зависть, трансформированная в идею враждебных замыслов против большинства, наличие социальной дистанции и механизмов отчуждения, отстранения, демонизации, претензии и обоснование особых прав и преимуществ титульного населения и пр.).

Можно выделить несколько уровней выраженности или интенсивности проявления этнической, антисемитской агрессии.

1. Устойчивое ядро антисемитов и ксенофобов (они, как уже говорилось, на три четверти пересекаются между собой и взаимосвязаны, поддерживают друг друга) составляет от 8 до 16% опрошенных (величина условная, она определяется «общей зоной» пересечения антиеврейских ответов на разные диагностические вопросы, такие как откровенная и открыто высказываемая неприязнь к евреям).

2. К ядру примыкает более размытая и менее определенная масса, проявляющая лишь некоторые реакции из всего возможного набора антисемитских клише и установок; это множество образует внешний слой менее устойчивых и частичных антипатий и предрассудков – его массив можно оценить приблизительно от 18 до 35%. Диагностируется этот слой по согласию с такими вопросами, как «есть неприятные национальности» (23–29%), «одни народы лучше других» (19%), «выше других» (28%), «нерусский человек не может быть патриотом России» (31%) и т.п.

3. Еще менее определенным и консистентным оказывается облако отдельных разрозненных негативных реакций, направленных не

столько непосредственно против евреев, сколько предназначенных для самозащиты и самосохранения этническим большинством представлений о своем «целом», своем мифологическом национальном «субстрате». Обычно такого рода потребности в поддержании своей «сущности» выражаются в виде требований защиты или предоставления титульной нации каких-либо привилегий перед другими общностями. Например, «русские должны иметь преимущества перед людьми других национальностей» (так считает 41%, в Москве – 59%), «нежелательно, чтобы еврей был президентом» (67%) и т.п. Этот диффузный и размытый слой, или оболочка, функция которого – защита символических представлений о коллективных ценностях, закрепленных за теми или иными традиционными позициями (семья, власть), характеризует установки от 40 до 65% опрошенных. Здесь собственно антиеврейские представления присутствуют в самой стертой форме.

Чем шире круг носителей подобных представлений, тем слабее интенсивность выражения антисемитских взглядов.

Наиболее агрессивно и последовательно в отстаивании своих антипатий и националистических взглядов как раз именно ксенофобское ядро, не имеющее других оснований для самоидентичности, кроме ненависти к другим. Доля тех, кто считает, что при рассмотрении доступа на ключевые должности в правительство следует принимать во внимание национальность (этническую принадлежность) кандидатов, составляет 55%; чуть меньше эта доля, когда речь идет о службе в полиции, ФСБ и других силовых ведомствах – 50%. 30% считают, что этнические характеристики кандидатов должны учитываться при замещении должности учителя в школе или преподавателя вуза, работника СМИ – 29%. При зачислении в студенты вуза – 16%. Так или иначе, идея этнонациональной селекции или фильтра в ключевых узлах социальной системы глубоко укорена в сознании российского общества.

В отношении к евреям сочетаются:

а) традиционная (племенная) ксенофобия, характерная для аграрных обществ Восточной Европы, подкрепленная христианским антисемитизмом;

б) консерватизм формирующегося русского национализма, характерный для ранних фаз модернизации, когда евреи представляли собой быстро усиливающуюся группу носителей модерности, универсалистских идей и понятий (равенства прав, антисословного духа, светско-

¹ Если русские «простые и открытые», «гостеприимные», «терпеливые», «миролюбивые» и т.п., то американцы – «навязывающие свои обычаи другим», «властолюбивые», «заносчивые», «лицемерные, хитрые», «жестокое» и пр. Здесь работает не только своего рода «эгоцентризм» русских, их «заикленность» на себе, на своих проблемах и простое незнание жизни и культуры других народов, но и механизм негативной идентичности, когда собственные достоинства и добродетели, позитивные характеристики могут быть выражены только через отрицание их у других, неприязнь, агрессивные проекции собственных качеств на других, приписывание значимым другим собственным мотивов и особенностей. См. об этом ниже).

го всеобщего просвещения, индустриализации, индивидуалистической достижительности, эмансипации и пр.);

в) антиреволюционный настрой победенных привилегированных сословий и групп, равно как и антисемитизм основной массы населения, отождествлявшей большевиков и, позднее, коммунистическую власть с евреями;

г) государственный антисемитизм сталинского времени, периода борьбы с «космополитизмом»;

д) постсоветские идеологические антисемитские выкладки, соединяющие евреев с перестроечными реформами и появлением новых олигархов в конце 1990-х годов.

Типы антисемитизма

В предыдущих исследованиях по антисемитизму мы выделяли среди различных форм и видов антисемитизма и ксенофобии три основных: *племенной* (трайбалистский), или традиционный, *антимодернизационный* (который часто именуют бытовым) и *идеологический* антисемитизм.

Первый тип антисемитизма представлял собой реакцию социальных групп, этнически маркированных и определенных, защищающих свои границы и ресурсы от реальных или воображаемых «чужих», причем чужими были все, кто не входил в группу «своих». Это предельно рутинные и наименее рационализированные формы поддержания групповой идентичности, характерные для социальных низов и депримируемых, низкостатусных групп населения. Данные формы свойственны не только русским, но и — даже в большей степени — этническим меньшинствам.

Второй тип антисемитизма воспроизводится в среде, испытывающей сильные социальные напряжения из-за происходящих социальных изменений, причины которых членами этих сообществ контролироваться (и часто даже осознаваться) не могут. Отсюда возникают чувства неуверенности, уязвимости, нестабильности своего положения, а также зависть, рессантимент по отношению к воображаемым «евреям» как агентам модернизации в косном в культурном и экономическом плане обществе. «Евреи» воспринимаются как представители западной цивилизации, а значит, воплощающие универсалистские, «космополитические» идеи и ценности, что резко отличает евреев от основной массы населения страны. Поскольку евреи в этом плане представляют Запад, идеальные представления о развитых странах, об-

ладающих демократическим устройством, высоким уровнем жизни, правовым государством, системой защиты от произвола властей и т.п., они воспринимаются как представители статусно более высокой группы, добившейся успеха, благополучия, авторитетности «современных занятий», связанных с умственным трудом, высоким образованием, профессиональной квалификацией и эффективностью. Несомненно, распространению подобных антиеврейских представлений способствовали некоторые черты самого еврейства: уважение к книжной культуре и интеллектуальным занятиям, мотивы социального продвижения (вертикальной мобильности) через достижение самых высоких уровней профессиональной квалификации и компетентности, ориентированность на нормы «открытого общества», универсализм знания и права и пр. Поэтому антиеврейские представления такого рода широко распространены в российском обществе, испытывающем серьезные проблемы с социальным развитием, периодически переживающем крах поступательной эволюции, прекращение реформ и стагнацию политического и экономического движения. Можно сказать, что именно на евреев выплескивалось все раздражение и чувство национальной неполноценности, которые порождались из-за очередного исторического тупика.

Третий тип антисемитизма, идеологический, получил распространение главным образом в околоставных слоях социальной элиты или бюрократии. В этих группах гораздо слабее ощутимы племенные предрассудки и расовые барьеры (нежелание вступать в брак с евреями, иметь их в качестве соседей или коллег по работе и т.п.), а распространены негативные мифы о стремлении евреев к мировому господству, связи с антироссийскими или антирусскими силами за рубежом, пренебрежительном отношении евреев к ценностям и традициям русской культуры и православия, враждебности еврейства «русскому духу» и пр.

Обобщим еще раз полученный массив данных и динамику антисемитских и общих ксенофобских настроений, их актуальный срез, чтобы выделить структуру антисемитских и ксенофобских настроений и сделать примерные количественные оценки ее составляющих. В зависимости от выраженности или интенсивности проявления этнической и потенциально антисемитской агрессии можно выделить несколько уровней.

1. Устойчивое ядро антисемитов и ксенофобов (они, как уже говорилось, на три чет-

верти пересекаются между собой и взаимосвязаны, поддерживают друг друга) составляет от 8 до 16% опрошенных (величина условная, она определяется «общей зоной» пересечения антиеврейских ответов на разные диагностические вопросы, такие как откровенная и открыто высказываемая неприязнь к евреям).

2. К ядру примыкает более размытая и менее определенная масса, проявляющая не весь набор антисемитских клише и установок, а лишь некоторые; это множество образует внешний слой менее устойчивых и частичных антипатий и предрассудков – его массив можно оценить приблизительно от 18 до 35%. Он может быть диагностирован по следующим признакам: «есть неприятные национальности» (23–29%), «одни народы лучше других» (19%), «одни народы выше других» (28%), «нерусский человек не может быть патриотом России» (31%).

3. Еще менее определенным и менее консистентным оказывается облако отдельных разрозненных негативных реакций, направленных не столько непосредственно против евреев, сколько предназначенных для самозащиты и самосохранения этническим большинством представлений о своем «целом», своем мифологическом национальном «субстрате». Обычно такого рода потребности в поддержании своей «сущности» выражаются в виде требований защиты или предоставления титульной нации каких-либо привилегий перед другими общностями. Например, «русские должны иметь преимущества перед людьми других национальностей» (так считает 41%, в Москве – 59% (!). Или «нежелательно, чтобы еврей был

президентом» (67%) и т.п. Это диффузный и размытый слой или оболочка, функция которого – защита символических представлений о коллективных ценностях, закрепленных за теми или иными традиционными позициями (семья, власть), характеризует установки от 40 до 65% опрошенных. Здесь собственно антиеврейские представления присутствуют в самой стертой форме.

Чем шире круг носителей подобных представлений, тем слабее интенсивность выражения антисемитских взглядов.

Наиболее агрессивно и последовательно в отстаивании своих антипатий и националистических взглядов как раз именно ксенофобское ядро, не имеющее других оснований для самоидентичности, кроме ненависти к другим.

Социальная дистанция и барьеры в отношении евреев

Для подавляющего большинства россиян характерна общая установка на этнический и национальный барьер в отношении занятия высших руководящих должностей, в особенности поста президента (см. табл. 8–9). В подобных же вопросах, выделяющих в качестве «кандидатов» на такие посты евреев, этнический барьер выражен ощутимо слабее, хотя приведенные данные и здесь показывают усиление барьера в отношении евреев за счет существенного сокращения затруднившихся с ответом (см. табл. 10–12).

Некоторый рост желательной «жесткости» барьеров прежде всего в отношении доступа к президентскому посту идет за счет сокраще-

Таблица 8

НУЖНО ЛИ СЛЕДИТЬ ЗА ТЕМ, СКОЛЬКО РУКОВОДЯЩИХ ПОСТОВ ЗАНЯТО ЕВРЕЯМИ, И ОГРАНИЧИВАТЬ ЧИСЛО ЕВРЕЕВ НА РУКОВОДЯЩИХ ПОСТАХ ИЛИ НИЧЕГО ПОДОБНОГО ДЕЛАТЬ НЕ СЛЕДУЕТ?

	1992	1997	2015	1990/2015
Нужно следить и ограничивать	29	34	39	+10
Ничего подобного делать не следует	40	43	45	+5
Затрудняюсь ответить	32	23	15	-17
Нужно/не нужно	0,7	0,8	0,9	

Таблица 9

КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ ЕВРЕЙ СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИИ?

	1990	1992	1997	2015	1990/2015
Ничего не имею против	22	17	21	21	=
Считаю это нежелательным	53	57	64	67	+14
Затрудняюсь ответить	25	26	15	12	-13
+/-	0,4	0,3	0,3	0,3	

ния размытости и большей определенности тех, кто в начале 1990-х не высказывал отношения к проблеме (затруднившихся с ответом). Аналогично в отношении евреев — чем выше символический статус властной позиции, тем большее число опрошенных выступает за введение этнического контроля над доступом к ней.

Слабость социально-демографических и социально-профессиональных различий говорит о том, что мы имеем дело с воспроизводством рутинных стереотипов и давно не пересматриваемых представлений о евреях. А это значит, что они утратили актуальный интерес, то есть не включаются в контекст происходящих событий и заметнее воспроизводятся только в средах, испытывающих те или иные напряжения, в депримируемых группах.

При переходе на «горизонтальный» уровень взаимодействий мы видим, что открытый негативизм по отношению к евреям (в сравнении с установками к другим расовым или этническим группам) выражен слабо. Здесь явно действуют установившиеся за постсоветский период нормы общественных приличий: запрет на выражение этнонациональной агрессии к евреям,

связанный в первую очередь со всем контекстом и обстоятельствами памяти о Холокосте в европейской культуре.

Социальная дистанция: шкала Богардуса

Более адекватное представление об этнических предрассудках и барьерах во взаимодействии русских и других этнических групп населения России и отдельно евреев дают распределения вопроса о степени позитивных установок по отношению к «другим». Здесь, при относительно низком уровне выраженного негативизма, заметно и отсутствие позитивного «притяжения», привлекательности образов этнонациональных групп, «других» людей и народов. Косвенным образом это указывает на сохранение латентного отчужденного отношения, наличие барьера в межэтнических взаимодействиях.

Сам по себе этот барьер проступает в процедурах фиксации социальной дистанции, выявления скрытого негативизма по отношению к разным этническим группам. Широко принятым инструментом для оценки состояния социальной дистанции является так называемая

Таблица 10
КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ...

	1990	1992	1997	2015	1990/2015
...еврей был вашим непосредственным начальником на работе?					
Ничего не имею против	57	54	62	58	=
Считаю это нежелательным	22	28	28	35	+13
Затрудняюсь ответить	21	18	10	7	-14
...еврей был вашим деловым партнером?					
Ничего не имею против		58	64	63	+5
Считаю это нежелательным	Вопрос не задавался	19	24	27	+8
Затрудняюсь ответить		24	13	10	+13
...семья евреев жила рядом с вами?					
Ничего не имею против	76	70	88	83	+7
Считаю это нежелательным	11	17	8	13	+2
Затрудняюсь ответить	13	13	4	4	-9
...еврей был мужем вашей сестры, дочери, внучки, другой родственницы?					
Ничего не имею против	48	44	55	56	+8
Считаю это нежелательным	28	29	30	32	+4
Затрудняюсь ответить	24	27	16	12	-12
...ваш брат, сын, внук, другой близкий родственник женился на еврейке?					
Ничего не имею против	50	44	55	56	+6
Считаю это нежелательным	27	29	29	33	+6
Затрудняюсь ответить	24	27	16	12	-12

шкала Богардуса¹, использованная и в настоящем исследовании. Эта шкала позволяет оценить в респондентах готовность к различным формам контактов с представителями других национальностей, их открытость к взаимодействию и глубину этого взаимодействия.

Шкала ответов на вопрос «В какой мере вы готовы иметь дело с представителями различных национальностей?» имеет семь категорий и построена по кумулятивному принципу. «Согласны допустить в качестве члена семьи» – 1 балл; «в качестве близких друзей» – 2 балла; «...в качестве соседей» – 3 балла; «...в качестве коллег по работе» – 4 балла; «...в качестве туристов» – 6 баллов; «вообще не допускали бы в страну» – 7 баллов.

На основании шкалы стоит набор различных социальных индексов, среди которых Индекс национальной дистанцированности (ИНД) – средний балл по отношению к представителям каждой из национальностей. Получаемые количественные значения позволяют содержательно интерпретировать уровень национальной толерантности на континууме: **толерантность—обособленность—изолированность—ксенофобия**. Среднее значение индекса менее четырех баллов говорит об определенном уровне **толерантности**, готовности вступать в близкие и родственные связи с представителями других национальностей. **Обособленность** располагается в диапазоне от четырех до пяти баллов, эти значения расцениваются как отсутствие толерантности, признание предста-

вителей отдельной национальности «не совсем своими, но и не чужими». Значения выше, в интервале от пяти до шести баллов, свидетельствуют об ориентации на **изолированность** и указывают на предрасположенность к ксенофобии, ее скрытую форму. Наконец, **ксенофобия** (значения ИНД выше шести баллов): представители других национальностей воспринимаются как «совершенно чужие».

По сравнению с 2010 годом Индекс дистанцированности снижается, хотя все еще остается высоким, выше 4, что говорит о стремлении к национальной обособленности, построенной на этническом признаке. Негативизм по отношению к евреям (в сравнении с установками к другим расовым или этническим группам) выражен наиболее слабо. Сильнее всего негативное отношение к цыганам, таджикам, чеченцам и темнокожим. Цыгане традиционно являются изгоями в социальном и культурном плане, чеченцы стали таковыми после первой чеченской войны. Отношение к чеченцам по сравнению с 2010 годом улучшилось, что, вероятно, связано с окончанием конфликта в Чечне и стабильной обстановкой на Северном Кавказе, но они по-прежнему видятся чужими, нежеланными гостями в России. Дистанция по отношению к американцам выше, чем в 2010 году. Высокое значение национальной дистанцированности по отношению к американцам обусловлено политической повесткой дня и событиями, связанными с Украиной и санкциями против России. Интересно, что национальная дис-

Таблица 11
ИНДЕКС СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ ПО Э. БОГАРДУСУ

Национальная (этническая) дистанцированность россиян от...	2010	2015
	Средние значения	Средние значения
Американцев	5,2	5,3
Грузин	5,6	4,9
Евреев	5,1	4,5
Китайцев	5,8	5,1
Темнокожих (африканцев)	5,7	5,5
Немцев	5,1	4,7
Таджиков	5,8	5,4
Украинцев	4,8	4,8
Цыган	5,9	5,7
Чеченцев	5,9	5,3

¹ Адаптирована на русский язык украинским социологом Н.В. Паниной. См.: Панина Н.В., Головаха Е.И. Национальная толерантность и идентичность в Украине // Социологический журнал. 2006. № 3/4.

танцованность по отношению к китайцам и грузинам уменьшается. Это результат прямого влияния политической повестки. Китайцы рассматриваются как потенциальные экономические партнеры, пришедшие на смену европейским. В то же время с окончанием военного конфликта в Грузии негативизм по отношению к грузинам снижается.

Таблица 12
ИНДЕКС СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ ПО Э. БОГАРДУСУ
(сравнение по полу)

Национальная (этническая) дистанционность россиян от...	Мужчины	Женщины
Американцев	5,4	5,2
Грузин	5	4,9
Евреев	4,6	4,4
Китайцев	5,1	5,2
Темнокожих (африканцев)	5,5	5,5
Немцев	4,7	4,7
Таджиков	5,5	5,4
Украинцев	4,8	4,8
Цыган	5,7	5,7
Чеченцев	5,3	5,3

Уровень изоляционизма и антисемитизма наиболее сильно сопряжен с уровнем образования. Чем выше образование респондентов, тем ближе к себе и «своему» «социальному миру» они готовы приблизить представителей других национальностей. Это справедливо для американцев, грузин, евреев, украинцев, китайцев и

Таблица 13
ИНДЕКС СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ ПО Э. БОГАРДУСУ (сравнение по уровню образования)

	Начальная, средняя школа, ПТУ на базе неполной средней школы	Средняя школа, ПТУ	Техникум, незаконченное высшее	Высшее образование
Американцев	5,6	5,5	5,3	4,9
Грузин	5,3	5,1	4,9	4,7
Евреев	5,0	4,7	4,5	4,2
Китайцев	5,3	5,3	5,2	4,9
Темнокожих (африканцев)	5,5	5,6	5,5	5,3
Немцев	5,1	5,0	4,7	4,4
Таджиков	5,3	5,5	5,4	5,3
Украинцев	4,9	4,9	4,8	4,7
Цыган	5,7	5,6	5,8	5,8
Чеченцев	5,3	5,4	5,3	5,1

немцев. Сильнее всего выражено негативное отношение к цыганам, таджикам и темнокожим.

В различных возрастных группах наиболее близко к «своему» «социальному миру» евреев допускают представители молодого поколения, 18–24 лет. Представители старшего поколения более консервативны и готовы терпеть евреев внутри страны как жителей России или туристов. По сравнению с другими национальностями дистанционность по отношению к евреям самая низкая.

Если говорить о евреях, то усиление негативизма идет по мере того, как отношения с евреями начинают затрагивать наименее рационализируемые (то есть наиболее табуированные и скрытые) традиционные семейно-родственные значения «своих», а также ценности «своего» социального мира и его символические, а значит, иерархические социальные структуры: институты власти, насилия, образования, коммуникации. Довольно терпимое отношение к евреям в качестве формально равноправных партнеров (соседей, сотрудников, агентов взаимодействия по бизнесу) меняется на более жесткое в тех случаях, когда, во-первых, речь заходит о браке, а во-вторых, о занятии символических социальных позиций.

В ответах на отдельный вопрос, фиксирующий подробно именно социальную дистанцию по отношению к евреям в разных ситуациях взаимодействия с респондентом, проявляется развернутая картина потенциальных взаимодействий. Большинство не против иметь евреев соседями, коллегами, но позиция меняется на более жесткую, когда речь заходит о браке, с од-

Таблица 14

ИНДЕКС СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ ПО Э. БОГАРДУСУ (сравнение по возрасту)

	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 и старше
Американцев	4,3	5,4	5,2	5,6
Грузин	4,3	5,1	4,9	5,1
Евреев	4,3	4,7	4,5	4,6
Китайцев	4,7	5,2	5,1	5,4
Темнокожих (африканцев)	4,9	5,4	5,5	5,7
Немцев	4,2	4,8	4,7	4,8
Таджиков	5,0	5,5	5,4	5,5
Украинцев	4,6	4,8	4,8	4,9
Цыган	5,6	5,7	5,8	5,8
Чеченцев	4,8	5,4	5,4	5,3

Таблица 15

Как бы вы отнеслись к тому, чтобы рядом с вами жила семья евреев?				
	1990	1992	1997	2015
Ничего не имел бы против	76	70	88	83
Мне бы этого не хотелось	11	17	8	13
Затруднились ответить	12	13	4	4
Как бы вы отнеслись к тому, чтобы еврей был вашим непосредственным начальником на работе?				
Ничего не имел бы против	57	54	62	58
Мне бы этого не хотелось	22	28	28	35
Затруднились ответить	21	18	10	7
Как бы вы отнеслись к тому, чтобы еврей стал мужем вашей сестры, дочери, внучки, другой близкой родственницы?				
Ничего не имел бы против	48	44	55	56
Мне бы этого не хотелось	28	29	30	32
Затруднились ответить	24	27	16	12
Как бы вы отнеслись к тому, чтобы еврей был вашим деловым партнером?				
Ничего не имел бы против	–*	58	64	63
Мне бы этого не хотелось	–*	19	24	27
Затруднились ответить	–*	24	13	10
Как бы вы отнеслись к тому, чтобы ваш брат, сын, внук, другой близкий родственник женился на еврейке?				
Ничего не имел бы против	50	44	55	56
Мне бы этого не хотелось	27	29	29	33
Затруднились ответить	24	27	16	12

*Вопрос не задавался.

ной стороны, или занятия символических социальных позиций, с другой: доля тех, кто готов установить ограничения в отношении еврея как непосредственного начальника или брачного партнера, поднимается уже примерно до трети.

Тем не менее в целом довольно терпимое отношение к евреям сохраняется, по крайней мере, с начала 1990-х и не меняется, несмотря на все социально-политические изменения.

Еще сильнее антисемитские (и ксенофобские) предрассудки проявляются, когда затрагиваются вопросы допуска «нерусских» людей, включая и граждан России, к символически значимым социальным позициям – к руководящим постам в правительстве, должностям в полиции, госбезопасности, в СМИ, в системе образования и т.п. Здесь уже 39% опрошенных согласны с тезисом «нужно следить за тем,

сколько руководящих постов занято евреями, и ограничивать число евреев в руководстве». При этом «несогласных» все же несколько больше — 46%, что указывает на сформировавшуюся, хотя и не столь значительное неприятие дискриминации. 15% затруднились с ответом (то есть уходят от необходимости однозначного ответа).

Результаты нашего исследования говорят, что в России в целом сохраняется высокий уровень психологической обособленности и изоляционизма по отношению ко всем исследуемым национальностям. В этом контексте евреи в настоящее время находятся несколько вне поля зрения, по крайней мере, не в эпицентре внимания. Сегодня антисемитизм в значительной мере маргинализирован: основная масса антисемитских настроений концентрируется на периферии гражданской и социальной жизни. Преимущественно это люди слабо адаптированные, те, кто оценивая свою жизнь выбирают вариант ответа «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (в силу пожилого возраста или отсутствия высокого уровня образования и квалификации, ограниченных ресурсов, невозможности изменить свое материальное положение, повысить социальный статус). Их антисемитизм — это все еще продолжение советского антисемитизма. Вместе с неприязнью и дистанцированностью от других национальностей антисемитизм помогает справиться с неуверенностью в политической и социальной жизни и является механизмом компенсации напряжений, существующих в российском обществе и в особенности на его периферии.

Вместе с тем подчеркнем, что различия во мнениях у респондентов из разных социальных категорий не слишком значительны, хотя характер этих различий очень устойчив и повторяется практически во всех диагностических вопросах. Максимальные расхождения не превышают обычно 7–10 п.п. Это говорит о том, что установки слабо связаны с социально-групповыми интересами, что приверженность тем или иным предрассудкам и негативным стереотипам носит стертый и рутинный, латентный или неактуализированный характер.

Структура и динамика этнических стереотипов евреев

Для того чтобы выявить устойчивые представления (образы «других») о людях, принадлежащих к различным этническим или национальным общностям, специалисты Левада-Центра начиная с 1989 года задают один

и тот же вопрос: «*Как вы считаете, какие из следующих качеств наиболее характерны для евреев?*» (...англичан, немцев, литовцев, русских, азербайджанцев, узбеков и других народов, в том числе населяющих Россию). Каждый раз опрошенным предлагался список парных (позитивных, негативных, нейтральных) качеств, включающий 27 определений и характеристик¹. Такая процедура, основанная на предварительной апробации различных вариантов списков качеств, была проведена в первый раз в 1989 году и далее многократно повторялась. Структуру списка качеств составляют три ценностные оси: модернность-традиционализм (идентификация с развитыми странами Запада), свои-чужие (социальная дистанцированность — близость к своим/чужость) и власть/подчинение (самодостаточность/зависимость).

При анализе полученных данных рассмотрению подлежали не только образ русских, его изменения на протяжении 25 лет, но и сопоставления русских с образами других национальностей, а также с самописанием респондента (выбор из тех же самых категорий, что и все прочие образы).

Такая система референций, основанная на ключевых точках российской идентичности (догоняющей авторитарной модернизации), позволяла давать этнические образы «других», соотнесенных с обобщенным образом русских и самого респондента (его собственное самописание, основанное на выборе определений из данного фиксированного списка).

Если агрегировать эти характеристики, мы получим такую картину: в глазах основной массы российского населения евреи признаются как предприимчивые, энергичные люди, обладающие значительным культурным и образовательным капиталом, добивающиеся успеха в делах, носители «западного этноса» («дрожжи процессов модернизации», как их назвал Ю. Левада), но именно поэтому воспринимающиеся в пассивном и патерналистском социуме как социально и культурно «чужие». Вопреки демагогии русских националистов евреи в массовом сознании не претендуют на занятие властных (ключевых символических) позиций, а потому не представляют опасности для идентичности русских и, тем более, для населения национальных автономий. Образ еврея вызывал повышенный, хотя и неоднозначный интерес в обществе в моменты слабости центральной государственной власти и формирования

¹ См. табл. 24 в Приложении.

независимых от государства бизнес-группировок (остатки прежней номенклатуры и патристическая коммунистическая фронда, а также

пришедшая на смену правительству Ельцина чекистская плутократия, обличавшая «олигархов»). Именно между 1998 и 2005 гг. евреи на-

Таблица 16

ДИНАМИКА МАССОВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ ЕВРЕЕВ, 1989–2015 гг.

Год опроса		1989	1994	1999	2003	2005	2008	2015
Модерные	Энергичные	31	29	38	27	34	29	20
	Рациональные	24	31	40	38	56	34	34
	Свободолюбивые, независимые	6	9	11	9	14	12	11
	Культурные, воспитанные	14	20	25	25	52	32	33
	Трудолюбивые	12	20	24	27	51	26	18
	С чувством собственного достоинства	16	18	29	19	30	26	17
Сумма ответов		103	127	167	145	237	159	133
Традиционные	Гостеприимные	3	7	8	5	11	8	12
	Непрактичные	2	6	2	3	2	2	2
	Ленивые	8	14	7	8	3	4	7
	Безответственные	2	5	2	2	2	2	2
	Религиозные	13	25	30	38	25	40	36
	Почтительные со старшими	13	20	22	21	18	28	24
Сумма ответов		41	77	71	77	61	84	83
Свои	Открытые, простые	2	3	3	2	5	2	6
	Надежные, верные	4	7	5	6	9	5	6
	Готовые прийти на помощь	4	7	6	6	6	5	5
Сумма ответов		10	17	14	14	20	12	17
Чужие	Лицемерные, хитрые	42	52	47	51	19	44	28
	Скрытные	22	28	30	30	27	32	28
	Завистливые	13	23	14	20	8	10	11
	Эгоисты	13	19	14	18	14	12	8
	Скупые	26	39	31	41	26	32	26
Сумма ответов		116	161	136	160	94	130	101
Властные	Заносчивые	8	13	11	10	15	8	6
	Жестокие	4	7	6	5	20	4	3
	Властолюбивые	17	21	26	23	19	24	13
	Навязывающие свои обычаи другим	1	11	7	9	9	7	4
Сумма ответов		30	52	50	47	63	43	26
Подчиненные	Миролюбивые	9	12	11	11	6	9	14
	Забитые, униженные	4	12	6	8	1	4	2
	Терпеливые	6	14	9	11	14	10	14
	Итог	19	38	26	30	21	23	30
	Миролюбивые	9	12	11	11	6	9	14
	Забитые, униженные	4	12	6	8	1	4	2
	Терпеливые	6	14	9	11	14	10	14
Сумма ответов		19	38	26	30	21	23	30

делялись особым ореолом «успешных» людей, но по мере укрепления авторитарного режима и смены состава правящей и административной элиты их образ двигателей прогресса и реформаторов заметно полинял¹.

Одновременно схожие изменения можно наблюдать и в образах «значимых других», равно как и в самоописаниях русских. Так, с течением времени англичане, (или американцы, немцы и другие олицетворения современного «Запада») растеряли часть своих позитивных характеристик (свойств модерности), и, напротив, в структуре их образов увеличились доли «властности», «жестокости», склонности к навязыванию своей и воли обычаев другим народам, более того, увеличился и процент традиционалистских определений, усилились отчуждение от них и т.п. Напротив, в образах русских примерно в тех же пропорциях вырос вес современных качеств (энергичности, культурности, трудолюбия) и собственного достоинства, свободолюбия, независимости и т.п., всего того, что ранее, в первых замерах, приписывалось респондентами самим себе, но в чем отказывалось русским в целом, русским как таковым, как этнонациональной общности.

Представление о евреях у обеспеченных респондентов, занимающих высокие соци-

альные позиции, несколько отличается от образов евреев, распространенных в социальных низах.

Для нижних социальных страт самоидентификация через этническое сопоставление и дистанцирование оказывается более важной (функциональной), нежели для верхних (частота выбора и приводимых определений евреев здесь увеличивается на 21–27%). У респондентов, идентифицирующих себя с более высокими социальными позициями, латентное отношение к евреям более позитивно (выше удельный вес «современных качеств», а отчуждение от евреев менее выраженное: соотношение «свои/чужие» здесь равно 0,6, в нижних стратах – 0,3).

Иначе говоря, сама структура восприятия евреев (образ) сохраняется, но у статусно более высоких групп респондентов (более благополучных и уверенных в себе) черты евреев имеют несколько более позитивный и менее акцентированный характер, что в целом вписывается в общий тренд изменений отношения к евреям, фиксируемый в настоящем исследовании.

Степень распространенности различных стереотипов о евреях

В целом можно сказать, что антисемитские стереотипы и клише существенно ослабли, но

Таблица 17

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЕВРЕЕВ

Агрегированные определения	1989	1994	1999	2003	2005	2008	2015
Модерные	29	25	34	29	46	33	31
Традиционные	17	15	13	15	10	17	18
Модерные / Традиционные	1.7	1.7	2.6	1.9	4.6	1.9	1.7
Свои	4	5	5	4	6	4	8
Чужие	37	37	31	36	22	30	27
Свои/чужие	0.11	0.14	0.16	0.11	0.27	0.13	0.3
Властолюбивые	8	10	11	9	12	11	7
Подчиненные	5	8	6	6	4	5	9
Общее число определений	344	470	471	468	500	457	426
%	100	100	100	100	100	100	100

¹ Косвенно о важности этнических образов других (и тем самым о напряженности национальной идентичности основной массы населения) можно судить по частоте (интенсивности) выражения образов других и русских (или самих себя). Так, в период, предшествующий распаду СССР и ослаблению этнического единства русских или населения РСФСР, общественное внимание было приковано к проблемам изменения социального порядка, но уже после распада и кризиса русской идентичности начался процесс консервативной реакции на изменения и появился запрос на усиление сознания своих достоинств в дистанцировании от других: частота (потребность) ответов резко увеличилась и сохранялась на высоком уровне вплоть до последнего времени, затем, после украинской кампании, стала постепенно снижаться.

не уходят из массового сознания. Более того, в соответствии с логикой стереотипного мышления они могут даже менять знак оценки, тем не менее сохраняя функциональную роль в конструкции реальности. Например, характерное для времен перестройки и реформ мнение (фиксируемое согласием с суждением) «в правительстве много евреев» вполне актуально и сегодня, однако оценка этого обстоятельства уже не столь однозначно негативна. Ответ «да,

это верно» при позитивной оценке дали 18% опрошенных, при негативной – 32%. «Это суждение неверное, не соответствует действитель-

ности» – полагают 19%. «Верно или неверно, это обстоятельство не имеет значения» – считают 18%, и еще 13% затруднились ответить.

Таблица 18

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ СТЕРЕОТИПНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК (ТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ) ЕВРЕЕВ У РЕСПОНДЕНТОВ, ЗАНИМАЮЩИХ (ПО САМООЦЕНКЕ) РАЗНЫЕ СТАТУСНЫЕ ПОЗИЦИИ (в % к числу опрошенных по столбцу, 2015 г.)

Евреи ...	Верхний средний слой	Нижний средний слой	Нижний слой
Религиозные	23	38	34
Рациональные	37	34	42
Культурные, воспитанные	29	33	35
Скрытные	18	29	26
Лицемерные, хитрые	27	27	29
Скупые	20	29	29
Почтительные со старшими	12	23	31
Энергичные	24	24	22
Трудолюбивые	26	19	16
С чувством собственного достоинства	11	16	20
Терпеливые	4	14	9
Миротлюбивые	13	15	14
Властолюбивые	15	13	16
Гостеприимные	19	10	9
Завистливые	6	14	11
Свободолюбивые, независимые	11	8	18
Эгоисты	1	7	10
Ленивые	6	6	5
Заносчивые	0	7	9
Надежные, верные	5	7	6
Открытые, простые	4	5	5
Готовые прийти на помощь	4	4	6
Навязывающие свои обычаи другим	4	3	4
Жестокие	1	3	3
Безответственные	0	2	1
Забитые, униженные	2	2	0
Непрактичные	0	2	0
Сумма определений	324	394	410

Таблица 19

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ ОБРАЗА ЕВРЕЕВ СРЕДИ ЗАНИМАЮЩИХ (ПО САМООЦЕНКЕ) РАЗНЫЕ СТАТУСНЫЕ ПОЗИЦИИ (в % по столбцу)

Агрегированные определения	Верхний средний слой	Средний нижний слой	Нижний слой
Модерные	39	32	33
Традиционные	13	18	17
Свои	10	7	6
Чужие	16	22	21

Таблица 20

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ «ЕВРЕЙСКИХ» КЛИШЕ (негативные стереотипы выделены курсивом)

Согласны вы или нет, что...	Согласен	Не согласен	Затруднились ответить
Евреи – хорошие работники	66	14	20
Евреи – хорошие семьянины, любят детей	78	6	16
<i>Для евреев деньги важнее человеческих отношений</i>	57	22	21
<i>Евреи избегают физического труда</i>	62	19	19
Евреи – культурные и воспитанные люди	75	11	14
Среди евреев много способных и талантливых людей	84	6	10
Евреи всегда помогают друг другу устраиваться	78	8	14
Евреи по натуре добрые, миролюбивые люди	63	17	20
Евреи честные, порядочные люди	54	22	24
Евреи живут богаче других	67	18	15
<i>У евреев неприятная внешность</i>	<i>18</i>	<i>62</i>	19
<i>Евреи должны нести ответственность за распятие Христа</i>	<i>17</i>	<i>56</i>	27
<i>Евреи преувеличивают свои беды и страдания, жертвы</i>	40	31	29
У христиан и евреев общие святыни, и они могут понимать друг друга	71	13	16
Евреи и христиане могут забыть о взаимных обидах и жить друг с другом без конфликтов	72	12	16
<i>Евреи и христиане всегда были и останутся непримиримыми противниками</i>	<i>12</i>	<i>67</i>	21
<i>Евреи занимают слишком много места в культурной жизни России</i>	<i>32</i>	<i>48</i>	20
Евреи наравне с другими народами достойно сражались в годы Великой Отечественной войны	70	14	16
<i>На евреях лежит вина за бедствия, которые принесла революция и массовые репрессии при советской власти</i>	<i>14</i>	<i>66</i>	20
<i>На евреях лежит вина за трудности, которые переживает сейчас Россия</i>	<i>11</i>	<i>73</i>	16
<i>Евреи всегда отстаивают только собственные интересы, а не интересы той страны, где они живут</i>	49	32	19
<i>Евреи отделяются от людей других национальностей, боятся и презирают их</i>	<i>31</i>	<i>48</i>	21
<i>Для России было бы лучше, если бы в ней совсем не было евреев</i>	<i>14</i>	<i>64</i>	22

Из 24 приведенных выше суждений преимущественное одобрение антисемитских стереотипов получено лишь в четырех случаях. Приведем данные по группам, которые выделяются

тем, что чаще или, напротив, реже соглашались со всем приведенным списком негативных стереотипов в отношении евреев.

Таблица 21

НЕГАТИВНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЕВ

Суждение	Средние значения	Характеристики респондентов	
		Значения выше средних	Значения ниже средних
Для евреев деньги важнее человеческих отношений	57	Москва (62%), среднее и ниже среднего образование (61%), рабочие (65%)	Высшее образование (49%), 18–39 лет (56–54%). Верхний средний слой (45%), мусульмане (44)
Евреи избегают физического труда	62	Старше 55 лет (67%), Москва (75%), средний город (77%). Нижний слой общества (67%)	Село (55%). Молодежь 18–24 года (55%). Мусульмане (41%)
Евреи живут богаче других	67	Старше 55 лет (70%), Москва (73%). Средний и средний низший слой (73–72%), рабочие (70), пенсионеры (71)	Молодежь 18–24 года (62%). Верхний средний (60%). Мусульмане (57%)
Евреи преувеличивают свои беды и страдания, жертвы	40	Старше 55 лет (46%). Среднее специальное образование (46%). Москва (46%). Село (44%). Средний низший и низший слой (43–44%), мусульмане (48%)	Молодежь 18–24 года (35%). Неработающие (36%). Село (33%)
Евреи занимают слишком много места в культурной жизни России	32	Старше 55 лет (39%). Ниже среднего образование (35%). Москва (52%). Низший слой (39%), пенсионеры (41%)	Молодежь 18–24 года (23%), неработающие (24%), мусульмане (21%)
На еврейях лежит вина за бедствия, которые принесла революция и массовые репрессии при советской власти	14	Москва (26%). Верхний средний (24%), нижний слой (19%), неработающие (19%)	Село (11%), 25–39 лет (12%). Рабочие (12%). Средний средний (12%). Мусульмане (12%)

Как видно из приведенных данных, повышенная готовность соглашаться с негативными стереотипами характерна, с одной стороны, для «социальной периферии» (пожилых, средне- или низкообразованных, малообеспеченных), с другой же — мы видим особенно сильный негативизм среди опрошенных москвичей — наиболее образованных, обеспеченных и адаптированных по сравнению с жителями «другой России».

Принципиально важным для понимания функционирования антисемитских представлений следует считать ослабление их нормативного характера, приписывания им статуса безусловной реальности, «само-собой-разумеющегося» утверждения. Сила представлений о том, что «в России большинство населения настроено против евреев» (давление соответствующих мнений от имени «большинства», оправдывающее антисемитские установки

меньшинства), не слишком значительна. Абсолютное большинство опрошенных (69%) считают, что «настроенных враждебно против евреев» в России «очень мало» (45%). К этому следует добавить ответы «меньше половины» (24%). Те же, кто полагает, что так настроены «почти все», в абсолютном меньшинстве (2%). Если даже суммировать последнюю группу с ответами «больше половины», образуется незначительное множество в 13% (затрудняющихся сказать что-то определенное или уходящих от ответа 16%). Представления о незначительной распространенности антисемитизма в обществе разделяют, как правило, молодые, более успешные и благополучные категории населения, противоположной точке зрения чаще придерживаются в среде менее успешной. Такая картина особенно ярко проявляется в Москве, где степень социальной дифференциации доходов самая большая, а социальная зависть и чувство

ущемленности, несправедливости социального порядка выражены гораздо острее, чем в более однородных по составу средних городах. Важно подчеркнуть, что представления о широкой распространенности антисемитизма теряют связь с авторитетом высокостатусных и образованных групп, поэтому, как мы уже отмечали, постепенно становятся «неприличными», присутствиями «лузерам», «люмпенам», «ватникам» и т.п.

Таблица 22

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МНОГО ЛИ ЛЮДЕЙ В РОССИИ НАСТРОЕНО ПРОТИВ ЕВРЕЕВ: ПОЧТИ ВСЕ, БОЛЬШЕ ПОЛОВИНЫ, МЕНЬШЕ ПОЛОВИНЫ, ОЧЕНЬ МАЛО?*

«Почти все» + «больше половины»	
В среднем	16
Возраст	
18–24 года	26
25–39	16
40–54	11
55 лет и старше	15
Образование	
Высшее	15
Среднее специальное	14
Среднее общее	19
Ниже среднего	13
Тип поселения	
Москва	23
Большие города	13
Средние города	18
Малые города	14
Село	17
Род занятий	
Менеджеры, управленцы	16
Служащие	12
Рабочие	12
Пенсионеры	14
Неработающие	25
Вероисповедание	
Православные	13
Мусульмане	26
Неверующие	19

* Ответы «меньше половины», «очень мало» + «затруднились ответить» не приводятся, поскольку они указывают, что антисемитские взгляды не получают поддерживающую санкцию «большинства», то есть не обладают принудительной значимостью и самооправданием.

Таблица 23

СЛЫШАЛИ ЛИ ВЫ О СУЩЕСТВОВАНИИ «МИРОВОГО СИОНИСТСКОГО ЗАГОВОРА?»

	1990	1992	1997	2015
Да, слышал	26	25	29	34
Нет, впервые слышу	74	75	71	66

Таблица 24

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ТАКОЙ ЗАГОВОР НА САМОМ ДЕЛЕ?

	1990	1992	1997	2015
Да, существует	7	9	13	16
Нет, не существует	21	26	39	40
Затрудняюсь ответить	73	65	49	44

Таблица 25

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ТАКОЕ СИОНИЗМ?

	1990	1992	1997	2015
Политика, направленная на установление господства евреев во всем мире	21	17	22	20
Движение евреев за возвращение на свою историческую родину, укрепление государства	8	7	10	19
Идеология, оправдывающая агрессию Израиля на Ближнем Востоке	8	5	9	9
Религия еврейского народа	3	5	9	7
Движение за возрождение еврейских традиций, культуры	5	7	8	9
Не могу сказать определенно	57	60	42	36

Забыло об этом пропагандистском наборе негативных клише в первую очередь перестроечное поколение молодых людей с невысоким социальным статусом и образованием, то есть те, кому сейчас от 40 до 55 лет, поскольку в момент распада СССР вся эта демагогия немедленно ушла в маргинальные группы. Жители провинции, рабочие и служащие были равнодушны к идеологическим кампаниям того времени, а институциональных средств удержания социальной памяти (ресурсов книжной, письменной культуры) у них нет. Именно эти категории опрошенных сегодня отличаются наибольшим числом затруднений и отказов от ответов (38–47%). Среди тех, кто дает какие-либо содержательные ответы (необязательно адекватные), преобладают, хотя и незначительно, позитивные установки в отношении еврейской тематики — люди не знают точного ответа на диагностические вопросы (в данном случае о сионизме), но не дают негативных, враждебных ответов (см. табл. 27–28). Некоторое преобладание негативных установок фиксируется лишь в самых старших возрастах (в которых сохраняются какие-то обрывки предшествующей антиссионистской пропаганды) и у активных пользователей интернета, где в последние годы националистическая агрессия стала очень заметной. Но в любом случае минимальная определенность и информированность (понимание, что такое сионизм) характерны для меньшей части населения: в разных социальных группах от 15% (наименее образованные категории) до 22%.

Эти данные показывают, что прежние советские идеологические клише сегодня не зна-

чимы и не оказывают влияния на массовое сознание. Нельзя сказать, чтобы они полностью исчезли, но они явно обладают слабой силой и убедительностью. Во всяком случае, люди по большей части, даже неточно зная проблему, не хотят подчеркивать актуальность негативно окрашенной «еврейской тематики».

Важно подчеркнуть, что материалы исследования свидетельствуют о необходимости различения нескольких образов евреев, бытующих в массовом сознании.

Первый — образ «евреев вообще», существующий у респондентов, не имеющих регулярных практических отношений с евреями (именно как евреями, то есть вступающих в отношении с партнерами, где этнические или национальные характеристики еврейства имеют самостоятельное значение или ценность, где еврейство подчеркнуто особо, все равно, в позитивном или негативном плане). Этот образ еврейства носит многократно опосредованный и стертый характер. Это предельно рутинный набор стереотипных представлений о евреях, антисемитских клише (евреи связаны с деньгами, они держатся друг за друга, живут закрытой жизнью, дистанцируются и противопоставляют себя «другим», поэтому непонятны, вызывают подозрения, тайно мечтают о мировом господстве, враждебно настроены к православию и т.п.). Источники подобных «сведений» и юдофобских мифов — внутригрупповые, чаще всего устно передаваемые представления, иногда дополняемые и подкрепляемые специфической литературой и другими каналами.

Таблица 26

СООТНОШЕНИЕ ПОЗИТИВНЫХ (ВКЛЮЧАЯ ОШИБОЧНЫЕ) И НЕГАТИВНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ И ТРАКТОВОК ПОНЯТИЯ «СИОНИЗМ» В РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУППАХ ОПРОШЕННЫХ

В среднем	1.2
Возраст	
18–24	1.06
25–39	1.9
40–54	1.25
55	0.9
Образование	
Высшее	1.0
Среднее специальное	1.6
Среднее	1.48
Ниже среднего	1.0
Тип поселения	
Москва	1.0
Большие города	1.1
Средние города	1.1
Малые города	1.2
Село	1.1
Социально-профессиональный статус	
Менеджеры	1.2
Служащие	1.5
Рабочие	2.1
Пенсионеры	0.9
Неработающие	1.2
Вероисповедание	
Православные	1.46
Мусульмане	1.0
Неверующие	0.8

Таблица 27

ОТКУДА ВЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО УЗНАЛИ О ЕВРЕЯХ?

	Всего	Контакты с евреями		
		близкие	отдаленные	Нет
СМИ (печатные, ТВ, театр и кино)	67	55	60	72
Литература (художественная, специальная)	33	36	41	30
Интернет	15	14	16	15
Родители, другие родственники	26	35	26	25
Друзья	25	39	28	21
Коллеги по учебе, армии, работе	16	25	19	14

Таблица 28

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БЫЛИ ЛИ В НАШЕЙ СТРАНЕ ТАКИЕ ВРЕМЕНА, КОГДА ЕВРЕИ ПОДВЕРГАЛИСЬ ОСОБЫМ ПРИТЕСНЕНИЯМ? ЕСЛИ БЫЛИ, ТО КОГДА ИМЕННО?

	1990	1997	2015	2015, Москва
Такого никогда не было	9	9	15	9
До революции	12	15	17	32
Во времена революции и Гражданской войны	9	10	16	29
Во времена Сталина	37	45	42	49
Во времена Хрущева	3	3	7	13
Во времена Брежнева	7	7	3	7
В наши дни	3	1	1	1
Затрудняюсь ответить	40	30	25	11

Разновидность представлений о «евреях вообще» — это представления и знания, полученные преимущественно из формальных источников коммуникации — СМИ, школы, литературы. Это общие коллективные представления о Холокосте, Израиле, равно как и представления о преследованиях и дискриминации евреев в прошлом. Важно, что передача таких сведений или представлений носит общий характер, опосредованный СМИ, групповыми или институциональными механизмами консолидации и селекции мнений, что они никак не подкреплены собственным опытом респондента.

Второй тип представлений о евреях складывается из повседневных функциональных отношений и взаимодействий обычных людей на работе, по соседству, в учебе и пр. Здесь еврейство или специфические еврейские черты либо не акцентируются вообще, либо подчеркиваются в ситуациях, требующих дополнения (в конфликтах, а значит, когда провоцируется арсенал негативизма; в ситуациях подражания, когда достижения и успехи определенных людей воспринимаются как групповые, присутствующие людям, объединяемым общественным мнением по признакам общей принадлежности к музыке, медицине, науке, шахматам, то есть везде, где, как принято считать, евреи особенно успешны, где они представляют образец профессиональной или специальной квалификации и компетентности для других).

Третий тип актуализации образов еврейства и черт евреев — ситуации, когда апелляция или обращение к историческим, мифологическим или идеологическим конструкциям «еврея» или «еврейства» служат для обоснования каких-то собственных социальных интересов, когда они включены в конкретную коллизию защиты сво-

их позиций либо выражения отношения к «третьим» силам или группам интересов, например для защиты позиций православия (тезис о кровавых ритуалах и жертвах) или для обличения олигархов и их «антинародной» политики, поддержки внешнеполитических или геополитических тезисов (антисионизма, антиизраильской пропаганды, осквернении ислама и т.п., например при обсуждении мотивов убийства Б. Немцова).

Можно выделить и другие аспекты в массовом восприятии евреев. Подчеркнем, однако, что большая часть из них, в том числе и антисемитские представления, слабо связана с реальными практиками отношений с евреями, что, собственно, и объясняет низкий уровень актуальной враждебности к евреям при довольно заметном уровне негативных стереотипов, остающихся в массовой памяти от прошлого.

Источники информации о евреях, осведомленность об истории, культуре, традициях

Знание о евреях и их культуре получено большинством из вторичных и опосредованных источников: это ТВ, художественная литература, печать, кино, интернет и т.п. Однако осязаемая часть опрошенных получает сведения о евреях также по межличностным каналам (они, заметим, транслируют не только знания, но и предрассудки). При этом даже в группе респондентов, в чей круг близких и друзей входят евреи (таковых в выборке в среднем, по максимальной «прикидке», 27%, хотя сам факт знакомства или родственных связей не обязательно означает более или менее близкие контакты), основным источником знаний о евреях являются формальные каналы. Наиболее значимыми неформальными каналами информации являются для подгруппы, имеющей близ-

кие контакты с евреями, не столько родители или родственники, сколько друзья и коллеги (см. табл. 29).

Как связаны каналы информации со степенью выраженности антисемитских установок и стереотипов, социальной дистанцией? Анализ показывает, что каналы информации не влияют на соответствующие показатели, то есть все данные об отношении к евреям практически не зависят от названного респондентом канала информации и чрезвычайно близки к средним распределениям. Это свидетельствует о том, что в современной ситуации ни один из каналов коммуникации (формальной и неформальной) не актуализирует тему антисемитизма, сам феномен и проблемы, с ним связанные, явно не предстают как значимые.

Лишь одно существенное отличие демонстрируют полученные данные: пользователи интернета несколько лучше информированы о фактах истории, традициях, религии еврейского народа, но вовсе не выделяются при этом, в сравнении со всеми остальными и со средними по выборке показателями, большей толерантностью или большим негативизмом по отношению к евреям.

За прошедшие 25 лет после первого опроса об отношении к евреям и проблеме антисемитизма информированность населения России о различных аспектах жизни и культуры евреев существенно выросла. Снизилось число отказов от ответов («затрудняюсь», «не знаю»), увеличилась сама готовность обсуждать различные вопросы, связанные с еврейством и их жизнью, обстоятельствами дискриминации.

О массовом уничтожении евреев в годы Второй мировой войны знает сегодня практически все взрослое население России (90%; в 1997-м – 92%, в 1990-м – 87%). Вместе с тем о причинах катастрофы и числе погибших евреев представления довольно смутные. В наименьшей степени осведомлены о Холокосте мусульмане (18% из них не слышали об унич-

тожении евреев), молодежь в возрасте от 18 до 24 лет и наименее образованные респонденты (14 и 13% опрошенных в этих группах соответственно не знают о Холокосте, в то время как в среднем по выборке таковых 7%).

Абсолютное большинство опрошенных (76%) считает необходимым рассказывать на уроках истории о трагедии европейского еврейства, не согласны с этим 17%. В наименьшей степени заинтересованы в информировании школьников о Холокосте мусульмане (35%), люди с образованием ниже среднего (25%), москвичи (25%), а также представители наиболее высокодоходных групп (23%).

При этом интерес россиян к еврейской истории и культуре в целом крайне невелик, хотя уровень общей осведомленности об исторических событиях и культурных явлениях, связанных с еврейством, как мы уже отмечали, несколько вырос в сравнении с 1997 годом.

В динамике ответов на вопрос, были ли в нашей стране времена, когда евреи подвергались особым притеснениям и когда именно это происходило, есть некоторые изменения. Во-первых, почти удвоилась доля тех россиян, кто отрицает подобные преследования в истории страны. Во-вторых, значительно сократилась доля затрудняющихся дать ответ – с 2/5 в 1990 году до 1/4 в 2015-м. Именно второе обстоятельство указывает на большую определенность ответов, причем наблюдаются некоторый рост упоминаний о более отдаленных временах (до революции, во время революции и Гражданской войны) и некоторое сокращение упоминаний сталинской и брежневской эпох. Самой значимой по числу упоминаний остается сталинская эпоха, затем следуют дореволюционные и революционные времена, а эпоха советская, пронизанная государственным антисемитизмом, упоминается лишь небольшим меньшинством.

Москвичи отличаются от россиян прежде всего тем, что они значительно чаще называют

Таблица 29

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ТАКОЕ «ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ»?

	1997	2015	2015 (Москва)
Граница кочевых народов в Средней Азии	5	7	5
Рубежи государства Российского в XVII–XVIII вв.	3	3	4
Места, где начали расселяться татаро-монголы	3	4	7
Это определенные губернии, где разрешали селиться евреям	13	20	35
Другое	8	4	2
Не знаю/затрудняюсь ответить	68	61	39

дореволюционные и «революционные» преследования евреев, то есть демонстрируют значительно большую осведомленность об истории еврейства в России. Однако и среди москвичей лишь 7% упоминают брежневское время.

Вместе с тем значительное число опрошенных (46%) вообще отрицает тезис о том, что «раньше в России евреи жили в атмосфере неприязни и оскорблений», признают такого рода факты 33% (затрудняется с ответом 21%). Преобладающее большинство респондентов (78%) возражают против утверждений, что и сейчас в России евреи живут в атмосфере неприязни и оскорблений (согласны с этим 7%).

Сходная динамика прослеживается и в отношении знания о некоторых фактах истории. На вопрос, что такое «черта оседлости», правильный ответ стали давать чаще, особенно москвичи. Доля затруднившихся с ответом среди москвичей существенно ниже, чем по России в среднем.

Только 6% опрошенных смогли дать правильный ответ на вопрос, когда основано государство Израиль. По мнению 13% респондентов, израильское государство было основано в период до нашей эры, еще 7% назвали первую половину XX века, а 5% – вторую. Вообще затруднились хоть как-то ответить на вопрос о времени основания Израиля 70% респондентов.

Чуть более четверти опрошенных смогли назвать еврейские священные книги. Хотя только 27% упомянули Тору в качестве главной книги евреев, эти данные показывают более чем пятикратный рост по сравнению с 1997 г.

(тогда о Торе вспомнили лишь 5%). Талмуд в качестве главной еврейской священной книги назвали 22% (столько же, сколько и в 1997 г.). Для сравнения, осведомленность о главной книге мусульман в России гораздо выше: в ходе опроса 2015 года Коран назвали 89% респондентов (79% в 1997 году).

Выросла и осведомленность о традиционной еврейской кухне, хотя подавляющее большинство опрошенных в 2015 году не смогли назвать ни одного еврейского национального блюда (в 1997-м число затруднившихся с ответом достигало 84%). Остальные же, как и 18 лет назад, ограничились, по сути, тремя блюдами, назвав мацу, форшмак и/или фаршированную рыбу. Москвичи и в этом вопросе оказались гораздо более информированными (отметим, что вопрос задавался в открытой форме, что обычно ведет к повышенному числу затруднившихся и отказов от ответа).

Россияне и евреи в их окружении

Сравнение полученных результатов показывает, что с 1990 г. весьма устойчивой оказывается доля людей, проживающих в России и имеющих прямых и других родственников евреев; не сильно сокращается (если брать все годы замеров) и доля людей, имеющих близких друзей евреев (какая часть в этих и других случаях находится в эмиграции, в данном исследовании установить невозможно). Вместе с тем мы видим резкое сокращение по последнему замеру доли имеющих соучеников, сокурсников и коллег по работе еврейской национально-

Таблица 30

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ КАКИЕ-НИБУДЬ ЕВРЕЙСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ БЛЮДА, ЕСЛИ ДА, ТО КАКИЕ? (открытый вопрос)

	Россия в целом	Москва
Маца	10	22
Форшмак	9	20
Рыба фаршированная (щука, карп / рыба фиш)	4	7
Хумус	1	7
Хала	1	2
Цимес	1	2
Кошерная еда	<1	1
Кугель	<1	1
Пасха	<1	1
Сладости	<1	1
Шакшука	<1	1
Другое	2	1
Затрудняюсь ответить	75	55

сти (тут мы фиксируем последствия последней масштабной эмиграции и постарения еврейского населения России), а также сокращение доли россиян, имеющих отдаленно знакомых им евреев (также признак вымывания еврейской среды).

Как видно из данных, пересчитанных в зависимости от типа поселения, доля россиян, имеющих прямых и других родственников евреев, наиболее высока не в Москве, а в средних городах (18% при средней цифре 7%). Жители Москвы, тем не менее, лидируют по количеству близких друзей (возможно, находящихся в эми-

грации) и коллег, товарищей по работе и учебе (также, возможно, эмигрировавших). Именно среди москвичей и, во вторую очередь, среди жителей городов среднего размера наиболее низки доли людей, у которых вообще нет родных и знакомых евреев.

Представление россиян о еврейской идентичности

В массовых представлениях о том, кого считать евреем, в сравнении с первым замером 1990 года произошли значительные изменения — возросла доля людей, выбирающих

Таблица 31
ЕСТЬ ЛИ ЕВРЕИ СРЕДИ ВАШИХ...

	1990	1992	1997	2015
Прямых родственников (мать, отец, дедушка, бабушка)	2	2	3	2
Других родственников	5	4	7	5
Блиzkих друзей	9	9	12	7
Сотрудников, товарищей по работе или учебе	21	18	20	12
Соседей	11	6	13	8
Отдаленных знакомых	25	26	30	19
Нет никого	52	55	50	61

Таблица 32
ЕСТЬ ЛИ ЕВРЕИ СРЕДИ ВАШИХ РОДНЫХ И ЗНАКОМЫХ?

	В среднем	Москва	Большой город	Средний город	Малый город	Село
Прямые родственники (мать, отец, бабушка, дедушка)	2	3	1	3	2	1
Другие родственники	5	8	5	15	4	3
Блиzkие друзья	7	25	7	15	4	3
Коллеги, товарищи по учебе, работе	12	32	15	21	9	6
Соседи	8	29	5	15	6	4
Отдаленные знакомые	19	31	22	25	20	12
Нет никого	61	30	59	40	64	75

Таблица 33
ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ГОВОРИТ О ТОМ, ЧТО ТОТ ИЛИ ИНОЙ ЧЕЛОВЕК ЯВЛЯЕТСЯ ЕВРЕЕМ?

	1997	2015
Он сам считает себя евреем	38	48
Он владеет еврейским языком	10	15
Он исповедует религию евреев	15	19
Он соблюдает еврейские традиции и обряды	17	33
Он еврей по характеру и складу ума	27	30
Если это мужчина, ему сделано ритуальное обрезание	3	6
Он имеет еврейские манеры и внешность	25	28
У него мать еврейка	12	22
У него отец еврей	7	10
Оба его родителя евреи	29	26
Затрудняюсь ответить	10	5

субъективные и культурные определения еврейской идентичности. Еврей — это тот, «кто сам считает себя евреем». Другое, даже более яркое изменение, — это увеличение (в сравнении с данными 1997 г.) практически в два раза доли тех, кто считает, что евреи — это те, кто «соблюдают еврейские традиции и обряды». То есть налицо некоторое дистанцирование от «своих» евреев, в основном (если опираться на прошлый советский опыт общения) нерелигиозных, и традиционализация образа еврея, сближение его с религиозной идентификацией. Выросла доля тех, кого считают евреем по

Галахе. Вместе с тем чуть более значимыми оказываются традиционные стереотипные характеристики, касающиеся внешности и характера евреев.

Представления о достижениях евреев в разных сферах занятости

Сферы преимущественной социально-профессиональной занятости евреев (она же — область их общепризнанных достижений) — это медицина, наука, финансы и бизнес, искусство, литература, политика, юриспруденция, то есть области деятельности, вызывающие

Таблица 34

ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, В КАКОЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРЕИ В НАШЕЙ СТРАНЕ ПРОЯВЛЯЮТ СЕБЯ НАИБОЛЕЕ АКТИВНО?

	1997	2015
В политике	21	25
В дипломатии	7	10
В науке	33	29
В промышленности, технике	4	5
В области права, юриспруденции	12	15
В финансах, бизнесе	30	36
В торговле	22	19
В искусстве, музыке, литературе	36	28
В медицине	29	33
В журналистике, на радио, на телевидении	11	10
В других сферах	0	1
Не могу сказать определенно	15	13

Таблица 35

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В КАКИХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРЕИ ДОСТИГАЮТ НАИБОЛЬШИХ УСПЕХОВ? (ответы ранжированы по последнему замеру)

	1992	2015
Врачи, средний медицинский персонал	40	38
Научные работники	35	26
Юристы (адвокаты, юрисконсульты)	16	26
Писатели, поэты, музыканты, режиссеры	33	26
Экономисты, бухгалтеры, специалисты финансового дела	10	24
Политические, общественные деятели	14	23
Журналисты, работники радио и телевидения	4	10
Административные, управленческие работники	17	10
Инженеры, техники, специалисты технического профиля	7	7
Учителя, преподаватели, работники сферы образования	8	7
Агрономы, зоотехники, специалисты сельского хозяйства	1	2
Офицеры, военные специалисты	2	1
Другое	2	1
Затрудняюсь ответить	25	15

безусловный авторитет и уважение у окружающих людей, отмеченные высоким социальным статусом. Они связаны не с насилием, властью или господством, а с идеей развитой современности — знанием, профессионализмом, компетентностью. Именно это, с одной стороны, и определяет престиж евреев как особой общности, с другой — вызывает зависть и рессантимент низкостатусных и необеспеченных, люмпенизированных слоев к носителям высокой культуры.

Отношение к Израилю и оценки израильской политики

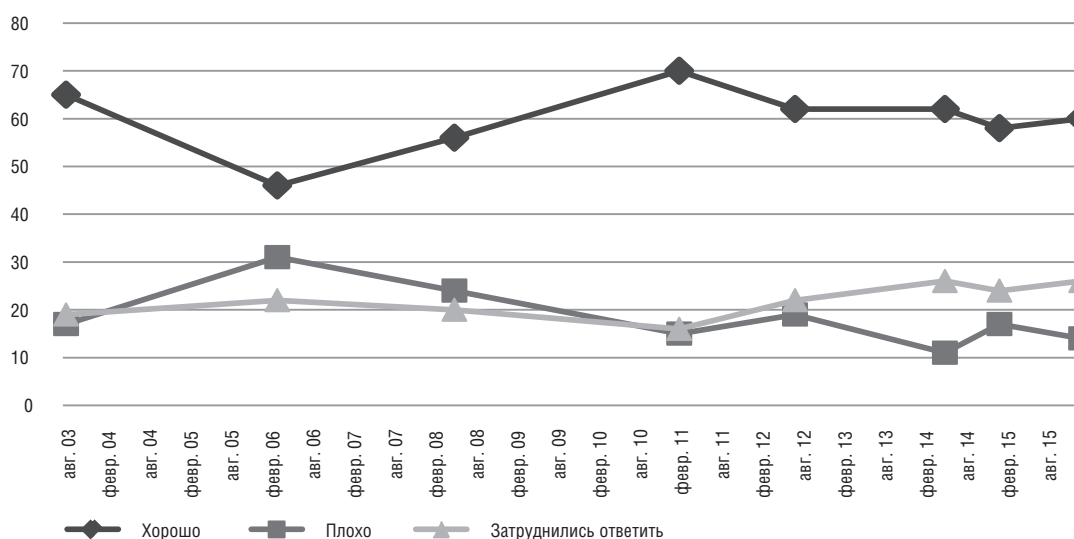
Как показывают многолетние опросы Левада-Центра, отношение к Израилю на протяжении последних 15 лет предстает преимущественно дружественным, нейтральным, спокойным¹. С начала 2000-х в ответах россиян об отношении к Израилю преобладают позитивные установки. Их высказывали за эти годы в среднем около 60% опрошенных; подчеркнуто положительное отношение к Израилю — ответ «очень хорошо» — выбирают в среднем 5–6%. Суммарная доля негативных установок в среднем по годам не превышала (с 2003 г.) 14–15%, что часто оказывалось ниже доли респондентов, которые не имеют определенного отношения к стране (доля таковых значительна и колеблется примерно от 1/5 до 1/4 опрошенных).

Всплески негативного отношения россиян к Израилю в 2006 и в 2008 гг. (соответственно 31 и 24%) следует отнести на счет роста напряженности в регионе; усиления боевой активно-

сти группировок «Хезболла», ответной реакции Израиля, предшествовавших второй ливанской войне (2006 г.); военной операции в секторе Газа, спровоцированной террористическими организациями и нацеленной на уничтожение военной инфраструктуры правящего в Газе исламского радикального движения «Хамас», а также предотвращение обстрелов израильских территорий (операция «Литой свинец»). Хотя замеры проведены до начала реальных военных операций, можно предположить, что уже тогда респонденты могли получать негативную информацию по основным федеральным СМИ (этот вопрос требует, разумеется, специального анализа, что выходит за рамки настоящего исследования).

Разберем отдельный случай самого резкого подъема негативного отношения к Израилю в 2006 г., когда его высказывали почти треть опрошенных. По данным опросов 2006 г., у подавляющего большинства россиян не было внятного представления о проблемах, вызвавших эскалацию конфликта вплоть до военных действий, не было и выраженной поддержки ни той, ни другой стороны (сочувствие и палестинцам, и израильтянам высказывали около трети опрошенных). Но ясно, что большую часть российских жителей беспокоила сама эскалация конфликта. При этом на необходимость того, чтобы Россия выступила как миротворческая сила в урегулировании палестино-израильского конфликта, указывало относительное большинство опрошенных (около трети считало, что России следует «оставаться в стороне»).

График 5
КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К ИЗРАИЛЮ?

¹ Гудков Л. Россияне об Израиле // Вестник общественного мнения. 2011. № 3. С. 110–116.

Таблица 36

ПРАВИЛЬНО ЛИ ПОСТУПАЕТ ИЗРАИЛЬ, СИЛОЙ ВЫСЕЛЯЯ ЕВРЕЙСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ ИЗ ИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ПАЛЕСТИНСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ?

Определенно да	6
Скорее да	17
Скорее нет	37
Определенно нет	18
Затруднились ответить	38

2006 г., февраль; N=1600.

Таблица 37

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К ПАЛЕСТИНСКОМУ ДВИЖЕНИЮ «ХАМАС»?

Очень хорошо	1
В основном хорошо	15
В основном плохо	25
Очень плохо	17
Затруднились ответить	41

2006 г., март; N=1600.

В связи с событиями 2006 г. опрошенные высказывали почти одинаковое беспокойство о том, что события, связанные с этим военным конфликтом, приведут как к нарастанию исламской угрозы, так и к росту антисемитизма.

Отметим, что публичная, разносторонняя аналитическая критика действий Израиля и открытые дискуссии оппонентов по этому вопросу

охватывали (в условиях давления на независимую прессу и резкого сокращения альтернативных точек зрения на основных телеканалах) лишь меньшинство интересующихся этими событиями групп. Та же ситуация сохранялась и в 2008 г., на новом витке конфликтов. Вряд ли на общественное мнение оказывала существенное влияние националистическая пропаганда, направленная против Израиля. Она выступала в одном ряду с прочими объектами непримиримой критики всего «нерусского» (или «несоветского», с имперских позиций нового консерватизма): Запада, США, бывших республик СССР, вступивших в ЕС («предателей»), фундаментальных исламистов и т.д. В крайнем своем выражении антиизраильская критика звучала в устах проповедников «русского мира», возрождения великой державы, которая сможет достойно ответить на происки враждебного Запада и, среди прочего, сионистов. Одной из таких широко известных публичных фигур является А. Проханов, в речах которого антисемитизм и скрытый или явный антисемитизм присутствовали как часть его имперского, великодержавного «дискурса» (и это при том, что он часто выступал на радиостанции «Эхо Москвы», претендующей на лидерство в аудитории с либеральными и демократическими взглядами). Однако подобные фигуры вызывают у обычного, плохо информированного человека скорее страх

Таблица 38

КАКУЮ ПОЗИЦИЮ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СЛЕДУЕТ ЗАНЯТЬ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ НЫНЕШНЕГО ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА?

	2006, июль	2006, август
Поддержать палестинцев и ливанцев в их борьбе против Израиля	4	4
Поддержать Израиль в его стремлении обуздать экстремистов в Палестине, Ливане и других ближневосточных странах	5	4
Приложить все силы для мирного урегулирования конфликта	48	47
Оставаться в стороне, не вмешиваться в этот конфликт	28	36
Трудно сказать	14	11

N=1600.

Таблица 39

А. ПРИВЕДЕТ ЛИ ЭТОТ КОНФЛИКТ К РОСТУ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА ВО ВСЕМ МИРЕ? В. ПРИВЕДЕТ ЛИ ЭТОТ КОНФЛИКТ К РОСТУ АНТИИЗРАИЛЬСКИХ И АНТИСЕМИТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В РАЗНЫХ СТРАНАХ?

	А. Рост исламского терроризма	В. Рост антиизраильских и антисемитских настроений
Определенно да	12	11
Скорее да	35	38
Скорее нет	17	15
Определенно нет	5	5
Затруднились ответить	30	32

2006 г., август; N=1600.

Таблица 40

КОМУ ВЫ БОЛЬШЕ СОЧУВСТВУЕТЕ В НЫНЕШНЕМ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОМ КОНФЛИКТЕ?

	2001	2002	2006
Палестинцам	9	12	9
Израильтянам	9	7	6
И тем, и другим в равной мере	31	31	35
Ни тем, ни другим	30	31	33
Ничего не знаю об этом конфликте	8	9	5
Затруднились ответить	13	11	12

2006 г., февраль; N=1600.

и отторжение. По приведенным ниже данным видно, что в обществе не существует сильно выраженной поддержки ни одной, ни другой стороны конфликта. Скорее наряду с высказываемым равнодушием или дистанцированием (около трети опрошенных выбирают ответ «ни тем, ни другим») постоянно присутствует общая обеспокоенность самой конфликтогенной ситуацией (ответы «и тем, и другим»).

Данные этого периода показывают также, что именно вопросы, относящиеся к конкретным событиям и обстоятельствам конфликта, вызывали сильнейшее затруднение у опрошенных, что говорит об отсутствии как информации и знаний, так и интереса, и позиции по этому конфликту.

Таблица 41

ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ПО ПОВОДУ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С РАДИКАЛЬНЫМИ АРАБСКИМИ ДВИЖЕНИЯМИ ЗА РУБЕЖОМ?

Радикальные арабские движения – исторические союзники России	10
Нужно поддерживать санкции Запада против радикальных арабских движений	14
Следует постараться извлечь выгоду из противостояния стран Запада и арабских радикалов	33
Затруднились ответить	44

2006 г., апрель; N=1600.

Таблица 42

КТО НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЫНЕШНИЙ КОНФЛИКТ НА ЛИВАНО-ИЗРАИЛЬСКОЙ ГРАНИЦЕ?

Арабские экстремисты («Хезболла» и другие)	10
Израиль	17
США	13
Ливан	2
Международный терроризм	11
И Ливан, и Израиль	27
Затруднились ответить	20

2006 г., август; N=1600.

Если в европейских странах эти события, как и последующие серьезные обострения палестино-израильских отношений, а также решительный отпор Израиля радикальным арабским группировкам, и его действия по обузданию радикализирующегося палестинского населения вызвали ожесточенные дискуссии и резкое ухудшение симпатий к Израилю общественности (прежде всего близкой к левым взглядам), то в России общественное мнение реагировало гораздо более спокойно, если не сказать равнодушно, как на эти, так и на другие события политической жизни Израиля (включая даже усилившуюся волну терактов последнего времени, которые называет в опросах важными событиями лишь ничтожное меньшинство).

Образ Израиля

Вместе с тем сам образ Израиля в России весьма позитивно окрашен и с годами скорее улучшается, становится более отчетливым и притягательным. Наибольший интерес и симпатию к Израилю проявляют обеспеченные, молодые и образованные респонденты, а также москвичи. В негативном отношении и неприязни к Израилю призналось лишь 8% опрошенных. Столько же респондентов говорят, что ничего не знают о стране. Вместе с затруднившимися их 11%, тогда как в 1997 г. таковых было чуть больше, а именно 15%.

Таблица 43

КАК БЫ ВЫ ОПРЕДЕЛИЛИ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИЗРАИЛЮ?

	1997	2015
Эта страна вызывает у меня интерес и симпатию	11	16
Отношусь спокойно, как ко всем другим странам	63	64
Отношусь с недоверием	8	6
Отношусь негативно, с неприязнью	3	2
Ничего не знаю об этой стране	9	8
Затрудняюсь ответить	6	3

Таблица 44

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ТЕЛЕВИДЕНИЕ, ПЕЧАТЬ СТАЛИ БОЛЬШЕ СООБЩАТЬ И ПИСАТЬ О СОБЫТИЯХ И ЖИЗНИ В ИЗРАИЛЕ, ЕГО КУЛЬТУРЕ, ИСТОРИИ И Т.П. ИЗМЕНИЛИСЬ ЛИ ВАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИЗРАИЛЕ, ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ, И ЕСЛИ ДА, В ЛУЧШУЮ ИЛИ В ХУДШУЮ СТОРОНУ, ИЛИ ОНО ОСТАЛОСЬ ТАКИМ, КАК ПРЕЖДЕ?

	1997	2015
Изменилось в лучшую сторону	21	18
Изменилось в худшую сторону	2	8
Осталось прежним	60	64
Затрудняюсь ответить	17	10

Как и в конце 1990-х гг., большинство опрошенных (60–64%) заявило, что их отношение к Израилю в последнее время не претерпело изменений. Тем не менее отметим некоторый сдвиг отношения к стране в худшую сторону (с 2 до 8%).

Самые высокие показатели в оценках изменения отношения россиян к Израилю «в лучшую сторону» наблюдаются в самых бедных группах (25%), с самым низким социальным статусом (27%). Отметим, что именно в этой бедной, низкостатусной среде наибольший процент реально воцерковленных православных, регулярно следующих канонам и соблюдающих обряды, участвующих в таких таинствах, как причастие, исповедь, литургия. В этой группе улучшение отношения к Израилю связано в значительной мере с религиозными мотивами. Рост православной идентификации в России (последние годы к православным относят себя – правда, в основной массе достаточно формально – около 70% опрошенных) сказывается на укреплении представления об Израиле как о Земле обетованной, где сосредоточены главные религиозные святыни, и, следовательно, как о потенциальном объекте паломничества или культурного туризма. (Для сравнения, в начале 1990-х Израиль воспринимался в первую очередь как страна для эмиграции.)

Большая часть респондентов выразила заинтересованность в поездке в Израиль. Этот интерес показывает почти двукратный рост с начала 1990-х годов. В наименьшей степени возможность поехать в гости или туристическую поездку в Израиль интересует пожилое, сельское, бедное население, а также мусульман, в наибольшей – самых молодых (73%) и образованных (69%) респондентов, а также москвичей (69%).

Таблица 45

ХОТЕЛИ БЫ ВЫ СЪЕЗДИТЬ В ИЗРАИЛЬ В ГОСТИ, ПО ПРИГЛАШЕНИЮ, СОВЕРШИТЬ ТУРИСТИЧЕСКУЮ ПОЕЗДКУ В ЭТУ СТРАНУ?

	1990	1992	1997	2015
Да	32	47	54	58
Нет	56	40	35	42
Затрудняюсь ответить	12	14	11	–

В целом структура образа Израиля мало менялась с момента проведения предыдущего опроса 1997 года. Наиболее частым ответом на вопрос об отличительных особенностях Израиля по-прежнему является констатация, что это «еврейская страна». Чуть более дифференцированные ответы, отсылающие к истории, культуре и нынешнему уровню развития страны, давали более образованные, обеспеченные, жители крупных городов и пользователи интернета. При этом распространенность негативных стереотипов об Израиле как об агрессивном националистическом государстве, месте постоянного военного напряжения, крайне мала – такие ответы в среднем дают 3–4% опрошенных.

Таблица 46

КОГДА ВЫ ДУМАЕТЕ ОБ ИЗРАИЛЕ, ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРИХОДИТ ВАМ НА УМ?

	1997	2015
Это еврейская страна	54	34
Это страна, где находятся святыни мировых религий	26	17
Это страна, с которой связано возникновение христианства	26	11
Это страна, где хорошие курорты, хорошо отдыхать	10	8
Это страна с быстро развивающейся экономикой	19	6
Это страна, защищающая себя, свою независимость	16	6
Это страна, где постоянно идет война и совершаются террористические акты	16	4
Это агрессивное националистическое государство	10	3
Это страна, куда уезжают знакомые евреи	21	2
Это одна из демократических стран	10	2
Это страна, имеющая одну из самых сильных спецслужб и разведку	7	2
Другое	<1	1
Не знаю, затрудняюсь ответить	7	6
Число опрошенных	1500	1600

Особую роль в укреплении положительного образа Израиля и его притягательности (прежде всего для туризма и паломничества, а также лечения) играют те содержательные факторы, которые чрезвычайно высоко котируются в общественном мнении России. Это растущая убежденность в том, что Израиль создал эффективную и доступную для населения систему социальной защиты (в первую очередь медицинского обслуживания населения), опирающуюся на развитую, высокотехнологичную экономику и демократические государственные институты. Позитивные представления о социальной защите в Израиле, как можно предполагать, распространяются среди российского населения по неформальным межличностным каналам.

Некоторые общие соображения об условиях сохранения или воспроизводства ксенофобии и антисемитизма

Настоящее исследование ставит перед исследователями вопросы, ответы на которые не могут быть получены из эмпирических данных, они требуют специальных теоретических или концептуальных разработок. Суть проблемы можно представить так: политика государственного антисемитизма выражалась в институциональном обеспечении и организации сверху враждебного или неприязненного отношения к евреям: ограничениях в социальной мобильности (дискриминация евреев при приеме на работу и в доступе к образованию, особенно в престижных вузах, препятствия при продвижении по службе, отказы в прописке, поездках за границу, награждениях и пр.), развязанная пропагандистская антиеврейская кампания (борьба с космополитизмом, «дело врачей» и др.), клевета и угрозы в СМИ, создание атмосферы крайнего недоброжелательства и подозрительности в отношении к евреям и многое другое. Хотя «острый период» этой политики был сравнительно недолгим (1947–1952 гг., в более слабом виде антиеврейская кампания возобновилась в начале 1970-х в связи со второй волной эмиграции евреев из СССР), но шлейф ее тянулся вплоть до конца советской власти, захватывая целое поколение, для которого слова «пятый пункт» и «еврей» были ценностно и аффективно нагруженными. Политика советского государственного антисемитизма была направлена на то, чтобы не только дискредитировать евреев в глазах этнического большинства, но и блокировать сами возможности успешной профессиональной и социальной деятельности для евреев, то есть подорвать условия воспроизвод-

ства тех ценностей и мотиваций, которые обеспечили высокие достижения евреев во всем мире, их вклад в «цивилизацию современного общества». Как показано многими писателями и культурологами, эти ценности были ценностями вестернизации, универсалистскими по своей сути (по крайней мере, они были такими в условиях тоталитарного социума)¹. После краха советской системы и постепенного сокращения, а потом и полного прекращения антисемитской политики властей, по крайней мере, на институциональном уровне (в школах, при приеме в вузы или на работу, условия эмиграции), антиеврейские настроения заметно ослабли и сохранились лишь в анклавах особо идеологически озабоченных групп националистов, ищущих «виновников» бедственного положения русского народа. На массовом уровне антисемитизм стал малозначим, но не исчез. Он сохраняется в спящем состоянии или модусе рутинного воспроизводства. Собственно, именно здесь и возникает проблема для анализа: почему, каким образом, по каким каналам, в ответ на что передаются антисемитские предрассудки, клише и стереотипы? Это одни и те же мифы и предрассудки (вроде «кровавого навета» или «протоколов сионских мудрецов») или же они (антисемитские установки в массовом сознании) воссоздаются всякий раз заново, производятся, когда возникает такая функциональная потребность (запросы на семантику негативного образа евреев)?

Сегодня не приходится говорить об организованной сверху политике антисемитизма, последовательно проводимой и контролируемой властями (путем формальных санкций, догматических изложений антисемитских взглядов и учений), хотя, несомненно, существует и антисемитская пресса, и интернет, и уж совсем не редкость услышать антиеврейские выпады известных политиков или общественных деятелей. Но не они в этом плане делают погоду. Массовое сознание живет другим. Антисемитские образы, мнения, взгляды, установки по каким-то причинам сохраняются в среде, которая не нуждается в систематическом изложении антиеврейских положений и учений и не использует соответствующую нацистскую

¹ Нет необходимости специально останавливаться на феномене исторического влияния культуры евреев на успехи ассимилированных евреев из разных стран в самых разных областях. Об этом написаны десятки книг. Сошлемся лишь на одну из последних переведенных на русский язык работ такого рода: Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014.

и антисемитскую литературу. (В этом отчасти ошибка тех, кто, борясь с ксенофобией, старается раскрыть ложность утверждений националистических или расовых идеологов). Антисемитизм сегодня сохраняется в самом аморфном и неспекулятивном виде бытовых предрассудков, мнений, ресурсов этнических стереотипов, лежащих в пласте «само-собой-разумеющихся» вещей. Другими словами, по существу мы имеем дело с воспроизводством «традиции» в нетрадиционном обществе¹.

Стереотипы и клише восприятия евреев в сознании этнического большинства населения России представляют собой «кривое зеркало» или призму, в которой преломляются те особенности еврейского этоса в обычных (от слова «обычай») представлениях о евреях. Это – то, что способно воспринять и усвоить большинство и – важно – превратить это в механизмы или формы собственной идентичности. Потребность в образе еврея (так как он сложился и воспроизводится в массовом сознании) обусловлена внутренней структурой и необходимостью воспроизводства самоидентичности большинства, которая складывается и поддерживается только через систему образов «Других», этих внутренних зеркал, в которые смотрится коллективное большинство. Раз большинство, то результаты «смотрения» непременно приобретают «нормативный» характер, принудительный и обязывающий индивида к исполнению, принятию этих определений реальности. Подчеркнем, что свойства или качества этнических общностей («других») могут восприниматься и закрепляться только как коллективные характеристики, а не как мнения частных людей, индивидуальные черты частного или отдельного человека. Без этой генерализации и типизации черт полученные свойства не имеют силы социальной нормативности, не могут работать в качестве механизма самоопределения, не получают того функционального значения «маточного кристалла» для кристаллизации типичных черт уже самих русских (или других этнических групп, нуждающихся в акцентированном и резко выраженном образе евреев).

Соответственно, «переоценка» и «переинтерпретация» еврейских черт имеет крайне важное функциональное значение для воспроизводства этнических черт основной массы национального большинства, русских (или украинцев, литовцев и т.п.).

¹ О различных интерпретациях традиции и модификациях характера «традиционного» см.: Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. М.: Новый хронограф, 2015. С. 8–90.

Можно обобщить те особенности еврейского этоса (культуры в весьма приземленном понимании этого слова), которые обеспечили высокий уровень достижений, социального положения евреев, несмотря на гонения и притеснения, от которых евреи страдали при всех властях и режимах (то есть начиная со второй половины XIX века, с послереформенного времени, интенсивных процессов модернизации, когда стремление еврейского населения вырваться из зоны «черты оседлости» дало мощный эффект социального подъема и мобильности для целой этнической группы).

Традиции книжной культуры и рационального толкования священных текстов сформировали престиж и авторитетность образованных людей, высокий статус и признание интеллектуалов, а значит, стремление к получению образования, склонность к рациональности и рационализации своего поведения. В условиях дискриминации это стремление к эмансипации только усилилось, но понималось оно прежде всего как высокая значимость ориентации на успех. Это означало, что социальная гратификация оказывалась возможной преимущественно через признание высоких личных достижений благодаря сильнейшей и воспитываемой в семье мотивации к труду, самоконтролю, отложенному удовлетворению, планированию своей жизни, веры в лучшее будущее и способность самого человека изменить свою судьбу, а стало быть, высокой готовности к мобильности и инновациям). Неприязненное отношение к евреям и традиционный антисемитизм окружающего общества (религиозный, национальный, идеологический и т.п., ксенофобия аграрного общества) в качестве ответной реакции породили у евреев способность и высокую степень адаптивности к внешним условиям, с одной стороны, а с другой – особую ценность универсалистских норм и правил общежития, значимость формального и всеобщего права как гарантии от частного произвола властей или отдельных лиц, институтов. Отсюда признание высокой ценности общества как типа организации, готовность к участию в общественных делах, активность, солидарность и ответственность за положение дел в обществе в целом. Одновременно эти качества легко сочетались с преследованием материальных благ, прагматизмом при социальном продвижении, иногда переходящим в сервильность (готовность любым образом служить, в том числе эффективно обслуживать власть или влиятельные группы как средство личного продвижения

и благополучия, гарантии от угроз). Последнее отложилось в коллективной памяти формулой «еврей при губернаторе». Лояльность к любой власти некоторой части успешных номенклатурных евреев могла оборачиваться известной их беспринципностью, что не могло не осознаваться определенной частью русских (или людей других национальностей) и оборачивалось утверждением о коллективной вине евреев за революцию, чекистский террор, сервильность советской интеллигенции. (Отсюда выпады против евреев, делавшиеся даже очень талантливыми людьми, болельщиками за русский народ, например грубость В. Астафьева в переписке с Н. Эдельманом или антиеврейские эскапады Солженицына, и, это если принимать во внимание высказывания людей достойных).

Таким образом, образование, дающее известную независимость, неортодоксальность, самостоятельность мышления, что одновременно может вести и к инакомыслию, и к повышенному чувству собственного достоинства, а главное, высокая ценность труда как условие социального признания окружающих (ценность, которая иногда превращается в самоценность, самодостаточный мотив и смысл жизни, оправдание себя в этой жизни и основание для самоуважения), оказываются условиями инновации, творчества, упорной работы, что в целом воспринимается как индивидуализм и высокомерные претензии на избранность, особость, элитарность, резко отличающего в глазах пассивного патерналистского большинства евреев от всех других. Планирование и рациональное отношение к жизни, бережливость, отказ от демонстративного потребления воспринимаются как скупость, склонность к накоплению богатства, скрытность, асоциальность.

Другими словами, «свойства евреев» — это именно те качества и ценности, которые отвергаются этническим большинством, разделяющим установки государственного патернализма и, как следствие, принимающим жизненные стратегии пассивной «понижающей адаптации» с их фатализмом¹, покорностью властям, отношением к труду как вынужденной, но крайне неприятной необходимости зарабатывать на жизнь (работа как синоним принуждения), а потому не верящим окружающим и властям (крайне низкий уровень межличностного и

институционального доверия, ограниченность социального и культурного капитала), приверженным к партикуляристским отношениям, неформальным (персональным) связям, блату, коррупции, знающего, что «суд — что дышло», что демократия и правовое государство — это обман и разговоры в пользу бедных и т.п. Отторжение и неприятие таких ценностей является условием самосохранения собственной идентичности русских (или других этнических групп, близких по характеру к русским, а также всех тех социальных общностей, которые нуждаются в ксенофобии, в первую очередь в антисемитизме как условии самовоспроизводства и защиты своей целостности). Антисемитизм здесь — не выражение активной агрессии и враждебности по отношению к евреям, а способ артикуляции значений своего этнонационального своеобразия и идентичности, механизм социокультурной репродукции. Без специальных усилий государства власть предрержащих, по каким-то причинам испытывающих нужду в мобилизации по отношению к внутренним врагам, сам по себе уровень антисемитизма в России должен быть относительно стабильным, поскольку он определяется процессами внутри самого российского социума и не связан с действиями или проблемами евреев.

Если это так, то, обращаясь к материалам исследования, мы должны увидеть, что зоны повышенного антисемитизма или ксенофобии — это горизонт существования социальных групп с серьезными проблемами идентификации или адаптации к окружению, группы, характеризующиеся статусной неопределенностью, изменением социального положения (вне зависимости от того, будет ли это восходящая мобильность или снижение в социальной иерархии).

Как свидетельствуют данные настоящего исследования, показатели диффузной (общей) ксенофобии, равно как и антисемитизма, выше у тех категорий респондентов, которые по тем или иным причинам испытывают социально-психологическое напряжение, фрустрацию или депрессию, вызванную расхождением ожиданий и фактического положения дел (в семье, на работе, в ближайшем окружении). Ксенофобские взгляды и мнения являются компонентом повседневных действий обычных, обыкновенных людей (не считающих себя идеологически ангажированными расистами, антисемитами, экстремистами и т.п. маргиналами), оказавшихся в обстоятельствах, вызывающих фрустрацию, раздражение, стресс и т.п. Дело не

¹ Абсолютное большинство россиян (60–65%) считает, что жизнь таких людей, как они, определяет судьба, а не их личные усилия, они слабо верят в то, что изменить жизнь к лучшему можно и т.п. В этом плане судьба и тотальная власть патерналистского государства семантически покрывают друг друга или в большой мере пересекаются между собой.

в психологических переживаниях, а в разрыве аспираций и действительности, запросов и возможностей их удовлетворения, включая и завышенные самооценки. Напряжение такого рода снижается введением собственных проблем и трудностей в контекст «такова жизнь, у всех так» (кроме тех, кто «не наш») путем самостоятельно и привычного обращения к заведомо известным шаблонам «разрядки» или поиска виновных. Это уровень массового мифологического сознания, которое не нуждается в рациональных аргументах и доказательствах.

В Москве и крупных городах (здесь уровень жизни, благосостояние, возможности обучения и пр. значительно выше, чем в остальной России в среднем, но в то же время больше социальных напряжений и конфликтов) доля сторонников «исторического превосходства» одних народов над другими доходит до трети (Москва – 34%, крупные города – 32%, в среднем по выборке – 28%). Несколько выше этот показатель и у респондентов относительно обеспеченных (31%).

Анализ ответов по приведенным вопросам (о превосходстве одних наций над другими, симпатиях и антипатиях к другим национальностям и т.п.) в различных социально-демографических, статусных группах, а также группах, выделенных в зависимости от оценок текущей ситуации, социальных настроений, адаптации, позволяет нарисовать следующую картину. Почти треть респондентов, описывающих свое обычное настроение как «напряжение, раздражение», считают, что народы бывают лучше от самой природы (31%), особенно часто так считают те, кто полагает невозможным больше терпеть свое положение (36%), причем обе эти группы представляют в большинстве своем пожилых, бедных людей, не имеющих никаких социальных ресурсов или ограниченных в них. Чрезвычайно важно, что и в наиболее адаптированной группе (доля которой в выборке, правда, невелика), занимающей относительно высокий статус, самой обеспеченной и квалифицированной, 25% считают, что народы бывают хуже или лучше от природы. Выше среднего подобные установки демонстрирует «успешная часть» общества и в других диагностических вопросах. Это указывает на чрезвычайно важное обстоятельство: даже в наиболее успешной, вписанной в общество группе, «социальной» элите, присутствуют, хотя и в ослабленном по сравнению с низами общества виде, повышенная чувствительность и восприимчивость по отношению к ксенофобским, агрессивным

шовинистически-великодержавным установкам и комплексам. Наличие в этом слое дефицитов общественного признания, социальной GRATIFIKACII является признаком отсутствия элиты в подлинном смысле этого слова или крайней слабости работы механизмов социальной и культурной селекции, то есть отбор авторитетных, интеллектуальных и социальных достижений. Власть в репрессивном и централизованном обществе-государстве замещает и подавляет альтернативные, независимые от нее источники и каналы общественного признания, сами возможности авторитетности вне ее санкций. А это, в свою очередь, ведет к общественному негативизму и цинизму в сочетании с комплексами неполноценности и двусмысленности высоких статусов и позиций, дискредитации самых сложных по структуре и мотивации форм социального действия – науки, бизнеса, искусства, религии и т.п. Следствием этого будет непереносимое обращение к более архаическим формам самоудовлетворения – ксенофобии, коллективной спеси, имперским или милитаристским взглядам.

Таким образом, чрезвычайно важными для сохранения и воспроизводства потенциала ксенофобии выступают два фактора. С одной стороны, это социальная депривация (конфликт желаемого и возможного для достижения), особенно характерная для жителей средних городов, относящих себя к нижней части среднего слоя, то есть для групп, выбирающих стратегию пассивной адаптации, «игру на понижение» запросов, не способных к реализации достижительской (современной, модерной) модели поведения. С другой стороны, дефициты социальной GRATIFIKACII, общественного признания (соответственно, влияния в обществе в самых разных сферах) групп, сумевших добиться успеха и высокого положения за постсоветское время.

Подтверждают наш вывод и схожие различия, проступающие в ответах респондентов из разных групп на вопрос, «должны ли русские в России иметь определенные преимущества перед всеми остальными». У фрустрированных респондентов утвердительные ответы на 11 п.п. выше, чем у тех, чье психологическое состояние может характеризоваться (по их самооценкам) как сравнительно спокойное и благополучное. Среди тех, кто признается, что «терпеть уже невозможно», расхождения со средними значениями таких ответов по всему массиву составляют 33 п.п. (41 и 74%). Эта же категория опрошенных чаще настаивает на необходимости установления разных ограничений в допуске или

барьеров при занятии «нерусскими» людьми государственных должностей, при приеме в вузы, при назначении на руководящие должности в силовых структурах, при поступлении учителем в школу или преподавателем в вуз, при приеме на работу в СМИ и т.п.

Во всех случаях показатели ксенофобии выше у групп респондентов, находящихся в затруднительном, нестабильном и угнетенном состоянии, дезадаптированных или фрустрированных. Но следует заметить, что уровень тревожности выше при любой нестабильности статуса, идет ли речь о восходящей социальной мобильности или нисходящей. Важна именно неуверенность индивида в своем будущем, своем положении, рождающая потребность в компенсации или переносе собственной неуверенности на внешние факторы, артикулируемые как источники неприятностей или угрозы.

Социальная иерархия и барьеры между этническими группами.

Параметры и интенсивность (выраженность) этнических антипатий

Запрос большей части населения России на сохранение государственно удостоверяемой этнической идентификации (обеспечиваемой записью национальности в российском паспорте) практически не меняется на протяжении четверти века. Можно лишь говорить о слабо выраженной тенденции к понижению требования фиксировать «пятый пункт» (см. табл. 48).

Различия мнений в группах едва фиксируются, лишь среди мусульман (составляющих разнородную совокупность нерусских этнических групп населения – татар, башкир, кавказцев) почти в два раза выше среднего доля тех, кто против записи национальности в паспорте (72%). Среди православных чуть выше доля поддерживающих эту идею. Мусульмане во-

Таблица 47

ПОКАЗАТЕЛИ ЭТНИЧЕСКОЙ НЕПРИЯЗНИ У РЕСПОНДЕНТОВ С РАЗНЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ* И АДАПТАЦИИ

	Позитивное (N=732): ровное, нормальное настроение	Негативное (N=238): раздраже- ние, напряжение	Все не так плохо, жить можно (N=570)	Терпеть наше по- ложение уже не- возможно (N=56)
Цыгане	44	56	44	77
Чеченцы	29	43	31	61
Американцы	29	38	30	60
Арабы	21	37	22	50
Азербайджанцы	20	35	24	64
Негры (африканцы)	14	29	16	23
Грузины	18	25	20	35
Эстонцы	10	17	12	31
Немцы	7	15	9	14
Евреи	6	14	5	19
Японцы	3	11	3	11

* В качестве маркирующего признака взяты ответы: относятся к людям разных национальностей «с раздражением, неприязнью» + «с недоверием и страхом». В таблице для сравнения приводятся лишь два типа: субъект определяет свое состояние как «нормальное, ровное состояние» или признается, что испытывает «раздражение, напряжение». Кроме этого, сопоставляются также два типа адаптированности – позитивные оценки своего положения («жить можно») и предельно негативные, нестерпимые («терпеть наше положение уже невозможно»).

Таблица 48

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ СОХРАНИТЬ В РОССИЙСКИХ ПАСПОРТАХ ГРАФУ «НАЦИОНАЛЬНОСТЬ» ИЛИ ЛУЧШЕ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ НЕЕ?

	1990	1997	2015
Лучше сохранить (в 1990-м: «нужно сохранить»)	53	50	46
Лучше отказаться	30	32	38
Затрудняюсь ответить	18	18	16

обще чаще возражают против каких-либо ограничений в допуске к социальным позициям и предоставления русским преференций при занятии руководящих постов, занятии должности профессора или учителя, при приеме на работу в СМИ или поступлении в вузы.

Подобные мнения указывают на разграничение запросов этнического большинства на поддержание барьеров между разными эт-

нонациональными категориями населения и этническими меньшинствами, которые недовольны перспективой возвращения к иерархии социальных возможностей и угрозой дискриминации или административного произвола на этой почве. Претензии на административное обеспечение гарантированных позиций для большинства возникают из иллюзий, что введение соответствующих законодательно закре-

Таблица 49

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ПРИНИМАТЬ ВО ВНИМАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРИ ...

	1997	2011	2015	1997/2015
Назначении на государственные должности в правительстве?				
Да	53	53	55	=
Нет	40	40	39	=
Затрудняюсь ответить	7	7	6	
Назначении на руководящие посты в армии, милиции, госбезопасности?				
Да	43	48	50	+7
Нет	50	46	45	-5
Затрудняюсь ответить	7	6	5	
При подборе преподавателей в школы, вузы?				
Да	19	22	30	+11
Нет	75	74	65	-10
Затрудняюсь ответить	6	4	5	
При приеме на работу в СМИ (газеты, ТВ, радио)?				
Да	21	-	29	+8
Нет	72	-	65	-7
Затрудняюсь ответить	8		6	
При приеме в вузы?				
Да	9	11	16	+7
Нет	86	86	80	-6
Затрудняюсь ответить	5	4	4	

Таблица 50

СКАЖИТЕ О КАЖДОЙ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, НАСКОЛЬКО БЛИЗКО ВЫ ГОТОВЫ ВИДЕТЬ ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СРЕДИ...?

	Не имеют ничего против того, чтобы иметь представителей указанных групп среди...					Готовы пускать их в Россию лишь временно	Не хотели бы их вообще пускать в страну	Сумма выраженного негатива	Затруднились ответить
	членов своей семьи	друзей	соседей	сотрудников	жителей России				
Негры*	<1	3	5	5	19	40	14	54	
Цыгане	<1	1	4	1	27	28	26	54	
Таджики	<1	2	6	6	23	39	13	52	12
Американцы	2	7	6	9	13	30	21	51	9
Китайцы	<1	5	8	9	22	38	8	46	13
Чеченцы	<1	4	6	4	33	24	17	41	9
Грузины	2	6	11	7	27	27	11	38	8
Немцы	3	7	9	15	26	28	5	33	10
Украинцы	5	5	10	7	30	22	11	33	10
Евреи	2	9	12	9	41	13	5	18	9

*Ранжировано по показателям полного негативизма.

пленных норм будет работать на защиту интересов основной массы населения, надежд, что государство должно обеспечивать этническое определение и проводить строго определенную политику благоприятствования «культуре русских». Но, что интересно, они не переходят в плоскость «расовых законов»: абсолютное большинство не хочет, чтобы государство тем или иным образом вмешивалось в лично-семейные отношения и занималось бы тем самым «социальной евгеникой».

Это указывает на разграничение запросов этнического большинства на поддержание барьеров (между разными этнонациональными категориями населения и этническими меньшинствами, недовольными перспективой возвращения к иерархии социальных возможностей) и угрозой дискриминации или административного произвола на этой почве. Претензии на административное обеспечение гарантированных позиций для этнического большинства возникают из иллюзий, что введение соответствующих законодательно закреплённых норм будет работать на защиту интересов основной массы населения, надежд, что государство должно обеспечивать этническое определение и проводить строго определенную политику благоприятствования «культуре русских».

Сам по себе этот барьер проступает в процедурах фиксации социальной дистанции, выявления скрытого негативизма по отношению к разным этническим группам. Как следует из данных табл. 52, усиление негативизма идет по мере того, как отношения с евреями начинают затрагивать наименее рационализируемые (то есть наиболее табуированные и скрытые) традиционные семейно-родственные значения

«своих», а также ценности «своего» «социального мира» и его символические, а значит, иерархические социальные структуры — институты власти, насилия, образования, коммуникации. Довольно терпимое отношение к евреям в качестве формально равноправных партнеров (соседей, сотрудников, агентов взаимодействия по бизнесу) меняется на более жесткое в тех случаях, когда речь заходит о браке или занятии символических социальных позиций: доля тех, кто готов наложить ограничения отношений с евреями в случае брака поднимается с 13—14 до 33% (см. табл. 52).

Еще сильнее, как мы уж отмечали, антисемитские или ксенофобские предрассудки проявляются, когда затрагиваются вопросы допуска «нерусских» людей, включая и граждан России, к символически значимым социальным позициям — руководящим постам в правительстве, должностям в полиции, включая госбезопасность, в СМИ, в системе образования и т.п. Здесь уже 39% опрошенных согласны с тезисом «нужно следить за тем, сколько руководящих постов занято евреями, и ограничивать число евреев в руководстве» (хотя несогласных все же несколько больше — 46%, что указывает на сформировавшееся, но и не столь значительное сопротивление против дискриминации). 15% затруднились с ответом (то есть уходят от необходимости однозначного ответа).

Вместе с тем следует отметить, что различия во мнениях у респондентов из разных социальных категорий не слишком значительны, хотя их характер очень устойчив и повторяется практически во всех диагностических вопросах. Максимальные расхождения не превышают обычно 7—10 п.п. (за редким исключением профессиональный статус дает

Таблица 51

КАК ВЫ ОТНЕСЕТЕСЬ К ТОМУ, ЧТО ЕВРЕИ МОГУТ БЫТЬ ВАШИМИ СОСЕДЯМИ, ДЕЛОВЫМИ ПАРТНЕРАМИ, НАЧАЛЬНИКАМИ, РОДСТВЕННИКАМИ? (в % по строке)

	Не хотят, чтобы евреи были	Не имеют ничего против того, чтобы евреи были	Затруднились ответить	Разница «не против»/«не хотят»
соседями	13	83	4	70
коллегами, сотрудниками	14	81	5	67
деловыми партнерами	27	63	10	36
начальником	35	58	7	23
мужем вашей близкой родственницы (дочери, сестры и т.п.)	32	56	12	24
женой вашего близкого родственника (сына, брата и т.п.)	33	55	12	22

разницу между работающими и неработающими в 19 п.п.). Это говорит о том, что установки слабо связаны с социально-групповыми интересами, что приверженность тем или

иным предрассудкам и негативным стереотипам носит стертый и рутинный, неактуализированный характер.

Таблица 52

НАДО ЛИ СЛЕДИТЬ ЗА ТЕМ, СКОЛЬКО ЕВРЕЕВ НАХОДИТСЯ НА РУКОВОДЯЩИХ ПОСТАХ И ОГРАНИЧИВАТЬ ИХ ЧИСЛО ИЛИ НИЧЕГО ПОДОБНОГО ДЕЛАТЬ НЕ СЛЕДУЕТ?

	Нужно следить и ограничивать
В среднем	39
Возраст	
18–24 года	36
25–39	40
40–54	37
55 лет и старше	42
Образование	
Высшее	38
Среднее специальное	41
Среднее общее	35
Ниже среднего	44
Тип поселения	
Москва	39
Большие города	40
Средние города	39
Малые города	39
Село	40
Род занятий	
Менеджеры, управленцы	39
Служащие	35
Рабочие	45
Пенсионеры	43
Неработающие	31
Вероисповедание	
Православные	41
Мусульмане	31
Неверующие	41
Статус	
Верхний средний	25
Средний средний	39
Средний нижний	39
Низший	48

Таблица 53

ГОВОРЯТ, ЧТО В РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ, В КРУГАХ, БЛИЗКИХ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ, ОЧЕНЬ МНОГО ЕВРЕЕВ. ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ОБ ЭТОМ? (в % к числу опрошенных)

	Так оно и есть, и это мне не нравится
В среднем	32
Возраст	
18–24 года	28
25–39	30
40–54	28
55 лет и старше	37
Образование	
Высшее	28
Среднее специальное	34
Среднее общее	30
Ниже среднего	35
Тип поселения	
Москва	40
Большие города	28
Средние города	28
Малые города	32
Село	32
Род занятий	
Менеджеры, управленцы	33
Служащие	27
Рабочие	35
Пенсионеры	38
Неработающие	19
Вероисповедание	
Православные	33
Мусульмане	26
Неверующие	32
Статус	
Верхний средний	28
Средний средний	31
Средний нижний	31
Низший	37

Выводы

1. Результаты проведенного по заказу РЕК исследования массового отношения российского населения к евреям, включавшего разные социологические методы и средства сбора и описания эмпирического материала, свидетельствуют, что в обществе «еврейский вопрос» утратил остроту и актуальность. Доминирует спокойно-уважительное или нейтрально-равнодушное отношение к евреям, что следует принимать как знак того, что положение евре-

ев утратило негативную акцентированность. В общественном мнении евреи перестали быть особой группой, этнически и социально маркированной, которая была «удобной» в качестве объекта для канализации политически или националистически обусловленной враждебности и агрессии, переноса на них коллективной вины или ответственности за разного рода события, состояния фрустрации общества, неудач из-за проводимой властями политики. Исторически складывающийся «потенциал евреев»

в качестве механизма негативной идентичности в большой степени исчерпан.

2. Массовые установки к евреям стали заметно более благоприятными, если сравнивать нынешнее положение с тем, которое фиксировалось в аналогичных опросах, проведенных в 1990, 1992 и 1997 гг. Позитивное отношение к евреям (что бы это ни значило) повысилось с 53 (так указали в 1992 г.) до 73% в 1997 г. В 2015 году о своей симпатии или о своем интересе к евреям заявили 9%, еще 83% сообщили, что они «относятся к ним так же, как к любым другим людям другой национальной принадлежности». О своем открыто негативном отношении к евреям говорили соответственно 13% (1992), 16% (1997) и 8% в 2015 году.

3. В структуре ксенофобских взглядов и представлений российского населения доля антисемитизма занимает сравнительно скромное место. Состояние антисемитских убеждений у населения России следует считать «пассивным»; потенциал мобилизации агрессивно настроенных контингентов можно с некоторой осторожностью признать весьма ограниченным, а в перспективе все более слабым. Во всяком случае, по сравнению с другими видами ксенофобии – расовой отчужденностью, враждебностью к мигрантам, приезжим из Средней Азии или Кавказа, людям из западных стран – антиеврейские установки выражены лишь у незначительного числа опрошенных. Однако следы прежней неприязни, как традиционной (идушей от дореволюционной идеологии аграрного и анти-модерного населения), так и советского государственного антисемитизма, обусловленного национально-иерархическим бюрократическим устройством тоталитарного общества-государства, прослеживаются вполне отчетливо. Это выражается прежде всего в готовности в определенной мере поддержать (в случае если российские власти сочтут целесообразным) политику этнической дискриминации или в устойчивом стремлении регулировать (ограничивать) доступ к значимым (властным или общественно-влиятельным) социальным позициям для всех «нерусских», в том числе и евреев.

4. В массовом сознании евреи занимают высокие социальные позиции в обществе – это искусство, наука, медицина, финансы и бизнес, СМИ. Причем (в отличие от распространенных ранее мнений, фиксируемых прежними замерами) сегодня практически никто не ставит под сомнение легальность и справедливость способов и путей занятия таких позиций: уважение и авторитетность высокого статуса евреев (как

воображаемой общности) обусловлено их профессиональной квалификацией и эффективной и добросовестной работой. Общепризнан вклад евреев в мировую и российскую культуру. Зависть и рессантимент низкостатусного и ранее преимущественно аграрного населения России по мере повышения общего уровня образования и, соответственно, доходов заметно ослабли и имеют тенденцию к концентрации в определенных группах, испытывающих сильные социальные напряжения. Поэтому демонстративное выражение неприязни к евреям, антисемитизма или враждебности к еврейству расценивается как признак социального неблагополучия, низкого социального положения, принадлежности к люмпенам или маргинализованным деклассированным группам.

5. Сама по себе структура антисемитских представлений населения России, характер подобных установок, взглядов и предрассудков за 25 лет, прошедших со времени первых массовых исследований антисемитизма и отношения к евреям, практически не изменилась, но степень интенсивности их выражения, их значимости существенно ослабла.

6. Роль антисемитизма в России сегодня вторична: потребность в сохранении негативного образа евреев вызвана не конфликтами или напряжениями в отношениях русских с евреями, а сопутствующими обстоятельствами и латентными факторами, в первую очередь внутренними потребностями поддержания самоидентичности русских, испытывающих сильнейший дефицит оснований для самоуважения, утрату чувства собственного достоинства отдельного человека из-за доминирования авторитарного государства, монополизировавшего все системы социальной мобильности и гратификации. Дополнительным фактором сохранения антисемитизма следует считать усиление пропаганды русского национализма в официальных средствах массовой информации: традиционалистская риторика властей («возвращение к традициям, православным ценностям»), пытающихся таким образом снять комплекс национальной неполноценности основной массы населения, вызванный фрустрацией из-за утраты Россией статуса великой державы (постимперский синдром); попытки компенсировать снижение популярности режима через усиление образа врага, антиукраинскую и антизападную риторику и т.п. демагогия. Но это именно сопутствующая, а не главная причина воспроизводства ксенофобии в России.

7. Антисемитизм здесь является парадигмой и первичной формой ксенофобии, условием выражения ущербного русского (или другого этнического) национализма. С некоторой осторожностью можно утверждать, что в условиях России он утратил специфически антиеврейскую направленность и стал «грамматикой» для артикуляции ксенофобии разного рода. Без этого низовые и архаические формы этнического национализма основной массы населения просто не могут быть выражены. Антисемитизм в настоящее время сохраняется в качестве языка коллективного самосознания низовых слоев русского населения, средством обоснования необходимости «позитивной» дискриминации и обеспечения преимуществ и привилегий для

русских в значимых сферах социальной конкуренции.

Полученные данные подтверждают и уточняют диагноз, сделанный после завершения фокус-групп: интенсивность выражения антисемитских настроений в российском обществе в целом можно характеризовать как слабую, сфера их распространения постепенно сокращается. Однако в определенных слоях и группах населения антисемитские представления не просто законсервированы, но и имеют тенденцию к росту. Структура этнических предрассудков очень инерционна и может транслироваться во времени даже в условиях, когда их «объект» фактически исчез (например, феномен польского «антисемитизма без евреев»).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЕВРЕИ ТАКОЙ ЖЕ НАРОД, КАК ДРУГИЕ, ИЛИ НЕ ТАКОЙ, КАК ВСЕ?

	1992	2015
Такой же, как другие	64	71
Не такой, как все	19	26
Не знаю, затрудняюсь ответить	17	3

Таблица 2
СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ КАЖДЫЙ НАРОД ЖИЛ ТОЛЬКО НА СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ?

	1997	2015
Согласен	36	46
Не согласен	38	45
Мне все равно, эта проблема меня не интересует	21	—*
Затрудняюсь ответить	5	9

* Вариант ответа не предлагался.

Таблица 3
СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО НЕРУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОДЛИННЫМ ПАТРИОТОМ РОССИИ?

	1997	2015
Согласен	28	31
Не согласен	59	61
Мне все равно, эта проблема меня не интересует	6	—*
Затрудняюсь ответить	7	8

* Вариант ответа не предлагался.

Таблица 4
ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ПО ПОВОДУ БРАКОВ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ?

	1997	2015
Это дело самих людей, их личных симпатий и антипатий	79	79
Таких браков лучше избегать, чтобы сохранить чистоту крови каждого народа	12	18
Мне все равно, эта проблема меня не интересует	7	—*
Затрудняюсь ответить	2	3

* Вариант ответа не предлагался.

Таблица 5
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НУЖНО ЛИ СЛЕДИТЬ ЗА ТЕМ, СКОЛЬКО ЕВРЕЕВ РАБОТАЕТ НА ТЕЛЕВИДИЕНИИ, В ГАЗЕТАХ, НА РАДИО, И ОГРАНИЧИВАТЬ ИХ ЧИСЛО?

	1997	2015
Нужно следить и ограничивать	27	27
Ничего подобного делать не следует	56	60
Не знаю, затрудняюсь ответить	18	14

Таблица 6
КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ТОМУ, ЧТО ЕВРЕИ РАБОТАЛИ РЯДОМ С ВАМИ, В ВАШЕМ ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ?

	1992	1997	2015
Ничего не имел бы против	74	84	81
Мне бы этого не хотелось	13	11	14
Затрудняюсь ответить (в 1992-м не могу сказать определенно)	12	5	5

Таблица 7
КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ ЕВРЕИ, ВЫЕХАВШИЕ ИЗ НАШЕЙ СТРАНЫ, ВКЛАДЫВАЛИ ДЕНЬГИ В ЭКОНОМИКУ РОССИИ?

	1997	2015
Положительно	65	65
Отрицательно	13	19
Не могу сказать определенно	22	16

Таблица 8
КАК БЫ ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ ЕВРЕИ, ВЫЕХАВШИЕ ИЗ СТРАНЫ, ПРИОБРЕТАЛИ В РОССИИ СОБСТВЕННОСТЬ, ВЛАДЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ФИРМАМИ, МАГАЗИНАМИ, МАСТЕРСКИМИ?

	1997	2015
Положительно	33	35
Отрицательно	46	47
Не могу сказать определенно	21	19

Таблица 9
КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ ОТКРЫЛАСЬ СИНАГОГА (МОЛИТВЕННЫЙ ДОМ ЕВРЕЕВ)?

	1990	1992	1997	2015
Положительно	41	40	50	58
Отрицательно	21	27	29	27
Затрудняюсь ответить	39	33	22	15

Таблица 10
КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ ОТКРЫЛАСЬ МЕЧЕТЬ (МОЛИТВЕННЫЙ ДОМ МУСУЛЬМАН)?

	1997	2015
Положительно	50	55
Отрицательно	30	30
Затрудняюсь ответить	20	15

Таблица 11
СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО ЕВРЕИ ВНЕСЛИ БОЛЬШОЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ?

	1990	1992	1997	2015
Согласен	43	47	60	59
Не согласен	15	13	14	19
Затрудняюсь ответить	42	40	27	22

Таблица 12
СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО НА ЕВРЕЯХ ЛЕЖИТ БОЛЬШАЯ ВИНА ПЕРЕД ДРУГИМИ НАРОДАМИ?

	1990	1992	1997	2015
Согласен	10	14	10	13
Не согласен	40	42	59	67
Затрудняюсь ответить	50	45	31	20

Таблица 13
СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО НА ДРУГИХ НАРОДАХ ЛЕЖИТ БОЛЬШАЯ ВИНА ПЕРЕД ЕВРЕЯМИ?

	1990	1992	1997	2015
Согласен	16	23	27	27
Не согласен	39	39	43	53
Затрудняюсь ответить	45	38	29	20

Таблица 14
СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО СЛЕДУЕТ ПО ВСЕЙ СТРОГОСТИ ЗАКОНА НАКАЗЫВАТЬ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА ЕВРЕЕВ, ИХ ПРИТЕСНЕНИЯ, УГРОЗЫ В ИХ АДРЕС?

	1990	1992	1997	2015
Согласен	68	58	64	42
Не согласен	8	16	13	34
Затрудняюсь ответить	23	26	23	34

Таблица 15
СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО ЕВРЕИ НЕ СЛУЧАЙНО В ХОДЕ СВОЕЙ ИСТОРИИ ТАК ЧАСТО ПОДВЕРГАЛИСЬ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ, ЧТО ХОТЯ БЫ ОТЧАСТИ ОНИ И САМИ В ЭТОМ ВИНОВАТЫ?

	1992	1997	2015
Полностью согласен	9	10	10
Скорее согласен	21	26	43
Скорее не согласен	20	24	—*
Совершенно не согласен	11	9	25
Затрудняюсь ответить	39	32	22

*Вариант ответа не предлагался.

Таблица 16
ИЗ-ЗА ЧЕГО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, МНОГИЕ ЕВРЕИ УЕЗЖАЮТ СЕЙЧАС ИЗ РОССИИ?

	1990	1992	1997	2015
Они хотят жить в Израиле – стране с еврейской культурой, языком, религией	31	31	31	45
Они не верят в возможность реальных улучшений в стране	29	31	29	16
Они хотят обеспечить своим детям лучшее будущее	25	37	41	36
Из-за того, что способные, талантливые люди не имеют здесь перспектив	23	24	29	17
Они уезжают вслед за своими родными и близкими	20	20	27	39
Они хотят за рубежом нажиться, разбогатеть	19	17	12	18
Из-за оскорблений их национального достоинства, преследований, угроз	17	12	9	7
Из-за экономического кризиса, роста преступности	17	29	36	22
Не могу сказать определенно	16	13	7	7
Они поверили пропагандистским призывам и обещаниям	14	5	6	6
Они не любят нашу страну, не хотят помочь ей в трудную минуту	11	8	5	7
Они боятся расплаты за преступления перед народом и страной	3	2	2	5
Из-за ограничений при поступлении в учебные заведения, при приеме на работу	3	2	2	3
По другой причине	0	1	1	1

Таблица 17
СЛЫШАЛИ ЛИ ВЫ О МАССОВОМ УНИЧТОЖЕНИИ ЕВРЕЕВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ?

	1990	1997	2015
Да, слышал	87	92	90
Нет, впервые слышу	13	5	7
Слышал, но я не верю этим разговорам	0	3	3

Таблица 18

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НУЖНО ЛИ РАССКАЗЫВАТЬ НА УРОКАХ ИСТОРИИ О МАССОВОМ УНИЧТОЖЕНИИ ЕВРЕЕВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ?

	1992	1997	2015
Нужно	66	74	76
Не нужно	15	15	17
Затрудняюсь ответить	19	11	7

Таблица 19

КОГДА ЕВРЕИ ПОДВЕРГАЛИСЬ ОСОБЫМ ПРИТЕСНЕНИЯМ?

	1990	1997	2015
Такого никогда не было	9	9	15
До революции	12	15	17
Во времена революции и Гражданской войны	9	10	16
Во времена Сталина	38	45	42
Во времена Хрущева	3	3	7
Во времена Брежнева	7	7	3
В наши дни	3	1	1
Затрудняюсь ответить	40	30	25

Таблица 20

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МНОГО ЛИ ЛЮДЕЙ В РОССИИ НАСТРОЕНО ПРОТИВ ЕВРЕЕВ?*

	1990	1992	1997	2015
Почти все	4	4	2	2
Больше половины	15	16	20	14
Меньше половины	15	13	25	24
Очень мало	21	16	30	45
Не могу сказать определенно	45	52	24	16

*В 1990 г. — «в Советском Союзе», в 1992-м — «в вашей республике».

Таблица 21

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО ЕВРЕИ В РОССИИ РАНЬШЕ ЖИЛИ В АТМОСФЕРЕ НЕПРИЯЗНИ И ОСКОРБЛЕНИЙ?

	1997	2015
Согласен	36	33
Не согласен	38	46
Затрудняюсь ответить	26	21

Таблица 22

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО ЕВРЕИ В РОССИИ СЕЙЧАС ЖИВУТ В АТМОСФЕРЕ НЕПРИЯЗНИ И ОСКОРБЛЕНИЙ?

	1992	1997	2015
Согласен	12	10	7
Не согласен	56	73	78
Затрудняюсь ответить	32	17	15

*В 1992-м — «в вашей республике».

Таблица 23

КАК ИЗМЕНИЛИСЬ АНТИЕВРЕЙСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 2-3 ГОДА?

	1990	1992	1997	2015
Увеличились	19	10	9	4
Остались на прежнем уровне	17	25	28	47
Уменьшились	6	7	21	31
Их не было и нет	—*	—*	10	—*
Не могу сказать определенно	58	58	32	19

* Вариант ответа не предлагался.

Таблица 24

СОСТАВ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ И ИХ ИЗМЕНЕНИЯ, 1989–2015 гг.

Вопрос: КАКИЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ КАЧЕСТВ ЧАЩЕ ВСЕГО МОЖНО ВСТРЕТИТЬ: У АНГЛИЧАН? У РУССКИХ? У ЛИТОВЦЕВ? У ЕВРЕЕВ? У ВАС САМИХ?

	Русские					Узбеки					Американцы		Литовцы					Евреи									
	1989	1994	1999	2003	2005	2008	2015	1989	1994	1999	2008	2015	2008	1989	1994	1999	2003	2005	2008	2015							
Энергичные	10	21	20	23	18	20	24	2	7	6	8	12	38	25	17	20	27	34	29	10	31	29	38	27	34	29	22
Гостеприимные	54	67	73	68	64	61	62	31	38	49	35	33	6	5	6	8	5	11	8	9	7	7	8	5	11	8	14
Открытые, простые	60	71	67	75	65	66	58	5	8	7	13	16	6	2	4	5	3	2	2	7	9	3	3	2	5	2	6
Надежные, верные	26	44	30	38	25	28	40	4	6	4	4	7	3	5	6	4	2	6	5	6	4	7	5	6	9	5	7
Миролюбивые	50	52	42	49	42	47	46	7	11	14	18	21	4	5	8	7	5	11	9	11	4	12	11	11	6	9	17
Ленивые	25	26	27	41	40	33	22	9	24	13	9	11	10	2	6	5	10	14	8	14	13	14	7	8	3	4	8
Рациональные	3	6	3	5	3	5	5	1	6	4	3	6	30	24	25	27	22	25	24	25	31	31	40	38	56	34	37
Лицемерные, хитрые	4	7	5	8	7	3	4	12	17	18	16	12	20	6	17	19	28	23	42	23	29	42	47	51	19	44	28
Терпеливые	52	62	63	62	51	51	51	12	13	14	21	23	4	5	8	9	7	10	6	10	4	6	14	9	11	14	16
Скрытные	4	5	3	6	5	4	3	13	14	17	15	16	20	20	29	26	31	30	22	30	18	28	30	30	27	32	30
Свободолюбивые, неза- симые	22	27	23	26	25	24	24	4	9	8	7	5	35	26	29	29	14	11	6	11	27	9	11	9	14	12	12
Культурные, воспитанные	5	8	8	9	11	11	13	2	4	3	5	6	12	31	26	26	21	19	14	19	8	20	25	25	52	32	38
Непрактичные	30	39	22	34	30	23	18	6	16	9	9	11	4	1	4	2	4	6	2	6	7	6	2	3	2	2	2
Завистливые	10	12	8	13	13	8	4	8	16	9	6	10	10	3	14	11	14	18	13	18	20	23	14	20	8	10	11
Безответственные	22	29	16	26	22	15	9	7	17	7	5	9	4	1	4	2	3	6	2	6	11	5	2	2	2	2	3
Готовые прийти на помощь	50	61	55	57	48	53	50	6	10	8	8	11	5	4	5	3	3	4	4	4	5	7	6	6	6	5	7
Религиозные	7	14	14	16	17	11	10	33	40	41	37	37	15	17	17	17	11	10	13	17	13	25	30	38	25	40	40
С чувством собственного достоинства	14	22	21	21	19	23	18	7	8	10	8	5	30	29	30	31	22	14	16	19	19	18	29	19	30	26	19
Заносчивые	3	7	3	6	6	3	4	5	13	9	4	4	26	19	39	31	27	22	8	13	29	13	11	10	15	8	8
Эгоисты	3	6	2	7	5	3	3	2	9	5	2	4	17	13	27	22	22	21	13	19	27	19	14	18	14	12	9
Почтительные со старшими	5	8	17	7	9	9	8	43	56	55	47	43	5	14	13	13	6	7	13	20	22	22	21	18	28	26	
Жестokie	3	8	4	6	6	2	3	13	24	12	6	9	9	8	24	22	14	15	4	7	20	6	5	20	4	3	
Трудолюбивые	27	42	35	30	23	32	26	16	19	22	30	33	12	29	24	20	14	9	12	20	9	24	24	27	51	26	20
Забитые, униженные	10	17	16	22	18	8	5	21	33	24	26	21	1	1	3	2	2	2	4	12	1	6	8	1	4	3	
Скупые	2	3	1	4	3	2	1	3	7	4	3	5	11	8	16	17	17	16	26	39	10	31	41	26	32	28	
Властолюбивые	3	8	5	7	6	4	4	4	10	7	2	2	31	13	24	20	15	9	17	21	38	21	26	23	19	24	12
Навязывающие свои обычаи другим	1	12	6	5	5	2	1	3	11	5	2	3	30	3	18	11	8	7	1	11	39	11	7	9	9	7	4

Алексей ЛЕВИНСОН

«Еврейский вопрос» в современной России

Левада-Центр (а ранее первый ВЦИОМ) неоднократно обращался к вопросу об отношении жителей нашей страны (сначала СССР, затем РФ) к евреям.

Предмет оказывается чрезвычайно интересным для социологического изучения. Те, кого здесь называют евреями, давно стали частью российского общества. Де-факто это признано и в обществе, и в еврейской среде. Однако та или иная степень обособления сохраняется, и это также признано и обществом, и евреями. Негативное отношение к евреям (еврейству, еврейскому) считается одной из традиционных черт российской культуры и зовется антисемитизмом. Негативное отношение к антисемитизму и нейтральное, если не подчеркнуто положительное, отношение к евреям, к еврейской культуре и истории, в свою очередь, считается нормативной чертой интеллигентности, а также атрибутом так называемых общечеловеческих норм.

Любой социальный субъект с необходимостью размещает себя в этих внутренне противоречивых координатах.

Фоном для сегодняшнего состояния «еврейского вопроса» в России служит мозаика исторических обстоятельств, оживляемых в массовой памяти историками, публицистами, политиками. Существование евреев в черте оседлости — не тема для российского массового сознания. Иногда вспоминают дело Бейлиса. Помнят, что он был обвинен в убийстве ребенка-славянина в ритуальных целях, потом оправдан. Это скорее форма памяти про кровавый навет. К сожалению, совсем не вспоминают при этом гражданскую позицию судей и присяжных, вынесших оправдательный приговор. Погромы конца XIX — начала XX в. вспоминают в сегодняшней России очень редко. Но погромы времен Гражданской войны возвращены для памяти «Книгой погромов», изданной в 2007 году Лидией Миляковой тиражом 1500 экземпляров¹. С неизбежностью так или иначе присутствует в современной российской

¹ Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период гражданской войны, 1918–1922: сборник документов / отв. ред. Л. Милякова. М.: РОССПЭН, 2007. 995 с.

культуре тема Холокоста и отголоски спекуляций вокруг нее.

Остались какие-то следы эпохи «борьбы с космополитизмом», «дела врачей». Помнят, что это была государственная политика. Помнят, что тогда и долгое время потом евреев неохотно брали на работу, неохотно принимали в вузы. Остались определенные следы некогда очень активной «разъяснительной работы» разных националистических авторов, которые разоблачали евреев в правительстве «демократов».

Еврейская эмиграция конца XIX — начала XX в. не помнится. Но не забыто, что евреи в массовом порядке уезжали из СССР и что очень многие из них живут сейчас в Израиле и США, что они образуют там своего рода российские колонии. Помнят что-то о борьбе с сионизмом и о плохих отношениях с Израилем (и хороших с его врагами). Но теперь принято считать, что Израиль — интересная в разных аспектах страна, с которой у России нормальные отношения.

Наряду с этим российское массовое сознание приняло как факт активизацию еврейской религиозной и культурной жизни в России. Далее оно приняло появление в публичной сфере (попросту — на телеэкранах) множества лиц, которые вполне определенно могут являться евреями или про них можно предполагать, что они евреи. Это могут быть нелюбимые народом олигархи или, наоборот, любимые артисты, ученые или врачи. Представляется очень важным, что существование в публичной сфере этих фигур происходит без публичного обсуждения данного признака. (Речь о массовом восприятии, а не о восприятии тех, для кого этот факт является самым главным, поскольку они исполнены ненависти или любви к евреям как таковым.) Еврейство предстает их ресурсом, оно оказывается объяснением достижений, которые принесли им известность. Но в чем состоит этот ресурс, что в нем собственно еврейского, не обсуждается, разве что говорится, что «они (евреи) умные». При этом предполагается, что они умны каким-то особым «еврейским умом».

В этой связи представляется важным отметить роль М. Жванецкого, которую он играл

в российской культуре на протяжении нескольких десятилетий. Жванецкий в известной степени выступил продолжателем популярных в конце XIX — начале XX в. в России эстрадных (шантаных) еврейских комиков. Жванецкий не взял от них ни акцента, ни жанра «рассказы из еврейской жизни» (акцент трансформировался в речевую манеру, а «еврейской жизни» просто не стало). Он предложил то, что было скрыто за акцентом и жанром: «еврейский ум», «еврейский юмор». (В советское время эвфемизмом для этого было обозначение «одесский юмор».)

Вместо «еврейской жизни» Жванецкий стал предлагать рассказы из нашей общей жизни. Та тонкая маргинальность ассимилированного еврейства, о которой мы говорили выше, позволяла ему остранять и замечать те ее черты, которые вроде бы общеизвестны, но вместе с тем проходили мимо внимания всех остальных, и давать замеченному моральную оценку, которую прочие вообще к ним не применяли. В отсутствие социологии эстрадная сатира Жванецкого (в исполнении Райкина, Карцева и Ильченко и его собственном) вынесла на всеобщее обозрение важнейшие социальные отношения позднесоветского общества, заставила общество рефлексировать по их поводу. Художественный дар Жванецкого позволил ему облекать анализ, диагноз и приговор в афористичные формулы. Художественное совершенство и встроенный сатирико-юмористический компонент — он и выполнял функцию оценки — делали его тексты беспелляционными. Его формулы или их части расходились в повседневной речи как паремии. А с паремиями, как известно, не спорят. Еврейство Жванецкого (и упомянутых исполнителей) принималось во внимание публикой, но не обсуждалось публично. (Еврейство было чем-то вроде неприличного обстоятельства. О нем знали, но публично обсуждать избегали. В этом еще одно отличие от еврейских комиков прошлого.) В этом заключается очень важный момент: то, что выговаривалось сатириком, оказывалось значимым для общества в целом, выносимый им суд оказывался судом от имени всеобщей, универсальной морали, уже не от «еврейского ума».

Оставим в стороне вопрос, помогает ли сатира, бичуя пороки, их устранять. Ограничимся констатацией того, что сатира Жванецкого за счет «присадки» еврейства на протяжении целого периода отечественной истории дополняла российскую публичную культуру мало

свойственным ей универсалистским дискурсом и рефлексией на его основе.

Наряду со Жванецким в публичной сфере в последние полвека фигурировало немало его последователей, которые могли не быть опознаваемы как евреи. Манера Жванецкого, его поначалу уникальная социально-критическая позиция сымитированы последователями. Если не мыслительные приемы и не нравственный заряд, то интонация, уже не маркированная как «еврейская» либо «одесская», вошла в культуру как весьма популярная.

Менее широко отмечают в публике появление элементов собственно еврейской культуры — книг, фильмов, спектаклей «из еврейской жизни» или «на еврейские темы». Для читателей/зрителей, воспитанных на русской, российской культуре, они могли выступать примерами одной из национальных культур, как экзотика, наконец, как средство доступа к «еврейской мудрости» — коль скоро считается, что такая есть.

Но для нашего анализа более интересен случай, когда еврейский компонент является средством включения в российскую культуру не специфически-еврейских, а универсалистских начал. С позиций, рассматривающих российскую культуру как нечто отдельное, замкнутое на себе, эти начала выглядят чужими, зовутся ли они общечеловеческими или европейскими, западными (тогда они могут маркироваться и как еврейские, что подчеркивает их чуждость). С позиций, видящих российскую культуру частью мировой, они выглядят как необходимые для ее развития компоненты. Тогда природа (в том числе национальная или этническая принадлежность) тех, кто доставляет такие компоненты, не имеет значения.

Некоторые особенности традиции, образа жизни ашкеназских евреев после их выхода из штетлов и черты оседлости и включения в (восточно-) европейскую культуру, сделали их маргиналами, которые наиболее успешно приносят и развивают в рамках этой культуры указанные универсалистские (и в этом смысле космополитические) начала.

Местные культуры регулярно чередуют фазы принятия и отторжения этих начал. Тогда отторжение переносится и на носителей. Кампания борьбы с «космополитизмом и низкопоклонством перед Западом» в конце 1940-х — начале 1950-х в СССР относилась к данным явлениям. (У нее, разумеется, были и другие политические причины, но о них мы сейчас не говорим.)

Поскольку диалог/конфликт с Западом и внутренний диалог/конфликт «западников» и их оппонентов имманентны российской культуре, еврейство с его названной функцией с неизбежностью оказывается втянуто в эти отношения культурной рецепции и культурной эксклюзии. Одни и те же действия евреев, переносчиков и интродукторов инноваций этого типа, оказываются и их заслугой, и их виной.

На момент написания этих страниц острота негативного восприятия евреев в их названной функции приглушена. Мы видим здесь очередную ступень ассимиляции – сложного, порой получающего драматические формы процесса взаимной адаптации российского общества и российского еврейства.

Процесс ассимиляции евреев зашел далеко. Слово «еврей» в применении к россиянам перестало означать этническую/национальную квалификацию. В шутке «Евреи – это не нация, а профессия» схвачен этот смысл: атрибутов нации у российского еврейства действительно нет. Можно вспоминать, что, когда они были (вплоть до конца XIX в), часть евреев стремилась от них избавиться, а остальных избавили от них насильственно за первые 50 лет XX в. На сегодня это состоявшийся факт. Часть евреев его приняла и продолжает линию на уход от еврейства, часть сознательно восстанавливает еврейскую идентичность.

Похоже, что основная часть тех, кто может быть причислен к российскому еврейству, не находит себя ни там, ни тут. Они строят свою идентичность на комбинации стандартных черт россиянина соответствующего статуса и каких-то «добавочных» черт, которые помечены в современной культуре как «еврейские». Твердых стандартов этого комбинирования в силу самих обстоятельств существования еврейства в России не может быть. Построение идентичности оказывается для людей в этом положении отдельной жизненной задачей. Она может решаться легко и в жанре шутки, может даваться тяжело, может принести индивиду успокоение и ощущение прочности своего положения, может породить чувство зыбкости бытия.

Современные российские евреи, разумеется, не первые люди на Земле, решающие эту экзистенциальную задачу. Российское общество сталкивалось и сталкивается с чередой маргинальных групп, категорий, которые оно принимает или обнаруживает в себе. То же происходит с большинством национальных обществ в других странах, так что ситуация не уникальная. Но это не лишает ее особенностей и черт,

которые делают ее, повторим, крайне интересной для социологического анализа¹.

Предлагаемые ниже наблюдения были сделаны в ходе исследования, посвященного «еврейскому вопросу» в России. Исследование осуществлялось методом фокус-групп и экспертных интервью². Фокус-группы проводились в нескольких городах страны. В Москве участниками одной группы были рядовые москвичи, на другие приглашали тех, кто считает себя евреем. Таких же респондентов приглашали в Биробиджане. В Хабаровске участниками были горожане. В Махачкале и Казани на разные группы приглашались мусульмане с разной степенью погруженности в религию. Мы приводим много цитат из высказываний респондентов. Выбраны те, которые характеризуют позицию группы в целом, а значит, и того слоя, из которого набирался состав группы.

Мнение опрошенных об уровне антисемитизма

Начнем с отмеченного выше состояния терпимости общества по отношению к евреям. Лучше всего оно выражено формулой «*Еврей? Сегодня это можно*» (эксперт, Биробиджан).

– *Да, в 2000-х, безусловно, было меньше каких-то проявлений антисемитизма, чем в 1990-х. Есть еще то, как расцвела еврейская культурная жизнь (евреи, младшие, Москва).*

– *По сравнению с 1990-ми это очень сильное сокращение (антисемитских проявлений). И лично связанное с моей жизнью тоже (евреи, Москва).*

¹ Обсуждаемый вариант маргинализма характерен для выходцев из ряда иных национальных групп – от азербайджанской до немецкой. Схожие процессы приводят их в схожие социальные места. Стоит посмотреть на фамилии представителей среднего и крупного бизнеса. Там представлено широкое разнообразие ассимиляторов из разных этносов, так или иначе участвовавших в сложении российского общества.

² Замысел и план исследования был предложен заказчиком – Российским еврейским конгрессом. Было необходимо провести группы в русской, мусульманской и еврейской среде. Качественное исследование состояло из десяти зондажных фокус-групп в нескольких социальных средах: 1) русская или смешанная городская среда – население крупных городов – гг. Москва (2 группы), Хабаровск, Казань (по одной); 2) мусульманская городская среда – мусульмане со слабо выраженной идентичностью – Махачкала, мусульмане с ярко выраженной идентичностью («традиционный ислам») в Махачкале и Казани; 3) еврейская городская среда («простые» евреи – Биробиджан; «знатные» евреи – Биробиджан; «молодые» евреи – Москва, «пожилые евреи», либеральная интеллигенция – Москва). Кроме того, проводились экспертные интервью в гг. Хабаровск, Биробиджан, Казань и Махачкала (эксперты были рекомендованы представителями РЕК). Следует иметь в виду, что исследованием не охвачены несколько сред, где отношение к евреям или восприятие еврейства имеет существенные отличия, в частности активисты русских националистических организаций и их сторонники; последователи «чистого» ислама («ваххабиты» и т.п.), «религиозные» евреи.

– Я не испытываю каких-то беспокойств, связанных с моей национальностью в данный момент (евреи, старшие, Москва).

– На бытовом уровне никаких проблем не ощущаю и антисемитизма тоже. Может, в силу круга общения бытового, профессионального. Страх антисемитизма у меня нет. Возможность получить по голове есть у любого. Ощущение дискомфорта от окружающей действительности – но я не могу сказать, насколько на это влияет мое еврейство или что-то еще (евреи, старшие, Москва).

– Сейчас пятой графы нет ни у кого (евреи, простые, Биробиджан).

– Да. Очень (сильно упал уровень антисемитизма). Если брать 1970-е годы, я занимал тогда вроде бы высокую должность даже в области, но я своим детям сделал национальность русскую. А сейчас не стал бы этого делать (евреи, знатные, Биробиджан).

– Я так скажу... Я помню 1946-й, 1947-й и по 1950-е – такое название, как «жид» и «жидовская морда», звучало на всех перекрестках. Была такая... не скажу, что это пословица – «бей жидов, спасай Россию». Сейчас наоборот (евреи, знатные, Биробиджан).

– Да, я отвечаю: «Я еврейка». Причем, если раньше я задумывалась, говорить или нет, то сейчас отвечаю: «Да, я еврейка» (евреи, знатные, Биробиджан).

– Вы знаете, я даже замечаю, что стало модно – по телевидению – подчеркивать свое еврейское происхождение. То один артист, то другой, то третий, то пятый!.. (евреи, знатные, Биробиджан).

Об отсутствии антисемитизма свидетельствуют представители доминантных групп.

– Ну, я бы не сказала, что у нас здесь есть антисемитские настроения... (мусульмане, Махачкала).

– Простым евреям или дагестанцам в наше время, грубо говоря, плевать на все это (на межэтнические различия) (мусульмане, Махачкала).

– Живущие здесь люди (евреи) видят, какие мы мусульмане, и вроде бы никаких стычек с ними нету, я лично не слышал, чтобы было что-то с ними (этнические мусульмане, Махачкала).

Все эксперты различают государственный и бытовой антисемитизм. Все отмечают, что бытовой антисемитизм сохраняется, но его уровень низок. Что касается государственного антисемитизма, то в целом его уровень, по мнению евреев и экспертов, в стране сейчас низок. Иногда и про государственный антисемитизм говорят, что он отсутствует.

– Антисемитизм – это вообще болезнь. И этот микроб передается, и так далее. И градус этот есть. Но он зависит от того, как государство к этому относится. Наверное, сегодня государственного антисемитизма нет (евреи, знатные, Биробиджан).

– Проблемы (государственного антисемитизма в последнее время) нет .... Были всегда проблемы бытового антисемитизма небольшие (эксперт, Биробиджан).

– Если не брать высказывания каких-то отдельных деятелей, на уровне государственной системы, по-моему, антисемитизма сейчас нет (евреи, младшие, Москва).

– Я считаю, что сейчас нет такого антисемитизма... Декларированного. Нет, конечно (евреи, простые, Биробиджан).

Обсуждался вопрос об отношении первого лица страны к этой проблеме.

– С моей точки зрения, у Путина много недостатков, но антисемитизм явно не относится к ним (евреи, младшие, Москва).

– Отношение Путина (к евреям) подавленно-негативное. С одной стороны, он не может это открыто проявить по определенным мотивам, с другой – у него есть явная неприязнь к украинским евреям за то, что они поддержали почти 100% не то, что он от них хотел (евреи, старшие, Москва).

Так или иначе, эксперты указывают, что именно от позиций государственной власти, ее отношения к евреям, к антисемитизму зависит и уровень активности бытового антисемитизма.

– В целом отношение народа (к евреям) – это всё зависит от руководителя данного региона (эксперт, Казань).

Эксперты указывают на то, что (в силу устройства бюрократической иерархии) позиция высшего руководства региона влияет в первую очередь на элиты.

– А то, как проводит политику руководитель данного региона, от этого зависит политика руководящего состава региона (эксперт, Казань).

Приводятся положительные примеры. Есть свои особенности в том, что касается отношения руководства к еврейской проблеме на Дальнем Востоке. Во-первых, возникают совершенно новые инициативы, которые создают новую ситуацию.

– У нас в области пришел новый православный руководитель. С приходом нового руководителя, православного, было впервые подписано соглашение межконфессиональное, этого нигде не было еще в стране, это уникально... (эксперт, Биробиджан).

Во-вторых, в нынешних условиях стало более безопасно для чиновников обнаружить собственные родственные связи с евреями. Правда, это делается в особых, скорее прикровенных формах. Вот пример из Еврейской АО.

— Глава района вечером, во время, так сказать, легкого ужина, рассказывает, что «я тоже»... У него фамилия русская, на лбу нарицательно, что он такой русский мужик, но он говорит: «Ну, я тоже имею отношение к евреям... бабушка Ида по матери». Или начальник Управления внутренних дел, генерал, когда уходит на пенсию, рассказывает про бабу Фиру. Такого много (эксперт, Биробиджан).

Приводятся отрицательные примеры.

— Чтобы народ относился к евреям, еще кому-то... народ занят другими проблемами, ему не до этих проблем национальных и это, и всё... А эти все карты разыгрывают только (люди) из руководства, и где бы мы не видели вспышки антисемитизма, надо смотреть, кто стоит во главе данного региона, и отсюда начинать танцевать (эксперт, Казань).

— Тогда руководителем республики был (называет имя)...И когда напали чеченцы на Дагестан второй раз, он вышел к журналистам... и он начал разговор про сионистские центры в Нью-Йорке, про то, что они пытаются дестабилизировать ситуацию в разных точках земного шара, и вот здесь то же самое. Через того же (называет имя) это распространилось и в политических структурах местных... (эксперт, Махачкала).

Для нашего общества, структурой и организованностью (разной степени — от высокой до низкой) в котором обладает лишь управляющая система, объяснение, складывающееся из этих мнений, представляется адекватным. В самом деле, масса носит в себе как часть своей культуры те элементы, которые респонденты называют словами «бытовой антисемитизм». Его спонтанное перерастание в организованное действие, например в организованную травлю евреев, невозможно в силу отсутствия самой организованности. Таковая может возникнуть лишь как результат действий управляющей системы, власти. Достаточно распространенной, во всяком случае среди российского еврейства, является точка зрения, что антисемитизм имманентен российской власти и, если его нет в данный момент, это требует специального объяснения. Он, мол, несомненно, есть, но скрыт, или он есть, но сознательно подавлен, или его придерживают, чтобы использовать в нужный момент как удобное средство, и пр.

Почему это так, почему власть в России должна быть непременно антисемитской, евреи объясняют себе реже. Одно из объяснений — потому что она русская, то есть принадлежит русской культуре, а таковая включает антисемитизм как непреходящий элемент.

Мы не располагаем средствами, чтобы отвечать на глобальный вопрос о причинах антисемитизма в российской культуре, но мы можем отметить, что существование антисемитизма как элемента российской народной культуры от состояния и действий власти зависит мало. От власти зависит уровень его активности, его действительных проявлений.

Более важным и менее тривиальным представляется другой результат исследования: что этот «бытовой» антисемитизм существует для «внутреннего употребления» в русском и других российских этносах. Он в большинстве случаев не касается евреев как реальных лиц, как членов российского общества.

— Один очень верующий человек свою маму ругал за то, что она своего внука евреем ругает. Он у них трехлетний, бегаёт, очень такой был сообразительный, она: «А, еврей, еврей!» А он и говорит: «Не называй его евреем, это самая плохая нация» (мусульмане, Казань).

— В школе учитель ругал одного ученика постоянно и говорил: «Почему ведешь себя, как еврей?» (нееврей, младшие, Хабаровск).

Власть и только власть способна перевести этот антисемитизм для внутреннего употребления в жесты и действия, направленные в самом деле против евреев, имеющие цель нанести таковым тот или иной ущерб, уничтожить их и пр.

Наше исследование и в этом случае не имеет средств напрямую оценить готовность власти к таким действиям. Мы можем (и стремимся в данном исследовании) оценить общесоциальный контекст, наличие и уровень запроса в обществе на такое властное указание как фактор, который может стимулировать или тормозить данные действия власти.

Нельзя не сказать, что это не очень сильный метод прогнозирования действий власти. Власть не находится в институционально оформленной (реальной) зависимости от общества, его желаний и настроений. Если и существует эта зависимость, то она проявляется как неформализованная или как имеющая слабые варианты формализации, например, в виде измеряемого социологическими агентствами (включая Левада-Центр) так называемого «рейтинга», который публикуется в СМИ и становится предметом обсуждения в публике.

Известно, что и зависимость общества от власти, его ей подчиненность в значительной степени имеет неформализованный характер. Институт СМИ в той его части, которая погружена в общество и передает в него сигналы власти, будучи весьма влиятельным, не является формальным (в отличие от других систем управления, так называемых правоохранительных органов, органов образования или здравоохранения, коммунальных и пр.).

Опыт последних лет показывает, что неформальный характер влияния и управляющих воздействий власти на общество не препятствует, а скорее способствует — при данном агрегатном состоянии общества как массы — эффективности этих воздействий. Опыт мобилизации антигрузинских настроений и акций в 2008 году может служить тому подтверждением.

В еврейской среде такой оборот дела не перестают считать вероятным.

— *Сегодня государство сильно, и оно против этих настроений, но если скрепы государства станут вдруг слабее, то может произойти все, что угодно. Национальный вопрос — это болезненный вопрос...* (евреи, знатные, Биробиджан).

Причины антисемитизма

Мы не имеем в виду в данном разделе решить вопрос, который решают веками лучшие еврейские и не еврейские умы. Мы здесь приведем несколько суждений наших респондентов.

Вот примеры объяснения антисемитизма с позиций антисемитизма же.

— *Я (другую) такую хитрую нацию, которая из всего делает выгоду, не встречал. Я не знаю, может быть, это какие-то особенности воспитания либо генетически заложено... но это на самом деле так, то есть не зря в Средние века большинство ростовщиков были евреями. Это у них как бы в крови — выгоду из всего извлекать.* (немусульмане, Казань).

Известна версия, что антисемитизм вызван самими евреями.

— *Мне кажется, что раз есть семитизм, то есть и антисемитизм. Причина в том, что это попытка оказывать влияние на другие культуры... Излишне (им) проводить эту границу различий, выставляя эту стену... разделяя людей. В этом, мне кажется, причина. Не было бы семитизма, не было бы и антисемитизма* (неевреи, старшие, Хабаровск).

Классическим можно считать обвинение в том, что евреи захватили власть или хорошие места.

— *Во всех должностях занимают евреи. Фамилию изменил, сделался русским, кем-то стал, а сам по национальности еврей. Занимает хорошую должность. Всегда занимал. И будут занимать они. Потому что они очень умный народ, очень сплоченный, очень друг другу помогают* (мусульмане, Махачкала).

Евреев упрекают за идею «избранного народа».

— *Я не вижу никакого отличия от каких-то других народов. Люди себе придумали историю, удлинители ее и тем самым посчитали, что они лучше, чем все остальные. Вот и все. Давайте себе придумаем историю красивую, тоже будем всем говорить, что мы избраны богом. Любой народ может то же самое сделать и с таким же успехом* (старшие, Хабаровск).

— *Я думаю, что евреи считают, что они единственная правильная нация, а остальные все ошибаются. Из-за этого как бы они высокомерно относятся ко всем остальным, остальные, считают, как бы не правы. Из-за этого как бы и получается...* (мусульмане, Казань).

— *Ну в общем-то я считаю, что они такие же, как все, но сами они думают о себе лучше.* (неевреи, Москва).

Одна из главных претензий — **евреи ищут, где лучше**. Или добиваются для себя более благоприятных условий.

— *Встал вопрос в 1928 году о еврейской автономной области... Здесь комары, здесь плохая земля. Сюда не поехали. Они в первую очередь настаивали, чтобы Крым отдали. В 1920-х годах... Там жить вольготнее. Это одна из черт, конечно. На фига нам эта ЕАО, когда лучше в Крыму. В общем-то я не порицаю, каждый хочет жить там, где лучше* (старшие, Хабаровск).

— *Евреи больше других ищут, где лучше, потому что у них по всему миру много связей и больше, может, информации* (мусульмане, Казань).

Одна из называемых причин неприязни к евреям — неприязнь к Израилю.

— *Кстати, у них единственное государство в мире — Израиль, в конституции которого написано, что гражданином может быть только еврей. Это единственное в мире государство, которое построено по национальному признаку! Больше ни в одной конституции вы не прочитаете...!* (старшие, Хабаровск).

Известно, что евреев обвиняют в преувеличении ими своих страданий.

— *Это было в 1990-х годах, когда государство только-только становилось. Модно (среди евреев) было поехать в Россию, сказать, допустим: меня отсюда выгнали, дайте мне квартиру, землю,*

участок. И в Израиль многие уехали. Стали считать себя ущемленным народом. Их никто здесь не ущемлял (мусульмане, Махачкала).

Известна идея, что евреи правят (или стремятся править) всем миром.

— Раньше, когда здесь было много евреев, мусульмане были в более близких контактах с ними и было меньше поводов для подозрения евреев в том, что они возглавляют всякие Мировые Правительства, влияют, там, на жизнь всего человечества (эксперт, Махачкала).

Существенно, что сохраняется приписывание евреям роли тайных хозяев мира, управляющих миром в целом и нашей страной в частности. Но не менее существенно, что о том, что евреи правят миром и Россией, говорилось без аффекта, сообщалось как о давно и широко известном факте. Никаких конкретных имен евреев в российском правительстве респонденты назвать не могли, говорилось, что они все давно переменили фамилии (то есть они ассимилированы большим социумом, и это признается).

На евреев же возлагают ответственность, ни много ни мало, за то, что в мире не одна конфессия.

— Да, я слышала, что вот религии создали шесть евреев, и специально создали их разными, а не одной верой, чтобы легче было управлять. Есть такая притча, правда, я не знаю... (мусульмане, Казань).

В ходе фокус-групп о том, что евреи правят миром и Россией, говорилось как о непреклонно установленном и широко известном обстоятельстве, и оно не вызвало сильных чувств. Мы в этом видим очередное проявление ассимиляции общества, повышения его терпимости (имеющей здесь вид равнодушия, слабой ценностной озабоченности этими вопросами). На вопрос, может ли еврей встать во главе российского государства давались ответы: а это было — и есть.

— Ленин. Сам еврей, так и... Полу/кровка/...

— Ну, учитывая, что все соратники были... Все практически (старшие, Хабаровск).

— Ленин?! Он сам государство Израиль создал. При помощи Сталина... (младшие, Хабаровск).

— Ну, Медведев же был.

— И Ельцин, по-моему...

— Ельцин — еврей, Медведев — еврей. Были уже (старшие, Хабаровск).

— Между прочим, слышал мнение, что Владимир Владимирович Путин тоже еврей.

— Я тоже слышал.

— Говорят, он еще и масон (младшие, Хабаровск).

Оригинальным показалось такое объяснение антисемитизма:

— Говорят, что антисемитизм — это инструмент, чтобы евреи не ассимилировались. Не растворялись (младшие, Хабаровск).

Это своего рода расхожее мнение. От одного из экспертов в Москве пришлось слышать, что антисемитизм — часть еврейской идентичности. Евреи, мол, с ним сжились, он им помогает «держаться в тонусе».

Антисемитизм мусульман

В Дагестане пришлось встретиться с точкой зрения, что антисемитизм мусульман — реактивный, защитный, возник в ответ на стремление евреев чуть ли не уничтожить ислам и мусульман.

— (Причина антисемитизма), наверное, их отношение к мусульманам (мусульмане, Махачкала).

— Многие уехали отсюда, еврейские кланы. Ну, наверное, есть у них свое желание, чтобы нас было меньше (мусульмане, Махачкала).

— А вот в общепланетарном масштабе, ну есть какие-то антиисламские (настроения у евреев). Ну, я думаю, не все такие евреи против ислама настроенные. А частично (мусульмане, Махачкала)

Здесь подключаются элементы общемусульманской солидарности. Противоборство Израиля и его мусульманского окружения символически транспонируется на отношение местных мусульман к местным евреям.

— (Причина негативного отношения к евреям в том), каково отношение этого Израиля к Палестине, Ливану, Сирии (этнические мусульмане, Махачкала).

— Здесь единственная причина в том, что если Израиль против Палестины, Израиль против мусульманского мира, то, конечно, здесь все мусульмане, они будут против этого (мусульмане, Махачкала).

В Дагестане были обнаружены слабые следы существовавшего (по свидетельствам историков), вплоть до начала XX в. местного варианта «кровавого навета». Было распространено представление, что у евреев дети рождаются слепыми и, чтобы они прозрели, им требуется помазать глаза кровью мусульманского ребенка. В этой связи неоднократно при исчезновении такого ребенка (потерялся, спрятался и пр.) начинались еврейские погромы.

— В Дербенте много евреев было, можно сказать, 55% там евреев было... ну, или какие-то разговоры, мол, они у детей кровь забирают, с ней делают что-то... (мусульмане, Махачкала).

– Но этому подтверждения, что был какой-то ребенок, исчез он там, я не слышал. Но это как называется – разговоры разного рода. Слухи (мусульмане, Махачкала).

Снижение уровня антисемитизма: эмиграция евреев и ассимиляция

Эксперты в общем склонны объяснять снижение уровня антисемитизма уменьшением количества евреев.

– Объяснить очень легко: чем больше уезжает евреев из России, тем меньше.../антисемитизма/ (эксперт, Казань).

– Мало (стало евреев). Ведь согласитесь все-таки, когда революционная ситуация в стране, 16–18 миллионов евреев, и современная ситуация, когда в стране 500–600 тысяч евреев – она в общем-то различается (эксперт, Хабаровск).

– Если бы здесь было более или менее много евреев, то, наверное, было бы антисемитизма больше. Ну, а поскольку еврейские люди в основном уехали отсюда, то и поводов для антисемитизма меньше (эксперт, Махачкала).

Эксперты среди прочих причин объясняют снижение уровня антисемитизма повышением уровня ассимиляции евреев.

– Большая ассимиляция и большое желание людей других национальностей, в основном русских и других национальностей, именно к бракам с еврейскими женщинами, мужчинами (эксперт, Биробиджан).

На это же указывают респонденты из среды русских.

– Вот десять людей: как мы определим, кто из них чистый еврей, кто там на 50%, кто там в какой-то четверти. Мы смотрим – глаза, нос, уши, все на месте. Разговаривают по-русски. Четко. Без проблем. У кого там какая история-предыстория и сколько кровей в организме – ну извините... (младшие, Хабаровск).

– Нет. Дагестанские евреи воспитаны в наших традициях, они как-то лояльно к нам относятся, они дружные (мусульмане, Махачкала).

– Я тоже считаю, в Дагестане горные евреи, таты, от них нам мало вреда. Они выросли с нами, вместе в одном регионе живем (мусульмане, Махачкала).

– Нормально. Они уже друг другу родственниками все стали. Так что этого сейчас в данный момент нет. Вообще, дагестанские народы. У меня приятель есть, у него, скажем, мать – еврейка, отец – аланец (мусульмане, Махачкала).

Специфика ситуации на Дальнем Востоке, и в частности в Еврейской АО, по мнению эксперта, такова.

– Сейчас проблемы антисемитизма большой я не вижу. На Дальнем Востоке она вообще отличается, Дальний Восток отличается от центральной части тем, что здесь нет межнациональных антагонистических противоречий. Большая потихонечку вырастает диаспора мусульманская, кавказская, среднеазиатская и так далее, есть там и армяне, которые не мусульмане. И вот между ними такие нормальные отношения. Проводим мы турниры футбольные, русские играли с евреями, с армянами и так далее и тому подобное. За клуб «Маккаби» выступают русские и два еврея (эксперт, Биробиджан).

– У нас этого (антисемитизма) нет, и я не вижу сегодня... Хотя надо всегда держать руку на пульсе, это я понимаю, но я не вижу сегодня такой проблемы антисемитизма. Сегодня большая проблема, мы понимаем какая: это арабская, мусульманская и так далее (эксперт, Биробиджан).

Ксенофобия переключена на другие этносы

Подтвердились давно сделанные наблюдения, что на роли «чужих» в таком социуме, как московский, стоят не евреи, а «приезжие» из восточных и южных регионов России и бывших республик СССР, в основном принадлежащие к мусульманской культуре.

Сами евреи это осознают.

– Вспомню немецкую поговорку: «В современной Германии евреями работают турки». В том смысле, что ксенофобия направлена не на евреев, которых почти не осталось, а на других. В России евреями сейчас работают таджики, узбеки, кавказцы... (евреи, старшие, Москва).

– Понятно, что евреи сталкиваются с проявлениями национализма в меньшей степени, чем, например, представители кавказских народов или Средней Азии. То есть евреи там далеко не на первом месте в списке, но на известном месте они есть (евреи, младшие, Москва).

Антисемитизм в разных исторических обстоятельствах имел объектом разных евреев. В одних случаях, когда имело или имеет место традиционное еврейство, еврейский народ, евреи с точки зрения иного этноса – это чужие по расе, вере, языку, одежде, обычаям. При этом они занимались деятельностью, которой по той или иной причине не занимались в другом этносе, – это прежде всего некоторые ремесла и определенные виды торговли, денежных операций. Против таких евреев, жителей местечек или выходцев оттуда, был направлен, например, погромный антисемитизм в России в конце XIX – начале XX в.

Нишу таких чужаков в России с конца XX в. заняли сначала выходцы с (Северного) Кавказа, а затем выходцы из Средней Азии.

После погромов 1920-х годов и гитлеровской оккупации еврейские местечки как место постоянного проживания еврейского народа (на территории СССР, в частности в России) исчезли, и было прекращено само существование этого народа как обладающего своей верой, языком, материальной и духовной культурой. Возникло еврейство — категория высокоассимилированных, усвоивших российскую культуру потомков прежних евреев, продолживших существование в России как одна из (маргинальных) групп советского и российского общества. Собственно, с такими евреями и отношением к ним и имеет дело нынешнее исследование¹.

При этом ассимиляция была процессом в российском обществе в целом. Обычно говорят о том, что она касалась тех, кто себя называл евреем и кого так называли, кто себя перестал или кого переставали называть евреями. Но ассимиляция касалась и собственно российского общества.

Ассимиляция в этом смысле в какой-то мере означала реальный рост толерантности к евреям. Она выразилась в признании особой ниши или ниш для евреев — в медицине, юриспруденции, некоторых видах искусства. Признаны и сделаны достоянием российской культуры некоторые типовые фигуры «еврейского ума» или «еврейского юмора». Подчеркнем, что это — элементы российской культуры, как ее элементами стали блюда грузинской или японской кухни.

Антисемитизм в адрес таких ассимилированных евреев имеет иной характер. (В современной России он, как показывают наше и другие исследования, выражен не сильно. Но он имел острые формы в СССР в конце 1940-х и начале 1950-х гг., не говоря о тех формах, которые имел в 1930–1940-е в Германии и в конце 1960-х в Польше.)

Что касается российского общества, то, как показано исследованиями ВЦИОМ (до 2003 г.) и Левада-Центра, этот антисемитизм уже не является борьбой одного этноса с другим, как в конце XIX — начале XX в. Нынешний антисемитизм есть процесс внутри российского

¹ Сам факт ассимиляции не является гарантией отсутствия или радикальной ослабленности антисемитизма. Не забудем, что антисемитизм, который был идеологией и политикой нацистов, был направлен изначально против евреев, глубоко ассимилированных германской культурой.

общества и представляет собой результат его внутренних коллизий, к возникновению которых современное российское еврейство не имеет отношения. Это коллизии «процесса модернизации». В данном случае надо указать на то, что одни общественные группы, условно говоря, обгоняют другие в ходе социокультурных трансформаций. Характеристики, манеры, нормы, поведенческие схемы, ментальные конструкции опережающих и отстающих получают у тех и других то остро-позитивную, то остро-негативную оценки как цели для подражания или объекты отвержения. Еврейство — группа, которая заняла заметное место в этом процессе, и ряд черт, приписываемых ему (основательно или безосновательно), суть атрибуты самого процесса. Маркированные как «еврейские», и они служат предметами зависти и уважения, презрения и хулы. Аналитически можно было бы установить, для каких групп российского общества такие черты, как, например, «еврейская» солидарность, готовность помогать «своим», суть положительные качества, а для каких они — объект негативных чувств. Но, поскольку эти группы участвуют в едином процессе и являются частями единого социума, их оценки циркулируют в его культуре в отрыве от исходных социальных мест и представляют общее достояние, как, скажем, устойчивые метафоры или иные паремии русского языка. Поэтому чаще «еврейские» черты являются объектами всех чувств одновременно. Вот, например, тяга к культуре или к свободе. Это хвалимо, но за это же евреев осуждали.

— *Просто как люди, в среднем имеющие более высокий уровень образования, они тянутся к более высокому уровню свободы, который может предоставить Запад, западная культура, ну и уезжают* (неевреи, старшие, Хабаровск).

Для полноты картины отметим, что рефлексия и самоирония еврейства сама обособляет эти черты, отделяет их от «носителя».

Современный антисемитизм соткан в значительной мере из этих амбивалентно оцениваемых черт. Обсуждение таких черт в обществе имеет характер взаимных (чаще шуточных) обвинений и поддразниваний, вплоть до оскорблений.

— *Ну, у нас на работе есть несколько человек. Но они неплохо относятся, не прям... плохо. Но просто у них проскальзывает, что евреи — это люди жадные, меркантильные...* (младшие, Хабаровск).

— *Преподаватель у нас. Ну, реально у нас пацан похож на еврея, так он так жестко и под-*

шучивает над ним все время, и подкалывает его! (младшие, Хабаровск).

В целом сами респонденты из русского населения демонстрируют скорее отстраненно-равнодушное и отстраненно-уважительное отношение к евреям. Признается высокая степень их ассимиляции, которая встречает одобрение, а не протест. Они почти как «все», то есть никакие. Возможно, не численное умаление евреев, но их почти полное слияние в смысле черт и признаков с остальным городским населением лишает их качеств цели, объекта ксенофобии. Они уже не ксены, не чужие. Для некоторых они в бытовом смысле почти «свои», для большинства в основном «никакие» и потому не составляют проблемы.

Евреи, показало исследование, в значительной степени перестают восприниматься как общность, группа в себе. Еврейство в российском и в частности в московском городском дискурсе является признаком не группы, не конкретных лиц, а воображаемого типа. «Еврейские черты» оторвались от носителей-евреев, являются тематизмами городской культуры, достоянием социума в целом (одна из предпосылок так называемого антисемитизма без евреев). Большинство опрошенных узнали о евреях не из знакомства с ними, а из фольклорных¹ и бытовых нарративов. Эти отвлеченные образы еврейства и их элементы заслуживают названия антисемитизма лишь потому, что частично сохраняют встроенную негативную оценку евреев, играют роль противоположностей чертам большинства. Для оценки уровня антисемитизма существенно, что существование государственного антисемитизма респонденты либо не замечают, либо прямо отрицают.

Респонденты признают существование бытового антисемитизма, но только у некоторых людей, и относятся к этому с осуждением, поскольку тезис «евреи виноваты» служит неудачникам объяснением их собственных неудач, реальной же вины евреев нет.

¹ Фольклорный характер образа еврея виден, в частности, из того, что на тест-рисунках, которые выполняли участники фокус-групп, еврей изображали в основном с пейсами и в большой шляпе. (Таких евреев они если и видели, то изредка и издали, общаться с ними они возможности не имели.) Американца также изображали с атрибутами, известными по литературе или кино, но не из жизни. Русский же изображался в основном без атрибутов, как «просто человек». Ясно, что пути формирования образа русского и других двух образов принципиально различны. Русский представлен в жизни, в опыте, он многообразен и потому не может иметь конкретного изображения. Еврей, как и американец, в опыте не дан, существует его устойчивый образ в народной культуре, в фольклоре. Он может быть изображен.

Подчеркнем, что евреи предстают незамечными, когда городской социум не замечает самого себя, когда он беспредикатен и незаметен самому себе, как воздух. Если речь пойдет о «нас» как этническом единстве («мы русские»), то для евреев, как и остальных нерусских, там места не будет. Тогда возможна актуализация фактически главной претензии к российским евреям, которая выявлена исследованием: главное отличие евреев от прочих, в частности от русских: *они ищут где лучше*. В этом видится залог их космополитизма и отсутствия патриотизма, который свойственен «коренным» народам. Повторим, речь сегодня идет о потенции, а не об актуальной тенденции.

В чем видят особенность своего положения современные российские евреи

Современное высокоассимилированное еврейство в России, как отмечалось ранее, представляет чрезвычайно интересную для анализа социальную категорию. С открытием границ и отъездом большинства из России эта группа приобрела больше космополитических черт и одновременно объективно оказалась (среди евреев, живших в России) настроенной к России наиболее патриотически.

В этом смысле особый интерес представило знакомство с евреями Биробиджана. Эти люди имеют достаточно тесные связи с центральной Россией — у них есть родственники и знакомые в столицах и крупных городах, на Украине. Они хорошо знают, что такое Москва и другие центры. У них тесные связи с Израилем, там есть родные и друзья, они сами неоднократно там бывали.

Эти люди знают историю Еврейской АО, в том числе ее черные страницы. (Область не обошли стороной репрессии сталинского времени.)

Наконец, они отдают себе отчет в том, что составляют незначительное меньшинство в ЕАО.

Однако эти люди рассматривают ЕАО как безусловный центр еврейства в России, Европе и мире. Возможно, в Москве живет больше евреев, говорят они, но они не настоящие. *Настоящие — здесь*.

Поэтому они — центр, а Москва и прочие города России — периферия. Они считают «настоящими евреями» тех, кто говорит на идиш, а не на иврите. Такое представление позволяет им смотреть на Израиль свысока. Они знают, что жизнь там более комфортна и богата,

но в некотором высшем смысле она уступает их жизни в Биробиджане. К тому же ЕАО старше государства Израиль, говорят они.

Биробиджан, объясняют они, — столица идишского еврейства. Здесь выходит газета и ведется вещание на идиш. Самое главное, здесь находится библиотека литературы на идиш. (Сожжение в годы репрессий 50 тысяч томов — тяжелейшая травма. О ней говорят больше, чем о человеческих утратах.)

Носители описываемых сантиментов не знают языка идиш, не могут прочитать даже таблички с названиями улиц в Биробиджане. Но они — потомки «настоящих» евреев, и это в их глазах дает им права на описанное выше представление о себе и своем центральном месте в еврейском мире.

Эти способные вызвать улыбку чувства гордости людей, оставшихся на родине после всех исторических перипетий и обретших столь удивительную идентичность и гордость, нам не показались курьезом. Представляется, что они в концентрированном виде репрезентируют дискурс российского еврейства в той мере, в какой оно себя видит таковым.

Идентичность ассимилятов имеет сложный характер. Сознание себя евреем не исчерпывает идентичности российских евреев. Они чувствуют себя и россиянами (это для них не этническое, а гражданское самоопределение). В иных случаях (например, вне России) они оказываются (в чужих глазах, а далее, возможно, и в своих) «русскими».

Мы хотим обратить внимание на то обстоятельство, что ассимилированные евреи готовы принять за норму собственный этос, свое положение. Они маргинальны в глазах многих партнеров и референтных групп. Их самосознание включает факт — они евреи без еврейской веры, еврейского языка, еврейской культуры и, наконец, еврейской родины.

Но они утверждают себя вопреки этим обстоятельствам. Сама маргинальность как оригинальность позиции обращается в основу для утверждаемой собственной позиции. В этом столько же тривиального, общего для разных маргиналов, сколько и уникально-еврейского, идущего от идей избранности.

Свою особость представители этой группы произвольно то акцентируют, то отрицают.

— *В общем смысле живет примерно так же, как живет людям моего круга, возраста, образования и так далее. Какие-то процессы воспринимаются острее, какие-то ближе* (евреи, старшие, Москва).

Есть ряд преимуществ, которые дает солидарность внутри группы.

— *В случае проблем община может помочь. Что, допустим, если попасть в тюрьму или какая-то более неприятная ситуация, то община в принципе таким или иным образом неформальным вступится* (евреи, младшие, Москва).

— *Да, есть много еврейских школ и детских садов, которые чаще всего лучше...* (евреи, младшие, Москва).

Определенные преимущества видят в возможностях уехать в Израиль.

— *В некотором смысле живет спокойно, поскольку всегда есть возможность эмиграции* (евреи, старшие, Москва).

— *Два преимущества. Первое всю жизнь меня заставляло, чтобы быть впереди. Учиться, работать, чтобы быть на уровне. И второе — есть сегодня запасной вариант, предположим, получить второе гражданство автоматически, если вдруг что-то произойдет* (евреи, старшие, Москва).

Но представляется наиболее интересным отметить ощущение миссии, особого смысла их пребывания в России.

Вот ответы московских евреев.

— *Для меня основной момент еврейства — это момент... он слитый в той или иной степени с национальным, но основной момент — это момент мировоззренческий. Я считаю, что у еврейского народа есть определенная функция в мире, которую он должен выполнять* (евреи, младшие, Москва).

Из ответов евреев видно, что они воспринимают свою жизнь в России с определенной экзистенциальной дистанции. Очевидно, эта дистанция и есть та мера маргинальности, которая отличает российского еврея от большинства (но не всех), так сказать, «просто россиян».

Вот их ответы на вопрос, что значит «быть евреем в России»:

— *судьба;*

— *некая девиация, которая может быть invalidностью, а может и бонусом;*

— *просто быть;*

— *выполнять социальную функцию;*

— *непредсказуемо;*

— *нормально;*

— *не слишком здорово;*

— *интересно, но иногда рискованно.*

Заключение

Исследование позволило подтвердить соображения о высокой степени ассимиляции остающихся групп еврейского населения. (От-

мечались и процессы возрождения еврейской идентичности — создание общин вокруг синагог и пр. Однако эти процессы воспринимаются как «нормальные», не несущие угрозы социуму в целом. В отличие от сходных процессов среди мусульманского населения.)

Исследование позволило уточнить понимание хода ассимиляции еврейства в больших городах России. Ассимиляция на этом этапе есть процесс, охватывающий не только собственно этническое меньшинство (еврейство), но и большинство (население города как целое), и он заключается как в утрате меньшинством своих отличительных особенностей и приобретении им черт, свойственных большинству с одной стороны, так и в прекращении поиска большинством самих критериев дискриминации этого меньшинства, в уходе темы противостояния этого меньшинства и большинства из актуальной повестки с другой.

Исследование дало результат: установки и настроения, которые принято квалифицировать как антисемитские, существуют во всех обследованных средах. Во всех обследованных средах существуют и используются в обиходе устойчивые семантические комбинации (зачастую представленные в устойчивых речевых конструкциях), в которых объектом являются евреи. Им приписываются порицаемые в данном сообществе качества либо те качества, которыми (несправедливо) обделены члены этого сообщества.

Впору было бы говорить, что существует род фольклора, несколько жанров которого имеют темой или сюжетом евреев и приписываемые им атрибуты. При этом речь идет в том числе о существенных качествах личности или коллектива, народа. Евреи фигурируют как своего рода альтернативная антропологическая модель для данного социума. В паремиях, стандартных шутках, анекдотах, а также в отдельных устойчивых сравнениях, определениях реализован образ того, что отторгается данным социумом. Этот образ — не полностью, но в главных своих частях — выявлен нашим исследованием.

Существование таких феноменов хорошо известно. Они сложились давно и в своей основе мало менялись. В этом смысле мы не обнаружили ничего нового. Не очень большая новизна и в том, что эти явления (их обычно и называют антисемитизмом или антисемитскими настроениями и т.п.) существуют в основном вне реального и даже воображаемого контакта представителей данного социума с евреями. Это — известный феномен «антисемитизм без евреев».

Возможно, несколько менее известным является обнаруженный исследованием ряд ситуаций, когда среди местного населения существуют в обиходе обсуждаемые антисемитские установки, в то же время существуют и регулярные контакты с евреями, но антисемитских проявлений в адрес евреев нет. Это не значит, что их нет вообще. Обвинения, издевательства по поводу «еврейских» черт есть, но они адресуются не евреям, а членам собственного социума, заведомо неевреям. Это, так сказать, антисемитизм для внутреннего употребления.

Антисемитизм даже в его самых тяжелых для еврейства формах всегда был результатом проблем внутри «большого» или просто другого социума, средством их решения. (Это не значит, что не было проблем и противоречий в отношениях этого этноса и евреев. Но ни данные проблемы, ни их решения не исчерпывались антисемитизмом.)

Существенной с точки зрения целей настоящего исследования чертой данной ситуации является ее связь с прошлыми фазами исторического существования российского общества. Те социальные отношения и антропологические коллизии, которые регулируются внутри российского социума названным «антисемитизмом для своих», принадлежат эпохе кризиса традиционного (аграрного) общества, реализующегося в формах незрелой и неполной урбанизации, неполноценной и деформированной социальной дифференциации и пр. Комплекс «еврейских», «жидовских» черт, из которых составляется в обществе фольклорный тип «еврея», «жида», формируется из черт, которые потребны для существования старого социума в новых условиях (дореволюционного — в советских, советского — в постсоветских), но большинству его членов недоступны и потому объявлены ненадлежащими, порочными.

Общество, занятое своими проблемами, довольствуется для названных целей фольклорным образом «жида»/«еврея». Реальным, эмпирическим евреям (как правило высокоассимилированным), которые еще встречаются в городах РФ, часто отказывают в этих чертах. Антисемитизм «для своих» может быть антисемитизмом и без евреев, и с ними. Они при этом не будут его объектами или будут в случае почти полной ассимиляции «на равных» с остальными.

Фольклорный образ еврея включает традиционные обвинения в низменных человеческих чертах — жадность, корыстолюбие, хитрость, а также социальную черту — сплоченность,

склонность поддерживать и продвигать друг друга. Сама по себе она не предосудительна, но дает евреям преимущества перед русскими (и прочими «коренными» нациями) и потому воспринимается негативно. Самым главным и самым современным обвинением в адрес евреев является их желание «жить лучше».

Главное отличие евреев от прочих, в частности от русских: *они ищут где лучше*. От этого они в целом живут лучше (*среди евреев бедных не бывает*). Они не связаны с этой землей, этой страной узами, которыми связаны русские: они, предполагается, *не чувствуют, что это их страна. Им просто сейчас лучше здесь. Будет лучше в Израиле, в Германии или в Америке – поедут туда*. Русские, предполагается в этом построении, никуда уехать не могут, для них кроме России места нет. А для евреев есть. В этом они как космополиты имеют преимущество перед русскими.

Евреям, таким образом, отказывают в русском патриотизме, если его понимать как мистическую связь народа с российской землей, страной, в русском патриотизме как обязанности русских по отношению к России – земле и стране. Евреи, в таком понимании, верны не какой-то земле (пусть это даже Израиль), а себе. Таков их патриотизм. Русский патриотизм оказывается самоотвержением, в потенции – жертвенностью, еврейский – эгоизмом. Русские – всё ради России, евреи – всё ради себя. Русским отсюда уезжать некуда, это их страна. А для евреев – весь мир.

(Ясно, что эти идеи принадлежат идеологическому «патриотическому» дискурсу, мифу, поэтому в них нет места практическим или фактическим соображениям о том, сколько русских эмигрировали из России ради лучшей доли или сколько евреев защищали Россию и т.п.). Как показало исследование, этот вариант патриотического самопонимания русских в настоящее время не активирован, не актуализирован.

Антисемитизм может быть результатом и средством решения проблем общества в целом, но он может быть использован как средство решения проблем отдельных групп, в частности элит. Исследования Левада-Центра показали, что часть элит, находящихся у власти, испытывает нехватку средств для легитимации своего положения. В этих целях они пробуют использовать так называемую «русскую/российскую

патриотическую» риторику и символику. Но такие не бесхозны. В обществе, пережившем деструкцию советских институтов и аборт в построении новых, стихийно формировались первичные формы идентичности – земляческие, региональные, национальные, вероисповедные, развивались фундаменталистские настроения. Националистические и патриотические настроения развивались спонтанно, обгоняя инициативы элит. В возникшей конкуренции спонтанного и начальственного патриотизма второму надо было победить и экспроприровать первый «без шума». Отвлекающим маневром выступила громкая кампания против «пятой колонны», «иностранных агентов». Пробный тезис насчет «национал-предателей» остался пока неразработанным. Характер «фольклорных» обвинений в адрес евреев как ищущих «где лучше» и потому готовых в случае ухудшения дел бросить, то есть предать, Россию, позволяет им при некотором усилии стать средствами развития этого тезиса.

Добавим, что сегодняшнее противостояние с Америкой активизирует патриотизм величественный, державный. Это миф о величии и великой державе, державе-победительнице. В этом смысле надо уточнить, что миф о наличии кольца врагов вокруг России, за спиной которых стоит Америка, сегодня порождает *не оборонное, а наступательное и победительное сознание*. Те, кто хотят захватить или подчинить Россию, безусловно, это сделать не могут, они терпят поражение.

Если ситуация изменится и распространится идея, что Россию надо защищать, спасать, тогда евреи могут попасть на роль предателей, ибо они жертвовать собой во имя России, предполагается, не будут.

– *Если им выгодно быть патриотами, то, мне кажется, будет преобладать у них патриотизм России. Если им выгоднее в данный момент быть пятой колонной, есть для этого какие-то условия, то они будут пятой колонной* (неевреи, Москва).

В сегодняшней ситуации исследование не выявило реализации этой потенции – объявить их пятой колонной, но выявило саму потенцию. Можно полагать, что это самое важное из наблюдений в смысле рисков развития антисемитизма, которое было сделано настоящим исследованием.

Екатерина КОЧЕРГИНА

Международное исследование антисемитизма, 2014–2015 гг.

Описание исследования

Весной 2014 года Антидиффамационная лига (Anti-Defamation League, ADL¹) провела масштабное международное исследование антисемитизма и отношения к евреям. Целью исследования ADL Global 100 было определить уровень антисемитизма в мире и описать отношения к евреям в разных странах². Опрос проводился компаниями First International Resources и Anzalone Liszt Grove Research. Отчет об исследовании был опубликован 13 мая 2014 года³, повторный опрос был проведен в 2015⁴.

Массовый опрос проходил по международной выборке в 101 стране и палестинской территории на Западном берегу Иордана (West Bank) и секторе Газа. Всего было опрошено 53 100 респондентов. Исследователи использовали три метода сбора информации: личное интервью, интервью по стационарному телефону и интервью по мобильному телефону. Респонденты внутри страны отбирались методом случайного набора номера, личное интервью проходило на основе географически стратифицированной случайной выборки на уровне домохозяйства. Источником популяционных данных послужил департамент социальных и экономических дел ООН.

В странах, где телефонное покрытие (стационарная + мобильная сети) составляет 90% территории и больше, проводилось телефонное интервью. В этих странах данные взвешивались по полу, возрасту, религии, образованию, типу населенного пункта, этническому составу и языку. Выборки репрезентативны на страновом уровне, кроме таких стран, как Китай, Индия, Гана, Индонезия, Нигерия, Бангладеш, Лаос, Малайзия, Мавритания, Уганда, Вьетнам, где получить репрезентативную выборку не удалось по соображениям безопасности или из-за логистических проблем. В этих случаях выборка взвешивалась по основным демографическим

характеристикам без учета географического фактора. Региональные и страновые средние значения были взвешены пропорционально к числу взрослой популяции внутри страны.

В странах, где число опрошенных составило 500 человек, статистическая ошибка равна 4,4%, на выборке 1000 человек – 3,2%. Средне-взвешенная ошибка измерения по всем странам составляет 0,97%.

Респондентам предлагалось ответить на 11 вопросов об их отношении к евреям.

1. Евреи более лояльны к Израилю, чем к [этой стране/странам, где они проживают] – *Jews are more loyal to Israel than to [this country/the countries they live in]*.

2. Евреи имеют слишком большую власть в деловом мире – *Jews have too much power in the business world*.

3. Евреи имеют слишком много власти на международных финансовых рынках – *Jews have too much power in international financial markets*.

4. Евреи не заботятся о том, что происходит с другими людьми, не евреями – *Jews don't care about what happens to anyone but their own kind*.

5. Евреи имеют слишком много контроля на международной арене – *Jews have too much control over global affairs*.

6. Люди ненавидят евреев из-за того, как евреи ведут себя – *People hate Jews because of the way Jews behave*.

7. Евреи думают, что они лучше других людей – *Jews think they are better than other people*.

8. Евреи имеют слишком много контроля над правительством Соединенных Штатов – *Jews have too much control over the United States government*.

9. Евреи имеют слишком много контроля над международными СМИ – *Jews have too much control over the global media*.

10. Евреи до сих пор слишком много говорят о том, что случилось с ними во время Холокоста – *Jews still talk too much about what happened to them in the Holocaust*.

11. Евреи ответственны за большинство войн в мире – *Jews are responsible for most of the world's wars*.

¹ <http://www.adl.org/>.

² <http://global100.adl.org/>.

³ <http://global100.adl.org/public/ADL-Global-100-Executive-Summary.pdf>.

⁴ <http://global100.adl.org/public/ADL-Global-100-Executive-Summary2015.pdf>.

На каждый вопрос можно было дать только один из двух вариантов ответа: «скорее согласен» и «скорее не согласен». Такая жесткая формализация ответов респондентов позволяет проводить межстрановые сравнения, отвлекаясь от множества специфических исторических, религиозных, региональных и политических обстоятельств жизни в отдельных странах, а значит, строить конвенциональный и генерализованный Индекс антисемитизма. Он представляет сумму всех ответов «скорее согласен» (сумма процентов всех данных ответов). Положительные ответы на любые шесть (из одиннадцати) вопросов позволяют исследователям говорить о высокой степени выраженности антисемитских установок у респондента.

Основываясь на этом беспрецедентном по масштабам исследовании, можно сделать следующие выводы. Согласно результатам исследования в 2014 году 26% жителей планеты придерживаются антисемитских установок. То есть 26% людей соглашается как минимум с шестью утверждениями о евреях. Наиболее часто респонденты согласны с утверждением, что евреи более лояльны к Израилю и другим евреям, чем к той стране, в которой они живут, — 41% (табл. 1). Сложно проверить, действительно ли евреи более лояльны Израилю или другим евреям, поэтому на первый план выходит предположение, что высокие баллы по данным вопросам — это отражение внутренней ксенофобии, боязни «других», переноса на «других» своих негативных черт. Эту гипотезу подтверждают высокие баллы по вопросам, связанным с большим влиянием евреев на финансовые рынки и бизнес-элиты. Ксенофобский дискурс построен не только на переносе негативных качеств —

покрытие «своих», непатриотизм, — но и на обвинениях в слишком большом влиянии на бизнес, на «выдавливании» местных с рынков. Такая риторика отчетливо видна и в дискурсе русских националистов, говорящих о засилии «черных» на рынках и в бизнесе, о том, что другие национальные меньшинства (таджики, армяне, азербайджанцы и т.д.) занимают рынок труда и не дают местному населению зарабатывать. Стереотип, что евреи имеют слишком большое влияние на бизнес, лидирует только в Восточной Европе (53% опрошенных). Это отражение высокого уровня ксенофобии в регионе вообще.

В топе именно ксенофобские представления, здесь не очень важно, кто является носителем перечисленных качеств, на месте евреев могут быть любые другие национальные меньшинства. Гораздо информативнее распределение Индекса антисемитизма по регионам (табл. 2).

Как видно из табл. 2, хуже всего относятся к евреям на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Этот результат — не просто отражение уровня ксенофобии, но и следствие сложных политических взаимоотношений между арабскими странами и государством Израиль и постоянного вооруженного конфликта в Палестине. В Ираке Индекс антисемитизма равен 92%, в секторе Газа — 93%. При этом в Иране только 56% жителей разделяют антисемитские установки. По словам исследователей, регион является более сильным предиктором антисемитских установок, чем религиозная принадлежность людей. Тем не менее среди мусульман больше людей с антисемитскими взглядами (среднее значение индекса 49%), чем среди представителей

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ «СКОРЕЕ СОГЛАСЕН» НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ (полная выборка, N=53100)

Вопрос	%
Евреи более лояльны к Израилю, чем к [этой стране/странам, где они проживают]	41
Евреи имеют слишком большую власть в деловом мире	35
Евреи имеют слишком много власти на международных финансовых рынках	34
Евреи думают, что они лучше других людей	34
Евреи не заботятся о том, что происходит с другими людьми, не евреями	33
Люди ненавидят евреев из-за того, как евреи ведут себя	32
Евреи до сих пор слишком много говорят о том, что случилось с ними во время Холокоста	30
Евреи имеют слишком много контроля на международной арене	29
Евреи имеют слишком много контроля над правительством Соединенных Штатов	25
Евреи имеют слишком много контроля над международными СМИ	25
Евреи ответственны за большинство войн в мире	23

других религиозных направлений (рис. 1 и 2). Однако и исламское, и христианское население в странах MENA демонстрируют показатели антисемитизма. Средние значения индекса среди мусульман в Азии, Европе и Центральной Африке сопоставимы с уровнем антисемитизма среди христиан в этих регионах. Результаты подтверждают гипотезу, что антисемитизм в странах MENA имеет политический характер и связан, как полагают исследователи, прежде всего с политикой государства Израиль на Ближнем Востоке.

Среди других факторов, обуславливающих уровень антисемитизма, следует назвать образование, возраст и пол. Авторы исследования приводят только обобщенные средние оценки по этим факторам, поэтому у нас нет возможности провести более детальный анализ. Мужчины в среднем чаще следуют антисемитским установкам, чем женщины. Молодые люди (исследователи дают границу в 65 лет) менее склонны к поддержке антисемитских установок — их разделяют только 25% опрошенных, среди пожилых (старше 65 лет) — 34% опрошен-

Таблица 2
СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНДЕКСА АНТИСЕМИТИЗМА ПО РЕГИОНАМ

Регион	Средние значения индекса (%)
Средний Восток и Северная Африка (Middle East & North Africa – MENA)	74
Восточная Европа	34
Западная Европа	24
Центральная и Южная Африка	23
Азия	22
Северная и Южная Америки	19
Океания	14

Рисунок 1
СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНДЕКСА АНТИСЕМИТИЗМА СРЕДИ ИСЛАМСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО РЕГИОНАМ

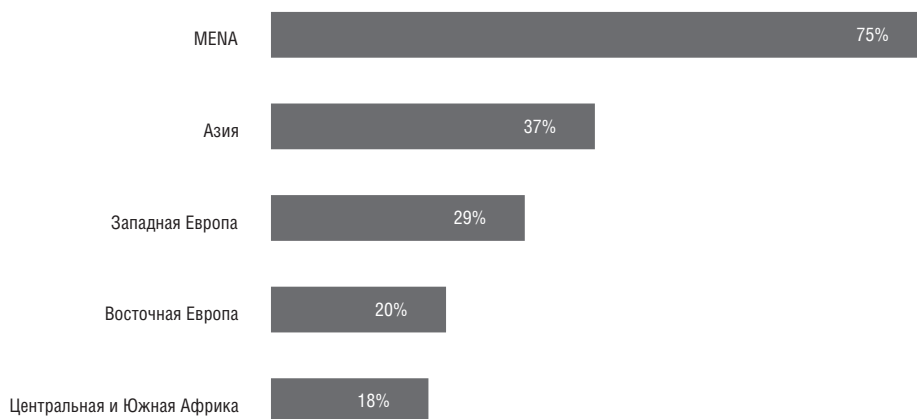
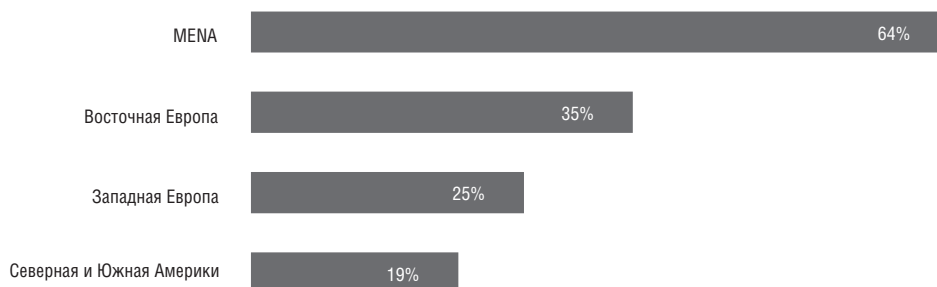

Рисунок 2
СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНДЕКСА АНТИСЕМИТИЗМА СРЕДИ ХРИСТИАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО РЕГИОНАМ

ных. Исследователи отмечают парадоксальную зависимость между уровнем образования и антисемитскими установками. В западных странах (Южная и Северная Америки, Западная Европа и Океания) люди с более высоким уровнем образования меньше проявляют антисемитские установки. В странах MENA наблюдается обратная зависимость: с ростом уровня образования растут и антисемитские настроения. Это подтверждается данными, представленными на рис. 3. Видно, что во всех странах, кроме MENA, уровень образования негативно связан с антисемитскими установками.

СМИ – важный источник знаний об окружающем мире и институт, формирующий определенные установки в обществе. В исследовании ADL 52% сообщили, что получают информацию о евреях по телевидению, 13% – из интернета, 10% – из газет, из других источников (от других людей, по радио, от религиозных лидеров) – 14% опрошенных.

Отдельно стоит выделить группу факторов, связанных со знакомством с евреями, их культурой и историей. Одним из интересных результатов исследования можно считать тенденцию к существенному завышению респондентами количества евреев в мире – относительно большая часть (38%) опрошенных считает, что евреи составляют 10% населения мира, что очень далеко от истины. 28% считают, что евреи составляют меньше одного процента. Это мнение более адекватно действительности: согласно данным ADL, евреи составляют около 0,2% (14,5 миллиона человек) населения планеты. При этом 74% всех опрошенных заявили, что никогда не встречались с евреями, из них 25%

придерживаются антисемитских установок. Из 26% процентов опрошенных, которые придерживаются антисемитских установок, 70% никогда не встречались с евреями. Эти результаты свидетельствуют о том, что антисемитизм, как и любая ксенофобия, формируется не на основе реальных взаимоотношений между людьми разных национальностей, а на основе тех или иных предрассудков, стереотипов, комплексов общественного мнения, воспроизводимых и тиражируемых целым рядом социальных институтов: средствами массовой информации, системой образования, (массовой) культурой, сложившимися укладом и образом жизни людей, организацией коллективной памяти и исторического знания, доминирующими религиозными институтами, политикой и многим другим.

Региональные особенности антисемитизма проступают не только на Ближнем Востоке, но и в Европе. В табл. 3 приведен средний балл по европейским странам, вошедшим в исследование. Уровень антисемитизма в Восточной Европе – второй по значимости после стран MENA (34%). Но, в отличие от стран MENA, эта цифра говорит не об актуальных настроениях и политической ситуации, а об общем уровне ксенофобии в регионе. Наиболее высокие значения индекса наблюдаются в Польше, Болгарии, Сербии, Хорватии и Венгрии, самый низкий – в Чехии. В России число людей, придерживающихся антисемитских установок, согласно данному исследованию находится на уровне 30%. Это значение сопоставимо с Францией, где уровень антисемитизма и ксенофобии традиционно высок. Антисемитизм в России

Рисунок 3

СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНДЕКСА АНТИСЕМИТИЗМА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА ЗАВЕРШЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ (%)

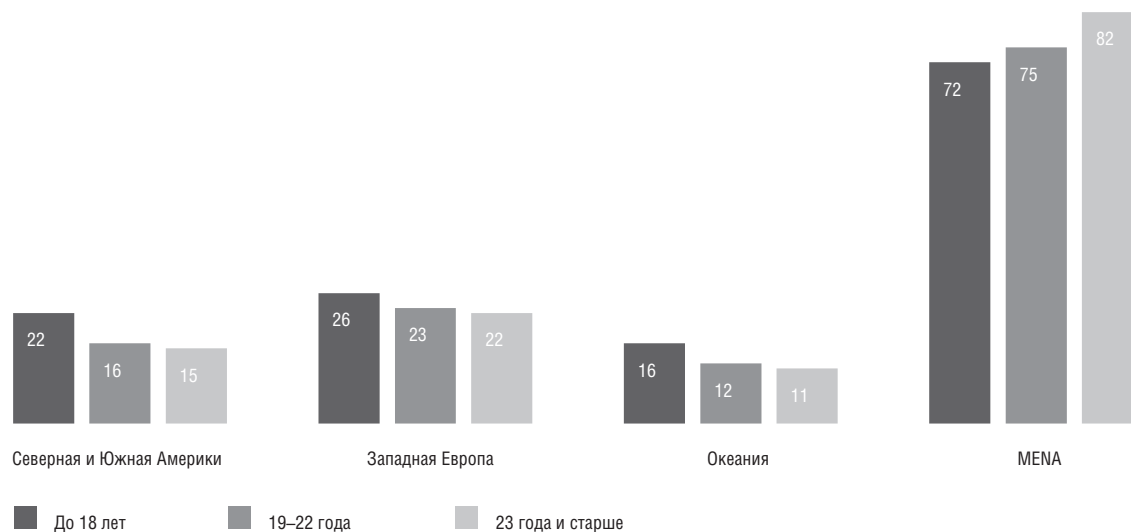

Таблица 3

СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНДЕКСА АНТИСЕМИТИЗМА В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Западная Европа (24%)		Восточная Европа (34%)	
Греция	69	Польша	45
Франция	37	Болгария	44
Испания	29	Сербия	42
Австрия	28	Венгрия	41
Бельгия	27	Беларусь	38
Германия	27	Украина	38
Швейцария	26	Литва	36
Португалия	21	Румыния	35
Ирландия	20	Хорватия	33
Италия	20	Босния и Герцеговина	32
Исландия	16	Молдова	30
Финляндия	15	Россия	30
Норвегия	15	Черногория	29
Дания	9	Латвия	28
Великобритания	8	Словения	27
Нидерланды	5	Эстония	22
Швеция	4	Чешская Республика	13

и во Франции имеет общие корни. Это та же боязнь «других» и убежденность, что «другие» имеют слишком большое влияние на бизнес-элиты и занимают ключевые рынки, закрывая их для местного населения. Тем не менее между Россией и Францией наблюдаются некоторые различия. В России антисемитизм слабее выражен среди более молодого и образованного населения городов. Во Франции более высокий уровень антисемитизма фиксируется среди молодых людей. К сожалению, те материалы исследования, которые находятся в открытом доступе, не позволяют провести межстрановое сравнение и более подробный анализ различных социально-демографических факторов.

Дополнительное исследование, проведенное в 2015 году, свидетельствует о спаде антисемитских настроений и в России, и во Франции. Во Франции индекс опустился на 20 процентных пунктов – до 17%. В России индекс тоже снижается – до 23%. Это снижение происходит по разным причинам. Во Франции между двумя волнами исследования произошли террористические атаки, направленные против евреев. Рост симпатии к евреям связан с резким подъемом во Франции исламского антисемитизма, который по жестокости и готовности к насилию заметно обошел традиционный

антисемитизм националистов и антисюицизм левых радикалов. В России подобных атак, направленных исключительно на евреев, не было. Снижение Индекса антисемитизма происходит из-за перенаправления агрессии националистов и прочих радикалов на другого внешнего врага – США. Вместе с этим наблюдается спад националистических настроений внутри страны по отношению ко всем традиционно «чужим» для русского населения группам.

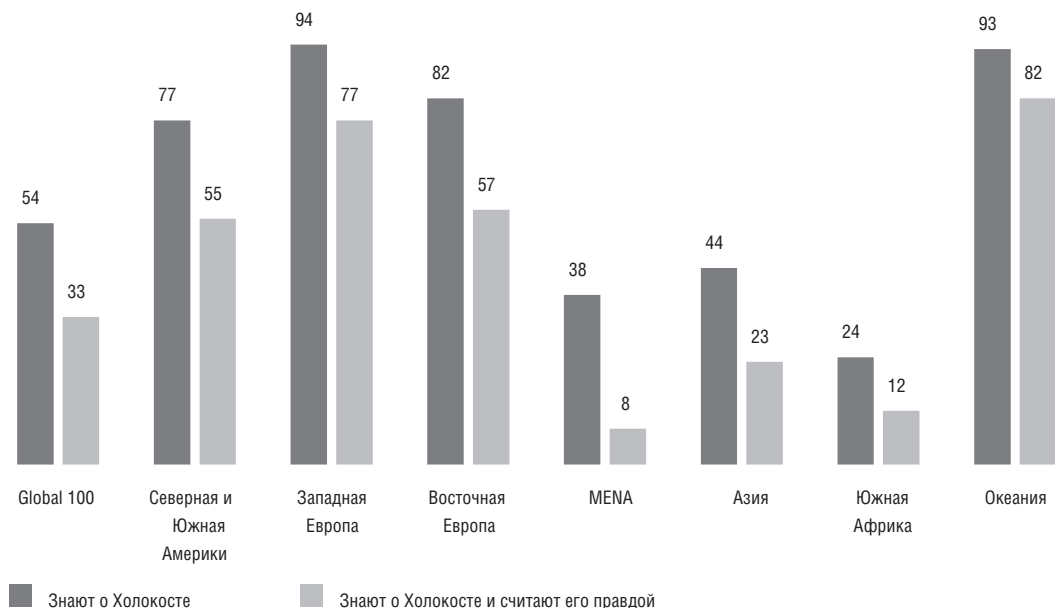
Холокост

В современной истории Европы и Израиля Холокост занимает центральное место. Событие, которое затронуло миллионы человек и заставило создать ООН и Конвенцию о правах человека, в последнее время подвергается пересмотру.

О массовом уничтожении евреев в годы Второй мировой войны знает сегодня 54% жителей планеты (рис. 4).

Учитывая, что меньше всего про Холокост знают в странах Южной Африки (24%, из них только 12% считают, что Холокост был описан правдиво), а в Океании процент респондентов, знающих о Холокосте, неправдоподобно высок, оценки в этих регионах можно вычестить из общей оценки осведомленности о Холокосте,

Рисунок 4
ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ О ХОЛОКОСТЕ (%)

потому что они не добавляют смысла и трудно поддаются интерпретации. Исключая эти регионы, мы получаем более реалистичное число – 72% респондентов знают о Холокосте, 49% опрошенных считают, что это событие правдиво представлено в истории.

Предсказуемо меньше всего респондентов, согласных с трактовкой причин и последствий Холокоста, живет в странах MENA (8%), и при 38% тех, кто знает о катастрофе, 63% считают, что Холокост – это выдумка. Низкие цифры в Азии и Южной Африке, как и высокие цифры в Океании, объясняются полным незнанием истории Холокоста, его причин и последствий и отсутствием памяти о Холокосте в противовес памяти, сформированной в Европе. В Европе, Западной и Восточной ее частях, Холокост до

сих пор является важным событием и вызывает противоречивые чувства. В Восточной Европе 82% опрошенных знают о Холокосте, 24% считают, что это миф, в то время как в Западной Европе только 11% считают Холокост вымыслом при 94% респондентов, знающих о Холокосте. Отношение к Холокосту в Европе – маркер антисемитских настроений. Восточная Европа еще не освободилась от травмы, связанной с катастрофой, и до сих пор переживает ее, в отличие от Европы Западной, где сформировавшаяся за последние 50 лет культурная память о произошедшем помогла примириться с травматическим прошлым.

В заключение приведем распределение Индекса антисемитизма по странам – участницам исследования.

Таблица 4

ИНДЕКС АНТИСЕМИТИЗМА ПО СТРАНАМ – УЧАСТНИЦАМ ИССЛЕДОВАНИЯ*

№	Страна	%	№	Страна	%	№	Страна	%	№	Страна	%	№	Страна	%
Западный берег реки Иордан и сектор Газа														
1	Иордан	93	21	Иран	56	41	Литва	36	61	Австрия	28	81	Бразилия	16
2	Ирак	92	22	Сенегал	53	42	Камерун	35	62	Латвия	28	82	Исландия	16
3	Йемен	88	23	Южная Корея	53	43	Кения	35	63	Бельгия	27	83	Нигерия	16
4	Алжир	87	24	Панама	52	44	Парагвай	35	64	Германия	27	84	Сингапур	16
5	Ливия	87	25	Индонезия	48	45	Румыния	35	65	Словения	27	85	Уганда	16
6	Тунис	86	26	Польша	45	46	Никарагуа	34	66	Гаити	26	86	Финляндия	15
7	Кувейт	82	27	Болгария	44	47	Ботсвана	33	67	Монголия	26	87	Гана	15
8	Бахрейн	81	28	Маврикий	44	48	Хорватия	33	68	Швейцария	26	88	Норвегия	15
9	Иордания	81	29	Сербия	42	49	Уругвай	33	69	Аргентина	24	89	Новая Зеландия	14
10	Марокко	80	30	Доминиканская Республика	41	50	Бангладеш	32	70	Мексика	24	90	Австралия	14
11	Катар	80	31	Венгрия	41	51	Босния и Герцеговина	32	71	Тринидад и Тобаго	24	91	Канада	14
12	Объединенные Арабские Эмираты	80	32	Колумбия	41	52	Коста-Рика	32	72	Япония	23	92	Чешская Республика	13
13	Ливан	78	33	Беларусь	38	53	Грузия	32	73	Берег Слоновой Кости	22	93	Таиланд	13
14	Оман	76	34	Перу	38	54	Казахстан	32	74	Эстония	22	94	Танзания	12
15	Египет	75	35	ЮАР	38	55	Боливия	30	75	Португалия	21	95	Дания	9
16	Саудовская Аравия	74	36	Украина	38	56	Молдова	30	76	Китай	20	96	НАС	9
17	Греция	69	37	Азербайджан	37	57	Россия	30	77	Индия	20	97	Великобритания	8
18	Турция	69	38	Чили	37	58	Венесуэла	30	78	Ирландия	20	98	Вьетнам	6
19	Малайзия	61	39	Франция	37	59	Черногория	29	79	Италия	20	99	Нидерланды	5
20	Армения	58	40	Гватемала	36	60	Испания	29	80	Ямайка	18	100	Швеция	4

* Не указаны Филиппины – 3 и Лаос – 0,2.

Авторы номера

Лев Дмитриевич Гудков (Левада-Центр)

Наталья Андреевна Зоркая (Левада-Центр)

Анна Григорьевна Качкаева (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Ирина Марксовна Козина (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Екатерина Владимировна Кочергина (Левада-Центр)

Марина Дмитриевна Красильникова (Левада-Центр)

Алексей Георгиевич Левинсон (Левада-Центр)

Евгения Владимировна Лёзина (Левада-Центр)

Кира Артуровна Луцишина (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Сергей Александрович Николёк (НИСЭПИ, г. Минск)

Эмиль Абрамович Паин (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Елена Борисовна Соловейкина (Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований-2 (ГЭПИЦентр-2), г. Омск)

Наталья Евгеньевна Тихонова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Виктор Леонидович Шейнис (ИМЭМО РАН)

ИНФОРМАЦИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ

- I. Настроения, мнения, оценки населения (апрель 2016 г., N=1600)**
- II. Настроения, мнения, оценки населения (май 2016 г., N=1600)**
- III. Россияне о коррупции (апрель 2016 г., N=1600)**

В этом разделе представлены актуальные данные опросов Левада-Центра в разрезе социально-демографических групп.

Приводятся данные репрезентативных опросов россиян, проведенных 22-25 апреля и 27-30 мая 2016 года в рамках омнибусного опроса «Курьер». Статистическая погрешность выборки такого исследования не превышает 3,4%.

Методология общероссийского исследования

Исследуемая совокупность: Постоянное население России в возрасте 18 лет и старше

Тип выборки: четырехступенчатая стратифицированная выборка

Объем выборки: 1600 респондентов

Число субъектов РФ, охваченных выборкой: 48

Число первичных единиц отбора: 137

в том числе:

15 городов с населением более 1 млн человек;

15 городов с населением от 500 тыс. до 1 млн человек;

31 город с населением от 100 до 500 тыс. человек;

38 городских населенных пунктов с населением до 10 тыс. человек;

38 сельских районов.

I. Настроения, мнения, оценки населения (апрель 2016 г., N=1600)
A. Группы по полу, возрасту, образованию, потребительскому статусу и типу поселения

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ				ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ				
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	720	882	221	460	429	491	486	550	260	306	362	861	378	137	374	310	378	402
1. ЧТО ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?																			
Прекрасное настроение	9	10	9	22	11	8	4	13	6	12	7	5	8	16	11	10	11	9	6
Нормальное, ровное состояние	59	59	60	60	62	60	57	59	63	56	57	48	63	63	55	64	60	53	61
Испытываю напряжение, раздражение	24	24	23	11	21	26	30	20	24	23	29	36	22	14	20	21	23	26	26
Испытываю страх, тоску	4	4	5	1	3	5	6	4	5	4	4	7	4	3	9	3	4	6	3
Затрудняюсь ответить	4	4	3	7	4	3	3	4	3	4	3	4	3	4	6	2	2	6	4
2. КОГДА ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ, ЧТО ВЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО УЧИТЫВАЕТЕ?																			
Численность безработных в России	18	18	18	19	19	17	18	17	18	19	18	25	17	13	22	16	20	20	16
Объем валового внутреннего продукта (ВВП) России	7	9	6	5	9	6	7	8	7	7	6	9	5	10	10	7	10	3	8
Темпы инфляции, индекс потребительских цен	21	25	19	20	22	22	21	25	20	19	19	20	19	28	26	26	21	17	21
Биржевые индексы	6	7	5	8	6	7	5	8	5	5	8	8	5	7	13	5	4	6	7
Изменения курса доллара, евро	16	20	13	18	18	15	15	21	15	13	12	10	16	21	25	15	18	18	10
Цены на покупку жилья там, где вы живете	12	12	12	12	12	15	9	13	11	13	12	15	10	13	10	11	13	12	13
Цены на нефть на мировых рынках	18	22	16	24	19	18	16	21	18	18	15	15	17	24	25	20	18	12	21
Цены на жилищно-коммунальные услуги	41	38	44	31	39	42	46	42	42	39	40	41	41	41	34	42	49	50	28
Цены на продукты питания	59	56	62	51	57	61	64	57	63	55	60	63	59	57	60	58	61	62	57
Денежные доходы вашей семьи	42	40	43	40	44	43	39	39	45	40	42	42	40	44	41	44	41	46	36
Ваши возможности поддерживать привычный уровень жизни	29	30	29	30	32	30	26	33	31	27	23	25	29	34	19	31	26	32	31
Сообщения СМИ о решениях правительства и президента Путина по экономическим вопросам, об экономически успехах или проблемах отечественной экономики	5	6	4	5	5	6	5	5	6	4	5	6	5	5	2	4	8	4	6
Затрудняюсь ответить	3	3	3	4	2	3	3	1	4	4	3	3	3	2	1	4	2	2	3

3. ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ САМЫМ ВАЖНЫМ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

Заготовка продуктов в своем домашнем хозяйстве	9	8	9	7	7	9	10	7	10	8	10	15	7	5	7	7	5	7	13
Ремонт (расширение) дома/квартиры	3	2	3	1	3	2	3	3	3	2	2	3	2	4	5	2	5	1	2
Выгодное использование связей, знакомств	3	2	3	3	3	3	2	3	2	4	3	3	3	2	2	2	7	3	1
Помощь друзей и близких	3	3	4	9	2	3	2	3	1	5	6	5	4	0	1	4	3	3	4
Доходы в иностранной валюте	0	0	1	0	1	0	1	0	0	2	0	0	1	0	0	0	0	0	2
Доходы от второй работы, дополнительного бизнеса	1	1	1	0	1	2	1	2	1	2	0	0	1	1	2	1	1	1	2
Доходы от «левых» заработков, частных услуг, комиссионные, чаевые и пр.	2	3	2	3	2	2	1	3	2	2	1	2	2	2	1	2	3	2	1
Заработки на основной работе, доходы от основного бизнеса	53	57	50	61	74	62	23	60	54	46	46	34	52	73	67	56	50	54	48
Пенсии, пособия	19	16	21	2	2	9	52	14	21	17	26	30	20	7	12	17	20	21	20
Льготы по месту работы (бесплатные обеды, дотация на питание, бесплатные или льготные путевки, медицинские услуги, ведомственное жилье и пр.)	0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	2	0	0	0	0
Затрудняюсь ответить	7	7	7	14	4	8	6	6	5	12	7	8	8	4	2	8	5	8	8

4. ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ВТОРЫМ ПО ВАЖНОСТИ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

Заготовка продуктов в своем домашнем хозяйстве	23	21	24	15	16	24	31	17	23	23	30	28	24	15	14	20	16	26	30
Ремонт (расширение) дома/квартиры	5	5	6	3	7	5	5	6	5	8	4	4	6	6	6	4	3	5	9
Выгодное использование связей, знакомств	6	9	4	7	8	8	3	8	6	5	4	3	5	11	11	9	5	6	3
Помощь друзей и близких	12	9	14	13	13	9	11	11	14	6	14	14	11	12	18	10	17	9	9
Доходы в иностранной валюте	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	2	1	1	2	1	1	1	1
Доходы от второй работы, дополнительного бизнеса	6	7	5	7	7	6	4	7	5	5	6	4	7	6	3	9	8	5	4
Доходы от «левых» заработков, частных услуг, комиссионные, чаевые и пр.	5	8	4	7	7	6	2	5	6	5	5	6	5	7	5	6	6	4	5
Заработки на основной работе, доходы от основного бизнеса	6	5	7	6	8	6	4	8	7	4	3	5	6	6	2	4	9	6	6
Пенсии, пособия	10	8	13	9	9	7	15	9	11	11	10	13	11	8	9	7	12	13	11
Льготы по месту работы (бесплатные обеды, дотация на питание, медицинские услуги, ведомственное жилье и пр.)	4	4	4	3	4	4	4	5	5	3	3	2	4	6	10	5	4	3	3
Затрудняюсь ответить	22	25	20	28	21	24	19	23	19	28	21	21	22	23	22	25	19	22	22

5. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПЛАТА ЗА КОММУНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ ДЛЯ ВАШЕЙ СЕМЬИ СЛИШКОМ ВЫСОКА ИЛИ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДЛЯ ВАС ТРУДНОСТЕЙ?

Не оплачиваем	3	2	3	5	3	2	1	1	2	6	4	6	1	2	1	1	4	2	4
Слишком высокая	70	69	72	57	67	72	78	70	73	68	69	81	71	58	69	72	78	71	63
Не представляет трудностей	23	24	21	29	26	22	17	27	21	20	21	10	22	37	30	23	14	23	26
Затрудняюсь ответить	5	5	4	10	3	4	4	3	5	7	6	4	6	3	1	4	5	4	7

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ				ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ				
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	720	882	221	460	429	491	486	550	260	306	362	861	378	137	374	310	378	402

6. С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ О ВЫПЛАТЕ ПЕНСИИ РАБОТАЮЩИМ ПЕНСИОНЕРАМ ВЫ БЫ СКОРЕЕ ВСЕГО СОГЛАСИЛИСЬ?

Работающим пенсионерам нужно оставить право получать и зарплату, и пенсию полностью	78	78	77	70	77	77	82	78	77	80	76	80	78	73	75	81	78	76	76
Если пенсионеры работают и получают зарплату, им не следует выплачивать пенсию	5	6	5	7	6	6	3	5	6	4	6	7	5	4	3	3	5	5	9
Если пенсионеры работают и получают зарплату, пенсию им следует выплачивать лишь частично	7	7	7	7	6	9	6	7	9	7	4	4	6	12	13	5	8	7	6
Пенсию следует выплачивать только работающим по профессиям, работников которых сейчас не хватает	5	5	5	6	6	4	6	6	5	3	7	6	5	5	5	5	4	6	6
Затрудняюсь ответить	5	4	6	11	6	4	2	4	5	6	7	3	5	6	4	5	4	5	5

7. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНЫ СЕЙЧАС В ВАШЕМ ГОРОДЕ/ СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРОТИВ ПАДЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ, В ЗАЩИТУ СВОИХ ПРАВ?

Вполне возможны	19	21	18	18	19	16	21	20	21	18	16	21	18	21	41	21	24	15	10
Маловероятны	74	74	74	74	74	78	70	74	71	77	75	70	76	73	54	69	69	76	86
Не знаю, затрудняюсь ответить	7	6	8	7	7	5	9	6	8	6	9	9	7	7	6	9	7	9	4

8. ЕСЛИ ТАКОГО РОДА МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТЕСТА СОСТОЯТСЯ, ВЫ ЛИЧНО ПРИМЕТЕ В НИХ УЧАСТИЕ ИЛИ НЕТ?

Скорее всего, да	11	14	10	11	14	12	9	9	14	10	12	17	9	13	12	7	14	12	13
Скорее всего, нет	82	79	83	80	78	82	85	84	80	83	80	73	85	83	75	84	81	80	83
Затрудняюсь ответить	7	7	7	10	7	6	6	7	7	7	9	9	7	5	13	9	5	8	4

9. ВОЗМОЖНЫ ЛИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В ВАШЕМ ГОРОДЕ/ СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТЕСТА (ДЕМОНСТРАЦИИ, МИТИНГИ, ЗА-БАСТОВКИ) С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТРЕБОВАНИЯМИ?

Вполне возможны	15	16	14	10	14	16	17	18	17	11	11	16	13	20	39	16	19	12	6
Маловероятны	78	77	78	80	80	78	75	76	76	83	79	74	81	75	53	76	71	81	90
Не знаю, затрудняюсь ответить	7	6	8	10	6	6	8	6	7	6	10	10	6	5	8	8	10	7	4

10. ЕСЛИ МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТЕСТА С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТРЕБОВАНИЯМИ СОСТОЯТСЯ, ВЫ ЛИЧНО ПРИМЕТЕ В НИХ УЧАСТИЕ ИЛИ НЕТ?

Скорее всего, да	8	9	8	4	11	10	7	8	9	7	8	12	7	10	12	5	9	9	9
Скорее всего, нет	83	83	84	85	83	83	83	85	81	86	84	75	87	84	76	85	84	83	84
Затрудняюсь ответить	8	8	8	10	6	7	10	7	10	7	9	13	7	6	12	10	6	9	7

11. КАКОЕ МЕСТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) ЗАНИМАЛИ НА ЭТОЙ ШКАЛЕ В СЕРЕДИНЕ 90-х ГОДОВ?

(1) 1 высокое общественное положение	1	0	1	0	0	2	0	1	0	0	0	0	1	1	1	0	1	2	0
(2) 2	3	4	2	2	3	2	4	3	4	2	3	4	2	4	2	3	3	4	1
(3) 3	9	9	9	10	9	10	10	13	8	8	8	12	8	10	7	14	10	9	7
(4) 4	13	13	14	14	12	12	15	17	13	11	9	7	14	17	12	16	15	13	11
(5) 5	27	27	27	33	28	27	23	26	25	27	34	24	29	27	29	25	29	26	28
(6) 6	15	15	15	14	15	13	16	13	14	18	16	12	16	15	16	14	11	18	15
(7) 7	15	13	16	12	16	15	15	13	16	16	14	15	14	15	22	13	12	15	16
(8) 8	10	10	10	8	9	11	11	8	12	11	10	12	11	6	9	9	11	8	13
(9) 9	3	4	3	1	2	4	3	3	3	3	3	6	2	1	2	1	5	3	4
(10) 10 низкое общественное положение	4	4	3	4	5	3	3	3	5	3	4	7	2	4	0	4	3	3	7
Среднее по шкале	6	6	6	5	6	6	6	5	6	6	6	6	6	5	6	5	6	5	6
Нет ответа	1	1	1	2	1	0	0	1	0	1	0	1	1	1	1	1	1	1	0

12. КАКОЕ МЕСТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) ЗАНИМАЛИ НА ЭТОЙ ШКАЛЕ В СЕРЕДИНЕ 2000-х ГОДОВ?

(1) 1 высокое общественное положение	0	1	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	1	1	0
(2) 2	2	3	2	3	2	2	3	3	3	1	1	3	2	4	3	3	4	2	1
(3) 3	6	7	5	5	4	9	5	8	5	7	3	6	6	6	5	9	8	6	2
(4) 4	14	14	13	12	14	13	14	19	12	10	11	9	12	20	10	18	16	13	9
(5) 5	29	30	28	37	32	27	24	27	27	30	35	21	31	32	20	30	30	31	29
(6) 6	20	19	22	20	24	16	21	19	21	22	20	20	22	18	29	19	16	20	23
(7) 7	15	13	17	10	12	19	18	13	18	15	15	20	15	11	25	10	14	15	19
(8) 8	8	7	8	5	6	7	11	6	7	10	9	11	8	4	5	6	6	8	11
(9) 9	3	4	2	1	3	4	3	3	3	2	3	8	2	1	3	2	5	2	3
(10) 10 низкое общественное положение	2	3	2	3	2	2	2	1	4	2	2	3	2	3	1	3	3	1	3
Среднее по шкале	6	6	6	5	6	6	6	5	6	6	6	6	6	5	6	5	5	6	6
Нет ответа	1	0	1	2	0	0	0	1	0	1	0	1	0	1	0	1	1	1	0

13. КАКОЕ МЕСТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) ЗАНИМАЕТЕ НА ЭТОЙ ШКАЛЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?

(1) 1 высокое общественное положение	1	0	1	0	1	1	1	0	1	1	0	1	0	1	0	0	1	1	0
(2) 2	2	2	1	0	1	2	3	1	3	2	2	2	2	2	1	2	2	3	1
(3) 3	5	6	4	10	3	5	4	7	3	5	5	3	5	8	7	7	5	5	3
(4) 4	12	12	13	11	16	12	10	19	9	13	8	4	11	23	15	17	11	14	7
(5) 5	26	25	26	31	32	25	19	30	23	26	25	13	27	36	21	22	29	29	26
(6) 6	18	19	18	25	19	16	17	18	19	18	19	14	21	18	22	16	20	17	20
(7) 7	17	15	18	11	14	18	20	13	20	17	17	20	19	8	17	18	12	15	20
(8) 8	10	11	10	8	7	11	15	5	13	11	14	21	10	2	8	9	9	10	14
(9) 9	5	6	5	1	4	7	6	3	6	5	8	15	3	1	7	4	7	5	5
(10) 10 низкое общественное положение	4	4	3	2	3	3	5	2	5	3	3	8	2	2	2	5	3	2	4
Среднее по шкале	6	6	6	6	6	6	6	5	6	6	6	7	6	5	6	6	6	6	6
Нет ответа	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ				ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ				
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	720	882	221	460	429	491	486	550	260	306	362	861	378	137	374	310	378	402
14. КАКОЕ МЕСТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЫ БУДЕТЕ ЗАНИМАТЬ НА ЭТОЙ ШКАЛЕ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ?																			
(1) 1 высокое общественное положение	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1	1	2	3	2
(2) 2	4	5	4	7	5	3	3	5	3	6	3	2	3	8	4	6	6	4	1
(3) 3	8	8	8	9	8	9	6	11	7	8	7	3	8	13	14	10	9	6	5
(4) 4	12	12	12	16	14	11	8	15	10	11	11	5	11	20	10	14	11	12	10
(5) 5	24	25	23	27	28	26	18	27	24	20	24	16	25	29	17	23	25	26	25
(6) 6	15	14	16	18	16	12	15	18	13	15	14	13	17	12	17	13	13	16	16
(7) 7	13	11	15	10	13	12	16	10	16	12	16	15	14	10	17	12	10	14	15
(8) 8	10	10	9	5	6	11	13	6	11	11	10	16	10	2	6	9	6	8	15
(9) 9	6	7	6	3	4	8	9	3	8	8	7	17	4	2	11	4	10	5	6
(10) 10 низкое общественное положение	5	6	5	2	3	6	8	3	7	4	6	10	4	3	5	7	6	3	5
Среднее по шкале	6	6	6	5	5	6	6	5	6	6	6	7	6	5	6	6	6	6	6
Нет ответа	1	1	1	1	0	2	1	1	1	3	1	2	1	0	0	1	1	3	0
15. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СВОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СРАВНЕНИИ С ТЕМ, КАКОЕ БЫЛО У ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ В ВАШЕМ ВОЗРАСТЕ?																			
Более высокое	20	21	19	13	20	22	21	29	18	12	16	13	19	28	21	18	26	17	19
Такое же	50	47	52	50	53	48	49	46	52	57	46	41	52	54	52	48	47	55	49
Более низкое	22	22	22	17	20	24	25	19	24	18	28	38	19	13	22	24	19	20	25
Затрудняюсь ответить	8	9	7	19	7	7	5	6	6	13	9	8	9	4	4	9	8	8	7
Нет ответа	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0

II. Настроения, мнения, оценки населения (май 2016, N=1600)

Группы по полу, возрасту, образованию, потребительскому статусу и типу поселения

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ				ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ				
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специ- альное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	721	881	222	459	429	492	484	508	302	309	317	909	371	138	373	312	385	395
1. ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ, ИЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?																			
Дела идут в правильном направлении	49	47	50	64	49	45	45	50	52	49	42	35	49	59	42	49	56	51	44
Страна движется по неверному пути	33	37	29	23	35	37	32	32	31	34	37	42	33	27	40	33	29	29	38
Затрудняюсь ответить	18	16	20	13	16	17	23	18	17	17	21	23	18	14	18	18	16	21	18
2. С КАКИМИ ЧУВСТВАМИ ВЫ СМОТРИТЕ В СВОЕ СОБСТВЕННОЕ БУДУЩЕЕ?																			
Скорее спокойно, с уверенностью	42	45	40	59	45	38	36	44	43	39	41	23	43	56	33	40	50	46	39
Скорее с беспокойством, опасениями	49	48	50	32	47	55	55	47	50	49	52	67	49	36	58	50	46	46	52
Затрудняюсь ответить	8	7	9	9	8	8	9	9	7	12	7	9	8	8	9	10	3	9	10
3. С КАКИМИ ЧУВСТВАМИ ВЫ СМОТРИТЕ НА БУДУЩЕЕ РОССИИ?																			
Скорее спокойно, с уверенностью	39	39	39	58	39	37	33	43	40	37	34	26	40	50	32	36	50	39	36
Скорее с беспокойством, опасениями	50	51	49	32	49	54	56	48	50	52	52	60	51	41	61	48	44	51	52
Затрудняюсь ответить	11	9	12	10	12	9	11	9	10	11	14	15	10	9	7	16	6	10	11
4. УЧИТЫВАЯ НЫНЕШНЮЮ СИТУАЦИЮ, НА СКОЛЬКО ЛЕТ ВПЕРЕД ВЫ С УВЕРЕННОСТЬЮ МОЖЕТЕ ГОВОРИТЬ О СВОЕМ БУДУЩЕМ?																			
На много лет вперед	4	5	4	8	5	4	3	6	3	2	5	5	4	5	3	6	6	4	2
На ближайшие пять–шесть лет	17	18	16	25	18	15	12	19	18	20	9	12	14	26	16	15	23	16	14
На ближайшие год–два	37	38	37	37	43	39	32	40	38	40	30	29	40	38	36	41	36	32	40
Я не знаю, что со мной будет даже в ближайшие месяцы	37	34	39	28	29	37	49	31	35	36	52	49	38	25	41	32	33	39	41
Затрудняюсь ответить	5	5	5	4	5	5	5	5	6	3	4	6	4	6	4	6	2	8	2
5. ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?																			
Одобряю	80	77	83	88	77	78	82	78	85	78	80	70	83	84	73	80	85	79	82
Не одобряю	19	22	16	11	22	20	17	22	14	21	18	27	17	15	27	19	13	21	17

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ				ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ					
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специ- альное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село	
Число опрошенных	1602	721	881	222	459	429	492	484	508	302	309	317	909	371	138	373	312	385	395	
6. ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ?																				
Одобряю	54	48	59	65	53	49	53	51	56	50	58	44	54	62	33	62	51	53	56	
Не одобряю	45	51	39	34	46	49	45	48	42	49	39	54	44	37	67	36	49	46	41	
Нет ответа	2	2	2	1	2	2	2	1	2	1	3	2	2	1	0	2	1	2	3	
7. ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В ЦЕЛОМ?																				
Одобряю	49	43	54	63	46	45	50	47	51	48	51	41	49	56	24	57	49	50	50	
Не одобряю	49	56	44	36	53	54	48	53	48	51	45	56	49	43	76	42	50	48	48	
8. ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНАТОРА ВАШЕЙ ОБЛАСТИ? (ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ, В МОСКВЕ – НЫНЕШНЕГО МЭРА МОСКВЫ)																				
Одобряю	55	50	59	71	51	52	54	56	57	50	56	47	56	60	50	60	55	54	53	
Не одобряю	43	48	40	28	48	45	44	43	42	48	41	51	42	40	50	40	43	45	44	
9. ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ?																				
Одобряю	42	38	45	54	41	38	42	40	46	36	45	29	44	50	15	50	47	41	41	
Не одобряю	56	60	53	45	58	61	56	59	52	63	53	70	54	49	85	49	52	57	57	
10. ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО В РОССИИ СЕЙЧАС ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС?																				
Определенно согласны	47	48	47	38	48	47	52	47	50	46	45	53	49	40	57	49	49	44	45	
Скорее согласны	35	32	37	43	35	34	32	38	35	34	32	26	35	43	32	37	37	36	32	
Скорее не согласны	11	13	9	15	11	12	7	9	9	14	12	11	10	11	10	6	10	12	14	
Определенно не согласны	3	3	2	2	3	3	3	3	2	2	3	4	1	5	1	3	1	4	3	
Затрудняюсь ответить	4	4	4	3	3	4	6	3	3	4	9	7	4	2	1	5	2	4	6	
11. КАК ДОЛГО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, БУДЕТ ДЛИТЬСЯ ЭТОТ КРИЗИС? (в % от тех, кто считает, что в России сейчас кризис, N=1323 чел.)																				
2–3 месяца	1	0	1	2	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	0	1	2	0	1	
Полгода	4	2	4	5	4	4	2	3	5	3	3	2	4	3	7	3	1	6	2	
Год или полтора	14	14	15	22	16	13	10	16	15	16	9	11	14	18	17	19	11	16	10	
Не менее двух лет	26	28	24	21	25	32	22	28	24	24	26	18	26	31	29	30	26	23	21	
Кризис будет очень продолжительным, его последствия будут проявляться на протяжении многих лет	25	26	23	14	27	24	28	23	24	27	25	25	25	24	24	20	27	25	27	
Сейчас трудно сказать, как долго он будет длиться и насколько глубоким окажется	22	21	24	22	20	20	26	23	22	22	24	31	22	16	20	21	23	20	27	
Затрудняюсь ответить	9	8	10	14	7	7	11	7	9	8	12	12	8	8	3	7	10	10	12	

12. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ УЖЕ САМЫМ СЕРЬЕЗНЫМ ОБРАЗОМ СКАЗАЛИСЬ НА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ ИЛИ КРИЗИС ПОКА ЧТО МАЛО СКАЗЫВАЕТСЯ НА НЕЙ?

Кризисные явления в экономике России серьезным образом сказались на повседневной жизни нашей семьи	56	52	58	46	56	61	55	53	54	59	59	67	57	42	63	57	55	57	52
Кризис пока мало сказывается на повседневной жизни нашей семьи	38	41	36	49	38	35	37	42	40	36	33	26	37	52	36	38	39	36	41
Затрудняюсь ответить	6	7	5	5	6	4	8	5	6	5	8	7	6	6	2	6	6	7	7

13. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РУКОВОДСТВУЕТСЯ ЛИ РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ СЕГОДНЯ ИНТЕРЕСАМИ ТАКИХ ЛЮДЕЙ, КАК ВЫ, И ЕСЛИ НЕТ, ТО ПОЧЕМУ?

Нет, власть в России в принципе не приучена уважать таких людей, как я, и считаться с нашими интересами; ей нужны лишь наши голоса на выборах, да налоги, что мы платим	27	29	26	23	26	30	28	27	27	26	29	39	23	27	26	29	24	24	32
Нет, жизнь в России так устроена, что власть сама, без нас, определяет интересы таких людей, как я, а нам ничего не остается, как это терпеть	21	19	22	19	19	24	20	22	22	18	20	20	20	24	24	22	23	18	20
Считаю, что власть руководствуется интересами таких людей, как я	17	16	18	26	18	12	16	17	16	18	16	8	20	17	12	15	21	20	14
Нет, власти в России не нужны такие люди, как я; ее интересуют совсем другие люди, их интересами она и руководствуется	17	19	15	12	19	17	17	14	19	18	18	21	17	13	23	13	19	15	19
Нет, власть в России не несет никакой ответственности перед такими людьми, как я; она от нас не зависит и нам не подконтрольна	16	15	16	7	17	17	16	16	17	14	15	20	15	13	14	16	13	19	14
Нет, такие люди, как я, еще не научились руководствоваться собственными интересами, осознавать и отстаивать их; мы сами виноваты в том, что власть не руководствуется нашими интересами	10	9	11	15	10	9	9	14	8	10	8	5	11	14	14	10	10	11	9
Нет, власть в России и не должна руководствоваться интересами таких людей, как я; она руководствуется интересами государства	5	4	6	5	4	5	6	5	5	4	7	6	4	7	4	4	8	5	4

14. КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ БЫЛИ НАЧАТЫ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ФИГУРАНТОВ «БОЛОТНОГО ДЕЛА»? (в % от тех, кто следит за «Болотным делом»/наслышан о нем, N=339 чел.)

Наказать виновных в организации массовых беспорядков во время протестной акции 6 мая	36	32	41	21	32	39	41	34	38	37	36	69	32	30	33	45	23	44	36
Устрашить оппозиционно настроенную общественность	54	59	49	68	55	56	48	58	49	49	58	28	56	60	56	41	61	52	58
Затрудняюсь ответить	10	9	11	11	13	5	11	8	12	14	6	3	12	10	11	13	15	5	6

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ				ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ				
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	721	881	222	459	429	492	484	508	302	309	317	909	371	138	373	312	385	395

15. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ЧЕЧНЯ, ДАГЕСТАН, ИНГУШЕТИЯ И Т.Д.)?

Благополучная	2	3	2	2	2	3	1	2	2	2	3	3	2	2	0	1	4	2	2
Спокойная	26	27	25	31	25	23	26	27	24	27	25	22	30	20	14	21	31	23	33
Напряженная	51	54	49	42	51	54	53	54	53	48	48	46	51	56	70	53	52	55	39
Критическая, взрывоопасная	7	8	7	8	7	9	6	7	7	7	8	8	6	9	15	7	5	7	7
Затрудняюсь ответить	14	10	18	17	14	12	14	10	14	17	17	21	12	13	2	17	9	14	19

16. КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ АМЕРИКИ?

Очень хорошо	1	1	1	0	2	1	1	1	2	0	1	1	1	1	3	1	0	2	1
В основном хорошо	18	20	17	25	21	16	15	21	19	16	14	16	18	21	29	18	12	19	19
В основном плохо	47	47	47	40	44	48	51	47	46	46	48	42	49	45	34	51	45	51	44
Очень плохо	23	25	21	17	25	23	23	21	22	26	24	31	23	17	29	18	35	18	22
Затрудняюсь ответить	11	7	14	18	8	12	9	10	10	12	13	11	9	16	5	13	8	10	14

17. КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ?

Очень хорошо	1	1	2	0	2	1	2	2	2	0	2	4	1	1	4	1	1	2	0
В основном хорошо	24	25	23	31	25	23	20	26	28	18	19	18	24	29	37	24	19	22	24
В основном плохо	46	46	45	40	45	46	48	46	44	49	45	41	48	43	30	49	46	49	44
Очень плохо	16	18	14	10	17	16	16	14	17	16	14	22	15	11	26	10	24	13	13
Затрудняюсь ответить	14	10	17	19	10	15	14	12	10	16	20	16	12	17	4	16	11	14	18

18. КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К УКРАИНЕ?

Очень хорошо	2	2	2	2	3	1	2	3	2	2	2	4	2	1	4	2	2	2	2
В основном хорошо	24	23	24	25	22	20	27	27	26	17	21	15	25	27	34	29	17	21	23
В основном плохо	45	45	44	42	47	46	42	46	45	44	41	40	45	46	35	45	49	49	39
Очень плохо	18	21	15	15	19	19	17	16	17	22	18	24	16	16	25	14	23	17	15
Затрудняюсь ответить	12	10	14	16	10	13	12	8	10	16	18	17	11	10	3	10	9	10	21

19. КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К БЕЛАРУСИ?

Очень хорошо	22	20	24	15	22	22	25	23	23	18	22	21	21	25	24	23	28	19	19
В основном хорошо	61	64	58	63	61	61	60	63	62	58	59	56	63	59	69	60	56	65	59
В основном плохо	6	7	6	6	6	6	6	6	6	8	5	7	6	5	4	4	9	4	8
Очень плохо	2	2	2	2	3	1	2	2	1	2	3	3	1	2	0	2	2	1	2
Затрудняюсь ответить	9	8	10	15	8	10	7	7	8	14	12	14	8	9	3	11	5	11	12

20. ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВНУШАЕТ ВАМ ЧУВСТВО ГОРДОСТИ ЗА РОССИЮ?

Российская история	44	42	46	41	43	42	48	46	47	37	43	38	47	42	44	41	47	47	42
Природные богатства России	38	36	39	36	38	39	37	38	37	35	39	27	41	37	34	40	38	42	33
Вооруженные силы	36	37	35	38	34	36	36	36	36	35	36	37	36	36	33	41	41	37	27
Российская культура	34	30	37	31	32	33	39	38	36	26	31	27	36	36	32	28	41	41	28
Размеры страны	31	30	31	33	27	30	34	32	30	32	29	28	30	35	40	31	36	33	21
Положение России на международной арене	22	22	23	24	22	21	23	21	21	25	24	17	22	28	25	22	27	23	18
Спортивные достижения	21	21	21	27	21	21	18	23	20	17	22	18	21	22	12	20	28	19	20
Современные достижения российской науки	17	16	18	19	16	16	18	19	17	16	15	14	18	17	16	17	20	18	14
Сотраждане	12	12	12	11	12	12	11	14	12	8	12	8	12	15	9	8	13	16	11
Экономические успехи	5	5	5	4	6	5	4	5	6	3	4	4	5	5	5	5	6	5	3
Система российского образования	4	3	4	4	3	3	5	3	5	3	4	4	3	5	3	2	8	4	3
Система здравоохранения	2	2	2	1	2	1	3	2	2	2	2	2	2	3	6	0	2	3	1
Ничего из перечисленного	5	6	4	6	5	4	4	5	4	6	3	7	3	5	5	6	2	4	6
Затрудняюсь ответить	3	3	4	3	4	4	3	4	3	5	2	5	2	5	0	4	1	3	6

21. ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВХОДИТ В ПОНЯТИЕ «ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА»?

Высокое благосостояние граждан	41	43	40	42	43	46	35	44	42	40	37	46	41	38	38	43	38	40	45
Экономический и промышленный потенциал страны	39	38	40	38	37	42	39	42	36	41	38	37	40	37	41	44	38	38	36
Великая культура, наука, искусство	27	26	27	30	28	23	27	31	25	24	23	23	27	28	33	21	29	26	28
Военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия	48	49	46	52	46	50	45	52	44	44	50	43	48	49	46	53	49	47	43
Богатые природные ресурсы	25	24	26	25	23	25	27	23	27	22	28	21	27	23	22	27	19	26	27
Героическое прошлое	24	23	25	33	23	22	23	22	27	22	24	20	26	25	23	23	30	26	19
Масштабы страны, просторы	21	21	21	23	21	20	22	21	21	25	19	17	21	26	23	24	24	20	17
Уважение других стран и авторитет в мире	15	14	15	13	16	15	15	18	13	13	15	13	14	18	11	16	15	20	10
Свободы и гражданские права	10	11	9	11	12	8	9	10	12	9	7	7	10	11	11	10	14	6	9
Численность населения	8	8	8	7	7	10	7	10	7	7	8	8	8	8	14	7	7	6	9
Другое	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Затрудняюсь ответить	3	4	3	4	3	3	4	3	3	6	2	5	2	5	1	5	1	3	5

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ				ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ				
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	721	881	222	459	429	492	484	508	302	309	317	909	371	138	373	312	385	395

22. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ СЕГОДНЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ?

Да	67	64	70	74	60	66	71	63	68	65	74	61	68	71	73	63	69	69	65
Нет	23	26	20	21	28	22	19	26	22	27	15	24	24	19	19	25	24	22	21
Затрудняюсь ответить	10	10	10	5	11	12	10	10	10	8	11	16	8	10	8	11	6	9	14

23. ГДЕ, ПО-ВАШЕМУ, ЛЮДИ ЖИВУТ СЧАСТЛИВЕЕ: В МАЛЕНЬКИХ СТРАНАХ, ТАКИХ КАК ШВЕЦИЯ ИЛИ ШВЕЙЦАРИЯ, ИЛИ В ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВАХ, ТАКИХ КАК США?

В маленьких странах, таких как Швеция или Швейцария	27	25	28	27	28	27	25	27	26	30	25	26	28	25	24	27	32	27	23
В великих державах, таких как США	23	25	22	26	25	20	23	20	24	21	27	25	22	25	27	17	24	26	24
В равной мере и в тех, и в других	39	39	40	36	37	41	41	44	41	35	33	33	40	42	45	46	39	35	35
Затрудняюсь ответить	11	12	11	11	10	12	12	9	9	14	16	16	11	8	4	11	5	12	18

24. ГДЕ БЫ ВЫ САМИ ПРЕДПОЧЛИ ЖИТЬ: В МАЛЕНЬКОЙ СТРАНЕ ИЛИ В ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЕ?

В маленькой стране	24	25	23	28	26	21	22	23	19	32	24	26	24	22	27	20	26	26	22
В великой державе	56	55	56	60	53	57	55	57	60	47	54	50	55	60	61	58	59	53	51
Затрудняюсь ответить	21	20	21	12	21	23	23	20	20	21	22	24	21	18	12	22	15	21	27

III. Коррупция (апрель 2016, N=1600)

Группы по полу, возрасту, образованию, потребительскому статусу и типу поселения

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ				ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ				
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специ- альное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	720	882	221	460	429	491	486	550	260	306	362	861	378	137	374	310	378	402
1. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОБЫЧНО В ДЕКЛАРАЦИЯХ ЧИНОВНИКОВ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ВСЕ ИМЕЮЩИЕСЯ У НИХ ДОХОДЫ И ИМУЩЕСТВО ИЛИ ТОЛЬКО ЧАСТЬ ИЗ НИХ?																			
Все	5	5	6	8	6	4	5	6	5	6	5	7	5	4	14	4	3	6	5
Большая часть	14	13	15	18	13	14	12	13	16	13	12	13	14	14	19	6	19	14	14
Меньшая часть	40	41	39	37	43	43	36	45	36	43	38	31	40	50	27	48	37	42	38
Ничтожно малая часть	29	31	28	22	28	31	32	27	31	29	31	38	30	21	23	34	34	24	30
Затрудняюсь ответить	12	11	12	15	9	8	15	9	13	9	14	12	11	11	17	9	7	14	14
2. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ ЛИ ВЛАДИМИР ПУТИН ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МАСШТАБЫ КОРРУПЦИИ И ФИНАНСОВЫХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ В ВЫСШИХ ЭШЕЛОНАХ ВЛАСТИ, О КОТОРЫХ ПОСТОЯННО ГОВОРЯТ ЕЕ ПРОТИВНИКИ?																			
В полной мере	26	30	23	22	24	29	28	28	25	27	25	31	25	23	27	24	27	28	25
В значительной мере	33	31	34	31	34	32	33	31	34	32	33	30	33	33	33	37	38	27	30
Лишь отчасти	25	23	26	22	27	26	23	25	26	24	23	20	24	30	31	24	21	27	24
Он не может нести ответственность за все это	9	9	10	13	9	9	9	10	7	10	12	10	10	9	3	9	11	9	12
Затрудняюсь ответить	7	7	7	13	6	5	8	6	8	8	8	8	8	6	5	7	3	9	10
3. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВИНОВЕН ЛИ ПУТИН В ТЕХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯХ ВЛАСТЬЮ, В КОТОРЫХ ЕГО ОБВИНЯЮТ ПРОТИВНИКИ?																			
Несомненно виновен, об этом говорит множество фактов, приводимых в интернете и свободных СМИ	14	15	12	10	16	14	13	14	12	16	13	17	13	12	16	12	15	13	13
Наверное, да, как и все высокопоставленные чиновники, но я об этом мало знаю, не слежу за этим	37	38	36	34	33	43	38	35	40	36	36	36	38	37	48	34	38	36	38
Даже если это и правда, важнее то, что при нем страна стала жить лучше	18	20	17	17	22	16	17	22	17	19	14	16	17	23	11	17	19	24	17
Что бы ни говорили, я не верю в то, что Путин когда-либо злоупотреблял властью	17	14	19	20	15	13	19	16	17	15	18	15	17	17	12	19	19	14	17
Затрудняюсь ответить	14	13	16	20	14	14	14	13	13	15	19	16	14	13	12	18	10	14	16

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ				ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ				
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	720	882	221	460	429	491	486	550	260	306	362	861	378	137	374	310	378	402
4. СЛЫШАЛИ ЛИ ВЫ О НЕДАВНЕМ «ПАНАМСКОМ СКАНДАЛЕ», СВЯЗАННОМ С СОКРЫТИЕМ ДОХОДОВ БИЗНЕСМЕНОВ, ПОЛИТИКОВ И ДРУГИХ ЛЮДЕЙ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН В ОФШОРАХ, И ЕСЛИ ДА, ИНТЕРЕСУЕТ ЛИ ВАС ЭТО?																			
Слышали, интересуется	14	16	12	9	14	15	15	18	15	11	10	11	12	21	24	13	18	9	13
Слышали, но не интересуется	29	33	25	23	29	29	31	33	28	29	24	24	27	37	46	31	26	24	28
Ничего не слышали об этом	56	48	62	67	54	54	53	48	56	58	66	64	59	40	29	53	56	65	58
Затрудняюсь ответить	2	3	1	2	2	2	1	2	2	3	1	1	2	2	1	3	0	2	1
5. БЫЛА ЛИ ИНФОРМАЦИЯ О ТОМ, ЧТО СРЕДИ РОССИЙСКИХ БИЗНЕСМЕНОВ, УВОДЯЩИХ СРЕДСТВА В ОФШОРЫ, ЕСТЬ БЛИЗКИЕ ДРУЗЬЯ ПУТИНА, НЕОЖИДАННОЙ ДЛЯ ВАС, ИЛИ ЭТА ИНФОРМАЦИЯ НЕ БЫЛА ДЛЯ ВАС НЕОЖИДАННОЙ? (в % от числа тех, кто слышал о «панамском скандале», 712 чел.)																			
Эта информация была неожиданной для меня	30	26	34	48	27	26	31	26	32	33	32	21	32	32	23	35	28	27	33
Эта информация не была для меня неожиданной	53	55	50	38	53	57	53	59	48	52	48	60	54	46	67	38	64	51	51
Затрудняюсь ответить	18	20	15	14	20	18	16	15	20	15	20	19	15	21	11	27	8	22	16
6. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БРОСАЕТ ЛИ ЭТА ИНФОРМАЦИЯ ТЕНЬ НА ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА ИЛИ ОНА НЕ ЗАТРАГИВАЕТ ЕГО ЛИЧНО? (в % от числа тех, кто слышал о «панамском скандале», 712 чел.)																			
Эта информация бросает тень на Путина	40	41	39	34	40	40	44	41	42	34	43	48	42	34	47	37	45	44	35
Эта информация не затрагивает лично Путина	47	45	48	57	47	44	45	45	46	56	43	40	47	50	49	39	51	42	53
Затрудняюсь ответить	13	13	13	9	13	17	11	14	13	10	14	12	11	16	4	24	4	15	12
7. ЧТО ДОЛЖНА ПРЕДПРИНЯТЬ РОССИЯ В СВЯЗИ С ПУБЛИКАЦИЕЙ ИНФОРМАЦИИ О ТОМ, ЧТО РОССИЙСКИЕ БИЗНЕСМЕНЫ УВОДЯТ СРЕДСТВА В ОФШОРЫ? (в % от числа тех, кто слышал о «панамском скандале», 712 чел.)																			
Провести расследование этих случаев	48	44	53	52	46	53	45	54	46	45	42	43	50	49	54	51	50	42	45
Законодательно ограничить или вовсе запретить перечисления средств российских граждан в офшоры	39	42	34	37	39	33	43	40	41	29	40	47	40	32	36	39	44	36	37
Другое	2	2	1	0	2	1	2	0	2	2	2	2	1	1	2	0	1	1	3
Ничего не предпринимать	9	9	8	10	8	7	10	6	8	14	10	6	10	8	7	8	6	11	10
Затрудняюсь ответить	10	10	9	9	9	12	8	9	7	16	11	6	8	13	7	12	6	14	8
8. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БУДЕТ ЛИ ПУБЛИКАЦИЯ ЭТИХ МАТЕРИАЛОВ ИМЕТЬ КАКИЕ-ТО ПОСЛЕДСТВИЯ В РОССИИ? (в % от числа тех, кто слышал о «панамском скандале», 712 чел.)																			
Это приведет к падению доверия к руководству страны	16	17	15	20	17	16	14	16	17	19	13	20	16	15	14	19	15	18	14
Это приведет к громким отставкам в руководстве страны	15	14	17	17	16	18	12	17	12	17	15	12	16	16	17	11	24	10	15

Власти примут жесткие меры в отношении критиков режима, оппозиции, независимых журналистов, чтобы не допустить активного обсуждения этой информации

14 16 13 11 15 13 15 14 18 10 10 7 16 16 15 11 20 10 15

Другое

1 1 1 0 1 1 0 1 0 0 2 0 1 1 0 2 0 1 0

Это не будет иметь никаких последствий

37 38 36 39 36 36 39 36 36 34 45 43 38 33 40 39 35 40 33

Затрудняюсь ответить

18 17 20 18 17 16 21 17 18 22 17 18 15 23 18 19 9 19 24

9. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ПРЕЖДЕ ВСЕГО БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ ЭТИ МАТЕРИАЛЫ? (в % от числа тех, кто слышал о «панамском скандале», 712 чел.)

Борьба за чистоту и прозрачность мировой финансовой системы

12 14 10 10 16 11 10 13 13 7 14 15 12 11 18 8 17 13 9

Борьба с сокрытием бизнесменами и политиками всех стран своих доходов, с уклонениями от уплаты налогов

26 25 27 24 22 26 31 26 26 25 26 30 27 22 31 20 26 26 29

Для дискредитации политиков из разных стран

18 16 19 11 14 21 20 21 16 19 12 14 18 20 19 20 15 9 23

Для дискредитации лично Владимира Путина

34 34 34 52 36 32 29 30 35 37 39 30 34 37 28 36 36 36 33

Затрудняюсь ответить

10 11 9 3 12 10 10 10 10 12 10 11 10 9 5 16 5 15 7

SUMMARY

Constitutional Court in Russia's Political and Legal System (by Viktor Sheinis). The Constitutional Court of the Russian Federation, or CC, designed as a flagship of the national Judiciary, was created in the era of Perestroika. The article offers a review of how the most liberal concept of judicial reforms and the Constitutional Court went through the filter of law making and political obstacles. The forerunner to the CC- the Soviet Constitutional Supervision Committee – lacked both the authority of the power, or the power of the authority, and found itself helpless in the last years of disintegrating USSR and ceased to exist along with the Soviet Union. A close look at all of Russia's Constitutional drafts proposed between 1990 and 1993, and comparing the two Constitutional Court Acts – one passed before, and the other *after* the ratification of 1993 Constitution, reveals how the legislature lost step after step and buckled under the pressure of the forces that worked to restrict the role and the functionality of the CC in the national political and legal system. The next phase was fitting the CC regulatorily into the President's Vertikal – the top-down command structure – by Presidential Decrees and amendments to the Constitutional Court Act in 1995-2015.

The changing social and political situation in Russia forced the Constitutional Court to make hard choices between the law and the politics. Initially the Court tried to steer a neutral course (as in the case of CPSU in 1992), which followed by an active engagement in the politics, when it supported one of the sides in the conflict (October 1993 events). Then the President suspended the CS, which later resumed its activities under the new law in 1995. From now on, CS would usually rule in favor of the President in all disputes (Presidential Decrees on Chechnya in 1993-1994, cancelled Gubernatorial elections in 2005, the Court's rulings sustaining a number of repressive laws constitutional in the past few years, ruling in favor of ignoring the rulings of the European Court of Human Rights in 2015 etc.). CS Chairman V.D.Zorkin's doctrinal and judicial views saw a dramatic transformation.

It is crucial for Russia's future to ensure that the Constitutional judiciary is alive and is gaining both the good and bad experiences. However, the Court has a very limited say or takes a repressive stance in cases whenever human rights or freedoms are involved or in politically motivated cases. CS Chairman V.D.Zorkin's doctrinal and judicial views saw a dramatic transformation. If Russia ever becomes a truly democratic country governed by the rule of law, CS has to get its place in the system of government strictly in accordance with the letter and the spirit of the Constitution.

Changing social contract as a threat to collective identity (by Sergey Nikolyuk). Absence of the super-power aspect of the authority legitimacy does not allow Alexander Lukashenko to blame the “adverse external circumstances” for his domestic policy failures. Russian mass media is working to create the enemy image in Belarus. Given the lack of domestic source of social mobilization, Belarus public maintained the distorted perception for two years. However, the public approval indices plummeted in March 2015, as declining living standards adversely affected the popular support of Belarus government. 88% Belarusians believe that national economy is in recession. Russian TV interpretation of the conflict in eastern Ukraine gave Alexander Lukashenko a perfect opportunity to offer Belarussians to trade loyalty for survival. The change of social contract legitimized Lukashenko's extended term in the office.

“National heritage” of “nation of tele-viewers: the transformation of Russian Television”, 2014-2016 (by Anna Kachkaeva). The article offers an insight into the structure of Russian media scene and the main strategies media holdings choose to follow in the new communication media space. All major business deals in 2013-2015 were made by the three major groups of companies – NMG, GPM and VGTRK. Those deals usually involved emerging media or content providers. All groups worked toward the integration between each other and within the structures, building a complete management cy-

cle of cinematographic and TV content – from production to distribution. They would either purchase production companies or channels, or launch additional thematic channels and included them in the cable TV packages of major media holdings. Radio stations and TV channels of small media groups not associated with a small groups of large owners, were bought out. In some cases, the buyer would acquire a blocking stake at Satellite Service Provider Company, or video-on-demand services would merge with the largest distribution network of legal content in Russian internet segment, which would then post the video on Russian online mediums, including VKontakte social network. The outdated concept of classic culture was replaced in the post modernistic media environment by a “mosaic culture” (A.Mol). People have gradually adjusted to the “information blitz” (A.Toffler) – news, videos, news-clips – a constant stream of fragmentary knowledge, facts, evaluations, both true and fiction. The purpose of such a fragmentary stream is to produce emotions, whereas the “live TV wars” maintain a state of general anxiety in the public. The metaphor of War on Terror activated the Fear Frame (and, consequently, anger and anxiety). The “patriotism” triggered “enthusiasm” and mobilized the society around the leader and the government. Media confrontation became permanent (war as a TV show). Active “war in media” lasting for many months has a significant influence on the public opinion. Traditional methods of media wars – ignoring the facts of casualties and number of losses among the combatants, emotional emphasis on the civilian deaths and sufferings are amended with massive fakes sold as true facts, reinforced with a rapid distribution of unverified information in social networks (often staged with specialized media tools by “bots and “trolls”). The three major TV channels – 1TV, Russia 1 and NTV are the main source of news for more than 85% of Russians. They not only over- simplify the worldview, but also produce and distribute the emotions, including reconstructions, stagings and media fakes.

How the local residents view Omsk city’s issues (by Elena Soloveykina). The article offers an analysis of the public survey conducted by the Center for humanitarian social economic political studies-2 (GEPICenter-2) commissioned by Omsk City Administration in July and August 2015. It reviews how Omsk residents feel about Mayor’s Office and the quality of municipal services, index of public discontent, as well as a breakdown of opinions on the introduction of City Manager Office. The survey results indicate that Omsk City Administration can improve its image and win the trust of the citizens primarily by how well the Administration will per-

form in public roads maintenance, housing, public transit operation and public utilities sector.

Organizational Solidarity as Way Representation and Protection in Small Companies (by Irina Kozi-na). The article discusses the role of formal institutions and informal practices regulating the interaction between the workers and employers in small companies. Based on the survey of small business Moscow we determine their attitude to the institutions representing their interests and protection of labor rights, interaction policies between workers and employers (owners of businesses), as well as the connection between these policies and internal interaction within small teams. We show that the lack of effective institutional channels in small businesses is compensated by the development of alternative informal mechanisms representation and protection of the employees’ interests. Becoming a commonly accepted practice these informal mechanisms lead to the formation of a specific model of organizational solidarity and contribute to the stability of the existing employment relations.

Economic recession’s effect on employment rate and Russia’s human capital (by Natalya Tikhonova). The article shows that employment rate took a big hit under the recent recession, which is manifested not so much in growing unemployment rates or late payment of wages, but rather in the increasing work load for those remaining in the work force, expanding share of off-the-books employment and deteriorating social security of Russian workers. It is also demonstrated that the emerging negative trends in Russia’s employment in conjunction with the low competitiveness of Russia’s economy affected the high skilled Russian workers hard. Besides the increasing role of the social resource in determining the worker’s situation during the crisis as opposed to qualification, the recent economic recession reinforced the command trends in Russian economy, and, in general, the distribution of wealth gravitates towards a more equalizing approach. Thus in addition to the negative impact the current economic recession has on Russia’s employment rate, social security, income levels and human capital quality it also dramatically reduces Russia’s ability to compete internationally. The outlook gets even worse as the decline in competitiveness happens in the key areas where recovery would require long-term and organizationally challenging efforts, but which are nevertheless essential for a successful modern economy, such as production culture, work motivation, quality of human capital, etc. At the same time the basis of the social contract between the Russian society - including the highest-

qualified part of the populace largely concentrated in Moscow where employment took the greatest hit during the crisis - and the authorities which came about back in the 1990-s is dissolving.

An analysis of dynamics of the desired and actual income of Russian population: results overview (by Kira Luzishina). The study of the Russian middle class' representations of the optimal income for leading a good life allows us to understand how people treat the rich and to the poor, what their identity is, and how the structure of the Russian society is organized in general.

This article presents the analysis of the social tensions among respondents from different groups, that is caused by the discrepancy between the nature of the aspirations and real income. This paper examines the dynamic of such indicators as perceptions of a normal life, the subsistence level and average income per capita that enables to identify the "problematic" groups with a great deprivation. The study uses the data from the opinion polls during the period from June 2009 to January 2016.

The results suggest the rich have little effect on the behavioral practices of Russian society. The most "dangerous" categories are groups with a low level of education from rural areas, and the unemployed. Moreover, results suggest a strong correlation between low subsistence level and high level of social tension.

Is Russian consumer changing? (by Marina Krasilnikova). The Modern Russian Consumer has formed in the last fifteen years. Two essentially different processes were taking place in these years: first of all, the quality of life was recovering following a dramatic drop in the 90s and, secondly, the consumer behaviour patterns developed before the transformation were rebuilt.

The article demonstrates how the changes in consumer spending patterns driven by the growing incomes are slowed down by a lack of clear social stratification as well as a significant income disparity.

The economic growth of the 2000s allowed giving a significant boost to the incomes across all social groups, however, bringing little structural change to the consumption patterns. Russia managed to tackle poverty during the economic growth of the 2000s, but failed to shed the Poverty consciousness. Russian consumers in those years did not develop a new behaviour pattern where saving to buy a property or ensuring the kids have good education would prevail over habitually spending on food and clothes. The Poverty consciousness and habitual spending on running expenses remained: there is no way you can save enough to buy a property, but still have to dem-

onstrate your social status. However, demonstration of the social standing through consumption is typical for poor societies only — where the appearance shows the status. Rich societies demonstrate the wealth in a different way, for example, by the type of real estate or health-consciousness. A high status individual may wear inexpensive clothes — it is not shameful to save on clothes anymore.

The expenses beyond the current needs never became a "standard" for the majority. Hence, the adjustments to declining quality of life (resulting from lower cash incomes in the last year and half or two years) were fairly painless to the majority, or at least did not cause any significant social trauma.

Recently, the general policy was apparently to form a large segment of the population living in so called "dignified poverty" — that is, when people do not starve, but can only afford taking care of their current needs, and in that respect totally dependent on the government. The paternalistic ideas, finding a perfect growth medium, will be further fostered. The tragedy is that there does not seem to be a break through beyond the "dignified poverty" in sight — which is a huge obstacle to changing the public opinion. It leaves people no freedom of choice in consuming (which seems to be the last bastion of freedom), further limiting Russians' freedom of behaviour and making them socially dependent and passive.

Paradoxes of Russia's social structure (by Lev Gudkov). Social stratification in post-Soviet Russia remains one the most problematic topics in sociology, despite some serious research done on the issue. The taxonomic classifications Russian sociologists use in most cases are "closed" or "top-down" by nature. However, the "objectivistic" taxonomies (by "class" or "stratum") and "external" specifications which respondents are assumed to have or are attributed to according to the international procedures, have very little in common with what Russians subjectively think about themselves and the rest of the world. Russian respondents from different social classes have not shown any significant differences in values, political views, ideological beliefs, consumption patterns etc. Neither the larger incomes nor growing middle class managed to impact the basic parameters of Russians' social or socio-structural identity or the way the Russians participate in social or political activities. It is difficult to interpret the collected data on the social status of the respondents due to unclear and blurred boundaries between the social groups in Russia, unclear social morphology of the Soviet and post-Soviet societies, problems the respondents have identifying themselves with a particular social group or class. The overwhelming majority of the respondents (83%) identify their

status on some imaginary social ladder as “middle”. Based on the differences between the definitions of “class” and “status” offered by M. Weber, the author believes that the current breakdown by social classes in Russia, especially the identification of “middle class”, does not work, because the authoritarian regime suppresses any processes of structural and functional differentiation in the society as well as associated autonomization of social groups and subjective identities.

Modern Russian Nationalism: the evolution of its political influence and the content (by Emil Pain). This article views Russian nationalism primarily as a social and political phenomenon in modern Russia. It offers an analysis of its evolution from the origins in 19th century to 2016 and its controversial nature: a combination of opposite views on statism (repudiation of individual interests in favor of the state or the ruler) and actual nationalism, which claims to protect the national interests where nation is understood as a civil or ethnic association; 2010-2012 was marked by emerging Russian anti-Imperial nationalism, which is a trend that has the most in common with “classic nationalism”. It, however, was short lived. Eventually, the Russian nationalism has been completely absorbed in a massive neo-imperial mobilization of 2014-2015.

Anti-Semitism in the structure of Russia’s popular xenophobia: the Negative Identity and Mobilizing Potential (by Lev Gudkov, Nataliya Zorkaya, Ekaterina Kochengina, Evgenia Lezina). The article reviews the results of Russian representative survey of 2015 (N=1200), with 1200 interviewees aged over 18 responding to the survey. In addition, a group of 400 Muscovites was surveyed in an area with a large Jewish population which naturally represents the most up-to-date views of the Jewish people, both in a positive and a negative way. This Project expands on the earlier research Levada Center did earlier in 1990, 1992 and 1997, keeping the same methods and content, and carrying the original urgency and accuracy. The results produced by the surveys indicates attitudes to Jews are ranging predominantly from respectful to neutral; which is a sign that the popular view of the Jewish population has lost its negative accent. In the Russian public opinion, the Jews are not an isolated ethnic group with a clear ethnic and social marking and which could be an easy target to channel the political and nationalistic hostility and aggression, blaming the group collectively for any particular events or social frustration or failures of the Russian government. The “Jewish Potential” as a negative identity has expired. In contrast to other types of xenophobia, such as

racism and anti-migrant sentiments towards the migrants from the former Soviet Union republics of the Central Asia or Russian Caucasus as well as Westerners – Anti –Jewish sentiments are shared by an insignificant minority among the survey respondents. However, there are still very clear traces of the earlier existing traditional (typical for pre- 1917 revolution and antimodernist views of the Russian society), as well Soviet State anti-Semitism common for the ethno-hierarchical structure of the Soviet bureaucracy.

The “Jewish issue” in today’s Russia (by Alexey Levinson). The article reviews the Qualitative part of the Survey “Anti-Semitism in Russia”, which included 10 focus group studies in a few Russian cities, as well as a series of expert interviews. According to the author, the Jews have long become an integrated part of the Russian society. However, they have still been able to keep a certain distinguishable identity as a group – a fact both recognized by the general Russian public and the Jews. The article reviews the survey results and shows a reduction of anti-Semitism, especially the State sponsored type. It analyzes the reasons why the anti-Semitic stereotypes and myths have been able to survive into the modern Russia, and looks at how the target of xenophobia shifted to other ethnic groups. Another topic of the review is an advanced assimilation of the Jewish population, including the Jewish view of the process and a close look at particular aspects of the social well-being of Jewish population in modern Russia.

Description of ADL Global 100: a survey of attitudes toward jews in over 100 countries around the world, 2014-2015 (by Ekaterina Kochergina). This essay aims to describe main results from ADL Global 100 survey conducted in 2014 and 2015. Based on a random geographical sample in 101 countries researchers collected over 53,100 total interviews among citizens aged 18 and over, and introduced global anti-Semitic index. This study shows that approximately 26% of world population holds anti-Semitic views. While Muslims are more likely to hold anti-Semitic views than members of any other religion, geography makes a big difference in their views. Geography plays role in anti-Semitic views within European countries too. The core of anti-Semitic attitudes in East Europe is the fear of Jews having too much power in the business world. This attitude is common to all types of xenophobia no matter the nationality whom to blame. Contrary in Western Europe the most widely accepted stereotype is that “Jews are more loyal to Israel than to this country/the countries they live in”.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2016 год

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное подчеркнуть)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 250 руб. (включая НДС 10% и пересылку почтой)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на журнал

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

платежным поручением № _____ от _____

на расчетный счет **40703810100010000119** в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу:

Куда: _____

Кому: _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Доставка почтой (заказной бандеролью)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 109012, Москва, ул. Никольская, д. 17, или на электронный адрес obodrova@levada.ru

ПОДПИСКА НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ

Редакция осуществляет подписку на электронную версию журнала (в формате PDF).

Стоимость подписки на один номер — 165 рублей (включая НДС 18%).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (499) 755-40-30 или пишите на obodrova@levada.ru

SUBSCRIPTION

Foreign readers may subscribe for the e-version of our magazine via e-mail obodrova@levada.ru

One year subscription costs 25€